

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
СЛАВЯНСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
2.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
2 . Южнославянские диалекты

Москва, 1993

Редакционная коллегия Серии:

Председатель – доктор филологических наук *Л.Э. Калмыч*
Члены редколлегии: кандидат филологических наук *М.И. Ермакова*,
кандидат филологических наук *Г.П. Клепикова*

Ответственный редактор выпуска:
Г.П. Клепикова

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 1992 г. Институт славяноведения и балканистики Российской академии наук издает серию "Исследования по славянской диалектологии". В ней публикуются исследования диалектов различных славянских языков. Это отражает результаты интенсивных диалектологических разысканий, которые велись сотрудниками Института на протяжении многих десятилетий и продолжаются ныне новым поколением диалектологов.

В первый выпуск были включены статьи по карпатоукраинским говорам. Данный выпуск содержит работы по южнославянской диалектологии. Это прежде всего болгаристические штудии – большая монография по диалектной фонетике *Л.Э. Калмыч* и *Т.В. Поповой*, статья по диалектной лексике *Г.П. Клепиковой*. Некоторые проблемы словенской диалектной акцентологии являются предметом рассмотрения в статье *Г.И. Замятиной*. Сербская диалектология представлена лексикологическими заметками *Л. Петровича*. Кроме того, в сборник включены критико-библиографические материалы.

В дальнейшем предполагается издать специальный выпуск по западнославянской диалектологии.

Рецензенты: кандидат филологических наук *Т.М. Судник*
кандидат филологических наук *Р.П. Усикова*

ISBN 5-201-00771-6

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1993

PREFACE

Since 1992 The Institute of Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences publishes the series "Researches on Slavonic dialectology". It brings researches into dialectology of different Slavonic languages and witnesses the results of many years' unremitting dialectological investigations undertaken by research staff of the Institute, which are proceeded at present by new generation of dialectologists.

The first issue embraced articles on Carpathoukrainian dialects, whereas the present issue includes works on Southern Slavic dialectology. Those are first of all studies on Bulgarian language: extensive monography on dialect phonetics by L.E. Kalnyn and T.V. Popova, an essay on dialect vocabulary by G.P. Klepikova, G.I. Zamiatina considers some problems of Slavonic accentology. Serbian dialectology is represented by lexicological sketches by D. Petrovic. Furthermore, the revue includes some stuff on bibliography.

In future the special issue on Western Slavic dialectology is supposed to be published.

ФОНЕТИКА ДВУХ БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В УСЛОВИЯХ РАЗНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ*

ВВЕДЕНИЕ

1. *Описательная диалектология в иерархии диалектологических исследований и ее задачи.* 2. *Отношение синхронного моделирования системы диалекта к дифференциальному методу описания диалекта и к лингвогеографии.* 3. *Лингвистическое значение син-*

*Предлагаемая публикация представляет собою фрагмент монографического исследования, которое задумывалось как совместный труд Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института болгарского языка БАН. В авторский коллектив вошли Калмынь Л.Э., Попова Т.В. (ИСБ) и И. Кочев (ИЗЯ). Монография "Сопоставительное описание исходного и переселенческого болгарских говоров" была ориентирована на изучение в синхронном и историческом плане фонетики и грамматики двух болгарских диалектов, разъединившихся около 200 лет тому назад. Обследование фонетики говоров по специально составленной программе началось в 1985 г. и закончилось в 1988. При обследовании говора, находящегося на территории Молдавии, нам большую помощь оказывали лингвисты Института молдавского языка в Кишиневе. Авторская работа по теме была разделена следующим образом. Синхронное описание фонетики выполняли Попова Т.В. (Фокализм) и Калмынь Л.Э. (Консонантизм). Исторический анализ материала входил в компетенцию И. Кочева. После завершения работы в 1989 г. ее публикация предполагалась в Болгарии. Однако дальнейшие события сделали это трудно выполнимым и практически отодвинули публикацию труда на неопределенный срок. Поэтому мы сочли необходимым часть работы, выполненную Поповой и Калмынь, опубликовать в виде отдельного фрагмента. Это необходимо не только потому, что тот полуживой материал, которым располагают авторы, вряд ли может быть повторен, но и концепция описания его заслуживает внимания, особенно в контексте болгарской диалектологии.

тропного описания диалекта. 4. Содержание системных характеристик при моделировании синхронных систем и их сопоставлении в целях получения исторических выводов. 5. Различие между синхронным описанием системы диалекта и традиционным "полным монографическим описанием диалекта". 6. Лингвистическая задача предлагаемого исследования. Особенности описываемых диалектов с точки зрения их истории и языковой ситуации, в которую они включены. 7. Вопросная процедура, примененная при обследовании диалектов. 8. Место незафиксированных сочетаний в общем корпусе сочетаний звуков. 9. Определение типа звуковых единиц, фиксируемых при обследовании диалектов. 10. Принципы фонологического моделирования, используемые в работе. 11. Процедура описания фонологической системы диалекта. 12. Данные об описываемых говорах в болгарской диалектологии. 13. Транскрипция.

1. Предлагаемое исследование основано на теоретических положениях диалектологии, связанных с пониманием значения описательной диалектологии, вообще, и синхронного описания одного диалекта, в частности. (Существо этих положений сводится к следующему.

Описание одного диалекта (говора) как синхронной системы по своим задачам и методике является особым видом диалектологического исследования /1/. По своему значению оно занимает ключевое место в иерархии диалектологических исследований. Теоретической основой синхронного описания диалекта является признание ему, как объекту лингвистического анализа, статуса языка. Диалект как особый идиом — это всегда часть языкового объединения, включающего в свой состав наряду с территориально ограниченными формами языка наддиалектные образования, в том числе и литературный язык. Поэтому понятие "диалект" может существовать лишь на фоне определенной социально-языковой ситуации.

При определении языковой принадлежности диалекта не всегда решающую роль играет фактор территориальной непрерывности. Так, оценка островных и переселенческих говоров как вариантов языка метрополии аргументируется фактами языкового сходства и единством социолингвистических характеристик.

Территориальные диалекты входят в состав национальных языков. Национальный язык, функционирующий в рамках общест-

ва, определяемого как нация, охватывает совокупность диалектов, распространенных на территории, занятой данной нацией, литературный язык и формы речи, промежуточные между диалектной и литературной, т.е. национальный язык представляет собою "разноаспектную систему, обеспечивающую коммуникацию во всех сферах общественной жизни данной нации" /2, с. 5/.

Обладая различной функциональной и социальной характеристикой, литературный язык и диалект с чисто лингвистической точки зрения являются равноценными языковыми объектами (ср. "каждый диалект — язык, но не каждый язык — диалект" /3, с. 499/); этим же определяется логика употребления термина "литературный диалект" в применении к литературному языку /4, с. 5/.

Диалект и литературный язык представляют собою реальную действительность, непосредственно данную в речи. Именно они реально выполняют главную функцию языка — быть средством коммуникации. Каждый из этих идиомов представляет языковую систему, реализующуюся в речи определенного коллектива — обозримого для диалекта и практически неограниченного для литературного языка. По-видимому, можно говорить о различной динамике этих коллективов: для диалекта — это сокращение, а для литературного языка — расширение коллектива говорящих.

Функционирует только в устной форме, говор (диалект) как объект наблюдения всегда предстает ... в своем синхронном состоянии. Поэтому основной задачей описательного раздела диалектологии является синхронное описание говора, целью которого является моделирование частной диалектной системы (ЧДС) на всех уровнях. Задача эта давно осознана в среде не традиционных мыслящих лингвистов. Ср. в этой связи суждения: грамматики местных диалектов "... с точки зрения требований современной науки должны были бы представлять описания, подобные описанию любого языка, включая фонологию, синтаксис и морфологию" /5, с. 353/; "... структура одного диалекта демонстрирует все языковые планы, независимо от того, обслуживает ли он один конец деревни или простирается на большую область" /6, с. 60/, и далее — "Диалектология представляет собою род "микрولينгвистики" в языкознании, и термин "диалект" в целом может быть употреблен как термин "язык" /7, с. 181/.

2. Придание диалекту, как объекту лингвистического исследования, статуса языка определяет все стадии описания, начиная с установления вопросной процедуры для обследования диалекта и кончая выбором метода описания. В обоих случаях непригоден дифференциальный подход к фактам диалекта.

Дифференциальный метод в диалектологии имеет свое основание в специфике структурного устройства диалектов. Диалектная речь в пределах каждого говора отличается большой вариативностью. Генезис вариантов разный — это и влияние литературного языка, и сосуществование нарождающихся инноваций и еще не изжитых архаизмов. Факторы, порождающие вариативность диалектной речи, оказываются действенными и потому, что вследствие покодифицированности диалектной нормы, она не осознается носителями диалекта как образцовая, в особенности в сравнении с литературным языком. С другой стороны, диалект всегда сочетает в себе явления, общие для всего языка, включая его литературную форму, с особенностями, образующими диалектные различия. Стремление представить диалект как однородное образование и подчеркнуть его отличие от литературного языка и породило дифференциальный метод в диалектологии.

Основа дифференциального метода в изучении диалектов сводится к сопоставлению диалектной речи с эталоном. Как показывает диалектографическая практика, эталон может иметь разное содержание.

Если в качестве эталона избирается литературный язык, то диалект оценивается через явления, отличающиеся от литературного языка. Этим разрушается системная целостность описания, поскольку черты, внешне общие с литературным языком, могут быть функционально совершенно различны /8, с. 14/.

Другой вид эталона — это традиционный (архаический) слой говора, т.е. диалектная речь, характеризующаяся максимальным для данного коллектива говорящих отличием от литературного языка. Такой эталон используется для интерпретации сосуществующих в диалекте вариантов, разновременных по своему происхождению. В этом случае основной диалектной системой признается система, реализованная архаической формой речи, а явления, отличающиеся от традиционного слоя, расцениваются как реализаторы

другой, сосуществующей с основной, системы. Сторонникам идеи сосуществующих систем на практике не удалось выявить в одном диалекте сосуществующие системы как целое, а всегда лишь констатируется сосуществование элементов разных систем /9, с.183/.

В любом случае дифференциальный метод делает необходимым при системном анализе говора выход за пределы собственно наблюдаемого объекта, с одной стороны, и игнорирование некоторых частей того же объекта, с другой. Такое расчленение материала может быть полезно при изучении истории диалекта и противопоставлено при синхронном анализе: синхронное моделирование ЧДС должно основываться на полном реальном составе речевой деятельности коллектива, определяемого как носители говора. Только в этом случае можно составить представление о том, как устроена система, которая функционирует под названием "диалект". В связи со сказанным можно сослаться на мнение В.А. Сребренникова, который дифференциальный подход к изучению диалектов относит к категории "неправильного выбора метода", рассматривая его в разделе, названном "Типичные недостатки в применении лингвистических методов" /10, с. 307/.

Используемые в говоре варианты должны быть интерпретированы в синхронном плане как элементы одной языковой системы, а не разных сосуществующих систем. Этого требует не только положение, согласно которому диалект принимается в диалектологии за исходную единицу. Существенным обстоятельством является отношение говорящих к имеющимся в их речи вариантам, т.е. их оценка "изнутри". Практика показывает, что говорящие на диалекте или не замечают вариативности используемых речевых средств, или констатируют их допустимость. Никаких решений по поводу соотносительности вариантов с другими формами языка (литературной, инодиалектной) говорящие на диалекте не принимают (исключение в этом отношении могут составить факты лексики). Но коль скоро варианты существуют в говоре, это значит, что говорящие на говоре приняли их как проявление своей нормы, что в языковом сознании говорящих на диалекте варианты оцениваются как допустимые эквивалентные средства выражения какого-то элемента плана содержания. При синхронном описании говора должны учитываться все сосуществующие варианты, и ЧДС должна моделироваться как система с вариативными звеньями.

Такой исследовательский подход к диалекту требует специальных комментариев относительно характера речи, которая может быть положена в основу моделирования ЧДС. В коллективе говорящих на одном диалекте имеются лица, чья речь содержит максимум для данного коллектива отличий от литературного языка и тем самым в наибольшей степени выражает специфику данного диалекта. Наряду с этим в том же коллективе имеются лица, вводящие в свою речь элементы литературного языка вместо диалектных или параллельно с ними. Речь этих лиц, в свою очередь, различается в зависимости от соотношения литературных и диалектных вариантов. Речь, в которой преобладают литературные варианты, не является предметом диалектологии (такая речь не является собственно диалектной, а представляет собою диалектно окрашенную, т.е. неправильную, литературную речь).

Таким образом, дифференциальный подход, будучи неприемлемым при описании диалекта, актуален при выборе объекта описания (информаторов, чья речь реализует моделируемую ЧДС).

Отказ от дифференциального подхода при описании диалекта требует известного преодоления традиций, устойчиво поддерживаемых интерпретацией диалектов как, главным образом, источников для истории языка и практикой работы над диалектологическими атласами. Поэтому надо подчеркнуть, что диалект как объект синхронного описания не идентичен диалекту в его лингвогеографической интерпретации. Исследовательские задачи и объект лингвистической географии по своему существу не предусматривают изучение диалектов как синхронных систем. Лингвогеографические исследования ориентированы на изучение диалектов с целью установления изоглосс, отражающих пространственное распространение явлений, обычно соответствующих разным этапам в развитии общего этимологического элемента. Исходным объектом приложения лингвогеографического метода является диалектный континуум. Вне пределов такого континуума отдельный диалект не может выступать в качестве объекта лингвогеографического изучения. Результаты серии синхронных описаний диалектов могут быть интерпретированы лингвогеографически, но не наоборот — лингвогеографическое изучение определенного диалектно-го континуума, как правило, не может быть основой для всестороннего суждения о структуре этих диалектов.

Лингвогеография принципиально ориентирована на изучение отдельных явлений в диалекте, при том только тех явлений, которые входят в состав диалектных различий. В современной лингвогеографии все больше внимания уделяется интерпретации фактов системного сходства и различия между диалектами — картографируются системно организованные фрагменты диалектных структур /11/. И все же в рамках лингвогеографии при любом системном подходе диалектная система как целое на любом ее уровне изучена быть не может. В частности, и потому, что в лингвогеографии явления принципиально соотносятся с историей языка. Любые программы, в том числе и те, что учитывают системную организацию некоторых фрагментов диалекта, имеют своей целью получить сведения о развитии в диалектах определенных общих исходных элементов. За пределами карт остаются явления, материально общие для всего континуума, невзирая на то, что функциональная специфика их в разных диалектах может быть неодинаковой, поскольку эта специфика формируется в контексте явлений, которыми диалекты различаются.

Из сказанного вытекает, что языковой идиом, являющийся исходным объектом диалектологии, как целая система на каждом ее уровне лингвогеографически изучен быть не может.

Этот раздел можно закончить высказываниями двух выдающихся русских лингвистов, которые поддерживали концепцию синхронного недифференциального описания диалекта. Так, П.С. Кузнецов писал — "Правда, звуковая система любого современного языка является продуктом определенного развития, но исходить в определении смысловозначительной роли звуков в современном языке мы должны тем не менее из отношений современного языка. История тут нам не может помочь" /12, с. 167/. И С.С. Высокотский — "Непредвзятый подход к изучению любого языкового материала заставляет с большим вниманием интерпретировать даже такие его разделы, где, казалось бы, уже все знакомо по предварительным сведениям об этой языковой системе. Особой осторожности требует рассмотрение диалектных фактов, поскольку многие черты их сходства с материалом разговорной формы... национального языка могут отвлечь внимание исследователя от существующих в диалекте специфических явлений" /13, с. 24/.

3. Значение синхронного описания диалекта многообразно. Показав устройство и правила функционирования системы, принимаемой в диалектологии за исходную, такое описание даст представление о диалекте как о языке, конкретно территориально и хронологически характеризованном. При этом выявится ряд таких особенностей диалекта, которые обычно проходят мимо внимания диалектологов. Это приобретает особое значение в тех случаях, когда при сопоставлении оказывается, что данные особенности участвуют в синхронной диалектной дифференциации. Так, на фонетическом уровне только путем синхронного описания диалекта можно выявить такие показатели системы, как правила сочетания и чередования звуков и фонематических единиц, правила нейтрализации фонемных оппозиций, распределение фонематических единиц по позиционным наборам и др. Знание этих характеристик создаст основу для построения синхронной структурной классификации диалектов на фонетическом уровне, что в применении к славянским диалектам является актуальной задачей, так как по существу отсутствует развернутое представление о синхронном структурном сходстве и различии между славянскими диалектами.

Представление о том, что подлинное знание о закономерностях протекавшего во времени изменения любого языкового идиома может быть достигнуто лишь на основе знания синхронного устройства этого идиома на разных хронологических срезах, является, видимо, общепринятой. Ср. "Синхронное описание проводится вне всяких исторических соображений. И вместе с тем, синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые и подвижные факты в систему этого языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Чем самым синхронное описание, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции. Этот принцип утверждает единство синхронного описания и исторической реконструкции, единство современного и исторического" /14, с. 119/. Положение это актуально и для исторической диалектологии, одно из назначений которой состоит в том, чтобы изучать "структуру диалектного языка в его историческом развитии" /15, с. 5/. Чтобы судить об изменении структуры диалектного языка, предварительно надо выявить те преобразования,

которые претерпели во времени частные диалектные системы, являющиеся основой для моделирования процессов на уровне диалектного языка /16/. История отдельных диалектов также должна проследиваться как смена синхронных состояний, соотносимых с разными хронологическими срезами. В этой связи встает вопрос об объеме и содержании тех системных характеристик, которые должны быть установлены для ЧДС на каждом хронологическом срезе.

4. Анализ диалектологической литературы показывает, что фонетические изменения в диалектах чаще всего прослеживаются на уровне инвентаря звуковых и фонематических единиц. Эти единицы рассматриваются или как часть некоторого системного фрагмента, или изолированно в контексте хронологически разных систем. При этом интересы исследователей обычно сосредоточены на истории тех фрагментов диалектных систем, относительно которых известно, что с ними связаны диалектные различия, характерные для того континуума, в состав которого входят диалекты, чья история изучается (т.е. знание о современном состоянии в определенной степени навязывает содержание исторического изучения диалектов).

Поскольку диалектные различия часто определяются наблюдениями за развитием общего этимологического элемента и в меньшей степени учитывают специфику отношений между единицами языка, то получается, что эти отношения как раз и оказываются вне поля зрения исторической диалектологии. Подлинное представление о том, как изменялась структура диалектного языка и отдельных ЧДС, может быть достигнуто только в том случае, если эти изменения будут прослежены в применении ко всем компонентам языковой системы избранного уровня. Специфика фонетической системы определяется инвентарем используемых единиц и правилами их сочетания и чередования. История фонетической системы как в диалекте, так и в диалектном языке должна показывать, как менялась характеристика системы по названным показателям. Для этого историческое исследование диалектов на фонетическом уровне в своей основе должно иметь такую синхронную модель диалектной системы, которая полностью эксплицирует фонетические и фонематические характеристики языка независимо от того, входят ли они в состав диалектных различий или нет.

Исторические выводы могут быть получены из сравнения синхронных описаний диалектов (исходя из того, что различие в устройстве хронологически сосуществующих диалектов можно интерпретировать как развернутую в пространстве диахронию). Из сказанного можно сделать вывод, что синхронная модель ЧДС является основой и для суждения о структурном изменении диалектов.

5. Описание диалекта как синхронной системы не идентично тому типу описания, который давно известен в славянской диалектологии как "полное монографическое описание диалекта". Определение полноты такого описания обычно не эксплицируется. В то же время можно двояко понимать эту полноту: 1) описание полное, потому что оно содержит сведения о всех разделах языка – от фонетики до лексики; на практике такая цель обычно и ставится в монографических описаниях диалектов; 2) описание полное, потому что оно дает исчерпывающие сведения об устройстве и функционировании или системы в целом, или отдельных ее фрагментов; сведения могут считаться достаточными в том случае, если они позволяют прогнозировать позиционное поведение выделенных единиц, принимать решения о допустимости/запрещенности этих единиц в каждом контексте; задачу дать такую информацию традиционное монографическое описание диалекта не ставит. В таком описании диалект обычно анализируется через призму диалектных различий, характерных для соответствующего ареала. Поэтому внимание сосредоточивается на тех фрагментах диалектной системы, относительно которых известно, что в них могут быть реализованы диалектные различия. А поскольку диалектные различия определяются главным образом наблюдениями за развитием общего этимологического элемента, то получается, что в полном описании учитываются преимущественно факты инвентаря. Данные синтагматики, позиционного поведения единиц языка учитываются в значительно менее полной степени. Получается замкнутый круг: полное описание, отталкиваясь от установленных диалектных различий, тем самым суживает состав получаемых системных характеристик диалекта, тормозит выявление диалектных различий, связанных не с этимологией, а со структурой. Это противоречие может быть преодолено на основе синхронного моделирования диалектных систем в полном составе их структурных характеристик.

В то же время надо иметь в виду, что именно опыт монографического описания диалектов подвел к пониманию специфики синхронного описания диалекта, способствовал формированию представлений о задачах такого описания и путях их решения. Жанр монографического описания широко развит в болгарской диалектологии – ему уделяли внимание авторитетные болгарские лингвисты /17/. На этом фоне представляется логичной постановка задачи изучения болгарских диалектов в новом аспекте, а именно, как синхронных языковых систем. Фрагмент решения этой задачи и предлагается в данном исследовании.

6. Изложенные идеи реализуются в описании двух болгарских диалектов на фонетическом уровне. Социально-языковая ситуация, характерная для этих говоров, делает их интересными для сопоставления как в синхронном, так и в историческом плане.

Предметом изучения являются говор с. Кортен (далее – КН) Старо-Загорско в Болгарии и говор с. Кирютия Чадыр-Лунгского р-на Молдовы (далее – КМ). Первый говор включен в диалектный континуум метрополии, а второй – переселенческий. Эти говоры можно рассматривать как два синхронных среза одного и того же диалекта. В 1829 г. после окончания русско-турецкой войны и заключения Адрианопольского мирного договора часть жителей КН, расположенного у южных отрогов Стара-Планины, переселилась в Россию на территорию Бессарабии, где и основала КМ /18/. Это событие разделило говор одного села на две части, поставленные в условия разной языковой ситуации.

Говор КН продолжал существовать в одноязычной среде, где возможны контакты с другими болгарскими диалектами и с литературным языком. Говор КМ, хотя и находится на территории, где есть другие болгарские (тоже переселенческие) села, но уже в течение более, чем полутора веков, оказывается в контактах с носителями молдавского, гагаузского, русского и украинского языков. Интенсивность и содержание контактов с разными языками в разные периоды истории были неодинаковыми. По результатам является то, что практически все носители диалекта КМ владеют двумя (болгарский, русский) или тремя (болгарский, русский, молдавский) языками. Для КМ отсутствует контакт с болгарским литературным языком и соответственно влияние кодифицированной нормы на диалект.

Можно допустить, что подобная языковая ситуация могла бы привести к тому, что к концу XX в. говоры КН и КЯ разошлись в своем развитии, накопив различающие их черты. Переселенческий говор КЯ, будучи изолирован от метрополии, может иметь более архаичский характер, а говор КН, наоборот, содержать инновации, обусловленные прежде всего влиянием литературного языка. В то же время не исключено, что и КЯ в качестве реакции на специфическую языковую ситуацию мог развить новые, не свойственные КН, черты.

Авторы исследования предполагают установить существуют ли различия между двумя говорами, один из которых существовал в условиях метрополии, а другой — в отрыве от нее, и если существуют, то каков их характер и генезис.

Решение этого общего вопроса требует выяснение того: 1) какие черты звукового строя болгарского диалекта являются наиболее стабильными, а какие наиболее подвержены изменениям; 2) какие изменения в говоре являются следствием воздействия экстралингвистической ситуации, а какие — результатом внутреннего развития ЧДС.

Комбинация генетической общности и длительной разобщенности говоров КН и КЯ, обозримость их в качестве современных диалектов — все это создает благоприятные условия для их сопоставления с целью получения исторических выводов в том объеме, как это изложено в 4.

7. Сопоставление синхронных моделей ЧДС с целью выяснения сходства/ различия между ними предвзывает определенные требования к вопросной процедуре, по которой происходит обследование диалектов. Синхронное описание любой фонетической системы возможно при условии, что исследователь располагает полными сведениями о составе гласных и согласных, употребляемых в идиоме, и о правилах их сочетания друг с другом и с паузой.

Этот принцип положен в основу программы, по которой обследовалась фонетика говоров КН и КЯ. Детали составления программы были изложены в /1, с. 22–36/. Здесь же мы приведем некоторые основные характеристики программы и ее цели.

1) Устанавливается список звуков языка на базе предварительных знаний о фонетике данной диалектной группы. Для этого

используется опыт диалектологии того региона, в состав которого входит диалект. Понятие звук языка употребляется в том значении, которое ему было придано П.С. Кузнецовым /19, с. 31/ и С.С. Высотским /13, с. 24/.

2) Установленные звуки языка комбинируются друг с другом и с паузой в двучленные сочетания типа $\# V, : \# C, V \#$, $C \#$; CV, VC, CC, VV . Составляются и трехчленные сочетания, если известно, что на распределение звуков языка может влиять предшествующий и последующий сегмент, как это бывает для гласных (CVC). Для гласных учитывается положение относительно ударения. Имеются в виду также сочетания звуков в условиях сандхи.

3) Проверка гипотетических сочетаний достигается произношением в диалекте корпуса иллюстративных слов, которыми снабжен каждый раздел программы.

8. В результате обследования диалекта по такой программе-вопроснику одни сочетания будут зафиксированы в определенных словах, а другие останутся незафиксированными. Незафиксированность сочетания — отнюдь не аргумент в пользу его запрещенности. Возможности звуковой синтагматики языка шире ее лексической реализации /20, с. 79/. Как заметил П. Ивич, "число дистриктивных возможностей определяется ... инвентарем фонем и правилами их дистрибуции. Это значит, что решающую роль здесь играют только свойства самой системы, а не такие второстепенные факторы, как наличие или отсутствие отдельных комбинаций в лексических единицах или частотность разных типов. Инвентарь дистриктивных возможностей представляет собой своего рода структурную рамку, которая охватывает конкретные лексические реализации" /21, с. 3/.

Среди незафиксированных сочетаний должны быть выделены сочетания, "запрещенные законами синтагматической фонетики", и сочетания, "возможные фонетически, но не представленные лексически" /20, с. 79/. Решение о том, к какому разделу следует отнести незафиксированное в диалекте сочетание, принимается на стадии обработки диалектного материала, когда проводится анализ синтагматических отношений между звуками. Исходя из того, что "законы звуковой синтагматики относятся к классу звуков, а не к отдельному звуку" /20, с. 79/, устанавливается принадлежность звуков, образующих незафиксированные сочетания, к классам, синтагматические возможности которых определены. Харак-

теристика класса распространяется на отдельные члены его, в том числе и те, которые включены в незафиксированные сочетания.

В соответствии со сказанным незафиксированные сочетания могут быть разделены на запрещенные и допустимые правилами фонетической синтагматики.

9. Обследование описываемых диалектов осуществлялось аудиторским методом. Звучащая речь транскрибировалась на уровне звуков языка, каждый из которых обобщает некоторый ряд звуков речи, Границы области, образуемой множеством звуков речи и являющейся одним звуком языка, определяется слуховым восприятием аудитора-лингвиста.

Результаты одного типа контекстуальных звуковых изменений в зависимости от их интенсивности могут получать разный транскрипционный статус: 1) считаться звуками речи и не фиксироваться транскрипционно и 2) считаться звуками языка и транскрипционно фиксироваться. Конкретно это означает, что при записывании звучащей речи имплицитно принимается некий предел уподобления экскурсии и рекурсии звука соседнему звуку. Если контекстно обусловленная адаптация звука превышает этот предел, то результаты этой адаптации фиксируются на уровне отдельного звука языка, если нет — то соответствующий элемент интерпретируется как звук речи и специального обозначения не получает. В то же время все речевые нюансы при объединении их в звуки языка в описании специально оговариваются.

Фонетический анализ проводится в рамках сегмента, соответствующего словоформе. Выделение словоформы, под которой понимаем речевой сегмент, с обеих сторон ограниченный потенциальной паузой, осуществляется как на основе значения, так и на основе ритмико-интонационных характеристик. За одну словоформу принимаем сочетание словоформы с клитиками.

10. При моделировании фонологической системы мы исходим из тех фонологических концепций, согласно которым тождество и различие между фонемами определяется не качеством реализующих их звуков, но системой оппозиций, в которых фонемы участвуют. Это та фонологическая теория, которая изложена Трубецким Н.С. /22/, А. Мартине /23/, Аванесовым Р.И. и Сидоровым В.Н. /24/, Аванесовым Р.И. /25/, Пановым М.В. /20/.

Наряду с позициями, где возможность противопоставления фонем по всем присущим им различительным признакам реализо-

вана с максимальной полнотой, имеются позиции, где возможности такого противопоставления в той или иной мере сокращены. Это связано с тем, что вследствие синтагматических запретов в соответствующей позиции представлен более короткий, чем в позиции максимального различения, набор звуков.

Соотнесение элементов укороченного набора с элементами максимального набора с целью установления эквивалентности между ними возможно в пределах одной морфемы, где разные звуки выступают в разных позициях. Такая эквивалентность может подтверждаться тем видом позиционного чередования звуков, который Р.И. Аванесов определил как перекрещивающееся чередование /25, с. 23/. В то же время возможна ситуация, когда синтагматический запрет ведет к появлению позиционно сокращенного набора звуков, но чередованием в морфеме это не сопровождается, поскольку специфика слово- и формообразования не дает поводов для такого чередования — например, в *блбж'ну млад'бж'* недопустимость *б'*, *ж'* перед *л* не сопровождается меной твердых и мягких губных в этих морфемах.

Позиционное распределение звуков и их морфемная принадлежность — это главные факторы в процедуре фонемной идентификации, исходящей из принципа негождественности фонемы и звука. Однако удельный вес этих факторов в процедуре идентификации может быть неодинаковым в разных фонологических школах.

Так, согласно принципам МФШ, морфема является той рамочной конструкцией, в пределах которой констатируется фонемное тождество позиционно различающихся звуков.

Модель, оперирующая понятием "вариант фонемы" /24, с. 42/, практически переносит фонемные характеристики, установленные в максимальной позиции, во все позиции с укороченным набором звуков — фонема, как функциональная единица остается всегда равна себе. И хотя признается, что "совпадая в вариантах, фонемы теряют частично свою способность различать значение слов" /24, с. 42/, факт этой утраты не проецируется на уровень фонемной идентификации сегмента. Именно эта однозначность фонематического статуса разных звуков в разных позициях нуждается в такой аргументации, как позиционное чередование звуков.

Если же синтагматический запрет не сопровождается чередованием звуков в одной морфеме, то констатируются в соответствующей позиции в морфеме варианты двух и более фонем. Это – гиперфонемная ситуация. П.С. Кузнецов, рассматривая случаи такого рода, писал, что тут "можно говорить лишь о принадлежности к определенной гиперфонеме, но не фонеме. Так, например, в русском /sʌbʌkʌ/ звук ʌ заведомо принадлежит гиперфонеме /o/ – /a/, но какая здесь представлена фонема, /o/ или /a/, решить невозможно" /12, с. 186/. Это рассуждение имеет в своей основе представление о равенстве фонемы себе самой в любой позиции и независимо от звуковой реализации. Отсутствие чередования может лишь затруднить эту прямую идентификацию.

Модель, оперирующая категорией "фонемный ряд", состоящий из сильной и слабых фонем /25, с. 28–31/, предусматривает ослабление различительных возможностей фонемы в рамках позиционно сокращенного набора звуков. Но и здесь единица с ослабленной различительной активностью не рассматривается как отдельный компонент системы, а всегда подключается к сильной фонеме как компонент возглавляемого ею фонемного ряда.

В данном исследовании предлагается фонологическая модель, основанная на ином понимании статуса и места в системе тех единиц, которые включены в позиционно укороченные наборы звуков. Существо этого понимания сводится к следующему:

1) в позиционно сокращенных наборах звуков реализуются фонематические элементы, характеристика которых формируется возможностями противопоставления в данной позиции;

2) при этом характеристика элементов, выступающих в составе позиционно сокращенных наборов, соотносится с теми ДП, которые выделены в максимальной позиции; этим устанавливается, какие ДП перестают быть актуальными (не используются для противопоставления) в позиционно укороченных наборах.

Непротивопоставленность по некоторым ДП в позиционно укороченных наборах в принципе можно интерпретировать двояко.

1) считать результатом свертывания (сокращения) системы, выделенной на основе отношений, актуальных в рамках максимального набора звуков, и констатировать отсутствие некоторых фонем в позиции укороченного набора звуков;

2) считать результатом свертывания (сокращения) характеристики в ДП отдельных фонем и, как следствие этого, констатировать особую организацию того фрагмента системы, который занят этими фонемами.

Предпочтительней второе решение. Оно позволяет установить, что в позиции укороченного набора актуальны фонематические характеристики, основанные на признаках общих для некоторых фонем, выступающих в максимальной позиции. Между элементами, снабженными такой фонематической характеристикой, и некоторыми фонемами максимальной позиции существуют отношения взаимоисключающей эквивалентности. Это взаимоисключение является проявлением нейтрализации фонемных оппозиций, актуальных в максимальном наборе и недопустимых – в укороченном.

Нейтрализация – это синтагматически обусловленное устранение разности пересекающихся множеств ДП /26/. Это устранение достигается двумя способами:

1) фонемная оппозиция перестает осуществляться потому, что с изменением позиции образующие оппозицию фонемы совпадают в одном элементе; это преобразование может быть прослежено в составе морфем, содержащих каждую из фонем-оппонентов; такой способ устранения оппозиции сопровождается на звуковом уровне позиционным чередованием – *пбпц*, *ббба* и *поп*, *бон*;

2) другая ситуация имеет место тогда, когда фонемная оппозиция утрачивается, но в позицию неразличения переходит лишь одна фонема, а другая фонема-оппонент не может быть переведена в такую позицию, так как этому не способствует специфика формо-и словообразования – например, *в'ид'дл* – *пбдал* и *пббл*, перед *л* недопустим *д'*, но *д'* в позицию перед *л* не может быть переведен; звуковое проявление этой нейтрализации в виде чередования отсутствует.

Из сказанного ясно, что нейтрализация приоритетно связана с синтагматическими запретами, а звуковое чередование, т.е. парадигматическое проявление на звуковом уровне, не является обязательным – "с функциональной точки зрения способ, которым реализуется нейтрализация, не играет роли. Решающей является только невозможность реализовать оппозицию" /26, с. 100/.

В позиции нейтрализации различие между фонемами по некоторым признакам утрачивает релевантность, и вместо двух (или более) фонем в этой позиции выступает один, замещающий эти фонемы элемент, имеющий значение архифонемы.

В характеристику архифонемы входят признаки, общие для нейтрализуемых фонем. Что касается признаков, которыми фонемы различаются и которые утрачивают релевантность в позиции нейтрализации, то они с точки зрения характеристики архифонемы интерпретируются по-разному.

Согласно Трубецкому, архифонеме не присущи те признаки, которыми нейтрализуемые фонемы различаются – этих признаков в позиции нейтрализации нет и поэтому они нерелевантны /22, с. 87/. По интерпретации Мартине, нейтрализуемые признаки не устранены из архифонемы, а совмещены в ней /23, с. 426/. Нейтрализуемые признаки нерелевантны не потому, что отсутствуют, а потому, что совмещены в одной архифонеме. Но их присутствие в архифонеме как бы стабилизирует фрагмент системы, занятый нейтрализуемыми фонемами, в его свойствах, отличных от других частей системы. Архифонема же, имеющая только признаки общие для нейтрализуемых фонем в принципе может явиться поводом для моделирования системных отношений, построенных на иных основаниях, чем в позиции различения этих фонем.

Специальных разъяснений требует способ обозначения архифонем.

В фонетической литературе для обозначения единиц, функциональная характеристика которых изменена (сокращена) в зависимости от позиции, применяется разная символика. Это может быть цифровая индексация знака фонематической единицы, выступающей в слабой позиции /25, с. 132; 27, с. 28/. Использование знака, не употребляемого для обозначения фонем в сильной позиции – ср. а /25, с. 106; 27, с. 25/, лигатуры /œ/, /œ̃/ /28, с. 140, 141/.

В данной работе для обозначения гласных архифонем принят принцип комбинации знаков нейтрализуемых фонем. Учитывая общее небольшое количество гласных фонем, это не создает слишком громоздких обозначений для гласных архифонем и в то же время обеспечивает их читаемость.

Пойти по этому же пути при обозначении согласных архифонем не представляется целесообразным по следующим причинам. Если в обозначение архифонемы включить знаки всех нейтрализуемых фонем, это создаст нелепо громоздкие знаки, поскольку нейтрализуемая оппозиция может включать от двух до семи фонем – так, например перед ч' нейтрализуется противопоставление фонем /с/-/с'/-/з/-/з'/-/ш/-/ж/-/х/. В такой ситуации целесообразно использовать знак, в обобщенной форме сообщающий о том, какие признаки фонем нейтрализуются в данной архифонеме. Например, /с_х/ – нейтрализация противопоставления фрикативных шумных по месту образования за пределами губного ряда (а не /с_{с'}зз'шжх/).

Наличие определенного признака фонемы может сигнализироваться диакритикой, как это имеет место при обозначении мягких фонем в отличие от парных им твердых, которые не снабжены диакритикой (отсутствие диакритики у них равно сигналу признака твердости). В обозначении архифонемы, нейтрализующей оппозицию по твердости–мягкости логично включить ту же диакритику, но со знаком минус, что дает знак типа /t'̃/. Это удобно и для обозначения архифонемы, нейтрализующей оппозицию не только по твердости–мягкости, но и по участию голоса, например /п_г'̃/ (а не /п_н'̃бб'̃/).

Изложенную систему обозначения архифонем используем в описании нейтрализации фонемных оппозиций в КЯ и КН. Ранее этот принцип обозначения архифонем использован в /28/.

Исследовательский метод в работе основывается на иерархии анализа, начальным этапом которого является описание синтагматических правил, регулирующих образование линейных звуковых последовательностей, с дальнейшей переформулировкой данных синтагматики в парадигматические категории в виде фонем и архифонем. Это означает, что рамочной конструкцией для идентификации фонематических единиц является фонетическая позиция в словоформе, а позиция в морфеме выступает как аргумент наиболее наглядного установления связей между фонемной оппозицией и архифонемой, нейтрализующей эту оппозицию.

В фонетической системе возможна ситуация, когда нельзя установить отношения эквивалентной соотнесенности между мак-

симальным и укороченными наборами звуков. Это бывает тогда, когда сравнение максимального и укороченного набора звуков не дает оснований для утверждения, что в сокращенном наборе устраняется разность каких-то ДП. В этом случае в позиции укороченного набора констатируется лакуна в дистрибуции фонем, присутствующих в максимальной позиции и отсутствующих в позиции укороченного набора. При лакунарной дистрибуции недопустимость фонемы в определенной позиции не сопровождается ее заменой архифонемой /23, с. 425/.

Введение иных, по сравнению с максимальной позицией, фонемных характеристик обусловлено синтагматическими ограничениями. При этом каждое синтагматическое ограничение касается всех членов определенного сочетания, но должно быть учтено при фонемной характеристике лишь одного члена сочетания. Например, в описываемых говорах отсутствие сочетания типа *te* является следствием правила, запрещающего *t* перед *e* и *e* после *t*; фонемная же интерпретация этого сочетания может быть лишь одна: 1) перед *e* не противопоставлены по высоте тона *t* – *t'* или 2) после *t* нет вокальной оппозиции с участием *e*.

Решение о том, с фонематической интерпретацией какого сегмента следует связывать синтагматические ограничения, может быть аргументировано:

1) звуковым чередованием: сегмент, с фонематической характеристикой которого связано синтагматическое ограничение, является членом позиционного чередования, второй компонент которого в данной позиции запрещен; например, запрещение *t* перед *e* отражается на фонематической интерпретации согласного, а не гласного, так как есть чередование *t* : *t'* перед *e*, а отсутствие *e* после *t* не сопровождается чередованием гласных;

2) удобством и лаконичностью решения. Если синтагматическое запрещение не сопровождается каким-либо звуковым чередованием, то это запрещение может быть с равным правом отнесено к фонемной интерпретации любого члена сочетания. В этом случае следует выбирать более простое решение, т.е. то, которое требует переформулирования меньшего количества элементов системы.

При моделировании фонологической системы вокализма учитываются синтагматические запреты, касающиеся только глас-

ных, а в консонантизме – соответственно, согласных. Поскольку фонемный статус сегментов, примыкающих к гласному или согласному не учитывается, позиционное распределение фонем рассматривается в фонетическом контексте, а не в фонемном.

Таким образом, в процедуре фонологического моделирования приоритетное значение придается синтагматическому аспекту звукового строя диалекта. Все парадигматические решения (состав фонем, их противопоставление и нейтрализация) являются производными от правил сочетания звуков. Поэтому основой адекватного представления об устройстве и функционировании фонологической системы является знание правил звуковой синтагматики.

Анализ фонетической синтагматики предполагает пристальное внимание к звуковой специфике идиома, так как необходимо учитывать многие нюансы звукообразования и звукосочетания, не имеющие выход на фонемный уровень. При описании диалекта детальная фиксация явлений фонетического уровня имеет особое значение, так как нередко такое описание становится единственным свидетельством (источником знания) о диалекте. Поэтому диалектологическое исследование должно быть максимально полно документировано – в фонетике это достигается анализом звуковой синтагматики.

При описании синтагматики диалектов мы руководствовались тем образцом синтагматического анализа, который разработан на фактах русского языка М.В. Пановым /20/.

11. Описание фонологических систем говоров КН и КЯ выполнено на основе одинаковых принципов и методов системной интерпретации речевого материала и, как следствие этого, в одинаковых терминах. Соблюдение этих правил является необходимым условием возможности сопоставления говоров.

Описание диалектов выполняется сообразно следующей процедуре.

1) Устанавливаются правила сочетания используемых в диалекте звуков языка и правила их позиционного чередования.

2) Устанавливаются артикуляционные признаки, по которым звуки в тождественной позиции могут быть противопоставлены. Этим признакам придается значение дифференциальных (ДП). В ранг ДП возводится тот артикуляционный компонент, который

один может лежать в основе звукового противопоставления, выделяемого в тождественном фонетическом окружении. Тождество фонетического окружения не связывается непременно с минимальными парами. Мы согласны с мнением Л.Р. Зиндера – "...минимальная пара свидетельствует лишь о том, что соответствующая пара звуков может находиться в данном языке в одинаковой позиции... Совершенно естественно, что благодаря способности разных фонем выступать в одной позиции могут чисто случайным путем (в силу тех или иных причин) возникать цепочки фонем, различающиеся только одним элементом, т.е. квазиомонимы или минимальные пары", т.е. минимальные пары являются производными от фонологических оппозиций, а не наоборот /29, с. 29/.

Тождество фонетического окружения констатируется в пределах сегментов, непосредственно примыкающих к звуку. Часто имеет значение качество лишь одного соседнего сегмента. На основе пересечения ДП формулируются характеристики отдельных фонем. Выделяются также функционально незначимые характеристики звуков.

3) Выявляются позиции, в которых представлен максимальный набор звуков – гласных и согласных отдельно, и где, соответственно, функциональные характеристики фонем реализуются с максимальной полнотой.

4) Дается список позиционных наборов звуков (гласных и согласных отдельно), укороченных в сравнении с максимальным набором. Устанавливается соответствие между укороченными и максимальными наборами звуков с целью выяснения, за счет снятия каких представленных в максимальной позиции оппозиций происходит сокращение набора звуков. Для выяснения этого используются факты позиционного изменения звуков в пределах морфемы. Снятие оппозиции интерпретируется как нейтрализация фонемного противопоставления. Устанавливается состав архифонем, выступающих в позициях нейтрализации.

5) При невозможности установления системной эквивалентности между максимальным и укороченными наборами звуков в позиции укороченного набора констатируется лакуна в дистрибуции фонемы, присутствующей в максимальной позиции и отсутствующей в укороченной.

6) Устанавливаются правила сочетания и позиционного чередования фонем и архифонем.

Выяснением перечисленных вопросов формируется знание того, как устроена и функционирует фонологическая система диалекта, поскольку вопросы эти соответствуют основной задаче фонетики как науки – изучать "законы, которые управляют сочетанием и чередованием звуковых единиц языка" /20, с. 3/

12. Говоры КН и КЯ, согласно классификации принятой в болгарской диалектологии, относятся к говорам подбалканского типа /30/.

Эти говоры были неоднократно предметом изучения в болгарской диалектологии. Так, говор КН под № 3147 включен в сетку БДА и обследован в 1958 г. по Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас (София, 1954) группой в составе Б. Велчевой, Б. Кировой, И. Цветковой и Т. Поповой. Сопоставительное изучение лексики КН и КЯ отражено в монографии Э.И. Зелениной "Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии" (София, 1981). Характерные черты говора с. Кирютня были описаны Л.С. Плотниковой в статье "О некоторых особенностях говора с. Кирютня Конгазского р-на Молдавской ССР" (УЗИС, т. 2. М., 1950).

13. Система транскрипции, использованная для записи звучащей речи в описываемых говорах.

1. Для обозначения гласных употребляются знаки:

- и* – ударный и безударный нелабиализованные гласные переднего ряда, верхнего подъема;
- е* – ударный нелабиализованный гласный переднего ряда, среднего подъема;
- ѣ* – безударный нелабиализованный гласный переднего ряда, верхне-среднего подъема;
- е̇* – ударный и безударный нелабиализованные гласные передне-среднего ряда, подъем – от среднего до средне-нижнего;
- а* – ударный нелабиализованный гласный нижнего подъема;
- а̇* – безударный нелабиализованный гласный среднего ряда, подъем – от ниже-среднего до среднего;
- ѝ* – ударный нелабиализованный гласный среднего ряда, среднего подъема;
- ѝ̇* – безударный нелабиализованный гласный среднего ряда, средне-нижнего подъема;

раишском материале сделано П.И. Тоцкой /35, с. 244/. Как звук, относящийся к классу согласных, спирант \check{y} обладает и таким свойством, как возможность позиционного оглушения, что показано ниже. Согласный w дифференцирует свою артикуляцию в КН и КЯ. В КН этот спирант образуется при слабой активности губ: при наблюдении над речью отдельных информаторов замечено, что при артикуляции w имеет место в основном движение нижней губы, а верхняя — слабоподвижна. В КЯ при образовании w билабиальность сильнее выражена благодаря активности не только нижней, но и верхней губы. Спирант \check{y} имеет сильную артикуляцию как нижней, так и верхней губы — билабиальность его очевидна.

ϕ — билабиальный фрикативный глухой согласный, образуемый с участием заднеязычной артикуляции, состоящей в напряжении и подъеме задней части спинки языка; двухфокусность этого спиранта создает акустический эффект звука, среднего между собственно губными и заднеязычным; сила губной и заднеязычной артикуляции в речи может варьироваться, в зависимости от чего согласный аудитивно может восприниматься как более близкий, то к ϕ , то к x . Двухфокусный губной спирант известен русским говорам, но там заднеязычная артикуляция как бы предшествует губной, что дает эффект $x\phi$ /36, с. 125/. В блг. говоре губная артикуляция превалирует и согласный скорее похож на ϕ^x ; характерно, что Н.В. Котова этот звук передает знаком ϕ^x /37, с. 277/. В КЯ билабиальность ϕ образуется при более активном движении губ.

ϕ' — мягкий коррелят ϕ ;

m, m' — билабиальные, смычнопроходные, носовые, твердый и мягкий. Термин "смычно-проходной" употреблен в значении — "согласный, произносимый с полным смыканием во рту и одновременным прохождением воздуха через нос и рот" /38, с. 435/. Это следует отметить, так как в болгарской литературе сходный термин "преградно-проходни" употребляется для аффрикат, т.е. для артикуляции, при которой смычка и фрикация следуют друг за другом, а не осуществляются одновременно /31, с. 125/.

μ — билабиальный, проходной, носовой.

2.1.2. Зубной ряд.

Здесь объединены согласные, образуемые в зоне передних зубов и примыкающей к ним части альвеол.

t, δ, t', δ' — переднеязычные взрывные, глухие, звонкие, твердые, мягкие; при артикуляции мягких согласных расширяется зона смычки с альвеолами, а конец языка примыкает к верхним зубам; мягкие взрывные не имеют фрикативного призвука;

s, z, s', z' — переднеязычные фрикативные, глухие, звонкие, твердые, мягкие; кончик языка прижимается к нижним зубам, а при артикуляции мягких спирантов язык имеет более плоскую форму и более напряжен;

$\check{s}, \check{z}, \check{s}', \check{z}'$ — переднеязычные аффрикаты, глухие, звонкие, твердые, мягкие;

n, n' — переднеязычные смычно-проходные, носовые, твердый, мягкий;

l — смычно-проходной, твердый, латеральный с затвором между верхними зубами и альвеолами, при корональной форме языка, но без того сосредоточения массы языка назад, которое характерно для веляризованного латерального /39, с. 30/, благодаря отсутствию веляризованности производит впечатление согласного более высокого тона, чем l ; l употребляется в КН;

l — такой же латеральный, но имеющий второй фокус в виде веляризации (активность задней части спинки языка). Этот согласный характерен для КЯ — хотя и здесь по идиолектам встречаются случаи ослабления веляризованности латерального, но полного отсутствия заднеязычного фокуса при образовании l не бывает;

l' — смычно-проходной, латеральный, мягкий.

2.1.3. Переднеязычный ряд.

\check{w}, \check{w}' — фрикативные апиальные, мягкие, глухой, звонкий;

\check{c}, \check{c}' — аффрикаты, глухая, звонкая, мягкие; повышение тона у шумных переднеязычных может быть разного уровня, т.е. они могут восприниматься как мягкие/полумягкие/почти твердые;

p, p' — переднеязычные вибранты, твердый и мягкий.

2.1.4. Средноязычный ряд.

\check{k}, \check{k}' — заднеязычные взрывные, глухой, звонкий, мягкие; образуются в зоне твердого неба, ближе к его задней части; локализация в палатальной зоне автоматически сопровождается повышением тона заднеязычных согласных, поскольку палатализация артикуляционно выражается в смещении основной артикуляции по на-

правлению к твердому небу: для зубных согласных – это передвижение назад, а для заднеязычных – вперед; в КЯ заднепалатальность x' , z' больше выражена, чем в КН.

x' – заднеязычный фрикативный, глухой, мягкий;

η' – смычно-проходной, носовой, мягкий;

\dot{y} – фрикативный звонкий, более передний, чем x' ; по высоте собственного тона может быть отождествлен с мягкими согласными; шумовые составляющие этого согласного незначительны.

2.1.5. Заднеязычный ряд.

x , z – заднеязычные взрывные, глухой звонкий, твердые;

η – смычно-проходной, носовой, твердый.

2.1.6. В зоне твердого неба образуется согласный v – проходной, носовой; место сближения языка с небом зависит от предшествующего гласного: после гласного переднего ряда – активна более передняя часть языка (*т'и'вз'ѣ, с'г'вс'ѡр*), после заднего гласного – соответственно, задняя часть языка (*ѡвз'и, бровс*). Выделение носового согласного как отдельного сегмента в этих случаях обусловлено не собственно фонетикой, а стремлением унифицировать представление о составе дискретных единиц в последовательностях, содержащих носовую артикуляцию перед гласным, согласным и $\#$. С фонетической же точки зрения в последовательности $V + n + C$ произносится назальный гласный, т.е. "гласный, который в своем начале является ротовым (оральным), а в конце носовым" /40, с. 44/. Проходной v свойствен КН, а в КЯ носовой в соответствующих позициях не так определенно утрачивает смычку и поэтому производит впечатление смычно-проходного согласного.

2.1.7. Фарингальный ряд.

x – фрикативный, глухой, твердый; шум образуется в задней части полости рта при широком проходе для звуковой струи, что создает впечатление напряженного фрикативного согласного. На широкое образование и слабую фрикацию x как общую особенность балканских языков, видя в этом проявление балканского этнического субстрата, указывает С.Б. Бернштейн /41, с. 298/.

Знаком x в болгарской транскрипции обозначается заднеязычный (велярный) согласный. Для глухого фарингального в программе БДА предлагается знак x' /42, с. 8/. Мы пользуемся знаком x для обозначения фарингального глухого согласного.

y , y' – фрикативный, звонкий, твердый, мягкий.

2.2. Особых замечаний требуют мягкие согласные. Ре-презентуя подбалканский тип восточноболгарских диалектов, говоры КЯ и КН имеют мягкие согласные (т.е. согласные повышенного тона) во всех локальных рядах. Механика образования болгарских мягких согласных описана достаточно подробно. Если принять за точку отсчета артикуляцию твердых согласных, то смягчение губных достигается поднятием средней части спинки языка, а зубных (альвеолярных) и заднеязычных – перемещением места образования к средней части твердого неба. Для зубных и заднеязычных согласных смягчение достигается перемещением центра артикуляции в противоположном направлении /39, с. 151/.

Аудитивное впечатление от мягких согласных в КН и КЯ неодинаково. Губные, зубные согласные и p' перед $и$, $е$ в КН производят впечатление менее мягких, чем в КЯ, где мягкость обычно имеет тот уровень, который характерен для русских палатализованных согласных. Опознание согласного как мягкого в большой степени определяется характером перехода от мягкого согласного к следующему гласному. Идентификация согласного как мягкого связана с наличием i -образного тембрального участка на начальном этапе артикулирования гласного, следующего после мягкого согласного. Об этой особенности болгарской фонетики см. /31, с. 89/.

Аудитивное впечатление о большей или меньшей мягкости согласного может быть производным от соотношения длительности переходного участка и ядра гласного – чем длительнее i -образный элемент, тем мягче падающий перед гласным согласный (т.е. тем выше его тон).

А.М. Кузнецовой проведен экспериментальный анализ русских и болгарских мягких согласных в литературном произношении с точки зрения воздействия их на следующий гласный непредельного ряда в сегменте типа *v'at*. Установлено, что i -образный элемент болгарских гласных в два раза меньше, чем тот же элемент у русских гласных в тех же позициях /43, с. 58/. Этому соответствует впечатление от болгарских согласных как менее мягких, чем русские – ср. "Българските съгласни *т', д', н'* в сравнение с чешките, словашките и руските съ по-твърди. Тона ясно установява слухово, а и на палатограмите ясно личи" /44, с. 319/.

Данными экспериментальных исследований восточноболгарских мягких согласных и их воздействия на гласные мы не располагаем. Но имеются косвенные данные. Известно, что при восточноболгарском произношении согласных перед *e*, *и* в артикуляции гласных присутствует *i*-образный переходный элемент, отсутствующий в литературном произношении /31, с. 88/. Логично предположить, что разному впечатлению от мягкости согласных перед *и*, *e* в КН и КЯ соответствует неодинаковый переход от мягкого согласного к гласному — в КН этот переход менее длительный, чем в КЯ. В то же время примеры низкого уровня палатализации согласных, особенно перед *e*, встречаются и в КЯ.

2.3. В описании транскрипции и в приводимых далее примерах указывается на варьирование качества отдельных звуков — гласных и согласных. Поскольку фонетика диалектов анализируется в рамках словоформы (фонетического слова), то и названное варьирование предстает как свойство изолированно произнесенной словоформы. Однако такое соотнесение фактов условно и требует следующего уточнения.

Варьирование качества звуков в спонтанной речи является естественным и неизбежным свойством — ср. "... транскрипции спонтанной речи, в которых все фонетические явления представлены в бесключительном виде, могут вызвать недоверие и подозрение в стилизации" /45, с. 5/. Как показывают наблюдения фонетистов, такое варьирование в большой степени обусловлено влиянием фразовой позиции на фонетические явления /45, 46, 47/. В разных участках текста произношение одного и того же звука языка может быть неодинаковым. Один из первых опытов изучения "синтаксической фонетики" на материале русских говоров (это цитированная работа Р.Ф. Науфозицы) показывает, что распределение вариантов одного и того же звука во фразе достаточно жестко регламентировано, а привязка этих вариантов к изолированно произнесенному слову не отражает лингвистической реальности.

В предлагаемой работе изучение фразовой фонетики не проводилось, и поэтому мы не можем делать выводы о том, как позиция во фразе отражается на артикуляции звуков. В то же время мы

не могли отказаться от фиксации той фонетической вариативности, которая наблюдается в описываемых говорах, а поскольку фонетику мы изучаем в словоформе, то и вариативность мы соотносим с изолированно произнесенной словоформой, вполне отдавая себе отчет в условности такого решения.

ВОКАЛИЗМ

1. Исследуемые говоры имеют свободное ударение. Положение относительно ударения оказывает влияние на реализацию гласных звуков. Этим обусловлено различие в инвентаре и дистрибуции гласных ударных и безударных слогов. Далее две эти подсистемы рассматриваются отдельно.

Инвентарь гласных в КЯ и КН является одинаковым. Различия касаются: а) артикуляционных свойств некоторых звуков; б) их дистрибуции; в) частоты употребления отдельных гласных, т.е. их сравнительного удельного веса в фонетической структуре слов и морфем.

Описание вокализма в КЯ и КН строится по схеме, учитывающей употребление гласных в ударном и безударных слогах в следующих позициях: а) после паузы ($\#V$); б) после твердых согласных перед твердыми согласными (CVC); в) после твердых согласных перед мягкими согласными, шипящими, *й* и перед сочетанием типа CC' (CVC', CVCC'); г) после мягких, согласных, шипящих, *й* перед твердыми согласными (C'VC); д) после мягких согласных перед мягкими согласными, шипящими, *й* и перед сочетанием типа CC' (C'VC', C'VCC'); е) перед паузой после твердых согласных (CV $\#$); ж) перед паузой после мягких согласных (C'V $\#$); з) после гласных (V₁V) и перед гласными (VV₁).

Фиксируемые в этих позициях наборы гласных могут различаться между собой по разным параметрам — по составу, по артикуляционным особенностям, по лексической представленности и др.

Для того, чтобы иметь представление о сравнительном удельном весе каждого гласного, учитываем употребление гласных по-

сле всех употребляющихся в КЯ и КН согласных, дифференцируя их по локальному ряду.

2. Гласные в позиции под ударением.

2.1. Гласный *á* в КЯ и КН употребляется во всех перечисленных позициях.

Позиция: #V: *ac, áбалка, áн'и, áрнц'и, áрнц'ата* (КЯ, КН). В КН редко и преимущественно у молодых наблюдается *й*-образная экскурсия в словоформах *йáбалка* и *йáбалк'и**.

В КЯ и КН *й*-образная экскурсия зафиксирована при произношении *á* после потенциальной паузы, которой предшествует гласный переднего ряда – *и йáс, и йáна, и йáн'и*.

В позиции SVC *á* зафиксирован в КЯ и КН после *п, б, в/в, ф/ф, м, т, д, с, э, ц, з, н, л, р, к, г, х*.

пá – пак, пáна, ступáнц'и (КЯ, КН); *бá – бáрка, курбáн* (КЯ, КН); *вá/вá – двáма/двáма, вáтр'и/вáтр'и* (КЯ, КН); *фá/фá – фáна/фáна* (КЯ, КН), *фáрта* (КЯ), *инфáрк* (КН); *мá – мáслу, áзмáта* (КЯ, КН), *дá фáйдáмáч'ат* 'плохо работают' (КЯ), *г'ермáнц'и* (КН); *тá – там, крáш'тáват* (КЯ, КН); *дá – дáм, ч'ердáк* (КЯ, КН), *травдáф'ел, с'ердáта* (КЯ); *сá – сам, усáта* (КЯ, КН), *расáт* (КЯ), *сэвсáр* (КН); *зá – зáпад'ан, зáр'изáн* (КЯ, КН); *цá – д'ицáта, исцáпáн* (КЯ, КН); *вá – вáсáт/вáсáт* (КЯ, КН); *пá – пар, грэмáк* (КЯ, КН); *лá – слáп, лáкт'* (КЯ, КН), *плáч'и, шдэглáмн'ицá* (КЯ); *рá – гурáта, рáф* (КЯ, КН); *кá – кáл, кáмáн'и* (КЯ, КН); *гá – йурáн, с'игáрка* (КЯ, КН), *áрч'и* 'кувшин' (КЯ); *хá – пáр'áр* (и *пáр*), *хáпá* (и *áпá*) (КЯ, КН).

В КЯ и КН единичными словоформами представлены сочетания *á* с предшествующими *ц, з, х*. В связи с тем, что *ф* и *х* во многих словоформах свободно варьируются, частота сочетаний *фá* и *хá* в тексте постоянно колеблется.

В КН сочетание *áн* перед зубными согласными, а также в ряде случаев в исходе словоформы перед паузой производит акустическое впечатление носового гласного *á – ступáц'ка, камбáта, тáц, кáпá*. Это типично для болгарского языка (произношение описано Вл. Георгиевым /40, с. 44/.

* В разделе, посвященном вокализму, в приводимых примерах мы не дифференцируем качество латерального, т.е. *л* и *л'*, используя один знак *л* для обоих говоров.

В позиции SVC' гласный *а* в КЯ и КН зафиксирован после *п, б, в/в, м, ф/ф, т, д, с, э, ц, з, н, л, р, к, г, х*.

пá – заспáл'и, пáйáк/пáйáк (КЯ, КН); *бá – бáй, курбáн'и* (КЯ, КН); *бáфáрта* (КЯ), *пáр'ибáй дá ст'и* (КН); *вá/вá – вáд'á/вáд'á, куж'яфáр'и* (КЯ, КН), *ч'увáш'и/ч'увáш'и* (КЯ); *фá/фá – фáл'еш'и, зэфáт'и* (КЯ, КН); *мá – мáкá, д'иш'мáн'и, мáж'ат* (КЯ, КН), *мáм'евáта* (КЯ); *тá – мустáн'и, мутáиá/г* (КЯ, КН), *пáфтáр'и/пáфтáр'и* (КЯ); *дá – дáж'ба, ф'идáн'и* (КЯ, КН); *сá – д'исáн'и, сáж'о'и* (КЯ, КН); *зá – кужáр'и, зáйч'áфáта/зáйч'áфáта* (КЯ, КН), *иáзáм'еш'и* (КЯ); *цá – цáр'á, пáрцáл'* (КЯ, КН); *вá – усáт'/усáт* (КЯ, КН); *пá – пáрч'и, дáнбáн'и* (КЯ, КН), *у'чинáйá* (КЯ); *лá – лáч'ат, ут'плáн'и'á/ут'плáн'и'á, лáкт'и* (КЯ, КН), *дáлáк'* 'селозенка' (КЯ); *рá – крáш', крáж'бá, рáд'уфáт'и* (КЯ, КН); *кá – кáл'и'и, кáш'л'á* (КЯ, КН), *ш'и'кфáч'и, кáк'еш'и* (КЯ); *гá – мáгáр'и, л'игáл'иш'т'и* (КЯ, КН); *хá – у'хáн'á и уфáн'á, б'у'хáл'к'и и б'уфáл'к'и/буфáл'к'и* (КЯ, КН).

Сочетания *фá/фá, цá, сá* лексически ограничены. Наличие *ф/ф* перед *á* обусловлено заменой *х* и *хв* биллабиальным/лабиодентальным спирантом (*куж'яфáр'и, дá зэфáт'и*).

Наиболее часто *á* употребляется после *п, б, в/в, м, л, р*.

В позиции SVC гласный *á* зафиксирован после *п', б', в'/в', ф, ж', т', д', с', э', ц', з', н', л', р', й, ч', ф', ж', ш', к', п'á – п'áсáк, п'áна* (КЯ, КН); *б'á – б'áл, б'áт/б'áф* (КЯ, КН), *бурб'áрка* 'овечий кал' (КН); *в'á/в'á – в'áта, зэ'ар/зэ'ар, туш'áна* (КЯ, КН), *дá сá в'áдáм* 'ругаться' (КЯ); *ц'á – кáф'áна* (КЯ, КН); *м'á – м'áсту, м'áзá* (КЯ, КН), *зам'áцáл'и кáт'ит'и* (КЯ), *у'с'á-áрка* 'часть поросенка' (КН); *т'á – т'áсáн'и, рáстáл'и* (КЯ, КН); *д'á – д'áду, д'áкун* (КЯ, КН); *с'á – с'áк'и, с'áрка, п'áс'áкáл* (КЯ, КН); *э'á – э'áпáж, п'уз'áна, муз'áта* (КЯ, КН); *ц'á – ц'áр, ц'áл* (КЯ, КН), *у'ч'á-кáн'и* (КН); *с'á – блáс'á му, ус'áн'и м'и* (КЯ, КН); *н'á – н'áк'и, н'á-шá* (КЯ, КН); *л'á – л'áт'и, л'áп, пу'áна* (КЯ, КН), *пáрцáл'áта, ш'р-к'ул'áсту л'áч'и* (КЯ); *р'á – р'áн, уфáр'áгáм* (КЯ, КН), *ш'ур'áк* (КЯ); *йá – йáжá, йáсáн'и, п'ийáн, р'ийáк* (КЯ, КН); *ш'á – ш'áф, ш'áр-кá* (КЯ, КН); *ч'á – в'ин'ч'áват, жáл'ч'áт'/жáл'ч'áт'* (КЯ, КН); *ж'á – ж'áр / ж'áр, дáмáж'áна/дáмáж'áна* (КЯ, КН); *ф'á – ф'áм, д'эр'ф'á-áна* (КЯ, КН), *ф'áл'ф'áн* (КЯ); *к'á – к'áр* (м'и к'áр т'áй д'э'й) (КЯ, КН).

Наиболее часты сочетания *á* с предшествующими *в'/в', ж', ж', д', л', р', й*. Лишь в немногих словах *á* зафиксирован после *ф', ч', з', к'*. Сочетания *ц'á* и *с'á* в ряде случаев находим на месте групп

согласных /дз/, тс/ на стыке приставки и корня — *уц' а́каны*, *уц' а́ва*.

В позиции С'VC' гласный *а́* в КЯ и КН зафиксирован после *п', б', в'/и', м', т', д', с', з', ц', н', л', р', й, ш', ж', ч', ѱ'* и только в КН после *с'*.

п'а́ — *зак'ип' а́хм'и/зак'ип' а́фм'и, сп' а́фт'и* (КЯ, КН); *б'а́* — *б' а́хм'и/б' а́фм'и/б' ай'а́м'и, зуб' а́хм'и* (КЯ, КН); *в'а́/и'а́* — *дув' а́хм'и/дува́фм'и* и *дуи' а́хм'и*, *р'иш' а́хм'и* (КЯ, КН); *м'а́* — *изарм' а́хм'и/изарм' а́фт'и* (КЯ, КН); *т'а́* — *шарт' а́фт'и, пл'ит' а́хм'и* (КЯ, КН), *укт' а́бр'и* (КЯ); *д'а́* — *клад' а́хм'и* (КЯ, КН), *ид' а́фм'и* (КН), *й'ед' а́хм'и* (КЯ); *с'а́* — *с'ис' а́хм'и, пас' а́фм'и* (КЯ, КН); *з'а́* — *хаз' ай'а́н/аз' ай'а́н, ир'из' а́фм'и* (КЯ, КН); *ц'а́* — *укуц' а́фм'и, укуц' а́хм'и* (КЯ, КН); *с'а́* — *испал' с' а́фм'и* (КН); *п'а́* — *шуп' а́фм'и/шп' а́фм'и/шуп' а́фм'и* (КЯ, КН); *л'а́* — *с'ал' а́н'и, разбул' а́фм'и/разбул' а́хм'и* (КЯ, КН), *стр'ел' ай'а́т* (КЯ); *р'а́* — *измр' а́фт'и, н'ар' а́хм'и, спр' а́фм'и* (КЯ, КН), *ш'ур' а́н'и* (КЯ); *йа́* — *пуи' а́хм'и, бруи' а́фт'и* (КЯ, КН), *ш'орнуи' а́бр'* (КЯ), *й'адо' и'н'и, й'а́м'и, й'а́тк'и/й'а́тк'и, н'ий' а́в'ица, й'а́р' а́б'ица* (КН); *ч'а́* — *п'ич' а́хм'и*, (КЯ, КН), *уб'и'ч' ай'а́т, ч' ай'и'ик/ч' ай'и'ик* (КЯ), *ч' а́н'и, ч' ай'и'ик* (КН); *ш'а́* — *р'иш' а́хм'и* (КЯ, КН), *м'иш' ай'и'м* (КЯ), *ш' ай'и'к, ш' а́р' а́н'д, ш' а́л'ч'и* (КН); *ж'а́* — *д'аж' а́хм'и* (КЯ, КН), *ж' а́р' а́м'и м'исб'и* (КЯ), *ж' а́б'и/ж' а́б'и* реже (КН); *ѱ'а́* — *дар' ѱ' а́хм'и* (КЯ, КН), *дар' ѱ' ай'и'и/дар' ѱ' а́н'и/дар' ѱ' а́н'и* (КН).

Употребление *а́* в позиции С'VC' имеет некоторые особенности. Последовательно в КЯ и КН гласный *а́* употребляется в формах имперфекта и аориста I и 2 л. мн.ч. ряда глаголов I и II спряжения, где гласный *а́* реализуют связочную морфему /48, с.44–46/. Ср. аор. I л. мн. *разбул' а́фм'и*; имп. 2 л. мн. *пл'ит' а́фт'и*. В качестве связочной морфемы гласный *а́* зафиксирован после всех перечисленных мягких согласных перед *фм'/ хм', фт' /зт'*, т.е. перед сегментом типа СС'.

В корневых и основных морфемах гласный *а́* употребляется ограниченно и его дистрибуция в КЯ и КН различна.

В КЯ гласный *а́* в позиции С'VC' зафиксирован лишь в единичных именных и глагольных основных морфемах (которые являются, как правило, руссизмами) после *т'* (*укт' а́бр'и*), *з'* (*хаз' ай'а́н*), *л'* (*с'ел' а́н'и, стр'ел' ай'а́т*), *р'* (*ш'ур' а́н'и*), *й* (*пуи' а́бр'*), *ч'* (*ч' ай'и'ик*) наряду с *ч' ай'и'ик, уб'и'ч' ай'а́т*, *ш'* (*м'иш' ай'и'м*), *ж'* (*ж' а́р' а́м'и*). В ос-

тальных случаях в позиции С'VC' в аналогичных морфемах произносится гласный *а́* (например, *й' а́сл'и, ч' ай'и'и* и др.).

В КН гласный *а́* в основных морфемах (часто параллельно с *а́*) употребляется значительно шире, чем в КЯ. Так, он отмечен в КН после согласных *д', з', й, ш', ч', ж', ѱ'*. Например, *пол' а́н'и* || *пул' а́н'и, с'ел' а́н'и, хаз' ай'а́н, й' а́сл'и* || *й' а́сл'и, й' а́тк'и* || *й' а́тк'и, й' а́м'и, при'и' а́н'ел, ш' а́л'ч'и, ч' а́н'и, ч' ай'и'и, ж' а́б'и* || *ж' а́б'и, ишт'а' ѱ' а́н'и* || *шт'а' ѱ' а́н'и*. Вариант с *а́*, по свидетельству информаторов старшего поколения, является архаизмом. Об этом же свидетельствуют и материалы картотеки № 3147, составленной в селе Кортен в 1958 г. по программе "Болгарского диалектологического атласа"; ср. *при'и' е́тел'ки, зай' а́н'и, й' а́ште, й' а́сли* || *й' а́сли* (у одного информатора), *й' а́тк'и, Стой' а́н'е* || *Ст' а́н'е, пий' а́н'и, ж' а́б'и, ш' а́н'и, ч' а́н'и, др' а́н'и, куч' а́н'и, ч' ай'и'ик* || *чай'*, но *ур' а́м'и, б' а́м'и, сид' а́м'и*.

Что касается говора КН, то и сейчас там гласный *а́* в данной позиции употребляется шире, чем в КЯ. Ср. такие словоформы, как *й' а́сл'и, й' а́д' а́н'и, й' а́тк'и, при'и' е́тел'ки, тро' а́н'и, Трун' а́н'и, ч' ай'и'к, ч' ай'и'к, ч' ай'и'и'и, ш' а́р' а́н'и, ш' а́л'ч'и, ж' а́б'и, ишт'а' ѱ' а́н'и*.

Можно предположить, что современное креативное употребление ударных гласных *а́* и *а́* в позиции между мягкими согласными является отражением сосуществования двух фонетических тенденций — северо-восточной и юго-восточной (см. об этом подробнее ниже).

В позиции CV# в КЯ и КН гласный *а́* зафиксирован после *п, б, в/и, м, т, д, с, з, и, с, н, л, р, ж, й, ѱ*.
п'а́ — *хуб' а́н'и, спа* (КЯ, КН); *б'а́* — *ч' а́р' а́б'и, к' а́л' а́б'и* (КЯ, КН); *в'а́/и'а́* — *лар' а́б'и, ова' а́н'и* (КЯ, КН); *м'а́* — *ч' а́н'и' а́б'и, и' а́н'и' а́б'и*.
д' а́н'и' а́м'и 'помещение для кур, кон', *д' а́н'и' а́м'и* 'вид одежды' (КЯ); *б' а́н'и' а́б'и, м' а́н'и' а́б'и, с' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН); *ов' а́н'и' а́б'и, р' а́н'и' а́б'и* (КЯ); *д' а́* — *уд' а́, и' н' е́зд' а́, с' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН), *стр' а́н'и' а́б'и, с' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН), *з' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН); *с' а́* — *рус' а́, ч' у' а́р' а́б'и* (и *ч' у' а́б'и* в КН), *д' у' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН); *ш' а́* — *куч' а́н'и, ир'и' а́н'и/и' р'и' а́н'и* (КЯ, КН), *ж' а́н'и' а́б'и, ж' и' л' и' а́н'и* (КЯ, КН); *ж' а́* — *с' а́л' а́б'и, м' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН); *п' а́* — *ст' а́н'и, уст' а́н'и* (КЯ, КН), *б' и' х' и' н'и' а́, р' а́н'и' а́б'и, и' м' а́н'и' а́б'и, з' и' м' а́н'и' а́б'и/з' и' м' а́н'и' а́б'и* в разных идиолектах (КЯ), *с' и' м' а́н'и' а́б'и, стр' а́н'и' а́б'и, и' н' а́н'и' а́б'и, и' м' а́н'и' а́б'и* (КН); *л' а́* — *м' а́л' а́б'и, с' а́л' а́б'и, р' и' к' а́л' а́б'и* (КЯ, КН); *р' а́* — *с' и' стр' а́, р' и' б' а́р' а́, б' у́р' а́, у́м' а́р' а́* (КЯ, КН); *к' а́* — *о' а́с' к' а́, п' и' ж' а́* (КЯ, КН), *куч' а́н'и, и' н'и' а́н'и' а́б'и* (КЯ), *и' н'и' а́н'и' а́б'и, п' у' т' и' к' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН); *г' а́* — *к' а́н'и' а́б'и, с' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН); *х' а́* — *с' н' а́р' а́ и' с' н' а́р' а́, б' а́л' а́н'и' а́б'и* (КЯ, КН).

В позиции перед паузой гласный реализует аффиксальные морфемы и поэтому подвержен всякого рода нефонетическим воздействиям. Поэтому мы даем гласным, выступающим перед паузой, грамматическую характеристику. В позиции CV# гласный *á* реализует: а) глагольные флексии 1 л. ед.ч. наст. (*плѣтá*), 2–3 л. ед.ч. аор. (*сна, игрá*), аор. прич. ж.р. ед.ч. (*душ'лá, рѣклá*); б) именны флексии сущ. ж. р. ед.ч. (*кузá*), сущ. ср. р. мн. ч. (*м'исá, рѣм'инá*), членную морфему сущ. ж.р. ед.ч. (*султá*) и сущ. м.р. ед.ч. (*сынá*), флексию прилагат. ж.р. ед.ч. (*дубрá*), флексию наречия (*сынá*).

В КЯ и КН членная морфема сущ. ж.р. *тá* свободно варьируется с *тѣ*, которая является более новой и чаще употребляющейся (*султá/тѣ, плѣтá/тѣ*). Членная морфема *á* сущ. м.р. ед.ч. зафиксирована только в КЯ при существительном *сын*, но более употребительной является форма *сынѣ*.

В позиции C'V# в КЯ и КН гласный *á* реализует некоторые именны и глагольные флексии, в которых варьируется с *ѣ* и *ѐ*, что создает фонетические дублиеты словоформ. Говоры КЯ и КН различаются частотой произношения гласного *á*, с одной стороны, и гласных *ѣ, ѐ*, с другой. Так, в КЯ в флексии 1 л. ед.ч. наст. II спр. гласные *á* и *ѣ* свободно варьируются — *да мал'чá/ѣ, да плѣтá/ѣ*. В КН эти же формы произносятся с *á* и *ѐ* — *да мал'чá/ѐ, да плѣтá/ѐ*. Но в обоих говорах гласный *á* употребляется реже и преимущественно в речи молодых носителей диалекта.

В КЯ в формах сущ. ж.р. ед.ч. типа *земя* и собират. сущ. типа *нива* гласный *á* во флексии варьируется с более частым и более традиционным *ѐ* — *зам'á/ѐ, каф'á/ѐ, ч'ин'á/ѐ* (от *чене*), *ж'инур'á/ѣ* и др. В КН в этих флексиях также варьируются *á* и *ѐ*, но здесь более частым является *á*, а *ѣ* произносится реже и только в речи стариков — *зам'á, лѣм'á, душ'á, буйá/ѣ, дз'шт'ар'á/ѣ, н'ив'á* и др. В 1958 г. в картотеке № 3147 были отмечены лишь формы с *á* — *дз'штер'á, зам'á, св'ин'á, зѣм'á*.

В КЯ и КН *á* и *ѐ* варьируются в числительном *дв'á/ѐ* (например, *дв'á сѣстр'и* и *дв'ѐ жин'и*) и в наречиях *дубр'á/ѐ* (*á* только в выражении *дубр'á душ'л'ѐ*), *кѣд'á/ѐ* (но только *н'иш'á* в КН и *куѣá* 'много' в КЯ). Видимо, формы с *ѐ* являются более новыми и востре-

чаются в речи носителей обоих говоров чаще, чем формы с *á*. Ср. и замечание в картотеке № 3147 из с. Кортеи — "Вариантите се срецат у едни и сыни лица. Изглежда, че формите с *á* са по-стари и вече са на изчезване".

В остальных случаях нет различия в употреблении *á* в позиции C'V# в КЯ и КН. Исключение составляет однократно зафиксированная в КЯ членная форма *мѣж'á* (при обычном *мѣж'ѐ*).

В позиции C'V# в КЯ, КН гласный *á* зафиксирован после *п', б', в'/w', м', т', д', с', з', ц', s', н', л', р', ѣ, ш', ж', ч', ѱ'* и только в КЯ после *ф'*.

п'á — *зѣк'ин'á, сна* (КЯ, КН); *б'á* — *надруб'á, зуб'á* (КЯ, КН); *в'á/w'á* — *издуб'á/издуб'w'á* и *издуй'á, скрув'á/скрув'w'á* и *скруй'á, н'ив'á/н'ив'w'á* (КЯ, КН); *ѣ'á* — *каф'á* (КЯ); *м'á* — *з'им'á, зам'á, гѣрм'á/гѣрм'á* (КЯ, КН); *т'á* — *кѣшт'á, нѣ дв'ѐ м'ист'á, плѣт'á, н'и шт'á* (КЯ, КН); *д'á* — *кѣд'á/кѣд'á, гѣд'á* (КЯ, КН), *т'á са прѣстуд'á* (КЯ), *м'ѣр'д'á* (КН); *с'á* — *спѣс'á, пус'á* (КЯ, КН); *з'á* — *луз'á* (КЯ, КН); *ц'á* — *укуч'á, с рѣч'á* (КЯ, КН); *с'á* — *блѣс'á* (КЯ, КН), *пѣлс'á* (КН); *н'á* — *св'ин'á/сн'ин'á, приз д'ин'á* (КЯ, КН), *главн'á/главн'á, ч'ин'á, рун'á, парѣр'á* (КЯ), *ун'á, ч'ийн'á/ч'и'н'á, дв'ѐ им'ен'á/дв'ѐ ѣм'ѣн'á* (КН); *л'á* — *сул'á* (КЯ, КН), *прахул'á/прафул'á, испѣрсл'á* (КЯ), *крав'ил'á* (КН); *р'á* — *дѣшт'ар'á, з'и'ѣр'á/з'ий'ѣр'á, дубр'á, ц'ѣр'á, б'ар'á* но и *б'ар'á/б'ар'áѣ* (КЯ, КН), *ч'ийр'á* 'лицо', *буй'ар'á/буй'ѣр'á, ж'инур'á* (КЯ); *й'á* — *май'á, з'м'ий'á, сѣй'á, круй'á* и *крув'á* (КЯ, КН); *ш'á* — *к'иш'á, душ'á, н'иш'á* (КЯ, КН); *ж'á* — *лаж'á, натѣж'á* (КЯ, КН); *ч'á* — *н'ич'á, гѣл'ч'á* (КЯ, КН), *ина буч'ч'á* 'тюк', *уб'и'ч'á* (КЯ), *к'им'зи'ч'á* 'цигулка' (КН); *ѱ'á* — *куѱ'á, казэл'ѱ'á, прудэл'ѱ'á* (КЯ, КН).

Наименее функционально нагруженными являются позиции после согласных *ф', з', ц', s', ш', ѱ'*.

В позиции C'V# в КЯ и КН гласный *á* реализует: а) глагольные флексии — 1 л. ед.ч. наст. (*тѣрп'á*), 2–3 л. ед.ч. аор. (*умр'á*), редко 1 л. ед.ч. имп. (*н'ар'á* при обычном *н'ар'áѣ*), инф. (*н'ид'ѣй кр'иш'т'á*); б) именны флексии — сущ. ж. р. ед.ч. (*май'á*), сущ. ср. р. мн.ч. (*луз'á*), собир. сущ. (ф'ч'ар'á, *н'ив'á*), редко членную форму сущ. м. р. ед.ч. (*мѣж'á*); флексии числительных и наречий (*дв'á, дубр'á*).

В позициях $V_1 \acute{V}$, $\acute{V}V_1$, т.е. в сочетании с гласными, гласный *á* в КЯ и КН фиксируется довольно часто как в рамках слово-

В глаголах II спряжения с конечным ударением в флексии 3 л. мн. наст. в КЯ употребляется гласный *ѐ* — *тѣрпѣт, садѣт, малчѣт*. В КИ основным вариантом является флексия с гласным *ѣ*. Однако в речи людей старшего поколения, встречается и *ѐ* в качестве более родкого и архаического варианта, т.е. *вѣсѣлѣт/вѣсѣлѣт, кусѣт/кусѣт, галчѣт/галчѣт* и др.

В позиции С'VC' гласный *ѣ* зафиксирован после *п', б', в'/w', ф'/ф', м', т', ѓ', с', з', ц', с', н', л', р', ѡ, ш', ж', ч', ѿ', к', г'*.

п'ѣ — *п'ѣп'ал, п'ѣш', п'ѣп'ан* (КЯ, КИ); *б'ѣ* — *б'ѣдн'и/б'ѣдн'и*, *муабѣт* (КЯ, КИ); *в'ѣ/w'ѣ* — *двѣт'и/двѣт'и, в'ѣк'и/в'ѣч'и* (КЯ, КИ), *ч'уw'ѣн'/ч'уw'ѣн'* (КЯ), *ч'уw'ѣн, ч'уw'ѣш'т'аца* (КИ); *ф'ѣ* — *карѣн'и, каф'ѣз'и, буф'ѣт'и* (КЯ, КИ); *м'ѣ* — *м'ѣл'ат, крей м'ѣн'а, п'итм'ѣз'а* (КЯ, КИ); *т'ѣ* — *т'ѣйн'ит'и Убра, стѣл'ат* (КЯ, КИ); *с'ѣ* — *с'ѣм'и, усѣт'аф* (КЯ, КИ); *з'ѣ* — *з'ѣт'уф'и, з'ѣл'н'ик* (КЯ, КИ), *р'ѣз'ѣн'и* (КИ); *п'ѣ* — *исѣѣж'од, л'исѣѣн'и* (КЯ, КИ); *в'ѣ* — *п'эл'с'ѣш', м'р'с'ѣш'и* (КЯ, КИ); *н'ѣ* — *н'ѣш'ту, р'ан'ѣт'и, ман'ѣп'н'и* (КЯ, КИ), *н'ѣм'ат'а* (КЯ), *п'агн'ѣзд'ал* (КИ); *л'ѣ* — *гул'ѣм'и, смл'ѣт'и, фл'ѣз'и, л'ѣсн'и р'ац'ѣ* (КЯ, КИ), *кал'ѣк'и* (КЯ); *р'ѣ* — *удр'ѣжим, кар'ѣч', ч'ар'ѣш'и* (КИ), *кар'ѣш'и* (КЯ); *йѣ* — *п'ийѣн'и, т'ийѣн'и и т'уw'ѣн'и, йѣр'и, йѣм'г'ш'* (КЯ, КИ); *ш'ѣ* — *д'уш'ѣл'и, ч'арш'ѣш'и* (КЯ, КИ), *ш'ѣр'ану* (КЯ); *ч'ѣ* — *куф'ѣз'и, ч'ѣт'ар'и* (КЯ, КИ), *ч'ѣш'к'и* (КЯ); *ѿѣ* — *п'атл'ѿѣн'и и п'атл'аж'ѣн'и, дарѿѣл'и* (КЯ, КИ); *к'ѣ* — *м'иш'к'ѣт* (КИ); *г'ѣ* — *д'ул'г'ѣр'ан, г'ѣр'гу* (КЯ, КИ), *ѿ'г'ѣр'* (КЯ).

В КИ в словоформе *м'изѣр'ий* гласный *ѣ* употреблен после твердого *з*.

Наименьшее количество случаев произношения гласного *ѣ* в позиции С'VC' отмечено после *ф'/ф', ц', с', ѿ', к', г'*. После согласного *х'* не записано ни одного случая употребления *ѣ*, если не считать произношения *Орх'ѣй* (название улицы) наряду с правильным *Орф'ѣй* в говоре КИ.

В КЯ и КИ в позиции после *й*, шипящих согласных и *л'* в некоторых корневых морфемах гласный *ѣ* свободно варьируется с *ѡ*. Например, *йѣт'к'и/йѡт'к'и, йѣс'л'и/йѡс'л'и, дам'аж'ѣн'и/дам'аж'ѡн'и, ж'ѣб'н'и/ж'ѡб'н'и, п'атл'ѿѣн'и/п'атл'ѿѡн'и, пул'ѣн'и/пул'ѡн'и*, но только

ч'ѣш'к'ит'и, ч'ѣш'а, ш'ѣр'ану (КЯ), *ч'ѡш'и, ш'ѡр'ану* (КИ) и др. (см. об этом выше в разделе об *ѡ* в позиции С'VC'). В настоящее время говора КЯ и КИ в отношении варьирования *ѡ* и *ѣ* в корневых морфемах не представляют единства. Различия обусловлены, во-первых, неодинаковой частотностью употребления гласных *ѡ* и *ѣ*, во-вторых, составом лексики, охваченной этим явлением, и, наконец, распределением вариантов с *ѡ* и *ѣ* по возрастным группам.

Так, в КЯ преобладают варианты с *ѣ* в традиционной лексике, заимствования же (типа *уш'ѡбр'и, п'ийѡбр', ж'ѡбр'им'и, п'ар'ѡд'ит'и* и др.) остаются вне действия перегласовки *ѡ* в *ѣ* в позиции между мягкими согласными.

В КИ же, в отличие от КЯ, основным вариантом является *ѡ*, а словоформы с *ѣ* употребляются значительно реже и преимущественно в речи людей старшего поколения.

Указанные факты свидетельствуют о том, что возможность варьирования *ѡ* / *ѣ* на данном синхронном срезе (как в КЯ, так и в КИ) не обусловлена строго фонетически.

В позиции С'V# гласный *ѣ* зафиксирован после *б', в'/w', м', т', ѓ', с', з', ц', с', н', л', р', ѡ, ш', ч', ж', ч', ѿ', к', г'* (КЯ, КИ), *ж'* (КЯ), *п', ф'/ф', ѿ', к'* (КИ).

п'ѣ — *б'ѣкап'ѣ* (КИ); *б'ѣ* — *н'иб'ѣ, ѿ'уз'ѣ, ш'к'ѣм'ѣ* (КЯ, КИ); *в'ѣ/w'ѣ* — *дв'ѣ/дв'ѣ, г'р'буw'ѣ, кал'ѣ* (КЯ, КИ); *ф'ѣ/ф'ѣ* — *каф'ѣ/каф'ѣ* (КИ); *м'ѣ* — *н'и с'ж'ѣ, кашар'м'ѣ* (КЯ, КИ); *т'ѣ* — *т'ѣ, к'уф'ѣ, ч'ит'ѣ* (КЯ, КИ); *д'ѣ* — *дад'ѣ, буд'ѣ* (КЯ, КИ); *с'ѣ* — *п'рас'ѣ, х'ас'ѣ* 'бил плат', *с'ид'имд'ис'ѣ* (КЯ, КИ); *з'ѣ* — *маз'ѣ* (КЯ, КИ), *г'риз'ѣ* (КЯ), *г'риз'ѣ* (КИ); *ц'ѣ* — *л'иц'ѣ, р'ац'ѣ* (КЯ, КИ); *в'ѣ* — *бл'аг'ѣ* (КЯ, КИ); *п'ѣ* — *кун'ѣ, кул'н'ѣ, кал'н'ѣ* (КЯ, КИ); *л'ѣ* — *пул'ѣ, м'иш'л'ѣ, р'икл'ѣ* (КЯ, КИ); *р'ѣ* — *мур'ѣ, из'ѡр'ѣ* (КЯ, КИ), *м'ев'ер'ѣ* (КИ); *йѣ* — *п'ийѣ* (КЯ, КИ), *д'а гу пу w'ийѣ* (КИ); *ш'ѣ* — *ш'иш'ѣ, к'иш'ѣ* (КЯ, КИ); *ж'ѣ* — *ч'икм'иж'ѣ, уж'ѣ* (КЯ); *ч'ѣ* — *замч'ѣ, литч'ѣ, т'ич'ѣ* (КЯ, КИ); *ѿѣ* — *ч'икм'иѿѣ* (КИ); *к'ѣ* — *р'им'арк'ѣ* (КИ).

Не зафиксирован *ѣ* перед паузой в КЯ — после *п', ф'/ф', ѿ', к', к', х'*, в КИ — после *ж', г', х'*.

Гласный *ѣ* после *ѣ, ц, с* не зафиксирован ни в КЯ, ни в КН.

В позиции конца слова перед паузой гласный *ѣ* реализует:

а) членную морфему сущ. м.р. ед.ч. (*кумѣ*), б) вокальный элемент членной морфемы сущ. ж.р. ед.ч. (*ис'аитѣ*), в) флексию наречий (*с'илѣ*), г) глагольную флексию (*н'и сѣ* КЯ, КН; *да бѣѣ зорѣѣ* КЯ).

В КЯ и КН членная морфема сущ. ж.р. ед.ч. *сол, прѣбл'ет* и др. реализуется в вариантах *тѣ* (чаще) и *тѣ*, которые могут свободно варьироваться в одном и том же диалекте. Трудно сказать, какой из вариантов является более архаическим, так как оба они встречаются как в речи старшего, так и в речи младшего поколения. В картотеке № 3147, записанной в КН в 1958 г., отмечается только членная морфема *тѣ*.

В позициях $V_1 \check{V}, \check{V}V_1$ гласный *ѣ* практически отсутствует как в КЯ, так и КН. Известно, что отсутствие сочетаний гласных с *ѣ* в границах морфемы — при наличии большого количества вокальных сочетаний любого другого качества — является характерной особенностью болгарской фонетики /31 с. 77; 50 с. 78/.

Возможны сочетания *ѣ* с гласными на стыке слов. Вероятность появления сочетаний, где бы *ѣ* был вторым членом значительно ниже вероятности появления в речи сочетания, в котором *ѣ* был бы первым членом. Это связано с тем, что инициальный *ѣ* представлен только в словах *бѣл, бѣглч'и*, и финальный *ѣ* имеет высокую частоту, входя в состав часто употребляющейся членной морфемы. Если *ѣ* начинает вокальное сочетание, то второй безударный гласный, отделенный от *ѣ* потенциальной паузой, может консонантизироваться, т.е. *бу* → *бѣ*, *би* → *бѣ*, *бѣ* → *бѣ*.

Зафиксированы следующие сочетания *ѣ* с гласными: *бу/бѣ* — *кумѣ* *уб'ѣч'а/кумѣ* *ѣб'ич'а* (КЯ), *с'инѣ* *ѣ* *оумѣ* *с'и/с'инѣ* *ѣ* *оумѣ* *с'и*, *м'идѣ* *ѣ* *бѣч'а* (КН); *ѣи/ѣи* — *св'иш'тѣ* *илѣсна/св'иш'тѣ* *илѣсна*, *с'инѣ* *илѣсн'и* (КЯ), *ѣд* *градѣ* *илѣсна/ѣд* *градѣ* *илѣсна*, *шлѣѣ* *идѣ* (КН); *ѣѣ/ѣѣ* — *н'иш'тѣ* *ѣстуѣ* *ѣсна/н'иш'тѣ* *ѣстуѣ* *ѣсна* (КЯ); *ѣѣ* — *ѣ* *бѣглѣ*, *ѣѣ* *ѣрѣ* и *ѣѣ* *ѣрѣ* (КЯ, КН); *ѣѣ* — *ѣ* *бѣглѣ* (КЯ, КН); *ѣѣ* — *н'иш'тѣ* *ѣрѣ* *ѣрѣ* (КЯ, КН).

Зафиксированные сочетания *ѣ* с гласными, видимо, не допускают интерпокильных вокальных протез.

2.4. Гласный *ѣ*. Этот знак, как сказано выше, обозначает *ѣ* после мягких согласных, шипящих и *ѣ*. Связь *ѣ* с аффиксальными морфемами описана в разделе, посвященном системе транскрипции.

Возможно определить на слух звук *ѣ* без предварительной подготовки очень трудно, так как он имеет довольно широкую зону образования в пределах от передне-среднего до среднего ряда и от верхне-среднего до среднего (или даже средне-нижнего) подъема, в связи с чем этот гласный часто отождествляется либо с гласным *ѣ*, либо с гласным *ѣ* (т.е. $\text{ѣ} \leftarrow \text{ѣ} \rightarrow \text{ѣ}$). Сравнительно легко идентифицировать гласный *ѣ* тогда, когда есть возможность непосредственного сравнения его звучания с произношением других пелабиализованных гласных, в частности, с гласным *с*: например, *ѣс* *тѣрп'ѣ* — *тѣ* *ѣ* *тѣрп'ѣт*, *мѣѣ* — *лѣн'и* *н'иѣѣ*, *св'ин'ѣ* — *тѣѣ* *кѣл'н'ѣ*, *мѣѣ* *ѣ* *м'и* *ѣѣ* *л'ѣнѣ* (КЯ); *ѣѣ* *ѣл'ч'ѣ* — *тѣ* *ѣ* *ѣл'ч'ѣт*, *ѣѣ* *тѣ* *ѣр'ѣ* — *тѣѣ* *ѣр'ѣ* (КН).

Тем не менее наиболее типичной артикуляцией *ѣ* является передне-средний ряд, верхне-средний подъем, пелабиализованность.

В КЯ и КН в речи носителей диалекта постоянно встречается варьирование *ѣ* и *ѣ* во флексиях: глаголов I и II спряжения — I л. ед.ч. наст. *ѣшѣ* *издуѣѣ* *ѣ/ѣ*, *ѣмѣл'ч'ѣ/ѣ*, *ѣлѣѣ* *ѣ/ѣ*, 3 л. мн.ч. наст. — *ѣс'ѣт/ѣт*, *н'иѣѣт/ѣт*; членная форма сущ. м.р. ед.ч. — *мѣѣѣ/ѣѣм'и*; сущ. ж.р. ед.ч. — *ѣлѣн'ѣ/ѣ*, *ѣѣѣ/ѣ*.

В принципе *ѣ* и *ѣ* в данных формах свободно варьируются. Однако при реализации субстантивных аффиксов наиболее часто, как в КЯ, так и в КН, произносится гласный *ѣ* (т.е. *мѣѣѣ*, *ѣѣѣ*, *ѣѣѣ*, *ѣлѣн'ѣ*, *ѣѣѣр'ѣ*). Что касается реализации глагольных аффиксов, то здесь говоры КЯ и КН различаются между собой. Так, в КЯ в форме I л. ед. наст. наиболее частотным является гласный *ѣ* (*ѣшѣѣ*, *ѣѣрѣѣ*, *ѣѣтѣѣ*, *ѣс'ѣѣ*, *ѣѣрѣѣ*, *н'иѣѣѣ*, *ѣлѣѣѣ*), в КН же — гласный *ѣ* (*ѣшѣѣ*, *ѣѣрѣѣ*, *ѣс'ѣѣ*); в форме 3 л. мн. наст., напротив, в КЯ наиболее часто произносится гласный *ѣ* (*ѣшѣѣт*, *ѣс'ѣѣт*), а в КН — гласный *ѣ* (*ѣшѣѣт*, *ѣс'ѣѣт*, *н'иѣѣѣт*).

Отметим, что в глаголах и существительных с твердой основой в КЯ и КН соответствующие флексии реализуются гласными: *ѣ* в I л. ед.ч. наст. (*н'ридѣ*, *с'икѣ*), *ѣ* в 3 л. мн.ч. наст. (*н'ридѣт*, *с'икѣт*), *ѣ* в ж.р. ед.ч. сущ. (*ѣлѣѣ*, *ст'ѣнѣ*), *ѣ* в членной морфеме м.р. ед.ч. (*ѣрѣѣ*).

В КЯ и КН в глаголах I л. ед. наст. и в сущ. ж.р. ед.ч. копечные аффиксальные морфемы, реализованные гласными *ѣ* или *ѣ*, которые не прикрыты согласным (т.е. находятся в фонетической позиции перед паузой), могут варьироваться с гласным *ѣ* (например,

дува'ξ или дува'ξ/дува'а, май'ξ/май'а), что объясняется, видимо, аналогическим воздействием однозначных аффиксов в существительных и глаголах с твердыми основами (ср. *мума, пр'идд*). При этом заслуживает внимания тот факт, что нами не было записано ни одного случая произношения флексии ξ в членных формах сущ. ж.р. ед.ч. (только *май'ата, з'уар'ата* при *май'ξ/май'а, з'уар'ξ/з'уар'а*). Отсюда напрашивается вывод, что фонетически позиция конца слова перед реальной паузой допускает некоторую свободу выбора в реализации флексии (а именно — *п'ий'ξ/п'ий'а* или *п'ий'ε/п'ий'а; зам'ξ/зам'а*; ср. также наличие вариантов в реализации конечных вокалических флексий в наречиях и числительных: *крод'ε/крод'а, дубр'ε/дубр'а, дв'е/дв'а*). И напротив, флексии, имеющие структуру 'гласный + согласный', т.е. являющиеся неконечными вокалическими флексиями, такой свободы выбора не допускают.

Интересно, что в 1958 г. в говоре КИ в картотеке БДА № 3147 были отмечены рассмотренные выше словоформы без вариантов: *кув'а, издув'а, мрл'а, дил'а, свар'а, вэр'а, вар'а, стой'а, дар'ят, вэр'ят, вэрм'ят, стуй'ят, буй'ят* ср., *закч'ят; мжж; сая'а, лжж, зэм'а, сви'а, зэм'а, джитр'а*.

Таким образом, гласный ε после мягких согласных, шипящих и й отмечен нами только в позициях C'VC (КИ) и C'V# (КЯ, КИ).

Позиция C'VC (КИ): *тапп'ят, туп'ят, друб'ят, дува'ят, дим'ят, густ'ят, младш'т'ят, град'ят, гас'ят, пусул'ят, ун'ят/хун'ят, оар'ят, бруй'ят, и'ий'ят, исуш'ят, стр'иж'ят, прудал'ж'ят/прудал'ч'ят, эжж'ят, тач'ят, п'ич'ят*.

Позиция C'V# (КЯ, КИ): *туп'ε, друб'ε, круш'ε, наград'ε, пцум'ε, плат'ε, сф'ε, кус'ε, ш'ис'ил'ε, лдон'ε, д'ин'ε, вар'ε, пуй'ε, п'ий'ε, май'ε, труш'ε, оаш'т'ар'ε, блаж'ε, маж'ε, гал'ч'ε, оар'ε*.

2.5. Гласный ъ в КЯ и КИ встречается в тех же позициях, что и гласный ε, а именно — $\#VC, C'VC, C'VC', C'V\#$.

В позициях $\#VC, \#VC'$ в обоих говорах отмечено широкое употребление гласного ъ. Например: перед твердыми согласными — *ймд, идат, искат, издртк'и, избр*; перед мягкими и шипящими согласными — *йм'и, ид'иш', ид'ар, йм'ан'ан'и, ич', ист'ич'иц'и, изр'ар*.

В редких случаях, как результат эмоциональной, подчеркнутой речи, перед инициальным и появляется протетический ъ: *й'йм'и, й'ймат*.

В позиции C'VC ъ зафиксирован в КЯ и КИ после *п', б', в'/ш', ф'/ф', м', т', д', с', з', и', с', н', л', р', й, ч', ж', ш', ф', к', г', х'*.

п'й — п'йтат, п'йсан, иен'йф, а также *иен'йф* (КЯ, КИ), *п'андар* (КЯ), *п'андар* (КИ); *б'й — б'ик, б'илка, б'ивола и б'йлл* (КЯ, КИ); *п'й/ш'й — в'йкам, мутт'йлл, уш'йу и ири'йиу иу, з'ао'йва и з'ао'йва* (КЯ, КИ), *св'йтка* 'кочан' (КЯ); *ф'й/ф'й — ф'йрма/ф'йрма, Оуф'ан'д'ен* и *Срво'ан'д'ен, ф'йтка* (КЯ, КИ); *м'й — м'йца, илм'йра* (КЯ, КИ), *и'ум'йк* (КЯ), *и'ум'йк, к'грам'йа* (КИ); *т'й — сч'йа, ш'т'йпка, л'ит'йф* и *л'ит'йф, ут'йвам* и *ут'йвам* (КЯ, КИ); *д'й — уш'йца, и'д'ан, и'д'йкам* (КЯ, КИ); *с'й — с'йту, с'йи, кус'йдба* (КЯ, КИ), *г'инс'йрд иу* (КЯ); *з'й — из'йк, з'йдат, р'уиз'йдба* (КЯ, КИ); *ц'й — ц'йа, мал'ц'йа, ц'йан'ан'и* (КЯ, КИ), *матца'йка, ц'йтур'и* 'отходы от винограда' (КЯ); *с'и — с'ал'с'йм* (КЯ); *п'й — п'ан'йца, ш'ин'йк/ш'ин'йк* 'мярка на жито', *п'ан'йзам'и* (КЯ, КИ); *л'й — к'ил'йм, м'ил'йца, к'рл'йа* 'наступешский посох', *развал'йф* и *развал'йф, зал'йва* и *зал'йва, л'йту* и *л'йту* (КЯ, КИ), *фрэтл'йва* и *фрэтл'йва* 'приказливая' (КЯ); *р'й — пур'йт, м'гр'йкам, п'ин'йла* *искукур'йца, кур'йва* и *кур'йва* (КЯ, КИ), *Тр'йхи/Тр'йхи* и *Тр'йхи* (КЯ); *йй — йймат* и *ймат, издуй'йм* и *издрво'йм, стуй'йм* и *стуй'йм* (КЯ, КИ); *ч'й — ч'ис, ч'иф* и *ч'иф, ч'йна* (КЯ, КИ); *ж'й — ж'йца, ж'йту, ж'иф* и *ж'иф* (КЯ, КИ), *ж'йца* и *ж'йца* (КЯ); *ш'и — ш'йла, ш'их* и *ш'иф, исуш'йц* и *исуш'йф* (КЯ, КИ), *ф'й — с'ин'ф'йр, ф'инс, ф'йлка* (КЯ, КИ); *к'й — к'йца, в'ск'йс* (КЯ, КИ), *к'йфла/к'йфла, к'йну* (КИ); *г'й — г'йца, г'инс, тч'йс*, (КЯ, КИ); *х'й — х'йтар, брунх'йт* (КЯ, КИ), *мандух'йлка* 'часть сбруи' (КЯ).

Очень ограниченно гласный ъ употребляется после *с'* — зафиксирован только в одной словоформе в КЯ и после инициального и интервокального ъ, который варьируется в КЯ и КИ с нулем звука (после паузы и между гласными) и с *х* (в интервокальной позиции).

Как показывают приведенные приморы, говорам КЯ и КИ свойственна лабиализация гласного ъ в соседстве с последующим, реже — с предшествующим, лабиальным согласным (особенно *ш* и *ф*),

что свидетельствует о сильном вокально-консонантном взаимодействии в этих говорах /51 с. 225; 52 с. 41/.

Иногда лабиализация *й* имеет место и в том случае, если в самой слоноформе отсутствуют лабиальные согласные, но есть в соседних с *й* слогах безударный *у*, что говорит о междуслогоном сингармонизме, характеризующем фонетическую систему КЭ и КИ (ср., например, *туц'й'ля*).

Хотя данный факт лабиализации *й* в определенных фонетических условиях — несомненно фонетическое явление, необходимо тем не менее подчеркнуть, что в настоящее время этот процесс не носит всеобщего и безысключительного характера: в какой-то степени он лексикализован. Так, одни слоноформы употребляются только с гласным *й*, несмотря на наличие факторов, обуславливающих лабиализацию (например, *с'йф*, *буол'й'ва*, *избу'йм/из-дубу'йм*), другие — только с *й* или даже с *й'* (например, *фт'й'уфм*), третьи — допускают варианты как с *й*, так с *й'* или *й'* (например, *так'й'ва/так'й'ва*, *зав'й'ва/зав'й'ва*, *с'й'ва/с'й'ва*). В зависимости от выбора гласных носительных и имперфективных флексий с *х* или *ф* (ф) в говорах КЭ и КИ произносятся варианты с *й* или *й'* (например, *исп'й'х*, но *исп'й'ф*, *заквч'й'х'м'и*, но *заквч'й'ф'ж'и*). При этом сами носители говора не замечают, произнесли ли они в данном случае вариант с *й* или вариант с *й'*.

При том, что варианты одних и тех же слоноформ с *й* и с *й'* широко представлены как в КЭ, так и в КИ, важно отметить, что в КЭ, в отличие от КИ, более частотным является вариант с *й*.

В позиции CVC гласный *й* зафиксирован в КЭ и КИ после *п'*, *б'*, *в'/w'*, *ф'/ф'*, *м'*, *т'*, *д'*, *с'*, *з'*, *ц'*, *с'*, *н'*, *л'*, *р'*, *й*, *ч'*, *ж'*, *ш'*, *щ'*, *к'*, *г'*, *х'*.

п'й — *п'й'л'и*, *п'й'л'ф'т'а*, *п'й'кл'у* (КЭ, КИ); *б'й* — *куб'й'л'т'и*, *турб'й'ч'ка* (КЭ, КИ); *в'й/w'й* — *в'й'д'ах*, *св'й'р'и* (КЭ, КИ), *зв'й'ск'и* (КЭ); *ф'й/ф'й* — *ф'й'тк'и*, *ф'й'ч'и м'исб*, *ф'й'й'а* (КЭ, КИ); *м'й* — *им'й'ш'*, *к'ерм'й'д'и* (КЭ, КИ); *т'й* — *фт'й'ч'и*, *л'ит'й'ф* (КЭ, КИ); *д'й* — *д'й'н'и*, *пул'д'й'й'а* (КЭ, КИ); *с'й* — *с'й'ч'к'и*, *бус'й'л'ах*, *с'й'р'ен'и* (КЭ, КИ); *з'й* — *из'й'к'/из'й'к*, *баз'й'кл'у* 'мизипец' (КЭ, КИ), *р'из'й'л'* 'распутник' (КЭ); *ц'й* — *исц'й'ж'оф* (КЭ, КИ); *с'й* — *сал'с'й'т'и* (КЭ, КИ), *с'й'л'с'й'ш'* (КЭ); *н'й* — *пан'й'ж'ф*, *ул'н'й'ш'т'и* (КЭ, КИ); *х'н'й'ш'к'и* (КЭ); *л'й* — *кр'ил'й'т'и*, *сар'л'й'й'а* (КЭ, КИ); *р'й* — *кукур'й'*

й'ж'и, *ур'й'з'ага*, *ор'й'сл'у* (КЭ, КИ); *й'й* — *й'й'м'ити* и *й'м'ити*, *дур'й'ш'* и *дур'й'ш'/дур'й'ш'* (КЭ, КИ); *ч'й* — *ч'й'ч'и*, *уч'й'т'и*, *ор'ч'й'ш'и* (КЭ, КИ); *ж'й* — *ж'й'ч'и*, *ж'й'т'ел* (КЭ, КИ); *щ'й* — *щ'й'р'й'к'*, *бул'щ'й'й'а* (КЭ, КИ), *м'щ'й'й'а* 'коллективная помощь' (КЭ); *ш'й* — *шт'й'л'и*, *ш'й'й'м*, *блх'й'й'ш'* (КЭ, КИ); *к'й* — *тин'й'к'й'й'а*, *ск'й'м'и* (КЭ, КИ), *дв'с'к'й'л'и*, *тв'к'ис'м'ис'т'д* (КЭ); *г'й* — *лг'й'й'ш'*, *п'ур'й'ш'еи* (КЭ, КИ); *х'й* — *мх'й'ш'и*, *х'й'м'й'й'а* (КЭ, КИ), *х'й'л'ен* и *ф'й'л'ен* (КЭ).

В данной позиции (так же, как и перед твердыми согласными) гласный *и* употребляется очень ограниченно только после *ц'*, *с'* и *й*; последний варьируется либо с нулем звука (в инициальной и интервокальной позициях), либо с *w'* (в интервокальной позиции). После других согласных ограничений для употребления *й* нет.

В позиции CV// гласный *й* в КЭ и КИ зафиксирован после *п'*, *б'*, *в'/w'*, *ф'*, *м'*, *т'*, *д'*, *с'*, *з'*, *ц'*, *с'*, *н'*, *л'*, *р'*, *й*, *ч'*, *ж'*, *ш'*, *щ'*, *к'*, *г'*, *х'*.

п'й — *сп'й*, *кр'ип'й*, *к'ип'й* (КЭ, КИ); *б'й* — *уб'й*, *лбу'й* (КЭ, КИ); *в'й/w'й* — *сип'й*, *сип'й*, а также *стип'й/стип'й* (КЭ, КИ); *ф'й* — *пф'р'ф'й* (КЭ), *ср'ф'й* (КИ); *м'й* — *сим'й*, *зам'й*, *зам'й*, *ларм'й* (КЭ, КИ); *т'й* — *бшт'й*, *ск'имт'й*, *удж'ст'й* (КЭ, КИ), *дуб'л'н'и* *л'и ст'и* (КЭ); *д'й* — *п'ерд'й*, *зв'изд'й*, *пр'ид'й* (КЭ, КИ); *с'й* — *кус'й*, *такс'й*, *искл'ас'й* (КЭ, КИ); *з'й* — *куз'й*, *пам'р'з'й* (КЭ, КИ); *ц'й* — *уб'иц'й*, *с'ици'й* (КЭ, КИ); *с'й* — *сал'с'й*, *пал'с'й*, *мэрс'й* (КЭ, КИ); *н'й* — *ст'ин'й*, *ун'й/х'ун'й* (КЭ, КИ); *л'й* — *ил'й*, *ч'ил'й*, *цес'й* (КЭ, КИ); *р'й* — *п'р'й*, *в'р'й* (КЭ, КИ), *ул'б'м'ит'и* *ж'ар'й* (КЭ); *й'й* — *крий'й* и *кр'й/кр'й'й* (КЭ, КИ), *с'им'й'й* (КЭ); *ш'й* — *шт'й*, *дшт'й*, *зв'шт'й* (КЭ, КИ); *ч'й* — *уч'и*, *п'ич'й* (КЭ, КИ); *ж'й* — *п'ж'й*, *устр'й'ж'й* (КЭ, КИ); *щ'й* — *х'ер'ал'ф'й'й* (КЭ), *двр'ф'й*, *пр'удал'ф'й* (КЭ, КИ); *к'й* — *ш'нур'к'й*, *лар'к'й* (КЭ), *ск'й* (КИ); *г'й* — *ру'й*, *св'г'й*, *д'г'й* (КЭ, КИ); *х'й* — *св'х'й* и *св'л*, *му'х'й* и *м'л* (КЭ, КИ).

После *ф'* гласный *й* в позиции перед паузой употребляется очень ограниченно.

Гласный *й* в КЭ и КИ в позиции перед паузой реализует следующие флексии: а) мн.ч. сущ. ж.р. (*ж'ин'й*), б) мн.ч. сущ. м.р. (*ру'й*), в) мн.ч. сущ. ср.р. (*уч'й*), г) од.ч. прилагательных м.р. (*св'ит'й*), д) 3 л. од.ч. наст.пр. (*дц'искл'ас'й*), е) 2 и 3 л. од.ч. пори-сти (*зв'с'г'й*), ж) повел. накл. од.ч. (*удж'аст'й*), з) числительного *тр'и*, и) исход некоторых субстантивных основ (*такс'й*).

В позициях V_1V , VV_1 в говорах КЭ и КН гласный *й* достаточно широко вступает в сочетания с гласными. В этих сочетаниях *й* может быть как первым, так и вторым компонентом.

В качестве первого члена гласный *й* зафиксирован в сочетаниях *йе*, *йа* и *йэ*.

йе в КЭ и КН употребляется как в рамках одной морфемы, так и на стыке морфем. Этимологически оно содержит интервокальный *й*, который может при быстром темпе речи утрачиваться, давая сочетание *йэ*, особенно в тех случаях, когда данная последовательность находится внутри одной морфемы. Если же *йе* разделяется морфемной границей, то *й*, как правило, сохраняется. Ср. *ш'йе/ш'й'ага*, *б'йеца/б'й'еца*/*б'й'аца*, *кр'йет/кр'й'ет*/*кр'й'ат*, *да эм'йе/да эм'й'а*, *тр'й ет'р'и/тр'й' ет'р'и*/*тр'й' ает'р'и*, *тр'й ер'ена/тр'й' ает'ена*, *ф'йеуу з'р'иу/ф'й'еуу*.

йа/йэ. Сочетание *йе* находится в КЭ и КН в отношении вариации с *й'а/й'э*, в которых интервокальный *й* обычно всегда присутствует. Объяснение этого факта заключается в том, что резкая переходная зона между двумя артикуляционно различающимися гласными, какими являются *й* и *а*, удерживает интервокальный *й* (ср. возможное произношение без *й* близких *й'*-артикуляционном отношении гласных *йе* – *кр'й'ет* и обязательное присутствие *й*, если второй элемент сочетания реализован артикуляционно более далеким от *й* гласным *а* или *э* – *кр'й'ат*/*кр'й'эт*). При соединении в потоке речи гласных *й* и *а* (*э*), принадлежащих разным словам и разделенных междусловной границей, допустимо их произношение как с интервокальным протетическим *й*, имеющим противоположную гласному *а* тембровую и артикуляционную характеристику /51 с. 223/, так и без него, например; *тр'й а'бра/тр'й' а'бра*, *тр'й ал'т'на/тр'й' ал'т'на*.

В словоформе *ф'йеуу* сочетание *йе* произносится при медленном темпе речи; в более быстрой и небрежной речи происходит лабиализация заударного гласного *е* под влиянием губного *у* с дальнейшей его консонантизацией: *ф'й'еуу/ф'й'й'уу/ф'й'уу* и, наконец, *ф'й'й'*.

Что касается возможных сочетаний *йи* и *йу*, то в рамках фонетического слова они не произносятся. На их месте мы находим в КЭ и КН сочетания *ий* и *йу*, возникшие в результате консонантизации звуковых гласных верхнего подъема *и* и *у* в позиции по-

ред согласным и перед паузой. Например: *ий* – *м'ий*, *ил'ийи'*, *лоу'ий*, *таб'кк'ийт'и*, *эм'ийт'и* (КЭ, КН); *йу* редко, так как чаще произносятся *й'у* – *эм'й'и* и *эм'й'и'* ‘эмиев’, *ф'й'и* и *ф'й'и'* ‘фиев’, *б'й'и* и *б'й'и'* ‘б'й'лик'и и *б'й'й'лик'и* (КЭ, КН).

Если же сочетания гласных *йи* и *йу* принадлежат разным словам и разделяются в потоке речи потенциальной паузой, то возможно их сосуществование с дифтонгоидными сочетаниями *ий* и *йу*. Например, *св'ит'й Нван/св'ит'й'й'ван*, *тр'й ил'ена/тр'й' ил'ена*; *улу'й'ур'ена/улу'й'ур'ена*, *тр'й цс'й/тр'й' цс'й*. Выбор того или иного варианта произношения зависит, как правило, от темпа речи.

В качестве второго члена вокального сочетания гласный *й* в КЭ и КН зафиксирован в *ий*, *ей*, *ай*, *йи*. Сочетания образуются как в морфеме, так и на стыке морфем.

ий – *ч'ийр'*, *л'ан'и й'о'и* (КЭ, КН); *ей* – *ш'е й'о'ам'и* (КЭ, КН); *ай/йи* – *байр'а/б'айр'а*, *Исмайл*, *да й'о'и* (КЭ, КН), *той л'ик'я П'лга* (КН); *йи* – *пу'йи*, *улу'йи*, *из'ой'и*, *скр'ий'и*, *м'йи*, *да и'йи*, *м'ш'ку й'м'и* (КЭ, КН).

Анализ приведенных примеров показывает, что некоторые сочетания возникли в результате элизии интервокальных согласных *й* (*из'ой'и*, *скр'ий'и*), *в* (*улу'йи*, *з'ой'и*) и *х* (*м'йи*). Что касается сочетаний *ий*, *ей*, то первый безударный гласный может редуцироваться в них до нуля, например, *ч'ийр'и* и *ч'ир'*, *ш'е й'о'ам'и* и *ш'о'о'ам'и*.

2.6. Гласный *б* употребляется в КЭ и КН в позициях $\#VC$, $\#VC'$, CVC , CVC' , $C'VC$, CVC' , $CV\#$, $C'V\#$.

В позициях $\#VC$, $\#VC'$ гласный *б* в КЭ и КН представлен следующими примерами.

VC – *бо'бр/б'о'ар*, *б'емат'а/б'емат'а*, *б'ва/б'ва*;

VC' – *бл'гу/б'л'гу*, *б'д'а/б'д'а*, *бр'г'и/б'р'г'и*, *бр'а'й'иу/б'р'а'й'иу*, *б'х'л'уф/б'х'л'уф*.

Особенностью артикуляции гласного *б* является *у*-образная экскурсия, вызванная кратким поднятием спинки языка по направлению к мягкому нёбу перед началом основной артикуляции, что дает акустический эффект *Уо* /51 с. 223/. Такое произношение особенно характерно для КЭ. В КЭ и в КН начальный *Уб* свободно варьируется с *б*, свойственным и современному болгарскому ли-

$xбo'ax$, фбрм^и и $xбрм'и$ (КЭ, КИ); мб – смбу^и, намбр^им, мбй-та (КЭ, КИ); тб – фтбр^и/тбр^и, тбл^и, птбц^и (КЭ, КИ); до – обй^оит^и, обл^ии^и, обр^иит^и и обобр^иит^и (КЭ, КИ); сб – пубк^и, сбб^и, сби и сббй, (КЭ, КИ); зб – озрзбн^и, б^из б^из (КЭ, КИ), узбри (КЭ), зби^и (КИ); цб – уцбб^и ‘от соби’ (КЭ, КИ); нб – нбш^ити^и/нбш^ити^и, нбх^ии, нбв^и (КЭ, КИ); лб – лой, лбз^и, лбш^и (КЭ, КИ); рб – рой, рбж^иб^и, рбж^иг^и (КЭ, КИ); кб – кбр^ии, кбн^иг^и, кот^и, кбсм^и (КЭ, КИ); гб – гбст^и, гбн^и, Гбч^иу (КЭ, КИ); хб – хбб^иат и фбб^иат, нбхбж^иоат и нбфбж^иоат (КЭ, КИ), хбж^имг^и ‘постоянно’ (КЭ).

После *з* гласный *б* в КЭ и КИ не зафиксирован.

В позициях CVC, CVC' гласный *б* как в КЭ, так и в КИ употребляется крайне редко. Данную позицию характеризует, во-первых, далеко не полный охват согласных, предпочитающих гласному *б*, и, во-вторых, небольшое количество словоформ, содержащих в своей структуре сочетание ‘мягкий согласный + б’. Ниже приводятся все записанные в КЭ и КИ словоформы, иллюстрирующие употребление ударного *б* после мягких согласных, шипящих и *й*: м'б – Cим'би (КЭ); т'б – Ст'бтг, т'бх^иг^и (КЭ), м'иит'бр (КИ); с'б – с'внс'бр (КИ), с'б р'миб ‘все равно’ (КЭ); л'б – л'бч^ии^и, л'бх^иу (КЭ), м'иоал'би, батал'би, фл'бгг^иг^и/л'бгг^иг^и (КИ); р'б – с'ир'бз'и, лдр'бк, лдр'бкг, ар'бл (КЭ); йб – йбфт'и, йбфт'-гн^и (КЭ, КИ), йблг, йбл'к^и, рай'би и рай'иби (КЭ), ш'иф'ий'бр, Йбфга (КИ); ш'б – ш'бф'ар (КЭ), куш'бш^и/куш'бй (КЭ, КИ); ж'б – ж'блгч'и'ий'пуз'ир (КЭ), пржж'бл^и (КИ); ч'б – ч'бфкг (КЭ, КИ), ч'бл'гс, ч'бл'гст^и (КЭ), ч'бл'гс (КИ); ф'б – ф'бн, ф'бпч^и, ф'бб'-и, л'и'ч'бс'и (КЭ, КИ); к'б – к'бпулу (КИ); г'б – г'ол', г'бл'-иш'тг, г'и, г'бл'и, Г'гр'бш'бн'бн, мга'бсн'иш (КЭ, КИ), п'гр'бн (КЭ).

В КЭ более широкое употребление *б* после мягких согласных обусловлено наличием заимствований из русского языка (например, лдр'бк, с'б р'миб и др.).

В КЭ и КИ в позиции после мягких согласных *у*-образная экскурсия при реализации ударного *б* отсутствует.

В позиции CV# *б* зафиксирован в КЭ и КИ только после *п*, *б*, *в*/ω, *ф*/ф, *ж*, *т*, *д*, *с*, *и*, *л*, *р*, *к*, *х*.

пб – с'глпб (КЭ); бб – калбб (КЭ, КИ); вб/вб – озрбб/озрбб и озрб, кжкбб/кжбб (КЭ, КИ); фб – уфб и уфб/уб (КЭ, КИ); мб – п'исмб (КЭ, КИ), ч'итмб (КЭ); тб – т'гсжб, л'исжб, палтб, лдтб (КЭ, КИ); дб – ил'дбб (КЭ, КИ); сб – м'исб (КЭ, КИ); нб – бржн'иб, илжкб, идиб/ишб (КЭ, КИ); лб – с'идлб, г'р'иблб, лло, и'и'мж'лб (КЭ, КИ); рб – п'арб, р'ибрб, с'р'ибрб (КЭ, КИ); кб – укб (КЭ, КИ), сакб (КИ); хб – ухб и уфб/уб (КЭ, КИ).

Большинство позиций (а именно – после *п*, *б*, *в*, *ф*, *ж*, *т*, *д*, *с*, *и*, *л*, *р*, *к*, *х*) представлено единичными слоноформами. И только для позиции после *л* и *р* отмечено значительно большее число слоноупотреблений.

В позиции CV# гласный *б* не зафиксирован; исключение составляют бил'б в КЭ и бил'б в КИ.

В позиции CV# гласный *б* в КЭ и КИ реализует флексии: а) суш. ср.р. ед.ч. (м'исб), б) нарочий (кжкбб), в) числительного ср.р. (идиб), г) причастий ср.р. ед.ч. (мж'лб).

В позициях V₁V, VV₁ гласный *б* в КЭ и КИ сочетается с безударными *и*, *е*, *а*, *э*, *у* и может быть как первым, так и вторым членом вокального сочетания.

В качестве первого члена гласный *б* в КЭ и КИ соединяется, фактически, только с безударными гласными *а* и *э*, образуя сочетания ба и бэ. Они представлены в ограниченном количестве словоформ и могут варьироваться в одном и том же идиолекте с вокально-консонантными группами б^ха, б^хэ, б^хэ. Например, кб^а-та/кб^э-та (и кб^хага/кб^хэга), дубба/дуббэ (и дубб^ха/дубб^хэ). На стыке слов (т.е. в условиях внешнего сандака) сочетание ба/бэ встречается в КЭ и КИ чаще. Например, кжкбб ар'бсшг^и, идиб элткн^ии^и. В вокальных группах ба/бэ ударный *б* может произноситься и с *у*-образной экскурсией, т.е. уб^а/уб^э.

Что касается сочетаний бс, би и бу, то в рамках слоноформы они в КЭ и КИ заимствованы: вместо них возможны только сочетания б^шг (находящиеся в отношении взаимозаменяемости с сочетанием б^шг) и так называемые дифтонгоиды бй и бш, возникшие в результате консонантизации заударных *и* и *у*. Например, б^шг/б^шг – лбшг/лбшг, рб^шгк/рбшгк, пб^шгс^и/пшгс, зрб^шгг/зрбшгг-ла (← заровела), тб^шгг'б (← той и вше); бй – пбшч^и (← повече), трбш (← трови), Буорбшгг (← Изгородина); бш – мбшг

(←—много). На стыке двух словоформ (т.е. в условиях внешнего сандхи) дифтонгоиды *би* и *бй* могут варьироваться в КЭ и КН с по-кальными сочетаниями *би* и *бу*. Например, *элтб* и *ср'ибрб/элтб й ср'ибрб*; *иоб* *у^хб/иоб й^хб* (и даже *иоб ю^хб*); *иоб* *укб/иоб йкб* (а также *иоб укб*); *иб-умур'ит'глиа* / *иб-ймур'ит'глиа*.

В сочетаниях *б^йс*, *бй* и *бй* ударный *б* часто произносится, особенно в КЭ, с *у*-образной экскурсией.

В качестве второго члена ударный *б* выступает в сочетаниях *сб*, *аб*, *зб*, *иб*, *уб*.

Сочетание *сб* зафиксировано и в КЭ, и в КН только на стыке слов, например: *тв^а ^йс бр'аюу дэриб*, *тв^а ^йс бсак*. В данной позиции ударный *б* произносится, как правило, с *у*-образной экскурсией (особенно в КЭ), которая может консонантизироваться, и тогда покальное сочетание разделяется интервокальным *о*: *тв^а ^йс Убсак/ ^йс ^йс бсак*, *тв^а ^йс Убр'а^х/^йс ^йс бр'а^х*, *тв^а ^йс Убфч'у мл'аку/^йс ^йс бфч'у мл'аку*.

Сочетание *аб/зб* также зафиксировано только на стыке слов — *паш'ийф бдар*, *чул'ем'ийз б'си*. Произношение *б* в данных сочетаниях часто сопровождается *у*-образным приступом, который может консонантизироваться в согласный *о*: *паш'ийф Убдар/ паш'ийз ^йс бдар*, *чул'ем'ийз Убч'аи/чул'ем'ийз ^йс бч'аи*.

Сочетание *иб* встречается в ограниченном количестве слов, где оно обычно разделяется интервокальным *й* — *м'ил'ибн/м'ил'-и^йбн* (КЭ, КН); *ш'иф'ибр/ш'иф'и^йбр*, *кдм'ибн/кдм'и^йбн* (КН). В ряде случаев возможно произношение с интервокальным *о* — *м'ил'-и^обн*, *кдм'и^обн*. На стыке слов (т.е. в условиях внешнего сандхи) сочетание *иб* реализуется, как правило, либо в виде *и^об*, либо в виде вокально-консонантного сочетания *и^об* — *и^ои Уб^оал*, *ш'србк'и Убдар/ш'србк'и ^йс бдар*, *тби исф^рл'и шбф^лу^оа*.

Сочетание *уб* фиксируется как внутри словоформы, так и на стыке словоформ. Внутри словоформы это сочетание возникает обычно в результате утраты интервокальных *в*, *ф*, *х* — *прубж'дат* (наряду с *пру^хбж'дат/пруфбж'дат*), *дубл'ан* (наряду с *дубл'ан*), *убш'ка* (и *убш'ка*). В условиях внешнего сандхи возможно появление интервокального *о*: *пу б^оат/пу шбб^оат*. Можно предположить, что *б* в сочетании *уб* имеет *у*-образную экскурсию, которую, однако, нельзя уловить на слух, так как она акустически сливается с предшествующим предударным *у*.

2.7. В говорах КЭ и КН гласный *й* употребляется в позициях *НVC, SVC, SVC', C'VC, C'VC'*.

В конце словоформы перед паузой ударный *й* не зафиксирован ни в КЭ, ни в КН, за исключением повторенных вслед за экспло-ратором существительных *к'сг^лур^й* (КН) и *м'и^й* (КЭ, КН) и прилагательного *с^й*, употребляющегося наряду с более обычными формами *с^у* и *с^йх*.

В позициях *НVC, НVC'* гласный *й* зафиксирован в КЭ и КН — *йдар*, *йбар* и *х^йбар* / *фйбар*, *йрка* и *х^йрка*, *йич'у* и *фйич'у*, *йч'аи'т'и* (КЭ, КН); *йлка* и *фйлка* 'сорг жита', *йгур* (КЭ); *ймла са* и *х^ймла са* 'развали са' (КН).

Как видно из приведенных примеров, в ряде случаев *й* после паузы в начале слова варьируется с сочетаниями *х^й*, *фй* — *йрка* / *х^йрка*, *фйч'у* / *фйч'у*, *фста* / *фста*.

В позиции *SVC* гласный *й* в КЭ и КН отмечен после *и*, *б*, *в/и*, *ф/ф*, *м*, *т*, *о*, *с*, *с*, *и*, *и*, *л*, *р*, *к*, *ч*, *х*.

и^й — *пйкал*, *пйса* (КЭ, КН), *пайр* (КН), *пайр* и *пайр'* (КЭ); *б^й* — *бйлка*, *бйба* (КЭ, КН); *и^й/и^ф* — *царвйла/царвйла* (КЭ, КН); *ф^й/ф^ф* — *фйкал'и/фйкал'и* и *х^йкал'и*, *фйрка* и *х^йрка* (КЭ, КН), *ч'йфйчка* и *ч'йфйчка*, *лфйса* и *лх^йса* 'рожница' (КЭ); *м^й* — *сд-мйи*, *пдмйк* (КЭ, КН), *мисйра* 'морда' (КЭ); *т^й* — *тйла/тй^хла/тй-фла*, *бсжйи*, *к'ишйк* (КЭ, КН), *хуртйоат*, *фертйица* (КЭ); *л^й* — *ошйа*, *дйица* (КЭ, КН), *ч'икр^ойр* (КЭ), *пр'идйит* (КН); *с^й* — *пачйках*, *сйтрзйа*, *сйроа^й'и* (КЭ, КН); *с^й* — *варсйоат*, *ошрйла* 'узел' (КЭ); *и^й* — *к^ушйм*, *малйт* (КН); *и^й* — *т^оцйоат* (КЭ, КН); *и^й* — *пйжа/пйжа*, *сидйоах* (КЭ, КН), *с'идйр*, *пр'ишйка* (КЭ); *л^й* — *бшйк*, *улйх*, *блйа* (КЭ, КН); *р^й* — *рйса*, *кйрйк* (КЭ, КН), *имрйк*, *стрй-ка* 'сито', *ирй^х'и^к* (КЭ); *к^й* — *кйм*, *искйбца*, *кйрр* (КЭ, КН), *паш'кйл* (КН); *г^й* — *бдлйр*, *кйкш* (КЭ, КН), *булйи* (КЭ); *х^й* — *паш'кйл* и *фйкал'и*, *хйрка* и *фйрка*, *стржйоай* (КЭ, КН).

Позиция для *й* после *л* зафиксирована только в КН, а позиция после *с* отмечена только в КЭ.

Позиции после *в/и*, *и*, *ч* представлены в говорах КЭ и КН в единичных словоформах.

Сочетания *ху* и *фй* в обоих говорах находятся в отношении свободного варьирования (*фйка/хйка*); при быстром темпе речи *х* и *ф* варьируются также и с нулем звука (*йка*, *йбар*).

у́й отмечено лишь в одной словоформе *у́йу́йт*; при более четком произношении в данном сочетании появляется ясно артикулируемый интервокальный *й*, а безударный *е* расширяет свою артикуляцию — *у́йу́йт* → *у́ййу́йт* → *у́йййу́йт*.

йи фактически запрещено, так как во всех случаях имеет место консонантизация звукового *и* и превращение сочетания *йи* в дифтонгоидную группу *йи* — *у́ййи* (ср. *ду́й/ду́й'а*), *у́ййиш'* (ср. *ду́йш'*), *у́йййм/у́йййм'и* (ср. *ду́йм*), *у́йййт'и* (ср. *ду́йт'и*), *су́й др'ей/су́й'и др'ей'и*.

йу может быть произнесено только на стыке двух словоформ при четкой, медленной речи (*кату́йу́ув'а́ла*). При быстром и более небрежном артикулировании, а также внутри словоформы звуковой *у* в потоке речи консонантизируется, давая *й* или *ш*, а в ряде случаев утрачивается, поглощаясь предшествующим ударным *й*. В результате в КЯ и КН реально сосуществуют такие произносительные дублеты, как *б'у́й'а/бу́л*, *су́й'и/су́*, *кату́й'у́уу'а́ла/кату́ду'у́а́ла* (но и *кату́й'у́уу'а́ла*).

В качестве второго члена вокальных групп гласный *й* отмечен в сочетаниях *а́й/а́й*, *е́й*, *и́й*, *у́й*. Они встречаются преимущественно на стыке морфем и в условиях внешнего сандхи.

а́й/а́й зафиксировано в КЯ в границах словоформы в *а́ааа'а́з'аи*, *а́аа'а́з'и*, *а́аа'а́ш'и*, *а́аа'а́ш'и*, *а́аа'а́ш'и* 'барабан'. Здесь сочетание *а́й/а́й* свободно варьируется с *а́а'а́й/а́а'а́й*: *а́аа'а́ш'а́и*, *а́аа'а́ш'и*. В КН данные словоформы не собраны.

Если же вокальное сочетание *а́й/а́й* фиксируется на стыке двух словоформ, оно всегда сохраняется неизменным, и не разрушается интервокальным *ш*, ср. примеры из КЯ и КН: *а́аа'а́ш'и*, *а́аа'а́ш'и*, *а́аа'а́ш'и*.

е́й отмечено только в условиях внешнего сандхи и только при медленном темпе речи, например, *та́а'а́й'и́а́а*. При быстром темпе речи на месте предударного *е* находим согласный *й* — *та́а'и́а́а*.

и́й находим только на стыке морфем, — *а́а'и́й'и* (КЯ, КН), *и́й'и* (КЯ).

у́й встречается в КЯ и КН на стыке морфем и может быть произнесено только при четком артикулировании, например *а́а'у́й'и* с *ка́мш'а́а*.

2.8. Сообразно правилам синтагматики, ударные гласные группируются в следующие позиционные наборы.

НУС	— <i>а́, е́, и́, б/у́б, у́</i> , ограничено <i>б́</i> ;
СVC	— <i>а́, б́, б/у́б, б́, у́</i> , редко <i>б́</i> (КЯ);
СVC'	— <i>а́, б́, б/у́б, у́</i> ;
С'VC	— <i>а́, б́, и́, б́, у́, у́</i> и <i>б́</i> (КН);
С'VC'	— <i>а́, б́, и́, б́, у́</i> ;
CV#	— <i>а́, б́, б́</i> ;
С'V#	— <i>а́, б́, б́, и́, б́</i> , ограничено <i>б́, у́</i> ;
VV ₁	— <i>а́, и́, б́, у́</i> , (КЯ, КН), <i>б́</i> (КН);
V ₁ V	— <i>а́, б́, б́, и́, б́, у́</i> .

Дистрибуция ударных гласных обнаруживает связь с качеством последующего сегмента. Так, мягкие согласные накладывают известные ограничения на употребление гласного *а́*. Смена позиций С'VC → С'VC' во многих морфемах влечет за собой замену гласного *а́* гласным *е́* — *пу́л'а́а* → *пу́л'е́и'и*. Поведение других гласных не зависит от твердости-мягкости последующего согласного.

Последующий лабиальный согласный, особенно *в/ш*, *а/ф*, вызывает изменение *и́* → *у́, у́* — *на́а'у́ф/на́а'у́ф*, но *на́а'и́х* в КЯ и КН.

В дистрибуции ударных гласных отмечаются некоторые различия между КЯ и КН.

Так, в позиции С'VC' в обоих говорах фиксируется парирование между гласными *а́* и *е́* (*й'а́сл'и/й'е́сл'и*, *ч'а́йн'ик/ч'е́йн'ик*), которое в своей реализации характеризуется особенностями, различными в КЯ и КН. В корневых морфемах после некоторых мягких согласных, шипящих и *й* в КЯ в большом количестве лексем находим гласный *е́*, а в КН — гласный *а́*. При этом гласный *а́* в КЯ произносится в корневых морфемах и, в основном, в заимствованиях из русского языка; в КН же он зафиксирован преимущественно в исконно болгарских словах, таких, как *ч'а́ш'и*, *ж'а́б'и*, *й'а́тк'и*, *пр'и́й'а́т'елка* и др. (в КЯ эти слова имеют гласный *е́*). При наличии вариантов с *е́* и *а́* (*й'е́сл'и/й'а́сл'и*) вариант с *е́* отмечается, как правило, у лиц более старшего возраста. Однако и в КЯ, и в КН гласный *а́* одинаково широко и без варьирования с гласным *е́* представлен в позиции С'VC' в том случае, если он реализует собой аористную или имперфектную связочные морфемы в формах I и 2 л. мн.ч. (*ра́збул'а́а'и*, *ра́збул'а́а'и*, *пл'ит'а́а'и*, *пл'ит'а́а'и*).

Относительно допустимости тех или иных гласных в определенных позициях отметим, что гласные *и́, е́, љ́* запрещены после твердых согласных, а гласный *ѣ́* запрещен после мягких согласных. Остальные гласные могут употребляться как после твердых, так и после мягких согласных.

Сочетания ударных гласных с безударными, где вторым членом выступают звукоударные *и* и *у* фактически запрещены как в КЯ, так и в КН: они заменяются более употребительными дифтонгоидными сочетаниями соответствующих ударных гласных с согласными *и́* и *ѣ́*, появившимися в результате консонантизации звукоударных *и* и *у*. Поэтому в говорах КЯ и КН более распространены вокальные сочетания, где ударный гласный является вторым членом (т.е. $V_1 \check{V}_1$), а не первым ($\check{V} V_1$).

Возникновение инертновокальных протез более свойственно КЯ, чем КН.

Что касается особенностей в артикулировании отдельных гласных, то можно отметить, что в позиции начала слова и после твердых согласных гласный *ѣ́* в КЯ почти всегда имеет *у*-образную оксурсию. В КН это явление наблюдается реже.

3. Гласные в безударной позиции.

3.0. Между гласными ударных и безударных слогов в КЯ и КН имеются существенные различия. Безударные гласные имеют иную артикуляционную характеристику, чем гласные в слоге под ударением. Ударный гласный, попадая в безударный слог, может менять степень открытости-закрытости, появляется значительная свобода в отношении места подъема языка в пределах переднего, среднего и заднего рядов, относительно высокая инертность произносительных органов /49 с. 111; 55 с. 87/. В результате в ударной и безударной позициях инвентарь гласных звуков в КЯ и КН оказывается неодинаковым.

В болгаристике изменение гласных в безударных слогах называется "качественная редукция". Наиболее известен и подробно описан тип редукции, свойственный литературному болгарскому языку и большинству восточноболгарских диалектов. При этой редукции гласные переднего подъема *е́, ѓ́, ѣ́*, оказавшись в безударной позиции, превращаются в гласные ненижнего подъема типа *и, ѣ*,

у /56 с.44/, т.е. *е́, ѓ́ → и; ѓ́, ѣ́ → ѣ; ѣ́, ѣ́ → у*. Данный тип редукции не меняет ряд безударного гласного в сравнении с ударным.

Однако большинству юго-восточных болгарских диалектов известен и другой тип редукции, как бы противоположный только что рассмотренному. Редукция охватывает лишь локализованные в пределах переднего и среднего рядов цепабиализованные гласные верхнего и среднего подъема после мягких согласных. Указанные гласные в безударной позиции заменяются гласными средне-нижнего подъема, т.е. *ѣ́ → ѣ́* или *ѣ́*, *ѣ́ → ѣ́* или *ѣ́* /53, с. 224; 52, с. 45–49; 57/. При этом следует иметь в виду, что гласные *ѣ́* и *ѣ́* являются как бы крайними точками зоны от среднего до средне-нижнего подъема и от передне-среднего до средне-заднего ряда, в границах которой может выступать безударный гласный в своих многочисленных производительных оттенках.

По характеру своего проявления два типа редукции существенно отличаются друг от друга.

Так, если первый из указанных типов редукции в большинстве болгарских вокальных систем носит универсальный и безысключительный характер (т.е. всегда *ѣ́, ѣ́, ѣ́, ѣ́, ѣ́, ѣ́ → и, ѣ, у*), то второй тип редукции имеет значительно более ограниченную сферу действия. Он обычно сосуществует в рамках локальной системы с первым типом редукции, в силу чего в одном и том же диалекте возможны следующие соответствия между ударными и безударными гласными: *ѣ́ → и, ѣ́; ѣ́ → и, ѣ́; ѣ́ → ѣ́, ѣ́; ѣ́ → ѣ́, ѣ́; ѣ́ → ѣ́, ѣ́; ѣ́ → ѣ́, ѣ́; ѣ́ → ѣ́, ѣ́; ѣ́ → ѣ́, ѣ́; ѣ́ → ѣ́, ѣ́*. Вокальные системы, сочетающие оба типа редукции, характеризуются более сложной организацией по сравнению с вокальными системами тех диалектов, которым присущ только первый тип редукции.

Одну из разновидностей болгарской диалектной редукции гласных, своеобразно сочетающей первой и второй типы, находим в говорах КЯ и КН.

3.1. Предударный вокализм.

3.1.1. Гласные *ѣ́* и *ѣ́* в КЯ и КН очень близки по своим артикуляционно-акустическим свойствам, но значительно различаются

только степенью раствора ротовой полости в пределах средне-нижнего подъема. Гласный *a* локализуется на ниже-средней ступени подъема, а гласный *ɜ* — на несколько более высокой средне-нижней ступени подъема. Как правило, эти гласные свободно варьируются, но в КЯ и КИ более высокая частота употребления присуща *a*.

Гласные *a* и *ɜ* употребляются в позициях $\#VC\text{---}$, $\#VC\text{---}$, $CVC\text{---}$, $CVC\text{---}$, $C'VC\text{---}$, $C'VC\text{---}$.

В позициях $\#CV\text{---}$, $\#VC\text{---}$ широко представлен гласный *a* независимо от степени удаленности предударного гласного от ударного. Качество последующего согласного, его твердость или мягкость, лабиализованность или нелабиализованность не оказывают влияния на дистрибуцию *a*. Гласный *ɜ* в данной позиции в КЯ и КИ зафиксирован в единичных случаях параллельно с *a*: *ɑpr'ɨl*, *ɑwɨns*, *ɨsmɨtɑ/ɨsmɨt'a*, *ɑsbr* и *ɨɑsbr*, *ɑkɨl/ɨkɨl* (КЯ, КИ). Артикуляционная устойчивость предударного *a* в начале слова после паузы, видимо, объясняется тем, что в позиции абсолютного начала слова основные характеристики безударного гласного в наименьшей степени подвержены влиянию фонетического контекста /49 с. 112/.

Предударные *a*, *ɜ* зафиксированы в КЯ и КИ и после потенциальной паузы: *na ɑkɨlɑ*, *prɨs ɑkɨl*, *ɔbɨ m'ɨ ɑɔr'ɛzɑ*, *zɑ ɑsmɨtɑ/zɑ ɨsmɨtɑ*, *ɨɨbɑɔ ɨrmɨn*. Однократно в КЯ зафиксирована протеза *x* — *ɑs n'ɨ sɨm ɨɑrt'ɛlnɨtɑ*.

В позиции $CVC\text{---}$ предударные *a*, *ɜ* зафиксированы в КЯ и КИ после *n*, *b*, *v/w*, *f/φ*, *m*, *t*, *ɔ*, *s*, *z*, *ɨ*, *n*, *l*, *r*, *k*, *ɨ*, *x*.

pa/pɨ — *patɔk/nɨtɔk*, *paɨbr'a*, *patɨwɑm/nɨtɨwɑm* (КЯ, КИ), *nɨrɑl'a* (КИ); *bɑ/bɨ* — *bɑkbr/bɨkbr*, *bɑstɨn*, *bɑlɑr'ɨjɑ* (КЯ, КИ); *vɑ/vɨ*, *wɑ/wɨ* — *vɑlnɑ*, *vɨrbɑ*, *kɑwɑrmɑ/kɨwɨrmɑ*, *wɑskr'ɛsnɑ* (КЯ, КИ); *fɑ/fɨ*, *φɑ/φɨ* — *φɑrtɨnɑ/φɨrtɨnɑ*, *φɑm'ɛr'ɨkɑ* (КЯ), *φɑsɨl'*, *φɑsφɑlt/φɨsφɑlt* (КИ); *mɑ/mɨ* — *mɑlɑ/mɨlɑ*, *mɑlɑn'ɨ*, *mɑgɑz'ɨn* (КЯ, КИ), *mɑmɨl* (КИ); *tɑ/tɨ* — *tɑrkɑl'ɑm/tɨrkɑl'ɑm*, *tɑmɑzɨtɔk*, *tɑkɨlɑ* (КЯ, КИ), *tɨrkɨl'ɨ* (КИ); *ɔɑ/ɔɨ* — *ɔɑrɨk/ɔɨrɨk*, *ɔɑnɨn'ɨ* (КЯ, КИ), *ɔɑʒ'ɔbmɑ/ɔɨʒ'ɔbmɑ* (КИ); *sɑ/sɨ* — *sɑbrɨɑɑ/sɨbrɨɑɑ*, *sɑkɑ*, *sɑpɨn* (КЯ, КИ), *sɨmɨk* (КИ); *zɑ/zɨ* — *zɑbɨn'ɨ/zɨbɨn'ɨ*, *zɑbɨ/zɨbɨ* (КЯ, КИ), *zɑrɨwɨt/zɨrɨwɨt* (КИ); *nɑ/nɨ* — *ɨlɨnɑ*,

ɨɑrɨl'ɨ/ɨɑrɨl'ɨ/ɨrɨl'ɨ (КЯ, КИ); *nɑ/nɨ* — *snɑxɑ/snɑb/ snɨb*, *nɑlɑɑ*, *mɑnɑst'ɨr/mɨnɨst'ɨr* (КЯ, КИ); *lɑ/lɨ* — *lɑwɨb/ɨlɨwɨb*, *lɑwɨ/lɨwɨ*, *nlɑxɔk/nlɨxɔk* (КЯ, КИ); *pɑ/pɨ* — *trɑmɨk/ɨrɨmɨk*, *brɑɔbɑ* (КЯ, КИ); *kɑ/kɨ* — *kɑlɑbɑ/kɨlɑbɑ*, *kɑtbr/kɨtbr* (КЯ, КИ); *gɑ/gɨ* — *ɨɑrɔbɑtɑ/ɨrɨbɑtɑ*, *ɨrɨkɨ* (КЯ, КИ); *ɨɑ/ɨɨ* — *ɨɑtbr/ɨtbr*, *ɨɑsbr/ɨsɨbr* (КЯ, КИ), *ɨɑstɔk* и *φɨstɔk* (КИ).

В предлоге *vɨv* (*wɨφ/wɑφ*, *φɨφ/φɑφ*) предударные *a* и *ɜ* перед слогом с лабиализованным гласным приобретают элемент лабиализованности, т.е. *wɨʋ* *ɨfɔtɨ*, *φɑʋ* *ɨbsɑk*, *wɨʋ* *ɨjɨnɨ*. Эти оттенки гласных в транскрипции не учитываются.

В позиции $CVC\text{---}$ в КЯ и КИ наиболее частотным вариантом является *a*. Предударный *ɜ* употребляется редко и преимущественно после *r*, *k*, *ɨ*.

При делении на слоги словоформ *bɑlɑr'ɨjɑ*, *wɑskr'ɛsnɑ*, *mɨrɑφ'ɨn'ɑk* было получено *bɑlɑr'ɨjɑ*, *vɨ/skrɨ/snɨ*, *mɨ/rɑ/φ'ɨjɑ*.

В позиции $CVC\text{---}$ в КЯ и КИ предударные *a*, реже *ɜ* зафиксированы после *n*, *b*, *v/w*, *f/φ*, *m*, *t*, *ɔ*, *s*, *z*, *ɨ*, *n*, *l*, *r*, *k*, *ɨ*, *x*. *pa/pɨ* — *pan'ɨɑ/nɨn'ɨɑ*, *narɨ'ɛ* (КЯ, КИ); *bɑ/bɨ* — *bɑsm'ɨ*, *bɑkɨ'ɨn'ɨ/bɨkɨ'ɨn'ɨ* (КЯ, КИ), *bɑl'ɨn'ɨsɨn'ɨ* (КЯ); *vɑ/vɨ*, *wɑ/wɨ* — *vɑrɨ'ɨjɑ/vɨrɨ'ɨjɑ*, *vɑl'ɨ'ɨn'wɑl'ɨ'ɨ* (КЯ, КИ), *ɨmɨwɨl'ɨt* (КЯ); *φɑ/φɨ*, *φɑ/φɨ* — *φɑn'ɛlɑ/φɑn'ɛlɑ*, *φɑl'ɨbɑtɑ/φɨl'ɨbɑtɑ*, *φɑjɔb/φɨjɔb* (КЯ, КИ); *mɑ/mɨ* — *mɑl'ɨ'ɨmɨl'ɨ'ɨ*, *mɑl'ɨn'ɨjɑ* (КЯ, КИ); *tɑ/tɨ* — *tɑɨ'ɛm/tɨɨ'ɛm*, *pr'ɨtɑrɨ'nɑ*, *tɑks'ɨ* (КЯ, КИ); *ɔɑ/ɔɨ* — *ɨɔjɨl'ɨ/ɨɔjɨl'ɨ*, *ɔɑʒ'ɔb/ɔɨʒ'ɔb* (КЯ, КИ); *sɑ/sɨ* — *sɑjɨtɑ/sɨjɨtɑ*, *pr'ɨsɑn'ɨ* (КЯ, КИ); *zɑ/zɨ* — *zɑbrɨjɑ*, *zɑs'br'ɨn'ɨ/zɨs'br'ɨn'ɨ*, *zɑ m'ɛn'ɑ* (КЯ, КИ); *nɑ/nɨ* — *ɨɑft'ɨ/ɨrɨft'ɨ*, *ɨɑr'ɨjɑ*, *ɨjɨwɨn'ɨ/ɨjɨwɨn'ɨ* (КЯ, КИ); *lɑ/lɨ* — *lɑʒ'ɨjɑ/lɨʒ'ɨjɑ*, *kɑlɑjɨ'ɨj*, *mɨkɨn'ɨmɨkɨn'ɨ* (КЯ, КИ); *pɑ/pɨ* — *prɑs'ɛtɑ/nrɨs'ɛtɑ*, *krɔ'ɨ*, *krɨ'ɨ'ɨ* (КЯ, КИ); *kɑ/kɨ* — *kɨjɨmɨk/kɨjɨmɨk*, *kɑjɨmɨbɑlɑ*, *kɑjɨ'm'ɨ/kɨjɨ'm'ɨ* (КЯ, КИ); *gɑ/gɨ* — *gɑl'ɨ'ɨ/gɨl'ɨ'ɨ* (КЯ, КИ); *ɨɑ/ɨɨ* — *ɨɑr'ɨwɨm/ɨrɨ'ɨwɨm*, *ɨrɨt'ɨjɑ*, *ɨjɨdɨt'ɨ/ɨjɨdɨt'ɨ* (КЯ, КИ).

При делении на слоги словоформ *nɑl's'ɨ/nɨl's'ɨ*, *φɑm'ɨjɑ'ɨjɑ*, *tɑ/φɨm'ɨl'ɨjɑ* в КЯ и КИ получено *nɑl's'ɨ*, *φɑ/m'ɨjɑ'ɨjɑ*.

3.1.2. Гласные *a* и *ɜ* в предударных слогах зафиксированы лишь в позициях $C'VC\text{---}$ и $C'VC\text{---}$. Позиции рассматриваем не диф-

дифференцировано, так как твердость или мягкость последующего согласного не оказывает существенного влияния на выбор свободно варьирующихся предударных *a* и *e*. Только в некоторых случаях просматривается тенденция предпочтительного употребления *e* перед мягким согласным, *a* — перед твердым. Ср. *д'арá* и *д'гр'эш'*, но возможно и наоборот — *д'ерá*, *д'ар'эш'*.

В названных позициях предударные *a*, *e* в КЯ и КН зафиксированы после *п'*, *б'*, *в'/w'*, *м'*, *т'*, *д'*, *с'*, *ц'*, *н'*, *л'*, *р'*, *й*, *ш'*, *ч'*, *к'*, *г'*; в КЯ — после *ф'*.

п'а/п'е — *п'арá/п'грá*, *п'гр'эш'* (КЯ, КН), *оп'арáц'ийá* (КЯ), *п'гр'и'ш'ан* (КН); *б'а/б'е* — *б'алá/б'гá* 'были', *б'гл'é* 'были', *б'арт* (КЯ, КН), *б'арту* 'оюро' (КН); *в'а/в'е* — *ид'аруш'э/зв'ерув'é*, *д'зр'ан'ийá* (КЯ, КН); *ф'е* — *марáф'гтл'ийка* 'старательный' (КЯ); *м'а/м'е* — *м'ар'иш'и/м'гр'иш'и*, *ж'гр'изл'ийá*, *м'а'ц'иш'э* (КЯ, КН), *им'анá* и *им'инá*, *т'им'анá* и *т'им'инá* (КЯ), *им'анá/им'гнá*, *знам'анá/знам'гнá*, *стр'гм'анá* (КН); *т'а/т'е* — *т'алб'т'гá* 'загылок', *ст'анá*, *дашт'ар'á/дзш'т'гр'э* (КЯ, КН); *д'а/д'е* — *д'арá/д'грá*, *д'гр'эм*, *пуд'ср'м'енá* (КЯ, КН), *д'ар'эктур* (КЯ), *д'гр'эктур* и *д'ур'эктур* (КН); *с'а/с'е* — *с'алá/с'гá*, *ис'антб'/ис'гнтб'* (КЯ, КН), *ис'амнáйс'и*, *с'арбáтá/с'грбáтá* (КЯ), *с'грáч'*, *с'анб'* в одном идиолекте при повсеместном *с'инб'* (КН); *п'а/п'е* — *ц'аруш'э/ц'груш'э* (КЯ, КН), *ц'гр'эт*, *ц'гйáна* (КН); *й'а/й'е* — *й'армá*, *й'ар'ен/й'гг'ен*, *й'ад'эм* (КЯ, КН), *й'а'н'ийá* и *й'н'ийá* (КН); *ш'а/ш'е* — *ш'гробá/ш'гробá*, *ш'арá/ш'гá* (КЯ, КН), *ш'ар'инá*, *бал'ш'ав'ий* (КЯ); *ж'а/ж'е* — *ж'алтбк* (КЯ, КН), *ж'елтáву* (КН); *ч'а/ч'е* — *ч'алá*, *ч'арá*, *ч'арш'бф/ч'гри'áа* (КЯ, КН), *п'ич'авб*, *ч'грдáтá* *крáв'и* (КЯ), *ч'гг'эл* 'крючок для подра', *ч'г'ж'ийá* (КН); *п'а/п'е* — *п'гзоб*, *п'гзобá*, *сн'ггб* (КЯ, КН), *оун'аслá* (КЯ); *л'а/л'е* — *прул'атá/прул'гтб'* (КЯ, КН), *кул'албту* (КН); *р'а/р'е* — *кр'гй'кбш'тá*, *др'ануш'э/др'гичуш'э*, *р'адáшбй*, *р'гдуш'э*, *р'гбш'и*, но *риб* (КЯ, КН); *к'а/к'е* — *к'ар'бч'/к'гр'бч'* (КЯ, КН), *тр'и'к'алá* но *млбгу'к'ил'и* (КЯ), *к'арп'ич'/к'ггп'ич'*, *к'гж'ид'и*, *к'ал'эш'* (КН); *г'а/г'е* — *й'гг'анáш'*, *зай'гг'ан'áа/зэй'гг'гн'áа* (КЯ), *г'армáн'и*, *г'гр'ф'ийá* (КН).

В КЯ и КН при разделении на слоги словоформ *ц'гйáна* (КН), *т'ит'гр'ич'к'и* (КН), *зв'аруш'э* (КЯ, КН) было получено *ц'гй'бá/нб'*, *т'á/т'э/р'й'ч'к'и*, *зв'э/рб'в'э*.

Как показано, гласные *a* и *e* свободно варьируются, что обусловлено колебанием подъема в зоне 'ниже среднего—выше нижнего'. Часто выбор *a* или *e* зависит от темпа речи и четкости артикулирования. Степень удаленности от ударного слога на выбор гласных не влияет. В то же время надо отметить, что преимущественный выбор *a* или *e* может относиться к особенностям произносительной манеры отдельных носителей говора. В целом особенностью предударных гласных нелабиализованных передне-среднего ряда после мягких согласных является скользкий характер такого признака, как ступень подъема.

Предударные *a* и *e* в КЯ, КН зафиксированы в корневых морфемах после 18 согласных. Лексически не представлены, но фонетически допустимы сочетания *a*, *e* с предшествующими *з'*, *с'*, *ц'*, *ж'*.

Предударные *a*, *e* после мягких согласных чаще всего соответствуют гласному *e* в современном литературном болгарском языке (например, *б'арт*, *прул'гтб'*) и реже — гласному *и* (например, *б'алб*, *т'алб*, *д'гр'эктур*).

В КЯ *a* употребляется в речи носителей диалекта значительно чаще, чем *e*. В КН оба гласных равноправны.

3.1.3. Гласные *и* и *е* очень сходны по своей артикуляции. Им свойственно небольшое различие в степени раствора ротовой полости в пределах верхнего и верхне-среднего подъема. Гласные *и* и *е* свободно варьируются и оформляют фонетические дублиеты слов. Наиболее частотным в КЯ и КН является более закрытый гласный *и*. Гласный *е* чаще отмечается в КН, чем в КЯ. Гласный *е* выступает параллельно с *и* как результат одной из видов редукции в безударной позиции гласного нелабиализованного среднего подъема, т.е. *e* → *и*, *е*.

Безударные гласные *и* и *е* употребляются в предударных слогах в позициях #VCɹ, #VC'ɹ, C'VCɹ, C'VC'ɹ.

В позициях #VCɹ, #VC'ɹ независимо от удаленности от ударного слога и качества последующего сегмента предударный *и* (и реже *е*) произносится в КЯ и КН без *й*-образного приступа. После потенциальной паузы, которой предшествует гласный, происходит консонантизация предударного *и* — *кзтй'Иван* и *кзтй'Иван*, *тйкá* и *дбй'д'и*, *да'истр'ф'эм* (КЯ, КН), *дш'эстá* и *сбрк'сáж'ин'* (КЯ). После предшествующего потенциальной паузе согласного

гласный *и* сохраняется — *пр'и́мат* и *н'и* *фт'у́ват* (КН), *дб'ват* и *н'а* *Дб'н'а* (КЯ). Подчеркнем, что после паузы произносится преимущественно предударный *и*, а *е* отмечен крайне редко в обоих говорах.

В позициях С'CVZ, С'CV'Z в КН и КН предударный *и*, реже *е* независимо от расстояния от ударного слога и качества последующего сегмента зафиксированы после *п', б', в', ф', ж', т', д', с', з', ц', ш', н', л', р', ш', ж', ч', ф', к', г', х'*.

п'и/п'е — *п'исмб*, *уп'ич'эш'/уп'еч'эш'*, *п'ишт'б/п'еш'т'б*, *п'ит'ел* (КЯ, КН); *п'ип'ил'эш'ка*, *п'ир'иш'уна* (КЯ), *п'ит'аф см'и*, *п'ип'ел'аш'ка* (КН); *би/б'е* — *уб'икул'а*, *б'инз'им/б'евз'им* (КЯ, КН); *п'и/п'е* — *св'ин'а*, *цв'ит'а*, *в'ийбч'/в'ейбч'* (КЯ, КН), *зв'издб*, *д'ио'ивд'ис'е/д'еш'ивд'ис'е* (КН), *зв'издб*, *д'еш'ид'ис'е*, *с'ин'ец* (КН); *ф'е* — *ф'итбк*, *ф'ин'ер/ф'ен'ер*, *уф'иц'ер'и* (КЯ, КН), *ф'ил'ф'а'на*, *Ф'ил'ип/Ф'ел'ип* (КН); *м'и/м'е* — *м'иста/м'еста*, *м'исб*, *м'идб*, *м'едб* (КЯ, КН), *с'им'инд/с'им'енд* (КЯ), *м'иш'л'е*, *м'ин'ец* (КН); *т'и/т'е* — *т'ич'е/т'еч'е*, *т'ипс'ийа*, *т'ил'ифон/т'ел'е'хон* (КЯ, КН); *п'ид'е* — *п'ид'ис'е/п'ед'ес'е*, *д'иц'ата/д'еца'та*, *д'уб'ела/д'еб'ела*, *пр'из'о'инб* (КЯ, КН); *с'и/с'е* — *с'ин'н'и/с'ен'н'и*, *с'ига*, *с'иц'п'ир'а* (КЯ, КН), *уц'ик'а/уц'е'ка* (КЯ), *с'ин'ец* (КН); *з'и/з'е* — *з'ил'ену/з'ел'ену*, *з'има*, *з'и'ар'а* (КЯ, КН); *ц'и/ц'е* — *ц'иг'ар'и*, *ц'им'евт* (КЯ, КН), *ц'иг'ар'ид'и*, *ц'иц'ил'у'у'д'з'р'б* 'чаклое дерево' (КЯ), *ц'ид'об'а/ц'ед'ала* (КН); *с'и/с'е* — *м'арс'ил'и'ва/м'арс'ел'и'ва* (КЯ); *н'и/н'е* — *н'и'ва*, *н'иб'ету*, *н'ид'ела/н'ед'ел'а*, *м'эз'ина* (КЯ, КН); *л'и/л'е* — *л'иста*, *л'иц'ету*, *л'иж'аф/л'еж'аф*, *убл'ик'вт* (КЯ, КН), *л'ика* 'лыко', *пр'ил'ип'ена/пр'ил'еп'ена* (КЯ), *л'естб*, *л'етур'аз'и* (КН); *р'и/р'е* — *кр'илб*, *пр'ип'еклу*, *р'ибрб*, *тр'и'ва/тр'ева* (КЯ, КН), *р'ика'та*, *тр'ип'ер'а/тр'еп'ер'а* (КЯ), *тр'еска*, *тр'иск'и*, *р'имарк'е* (КН); *ш'и/ш'е* — *ш'и'вабч'*, *ш'ийс'е* (КЯ, КН), *ш'икаф*, *ш'ик'ла*, *ш'ик'ер'ш'ек'ер'* (КЯ), *ш'етн'а/ш'итн'а*, *ш'иф'бр* (КН); *ж'и/ж'е* — *ж'и'на/ж'ена*, *ж'и'вот* (КЯ, КН), *ж'ил'етка* (КН); *ч'и/ч'е* — *ч'ил'а/пч'ела*, *ч'ит'т/ч'ет'т*, *ч'ит'в'рт'ак*, *ч'ет'ар'н'и'с'и* (КЯ, КН); *ф'и/ф'е* — *ф'и'л'бр'*, *ив'ф'и'н'ер/ив'ф'ен'ер* (КЯ), *дал'ф'ина*, *ф'им'ийб* (КН); *к'и/к'е* — *ик'ив'ийа*, *к'ил'им* (КЯ, КН), *к'и'л'иб'ар/к'е'л'иб'ар'*, *к'исм'ик'а* (КН); *г'и/г'е* — *г'ик'тар'а/г'ек'тар'а*, *г'им'ир'бй*, *г'им'ир'ф'ийн'и'ца* 'кузница' (КЯ), *г'ир'бй/г'ер'бй* (КН); *х'и/х'е* — *х'ил'ба'а* и *ил'ба'а* (КЯ, КН), *з'а'х'итр'а* (КЯ), *х'ир'урк*, *х'ик'тар/х'ек'тар'* (КН).

При делении на слоги предударные *и*, *е* восстанавливаются как *и* или *е*. Ср. *т'е/б'е/р/кб/лб/зб* из *т'иб'иркул'б'а* (КН), *л'е/тб'/рб'/з'и* из *л'етур'аз'и* (КН), *ч'е/л'и* из *ч'ел'и/ч'ил'и* (КЯ, КН).

Предударный *и* после твердого *р* произносится в *г'риз'е*, *г'риз'ах*, *сутрин'а*, *ш'рит'ену* в КЯ и КН.

После *л', ж', ч', ф', к'* в обоих говорах возможна лабиализация предударного *и* — *ж'у'ва*, *ич'у'м'ик'*, *ис'у'р'итн'а* (КЯ, КН); *л'у'тур'ийа*, *ф'ум'ийа* (КН).

В предударной позиции гласные *и* и *е* входят в корневые морфемы и префиксальные (*л'им'он*, *пр'ез'о'имб*) и в единичных случаях в суффиксальные (*д'ал'ж'инд*).

По своему происхождению слова с предударными *и*, *е* являются либо исконно славянскими, либо турецкими заимствованиями. Те лексемы, которые записаны только в КЯ или только в КН, являются большей частью новыми для говора словами, пришедшими в последние десятилетия. Ср. русские заимствования в КЯ — *н'ич'а'вб*, *пун'им'ва*, *стр'ил'ва*, *г'им'ир'бй*; новые слова в КН — *к'ра'и'ф'ерма*, *с'вин'и'ф'ерма*, *з'ив'ин'овт*, *ип'к'ис'а'турка* и др.

3.1.4. Сопоставление предударных *и*, *е*, с одной стороны, и *е*, *э*, с другой, показало, что в предударной позиции в КЯ и КН в подавляющем большинстве случаев имеет место *и*-редукция.

Ряд новых слов имеют колебания в выборе типа редукции, различаясь по идиолектам (*д'ир'ектур* и *д'ар'ектур* в КН) и очень редко сосуществуя в одном и том же идиолекте. Ср. разные словоформы с тождественными морфемами: *р'ед'а'вбй*, но *р'ид'в* в КЯ; *р'ад'уш'е*, но *р'ид'в*, *с'ин'ец*, но *с'ен'ц'и* в КН. Приведенные факты свидетельствуют о том, что тенденции обоих видов редукции безударных нелабиализованных гласных в предударной позиции продолжают действовать в КЯ и КН и в настоящее время.

Сопоставление материалов, собранных в КЯ и КН по двум типам предударной редукции, показало некоторые незначительные расхождения между двумя говорами.

Кириютня	Кортен
1. <i>о' ар' ёктур / о' ар' ёктур</i>	1. <i>о' ар' ёктур</i> и <i>о' ир' ёктур</i>
2. <i>йр'о' бр'м'и</i>	2. <i>йр'о' бр'м'и</i> и <i>ид' бр'м'и</i>
3. <i>цс' амн'й'с'и</i>	3. <i>ус'им'о'ис'е</i>
4. <i>оун'асл'а</i> (один раз) и <i>оун'ис'а, оун'исл'а</i> (обычно)	4. <i>оун'ис'а</i> .
5. <i>и^хн'ий'а</i>	5. <i>йр^хн'ий'а</i> и <i>и^хн'ий'а</i>
6. <i>р'ик'ат'а</i>	6. <i>р'ик'ат'а</i> (один раз) и <i>р'ик'ат'а</i> (обычно)
7. <i>с'ин'б</i> .	7. <i>с'ан'б</i> . (в одном идиолекте) и <i>с'ин'б</i> .
8. <i>тр'и к'ал'а, ин'бту к'ел'б</i> .	8. <i>к'ил'а, к'ил'б</i> .
9. <i>цс'ит'а</i> .	9. <i>цс'ат'б</i> . (один раз) и <i>цс'ит'а</i> .
10. <i>с'им'ин'а</i> и <i>с'им'ан'а</i> , <i>им'ин'а</i> и <i>им'ан'а</i> , <i>ир'им'ин'а</i> и <i>ир'им'ан'а</i> , <i>т'им'ин'а</i> и <i>т'им'ан'а</i> , <i>знам'ин'а</i> и <i>знам'ан'а</i>	10. <i>с'ем'ан'а, им'ан'а, ир'им'ан'а</i> , <i>стр'ем'ан'а, знам'ан'а</i> .

Можно сравнить современные данные по *и*- и *е*-редукции в предударных слогах в КЯ с наблюдениями, сделанными в этом говоре в 50-годы Л. Плотниковой /57 с. 260–269/. Это сравнение показывает, что различий в фактах *и*- и *е*-редукции на двух синхронных срезах, разделенных более, чем тридцатью годами, практически нет. Исключение составляют несколько примеров. Из отмеченных Л. Плотниковой дублетов с предударными *и* и *а/е* только с *а/е* в современном говоре произносятся *б'ар'а/б'ер'а, н'ар'а, т'аст'и* и, напротив, только с *и* – словоформа *пр'ил'а*. Для словоформ типа *имена* с предударным *и* в записи Л. Плотниковой (*имин'а, симин'а*) нами отмечены дублеты с предударными *и, а/е*, т.е. *им'ин'а/им'ан'а*.

3.1.5. Предударные гласные *у* и *о* по своей артикуляции очень близки друг другу, являясь лабиализованными гласными заднего ряда. Они различаются между собой лишь степенью закрытости: гласный *о* локализуется на верхне-средней ступени подъема, гласный *у* – на верхней ступени подъема. Эти гласные могут оформлять фонетические дублеты словоформ в одном и том же

идиолекте, вступая в отношения свободного варьирования. При этом фонетические варианты с *о* и *у* фиксируются преимущественно для тех словоформ, в которых данные предударные гласные при переходе их в ударную позицию в тождественных морфемах (в результате словоизменения, словообразования) чередуются с ударным гласным *б* (*кун'ё/кун'ё* при *кон*, *султ'б/срлт'б* при *сол*). В других случаях, т.е. при реально существующей корреспонденции с ударным *у* или же при устойчивом положении гласного только в безударной позиции в определенных морфемах, т.е. в так называемой "гиперфонемной" позиции фонетические дублеты с *о* и *у* возникают реже и в диалектной речи произносятся, преимущественно безударный гласный *у*. Например, *рш'ён/уш'ён, дрб'ит'ак/дуб'ит'ак* КЯ, КИ; *рр'аа* КЯ; но только *кл'ук'ар'ка, гуг'уш'ка, Муск'а, кум'а, суц'ук* КЯ, КИ. Сильная тенденция к изменению верхне-среднего подъема в направлении к верхнему, характерная для гласного *о* (т.е. *о* → *у*), делает его очень неустойчивым и легко совпадающим с *у*. Артикуляционно-акустические признаки безударного гласного *у* не подвержены сколько-нибудь заметным изменениям. Это приводит к тому, что в диалектной речи всех без исключения кириютненцев и кортенцев количественно преобладает безударный гласный *у*.

Предударные гласные *у* и *о* употребляются в КЯ и КИ в позициях $\#VC\bar{ }^{\bar{ }}, \#VC\bar{ }^{\bar{ }}, SVC\bar{ }^{\bar{ }}, SVC\bar{ }^{\bar{ }}, C^{\bar{ }VC\bar{ }}, C^{\bar{ }VC\bar{ }}$.

Позиция $\#VC\bar{ }^{\bar{ }}$: *укб, ур'алу, рс'о'ан, ус'а, уткр'ам'ала* (КЯ, КИ), *рр'аа* 'Урал' (КЯ). Позиция $\#VC\bar{ }^{\bar{ }}$: *убл'а'кал, ур'у'ан, рш'ён, уч'и, ур'ел* (КЯ, КИ). Появление предударных *у, о* после паузы обусловлено и утратой инициальных (фрикативных) *ш, ф, х* – *уд'а, ур'ж'а, урт'у'ам, урб'орб*, но и *шуд'б, фур'ж'а, хурт'у'ам, хур'б*.

При делении на слоги словоформ *уч'ил'ит'и, уш'д'на, фи'ет'и* получено *у'ч'и'л'и'т'и/ш'т'б/тб, б'в'а'хна, у'ш'и'в'т'е*.

Предударный *о* в КЯ и КИ встречается значительно реже, чем *у*.

В позициях $SVC\bar{ }^{\bar{ }}, SVC\bar{ }^{\bar{ }}$ предударные *у, о* реже *о* независимо от расстояния от ударного слога зафиксированы после *п, б, в, ф, ж, т, д, с, з, ш, л, р, к, г, х*.

пу/по – *пур'д'ад, пур'ан'д, пол'д'ад/пол'д'на* (КЯ, КИ); *бу/бо* – *буст'и, бук'л'к, буд'б/бр'б* (КЯ, КИ), *Бул'бр'ий'а, Бу^хурч'и/Бу^уур-*

ч'ш(КЯ); ву/во — *вудá, вóйн'и́к/вóйн'и́к, вóрфóбр'и́к* и *вó фто'рн'и́к* (КЯ, КИ); фу/фó — *фóурáш'* (КЯ), *фóррмб'ч'и́к* (КИ); му/мо — *измóтáнá, жумá/мóмá, мур'é/мóр'é* (КЯ, КИ); ту/тó — *стумáх/стóмáх, турáбк, ш'тур'éи* (КЯ, КИ); ду/дó — *дóуб'эр, дóу'éи'и/дóр'éи'и* (КЯ, КИ); су/сó — *сумáб/сóумáб, исóуш'éи'и* (КЯ, КИ); зу/зó — *зурá/зóрá, нáзуб'и́.сá* (КЯ, КИ); су — *усóуáб.сá* (КЯ, КИ), *сурáб* 'морди' (КИ); ну/нó — *нуш'т'á/нóш'т'á, д'инóунóш'т'и́й* (КЯ, КИ); лу/лó — *лóзá/лóзáб, лóйтáб/лóйтáб* (КЯ, КИ); ру/рó — *груз'áб'тá/г'рóз'áб'тá, прóл'áтá/прóл'áтá* (КЯ, КИ); ку/кó — *кукур'и́ж'и, кóт'куд'éч'áт, кóм'б, кóн'é/кóн'é* (КЯ, КИ); гу/гó — *гурá/гóрá, гóул'áм/гóл'áм* (КЯ, КИ); ху/хó — *хурб* и *урб, хóд'и́лу/хóд'и́лу* (КЯ, КИ).

При делении на слоги словоформ *бустан, сукман, муг'и́лq, кулб'и* получено *бб/стáн, сó/кмáн, ж'ó/ч'и́/л'б, кб/лб/в'é*.

Гласный *ó* употребляется реже, чем *у*.

В позициях $CVC\bar{C}$, $CVC\bar{C}'$ предударный *у* может употребляться параллельно с *ú* и *и*. Он зафиксирован после мягких согласных. В КЯ и КИ записаны следующие примеры употребления *у* в данной позиции.

б'у — *б'ул'ýк'* и *б'ýл'ýк'/б'ил'ýк'* (КЯ, КИ), *ф'умб'ýш'л'и́йá/ф'умб'ýш'л'и́йá* (КИ); *м'у* — *м'урó'á* (КЯ), *м'уж'ó'é, к'ýм'у́йбн/к'им'у́йбн* (КИ); *т'у* — *т'ут'ýн', т'ут'ун'ф'и́й* (КЯ, КИ); *д'у* — *д'уш'éк'/д'уш'éк'/д'иш'éк', д'у'к'áнá/д'и'к'áнá, д'ул'г'éр'áн* (КЯ, КИ), *д'у'лáмá* (КЯ); *с'у* — *с'ур'мáш'и́йá, с'ур'мáш'кq/с'ур'мáш'кq/с'ир'мáш'кq* (КЯ, КИ), *с'ур'гнт'и́йá* (КИ); *з'у* — *з'умб'ýл'/з'ýмб'ýл'* (КЯ), *з'у'т'к'ур'ф'и́йá* (КИ); *с'у* — *с'умб'и́л'/с'имб'и́л'* (КИ); *л'у* — *кл'у'к'áр'кq, л'ут'ýр/л'ит'ýр* (КЯ, КИ), *л'у'тур'г'и́йá, дá ул'л'у'áб/дá ул'л'и'áб* (КИ); *йу* — *йурáн'и, йурáн'и'ф, йужур'л'ýк* (КЯ, КИ); *ч'у* — *ич'ум'и́к'/и́ч'ум'и́к', ч'урбá* (КЯ, КИ), *ч'ур'ýп'кq/ч'ир'ýп'кq* (КЯ), *ч'ук'ч'é* (КИ); *ж'у* — *ж'у'ш'éйá/ж'ýш'éйá, ж'у'ш'т'и'и/ж'и'ш'т'и'и* (КЯ, КИ); *ш'у* — *ш'урá* (КЯ, КИ), *ш'уш'ýл'кq/ш'ýш'ýл'кq* (КЯ); *ф'у* — *ф'убб'в'и* (КЯ, КИ), *ф'узэб'é* (КИ); *к'у* — *к'ур'ýт'н'á/к'ир'ýт'н'á, к'уш'éту/к'иш'éту* (КЯ, КИ), *з'у'т'к'ур'ф'и́йá* (КИ); *г'у* — *г'ул'н'ýк'/г'ýл'н'ýк'* 'поденщик', *г'ул'н'ýг'ф'и́й* (КЯ), *г'ур'éш', г'у'ш'éч'/г'и'ш'éч'* (КИ).

В позиции после мягких согласных, шипящих и *й* предударный гласный *у* в КЯ и КИ имеет *й*-образный глайдовый признак. Это приводит к тому, что в условиях верхнего подъема такие при-

знаки предударного *у* как задний ряд и лабиализованность оказываются крайне неустойчивыми. Гласный стремится продвинуться в более переднюю зону, следствием чего являются фонетические дублеты типа *з'умб'ýл'/з'ýмб'ýл', т'ут'ýн'/т'ýт'ýн'*. Если *й*-образный глайд вызывает элиминацию лабиализованности, гласный *у* заменяется *и*. Этим обусловлено существование в КЯ, КИ трехчленных вариантов *у/ý/и*, свободно варьирующихся в одном и том же идиолекте. Из этих трех гласных наибольшую частоту имеет *ý*.

3.1.6. В КЯ и КИ возможны следующие сочетания предударных гласных: *áá/á'á'/áá/á'á', áу/áу, áи/áи; áá/á'á', áу, áи; áá/á'á', áи, áи*. Сочетания находятся в рамках фонетического слова и на стыке слов, разделенных потенциальной паузой. В обоих случаях вокальные сочетания ведут себя одинаково. В позиции после гласных безударные *у, и* консонантизируются, т.е. изменяются в *ý, и*.

áи/á'и'/áи/á'и', а также *áи/á'и' — дá áр'éсá, нá эр'мáн'á, з'эр'тá, нэ э'к'áрá, ш'э áр'áд'и'сáм, ш'э эр'éсáм; áý/á'ý' — сá ýж'éи' и уж'éи'áн', с'э ýб'и'á/с'э ýб'ýф и ýб'ýфáм, зá ýбá/з'э ýбáи ýбáтá, зá ýрáи и урáи, нáýм'и'х и нóум'и'х, брáту'и'á и нýкq/у'нýкq, только в КИ дá уд'мэст'и'; áи/á'и' — нá Н'óвáн/нэ Н'óвáн и Н'óвáн, зá и́лá/и́лá, по ш'á'и'áм и ш'и'á'áм; уá/у'á' — ну áз'мáкq/ну э'з'мáкq; уý' — ш'э гу ýн'и'ч'éш' и ш'э гу н'и'ч'éш', дá гу ýт'к'эс'нq/дá гу ут'к'эс'нq/дá гу т'к'эс'нq; ýи' — дэ гу ýз'м'и́йá/дá гу ýз'м'и́йá, дá гу ýд'éи' и н'э'éи' КЯ, и'д'éи' КИ, ýд'р'éи'и' (ср. эту словоформу, разделенную на слоги — *ý/ýé/др'é/нб* КИ); иá/и'á' — з'и'áр'áтq и з'и'á'э'р'á, н'и эр'éсá; иý' — пр'и'ýн'ýкq, дá с'и' ýд'р'á'áт, ш'á'г'и' ýб'éи' и г'и' ýб'éи'и'; ий' — н'и' Н'óвáн, н'и' ýд'эт, по при медленном произношении н'и' Н'óвáн, н'и' ýд'эт КИ, н'и' ýд'эт КЯ, КИ.*

3.2. Заударный вокализм.

3.2.0. Правила сочетания заударных *á/э, á/é, é/и, ó/у, ó, é* с согласными и паузой в целом не отличаются от синтагматических правил, актуальных для предударных гласных. Гласные *á/э* употребляются после твердых согласных, *á/é, é/и* — после мягких, шипящих и *й, ó/у, ó* — после твердых и некоторых мягких, *é* — после некоторых мягких. В связи с этим совпадением мы не будем специально останавливаться на синтагматико-заударных *á/э, ó/у, ó*, а дадим морфологическую характеристику этих гласных, что необходимо для анализа позиционных чередований ударных и без-

ударных гласных. Что касается заударных *a/ɛ*, *e/ɨ*, то анализ их дистрибуции необходим для сопоставления двух типов редукции в заударных слогах.

3.2.1. Заударные гласные *a* и *ɛ*, связанные отношением взаимозаменяемости, в позиции $\bar{C}V\#$ реализуют флексии: а) прилаг. и прич. ж.р. ед.ч. (*бáбá/ɛ*, *кбвá/ɛ*, *кбпáл/ɛ*); б) 1 л. ед.ч. наст. (*блбсна/ɛ*), 3 л. ед.ч. наст. (*э'éma/ɛ*), 2–3 л. ед.ч. аор. (*кбпá/ɛ*); в) лично-мужских форм числ. (*тр'úmá/ɛ*); г) в возвратном местоим. *се* (*кбп'и са/ɛ*); д) членную морфему суш. м.р. ед.ч. (*о'áтá/ɛ*); е) вокальный элемент членных морфем суш. ж.р. ед.ч. (*мумáтá/ɛ*) и ср.р. мн.ч. (*с'áлáтá/ɛ*).

3.2.2. Гласные *a* и *ɛ* в КЯ и КИ в заударных слогах после мягких согласных, шипящих и *й* свободно варьируются. Они употребляются как в середине словоформы, так и в ее конце перед паузой. Далее будем указывать на место фиксации примера только в том случае, если он установлен лишь в одном из говоров.

Позиция $\bar{C}'VC'$, $\bar{C}'VC..$

п'á/ɛ – *п'én'áл/п'én'эл*, *к'ún'ɛн'и*, *к'ún'áфм'и/к'ún'ɛXм'и*; *б'á/ɛ* – *бáб'áн/бáб'эн*, *зэл'ýб'ɛл'и*; *в'á/ɛ* – *Ол'и'в'áн/Ол'и'в'эн*, *о'š'w'áп/о'š'w'эп*, *кбт'в'áл'и/кбт'в'эл'и*; *ф'á/ɛ* – *кáрт'б'ф'áн/кáрт'б'ф'эн*, *куж'ýф'áн*, *куж'ýф'эн'и*, в КИ – *тáп'о'áп'áл*, *кáт'р'ýф'ɛл'и*; *м'á/ɛ* – *хрбм'áл/хрбм'эл*, *тэм'áн*, *йém'ɛш'*, в КЯ – *илзám'áн'т'и*, *п'ýбм'эт* 'мусор'; *т'á/ɛ* – *уч'ít'áл/уч'ít'эл*, *áргáт'áн*, *йбф'áн*, *йбф'эн'и*; *д'á/ɛ* – *с'éв'áм/с'éd'эм*, *йéd'эн'и*, *исп'эд'áф*; *с'á/ɛ* – *Убс'áм/Убс'эм*, *к'и'о'áл*, *к'и'с'эл'и*, *см'эс'áн'и*; *з'á/ɛ* – *вэз'áл/вэз'эл*, *ж'ил'эз'áн*, *кбз'áнq* 'шерсть'; *йá/ɛ* – *пáйáк*, *пáйɛц'и*, *л'ул'эйáт/л'ул'эйэт*, *кáп'рáй-ɛш'и*; *н'á/ɛ* – *ц'и'áн'áн/ц'и'áн'эн*, *в'и'н'áн*, *в'и'н'эн'и*, *ж'э'н'ɛш'и*; *л'á/ɛ* – *прбл'áт*, *прбл'эт*, *зэл'áл'ɛXм'и*, *ббл'эс/ббл'эс*; *э'á/ɛ* – *мá-л'áп'áтá*, *мáл'áп'áтá*, *ббл'áп'áн*, *т'ýр'áт/т'ýр'эт*, *нáм'эп'áXм'и*; *ш'á/ɛ* – *завбрш'áл/завбрш'эл*, *м'ер'и'ш'áт*; *ж'á/ɛ* – *лбж'áл/лбж'эт*, *мáж'эw'и*, *к'Убж'áтá*; *ч'á/ɛ* – *м'эч'áт/м'эч'эт*, *м'вч'эл'и*, *инá в'эч'áп*; *п'á/ɛ* – *т'эм'п'áрá*, *т'эм'п'эп'и*, *л'áп'áтá*; *к'á/ɛ* – *ш'тбрк'áл*, *ш'тбрк'эл'т'и*, в КЯ – *бáрх'ýтк'эн'и*, *кáк'áн*, *кáк'эн'и*; *г'á/ɛ* – *Убг'эп/Убг'áн*, *кáл'ýг'áп'áн*, *кáл'ýг'эп'и*, в КЯ – *рáXáп'и'áл*.

Перед сегментом с твердым согласным чаще произносится *a*, а перед сегментом с мягким согласным – *ɛ*. В целом в КЯ более частым является гласный *a*, а в КИ – гласный *ɛ*.

Заударные гласные *a* и *ɛ* входят в состав многих аффиксальных морфем или в состав финальных, реже срединных отрезков тех корневых морфем или основ, которые в синхронном плане морфологически не членятся, но по своему сегментному строению совпадают с теми или иными суффиксами. Это могут быть или субморфы, или морфонологические сегменты, распространяющие основу. Приводим список морфем, содержащих *a/ɛ*. Констатируем вариативность *a/ɛ* в морфемах, приводим примеры только с *a*, имея в виду, что та же морфема произносится и с *ɛ*.

Существительные: *áл/эл* – *ж'и'т'áл*, *пукáл'áл*, *хрбм'áл*; *áл/элк* – *зáйáк*, *д'ýн'áк*; *áп/эп* – *о'эв'áп*, *кбс'áпч'и*, *о'бш'т'áпч'и*; *áп/эп* (в конце и середине основы) – *áргáт'áн*, *л'уд'áп'áн*, *п'рбст'áн*, *л'бйáп'áнq*, *ш'эл'ч'áнц'и*, *с'и'р'áн'и*, *т'и'кв'áн'иX*, *укрáйáнц'и*; *áт/эт* – *пáм'áт*, *п'рбл'áт*; морфонологический сегмент, распространяющий основу суш. ср.р. с флексией ед.ч. *-и* типа *лáп'и* в неопределенной форме мн.ч. – *п'и'т'áтá*, *мáл'áп'áтá*, *зáйч'áтá*, *кбт'áтá*; *áт/эт* – *áт'áхт'эхт* (морфонологический сегмент, распространяющий основу суш. ср.р. с флексией ед.ч. *-и* в определенной форме мн.ч.) – *п'и'т'áтá/п'и'т'áтá*, *мáл'áп'áтá/мáл'áп'áтá*; *áйч'/эйч'* – *ч'эп'в'áй*, *л'бэд'áй*; *áф/эф* – *к'и'áф*, *бр'áф*; *áх/эх* – *бр'áх*; *áс/эс* – *пбйáс*, *áд'эс*, в КЯ – *ч'бл'áс* (в КИ – *ч'бл'ус*); *áб/эб* – *й'эп'áб'ицá*; *áп/эп* – *Х'и'л'áп/ф'и'л'áп* (КИ), *ф'и'л'ип* (КИ).

Прилагательные: *áш/эш* – *мáм'áн*, *кумш'и'áн*, *ýм'áн*, *зáXáп'áн*, *ч'эп'áн*, *пáрт'в'иáн*; *áл/эл* – *к'и'с'áл*, *в'эс'áл*; *áст/эст* – *л'л'и'н'áстá*, *кбл'ч'áстá*.

Причастия: *áн/эн* – *п'эч'áн*, *хч'ýн'áн*, *зáв'и'о'áн*, *убл'эч'áн*.

Числительные: *áт/эт* – *о'эв'áт*, *о'эс'áт*, *п'ет стбт'áн*;

áп/эп – *ч'эт'áпч'и*; *áм/эм* – *с'эв'áм*, *Убс'áм*.

Глаголы: *áт/эт* (флексия 3 л. мн.ч. наст. III диалектного спряжения /58; 59 с. 38–39) – *илрáйáт*, *с'и'н'áт*, *т'ýр'áт*; *á/ɛ* (имперф. связочная морфема в глаголах III диал. спряж.) – *к'ún'áт*, *л'ún'áш'и*, *к'ún'áXм'и*, *к'ún'áXq/к'ún'áá*, *зэл'ýб'áл*, *т'ýр'áл'и*; (аорист. связочная морфема в глаголах III диал. спряж.) – *ум'эс'áт*, *зáт'бр'áXм'и*, *исп'áл'áXт'и*, *изм'áч'áл*, *изм'áч'áл'и*.

Заударные *a* и *ɛ* в перечисленных сегментах соотносятся в пределах тождественной морфемы с ударными гласными *é*, *é*, *á*, *и*. Ср. это соотношение в прилагательных и причастиях с *é* – *бáб'э*.

ан, п'эч'ан и з'ил'эн, замагл'эн, угуй'эн, то же в именном "среднем" суффиксе (или субморфе) — мум'ич'анца и мум'ич'анца, в морфологических сегментах в сущ. ср.р. — п'ил'атца и дарц'эта, мунч'эта. В глагольных аффиксах заударные а/э соответствуют ударному е (с'ин'ат/с'ин'ет и тарп'ет в КН; кун'аш'и/кун'еш'и и рас'еш'и в КЯ, КН), ударному а (кун'ах, кун'ахм'и и рас'ах, рас'ахм'и в КЯ, КН), ударному э (в КН с'ин'ат/с'ин'ет и тарп'ет), ударному и (пор. 1 л. ед.ч. и 1-3 л. мн.ч. в глаголах III д.вл. и II спряжениях параб'ах, изоб'ахм'и, по изоб'ах, изоб'ахм'и).

При делении на слоги словоформ типа бблар'ан, и'клан'ан получены как формы с суффиксом эн, так и ич — бб/л/а/р'эн, и'и/л/а/н'эн (КЯ, КН), бб/л/а/р'ич, и'и/л/а/н'ич (КН). Произносительные варианты с эн и ич в КН получены от разных информаторов при том, что вариант с эн свойственен речи носителей говора старшего поколения. Если принимать во внимание записанные в КЯ и КН сущ. м.р. с ударным суффиксом ич (гуену'ич в КЯ, КН, оумах'ич в КН), то заударные а/э в рассматриваемом суффиксе надо соотносить с и.

Позиция —С'V#.

п'а/э — кбн'а/э, уан'а/э; б'а/э — залуб'а/э, т'бб'а; в'а/э — залов'а/э, забрав'а/э; ф'а/э — разлбф'а/э, налрф'а/э (КН); м'а/э — клум'а, з'ум'а/э; т'а/э — рабут'а/э, пбт'а/э, ш'ем'ет'а/э; л'а/э — пбд'а/э, нагн'езд'а; с'а/э — зам'ес'а/э, тбрс'а; з'а/э — мрав'а/э, турмбз'а; п'а/э — уж'ен'а/э, м'иобан'а/э, м'ен'а/э, план'н'а; л'а/э — запал'а/э, са исул'а; р'а/э — мбмр'а/э, л'екар'а/э, утр'а/э, в КЯ — з'эстр'э; и'а/э — бай'а/э, сарал'ий'а/э, нбш'ий'а/э; ш'а/э — п'иш'а/э, ч'еш'а/э (КЯ), ч'еш'а/э (КН); ж'а/э — маж'а/э, лбж'а/э; м'а/э — оупч'а/э, обфч'а/э; ф'а/э — стбрф'а/э, пбрф'а/э; к'а/э — из'ик'а/э, т'из'эк'а/э.

Артикулирование заударных а/э перед паузой характеризуется сильной инертностью произносительных органов, в результате чего качественные характеристики гласных на слух оказываются очень неясными и как бы стертными (пбд'э, мутбй'э). Но при делении на слоги на месте заударного а/э восстанавливаются а, э, е. Например, и/з'ик'а, з'э/т'э, тр'и/ма/брэ/т'а, п'у/л'а и п'у/л'а, з'э/б'а/

стр'а и з'э/стр'э (КЯ, КН); з'а/м'э/с'э и з'а/м'э/с'а, п'у/ш'э и п'у/ш'а (КЯ); пр'а/т'э и пр'а/т'а, ма/ж'э и ма/ж'а (КН).

Заударные а/э входят в состав флексий а) 1 л. ед.ч. наст. III спряж. (маж'а); б) сущ. ж.р. ед.ч. (сарал'ий'а); в) определенного мн.ч. сущ. м.р. (ш'э з'ем'а); г) личных местоим. (м'ен'а); д) наречий (с'еш'н'а, з'ум'а); в членную морфему м.р. ед.ч. сущ. и прилагат. (из'ий'а, б'ел'ий'а).

3.2.3. Как и в предударных слогах заударные гласные и и э близки по своей артикуляции и свободно варьируются в одном и том же идиолекте.

Позиции —С'VC, —С'VC'.

п'и — пбти'ис, ч'урбн'ит'и, стбн'иш'; б'и/э — грбб'иш'та, б'бб'ету/б'бб'иту, в КН — дбб'иф и дбб'иф; в'и — сл'иш'ици, с'иш'ич'ка, н'иш'ит'и; ф'и — картбф'ит'и, с'ф'ит'и; м'и/э — с'ем'иту/с'ем'ету, з'ем'иш'/з'еш'еш'; т'и/э — цв'ет'иту/цв'ет'ету, ш'еш'тица; л'и — фбд'им, рбд'иш'; с'и — уб'эс'иш', зам'ес'ит'и; з'и — муз'ика, рбз'ич'ка; п'и/э — с'ен'ниш'/с'ен'н'еш', з'имн'ик, турлч'ан'ици; л'и/э — мул'иту/мул'ету, пал'ици, з'ул'иш'та; р'и/э — ч'убрика, марар'иту/марар'ету, пбкр'иф; и'и/э — слбн'ици/слбн'ици'ету, з'ий'ици'и; ч'и/э — кун'иту/кун'и'ету, тбч'им, уп'эч'и л'и; ж'и/э — мбж'иш'/мбж'еш', нбж'ици'и, в КН — кучф'эж'иту; ш'и — крфш'ит'и, ч'еш'ит'и; ф'и — гбф'иту, стбрф'им; к'и/э — майк'ит'и, в КН — йак'иту/йак'ету; г'и — ч'эри'ит'и, в КЯ — кзн'иг'ит'и, в КН — кн'иг'ит'и; х'и — стр'ех'ит'и, др'э-х'ит'и/др'эит'и.

Заударный и соотносится в одной и той же морфеме как с и, так и с е, а заударный э только с е — рбгуш'ит'и, фбтрн'ик и плудуш'ет'и, шрзсн'ик. Поэтому лексическая представленность и значительно выше, чем э.

Гласные и и э оформляют фонетические дублеты вследствие лабиализации и перед губными согласными — пбкр'иф/пбкр'иф, дбб'иф/дбб'иф.

Характерной особенностью КЯ и КН является часто встречающаяся редукция до нуля заударных и/э во флексиях сущ. ср.р. ед.ч., сущ. и прилагат. мн.ч., стоящих перед членными морфемами ти, т'и — п'ил'ти, угн'иш'ти, кл'ш'уфт'и, кр'ш'т'и, з'ил'ен'т'и. Этим повышается частота в звуковой цепи консонантных сочетаний, вторым компонентом которых являются согласные т и т'.

Заударные и и э в позиции не перед паузой входят в состав следующих именных и глагольных аффиксальных морфем (суоморфов, морфологических сегментов).

Существительные и прилагательные: а) флексии перед членной морфемой сущ. мн.ч. (*ч'урáп'ит'и, бáб'ит'и*), сущ. ср.р. ед.ч. (*к'у'ч'ит'у/к'у'ч'ит'у*), прилаг. мн.ч. (*з'ил'эн'ит'и*); б) суффиксы *-иш'т'* — сущ. ср.р. (*уч'ил'иш'т'и*); *-иш'т* — морфонологический сегмент, распространяющий основу сущ. м.р. при образовании мн.ч. (*г'бл'иш'та, вбл'иш'та*); *-ишч'* — сущ. ср.р. (*пáл'ишч'и*); *-иц* — сущ. м. и ж. р. (*пáл'иц, г'л'ицá, г'л'иц'ийн'ицá, нбж'иц'и*); *-ик* — сущ. м. и ж.р. (*з'ил'м'ик, м'у'л'икá*); *-ич'* — сущ. и прилаг. (*к'у'б'ич'кá, л'эл'ич'кá, гул'эм'ич'ак*); *-ий* — сущ. ж.р. (*с'б'р'ийá, бáл'áр'ийá*), морфонологический сегмент, распространяющий основу прилаг. м.р. ед.ч. перед членной морфемой (*з'ил'эн'ицá, стáр'ийá*); *-иф/-иу* — суффиксы или субморф в сущ. м. и ср.р. (*пбкр'иф, дбб'иф, рáд'иуу*); *п'ис* — корень в сущ. м.р. (*пбтп'ис*).

Глаголы: флексии 2 л. ед.ч. и 1, 2 л. мн.ч. наст. III спряжения (*изáм'иш', изáм'им, изáм'ит'и*).

В позиции $\text{C}^{\text{C}}\text{V}\#$ в КЯ, КН употребляется только гласный *и*.

п'и — *лáп'и, сá кáп'и*; *б'и* — *б'эб'и, г'блáб'и, зáг'у'б'и*; *в'и* — *н'й'и'и'и'и'*; *п'и* — *кбф'и, картбф'и*; *м'и* — *с'эм'и, к'эрм'и*, в КЯ — *йм'и*, в КН — *ф'йм'и* 'вымя'; *т'и* — *с'ий'л'и ст'и'т', кóт'и, бáйт'и, гáл'ч'и-т'и*; *д'и* — *г'рбэд'и, к'држ'ид'и, с'ид'и*; *с'и* — *ч'ит'арн'ийс'и, т'и'л'и с'и'т'*; *з'и* — *лбз'и, р'ийз'и, н'вр'гз'и*; *ц'и* — *кур'и'ц'и, пáт'и'ц'и*; *с'и* — *Убв'и*; *п'и* — *с'ир'гн'и, ж'эн'н'и, уж'эн'и*; *л'и* — *з'вл'и, фрóm'г'л'и, зáпáл'и*; *р'и* — *й'эр'и, бáйт'и, сá ш'эр'и*; *ш'и* — *б'эш'и, п'ейш'и*; *ж'и* — *шбж'и, пбднуж'и*; *ч'и* — *нбхч'и, дáнбч'и, шлбч'и*; *ф'и* — *гáф'и, стбр-ф'и*; *к'и* — *п'йтк'и, йáк'и, с'эн'и и с'эч'и*; *г'и* — *ч'в'ри'и, т'и'в'и, шбд'и г'и*; *х'и* — *кбх'и и кбф'и, др'в'и*.

Перед паузой заударный *и* входит в состав флексий а) сущ. ср.р. ед.ч. (*лáп'и, й'эр'и*), м. и ж.р. мн.ч. (*р'ийз'и, бáйт'и*); б) прилаг. и прич. мн. ч. (*др'эмн'и, уб'йт'и, ж'эн'ан'и, рáбу'т'г'л'и*); в) числительных (*тр'ийс'и*); г) указат. местоим. (*Убв'и*); д) 3 л. ед.ч. наст. и 2, 3 л. ед.ч. нор. (*мáж'и, кáп'и, исп'эч'и*); е) 2, 3 л. ед.ч. имперф. (*ймá-ш'и, б'эш'и*), 1, 2 л. мн. ч. нор. и имперф. (*рáбу'т'г'ж'и, нáмáз'ат'и*); ж) вспомогат. глаг. *сэм* в 2 л. ед.ч. и 1, 2 л. мн.ч. (*с'и, с'м'и, ст'и*); з) членная морфема мн.ч. (*ж'ил'ит'и, ж'эн'и'ит'и*).

3.2.4. Заударные гласные *о, у* в КЯ, КН, как и в предупредительном слоговом во многих слоноформам свободно варьируются в одном и том

же идиолекте. При этом частота *у* выше не только потому, что она чаще представлена в варьировании с *о*, но и потому, что есть много слоноформ, в которых представлен только гласный *у* (*ш'л'оух, прас'-эту, цáп'уф, кбз'у, зáид'у'у'а*).

В позициях $\text{C}^{\text{C}}\text{VC}$, $\text{C}^{\text{C}}\text{VC}'$, $\text{C}^{\text{C}}\text{V}\#$ правила синтагматики заударных *о/у* такие же, как в предупредительном слоговом.

В позиции $\text{C}^{\text{C}}\text{V}\#$ заударные *о/у* употребляются в составе флексий а) наречий (*с'к'б'ну, сáму/сáму*); б) сущ. и прилагат. ср.р. ед.ч. (*рáбу/рáбу, сл'áпу/сл'áпу*); в) членной морфеме ср.р. ед.ч. (*йм'ит'у, ж'эл'ит'у*).

В позициях $\text{C}^{\text{C}}\text{VC}$, $\text{C}^{\text{C}}\text{VC}'$ зафиксирован только заударный *у* после *т', д', з', л', н', р', ч', ш'* (КЯ, КН), *ж', г'* (КЯ), *й, к'* (КН).

т'у — *з'эт'ит'и* (КН, КЯ), *т'эт'и'у'и, зáк'р'ит'и'у'ам* (КЯ), *с'эрт'и'у'и* от *дерт'* 'неприятность' (КН); *д'у* — *зáид'и'у'а*; *з'у* — *з'й'з'ум* 'мягка', *брвз'и'у'и г'рáд'и* (КН), *кбз'и'у'и м'áк'и* (КЯ); *п'у* — *сáп'и'у'а шóд'á, п'р'и'б'и'у'а, с'эл'и Кбн'и'у'и* (КН), *т'у'т'и'н'у'ф, с'ийш'и'у'ф* (КЯ); *л'у* — *Убл'и'у'ф* (КЯ, КН), *бл'и'у'ф/Убл'и'у'ф, ч'бл'и'ст'и* (КН), *з'эл'и'у'а* (КЯ); *р'у* — *нáт'б'р'и'у'ам'и, цáр'и'у'и'а* (КЯ), *цáр'и'у'ф* (КН); *йу* — *б'эйи'у'и/б'эйи'и* (КН); *ч'у* — *ф'й'ч'и'у'и, пáч'и'у'и, ч'й'ч'и'у'и* (КЯ, КН), *ч'арн'и'ч'и'у'ф л'и'с* (КН); *с'л'б'ч'и'у'и дн'и* (КЯ); *ш'у* — *к'укб'и'у'и* (КЯ, КН), *ш'и'и'и'у'и/ш'и'и'ш'и'у'и* (КН); *ж'у* — *мáж'и'у'ф* (КЯ); *г'у* — *л'э'р'и'у'ф* (КЯ); *к'у* — *фр'в'т'и'у'и* (КН).

В позиции $\text{C}^{\text{C}}\text{V}\#$ также представлен только гласный *у* после *т', з', д', л', к', й, ч', ч', ж', ш'*.

т'у — *бáт'у*; *д'у* — *с'й'с'и'у* (КН); *з'у* — *кбз'у*; *п'у* — *Вáп'у*; *л'у* — *п'этл'у, п'й'кл'у* (КЯ, КН), *пáвл'у* (КЯ), *м'й'л'у, к'й'л'у, др'эмл'у* (КН); *йу* — *мбш'у, шбш'у*; *ч'у* — *ч'й'ч'у, п'ч'у, бфч'у*; *ж'у* — *сá'ж'у* (КН); *ш'у* — *лбш'у, нбш'у* (КЯ, КН), *ш'и'ш'у* (КН).

В позиции $\text{C}^{\text{C}}\text{V}\#$ заударный *у* реализует флексии сущ. ср.р. ед.ч. (*п'этл'у*), прилагат. ср.р. ед.ч. (*лбш'у, ййч'у*), притяж. местоим. ср.р. ед.ч. (*мбш'у, нбш'у*).

3.2.5. В КЯ и КН перед паузой допустимы гласные *о* и *е*. Они зафиксированы после некоторых согласных и только во флексии членной формы ед.ч. сущ. морфонологического м., ср., ж. р., обозначающих лиц мужского и женского пола, некоторые персонифицированные предметы и некоторых животных.

Гласный *e* зафиксирован после *n', m', s', u', u', k' — nbn'e, bbt'e, t'et'e, P'yc'e, qcpbж'uц'e, брбч'e, обч'e, Стбп'к'e, дббик'e.*
 Гласный *o* после *b, ж, т', o, c, n, n', л', ч' — бббо, жббо, свбт'o, П'ет'o, o'бдо, жуб'л'эсо, Бур'бно, Вбн'o, Кбл'o, Ж'эч'o, вблч'o.*

3.2.6. Таким образом в подсистеме безударного вокализма в КН, КИ выделяются преударная и заударная позиции.

Перед ударением актуальны следующие позиционные наборы гласных: в $\#VC\text{---}$, $\#VC\text{---}$ *a, ʔ, e, u, o, y*; в $CVC\text{---}$, $CVC\text{---}$ *a, ʔ, o, y*; в $C'VC\text{---}$, $C'VC\text{---}$ *a, ʔ, e, u, y, ʔ.*

В преударной позиции в одной из лексических подсистем, а именно — в слоговых аббревиатурах произносятся *e, o — т'ек'ез'эту, м'ев'ер'эту* (КН). В данной работе эта подсистема не исследуется.

После ударения фиксируются следующие позиционные наборы гласных: в $\text{---}CVC$, $\text{---}CVC$ *a, ʔ, o, y*; $\text{---}C'VC$, $\text{---}C'VC$ *a, ʔ, u, ʔ, y, ʔ*; в $\text{---}CV\#$ *a, ʔ, y, o, o*; $\text{---}C'V\#$ *a, ʔ, u, e, y, o, e.*

Различия в наборах безударных гласных по позициям обусловлены твердостью—мягкостью предшествующих согласных, положением после паузы/не после паузы, наличием последующего губного шипящего.

Отмечается определенная зависимость состава гласных в отдельных позициях и от морфологических факторов.

4. Позиционное чередование гласных.

Языковая функция фонетических позиционных чередований состоит в том, что чередование устраняет сочетание звуков, провоцируемое формо- и словообразованием, путем замены одного из компонентов сочетания. Устраняемые сочетания могут быть как синтаксически запрещенными, так и допустимыми. Чередование, охватывающее все слова (морфемы), имеющие данную позицию, устраняет фонетически запрещенное сочетание — этого сочетания вообще нет никогда в речи. Если же чередование осуществляется непоследовательно (т.е. не во всех случаях возникновения определенной позиции), то чередование устраняет сочетание фонетически допустимое. Существует мнение, что характерной чертой собственно фонетического чередования является его безысключительность на уровне позиции, когда действует принцип "охвата всех слов" /20 с. 405/.

Однако сам по себе факт непоследовательности чередования вовсе не означает, что оно утратило связь с звуковой синтагматикой и утратило функцию регулирования позиционных наборов звуков. Если состав морфем, где сочетание то устраняется чередованием, то сохраняется, нельзя унифицировать ни по морфемному, ни по лексическому признаку, то можно считать, что чередование обусловлено фонетической позицией. Хотя такие чередования реализуются непоследовательно, т.е. устраняют фонетически допустимые сочетания, тем не менее они ничем кроме фонетического контекста мотивированы быть не могут.

При установлении правил позиционной смены гласных привлекаются не только данные фонетического уровня, но учитывается грамматический фактор, так как позиционное чередование реализуется в пределах тождественных морфем.

Чередование, как компонент фонетического строя, характеризуется двумя показателями: 1) качеством чередующихся элементов, и 2) позиционными условиями чередования. Соединением этих показателей определяется содержание каждого конкретного звукового чередования.

Чередование гласных в КН и КИ связано с отношением позиции к ударению и с твердостью/мягкостью согласного, следующего после гласного. Смена гласных в зависимости от ударности/безударности слога реализует два типа редукции гласных, представленные в КН и КИ. Нашем показ чередующий со второго типа редукции, как более сложно организованного.

Чередование *a : e/a* — после мягких согласных, низкая и *u* в безударном слоге гласный *a* заменяется *e/a* в пределах тождественных морфем. Чередование происходит в преударном и заударном слоге. Качество сегмента, следующего после гласного (твердый, мягкий согласный, пауза), на выбор второго компонента чередования не влияет. Чередование происходит в 1) корневых (основных) морфемах — *цo'бт : цe'гтув'б, ч'ас : иd'ин ч'асб/ч'есб*; 2) в имп. и нор. в связочных морфемах — *пэс'бф, умр'бф : м'бс'гф, мбмр'бф*; 3) во флексиях — 1 л. од.ч. наст, *к'ип'а : кбп'а/кбп'г*, сущ. ж.р. од.ч. *св'ин'а : руск'ин'а/руск'ин'г*.

Чередование $\xi: \alpha$ — после мягких согласных, шипящих и \dot{u} в безударном слого гласный ξ заменяется α . Чередование реализуется 1) во флексиях 1 л. ед.ч. наст. — $к'ип' \xi: к'бп' \alpha$ (КЯ), 3 л. мн.ч. наст. — $кис' \xi т: м' \epsilon с' \alpha т$ (КП); 2) во флексии сущ. ж.р. ед.ч. — $зам' \xi: б'ам' \alpha$; 3) в членной морфеме м.р. ед.ч. — $д'им' \xi: в' \epsilon т' \alpha$.

Чередование не проводится последовательно, так как в безударном слого возможно и сохранение ξ . См. выше о варьировании ξ/α после мягких согласных.

Чередование $\epsilon: \xi/\alpha$ — после мягких согласных, шипящих и \dot{u} в безударном слого гласный ϵ заменяется ξ/α . Чередование реализуется 1) в корневых морфемах — $с' \epsilon жу: с' \alpha ла, ж' \epsilon мт: ж' \xi лтбу$; 2) в именном суффиксе $- \epsilon м$ — $дув' \epsilon н: з' \epsilon бтв' \xi н/з' \epsilon бтв' \alpha н$; 3) в морфологическом сегменте, расширяющем основу сущ. ср.р. мн.ч. — $к'уфт' \epsilon тз: к'бт' \alpha та, пул' \epsilon тафта: к'итл' \xi фтз/к'итл' \alpha фтз /60/$; 4) во флексии наречий — $оубр' \epsilon, кад' \epsilon: \dot{u} тр' \alpha / \xi, с' \epsilon тн' \alpha / \xi$.

Чередование $\dot{u}: \xi/\alpha$ — в безударном слого гласный \dot{u} заменяется ξ/α . Чередование реализуется 1) в корневых морфемах очень ограниченно — $б'ил: б' \alpha ла, б' \alpha лб, б' \epsilon л' \epsilon, ид' \dot{u} м: ид' \alpha нб'ис'и$ (КЯ, КП), $ш'ир: ш' \epsilon р'бк, инб' \dot{u} йлу: тр'и к' \epsilon ла$ (КЯ); 2) в субстантивном суффиксе $\dot{u} м$ — $гуспу' \dot{u} м, думан' \dot{u} м: \dot{u} йган' \alpha н, г'ага' \dot{u} \alpha н$; 3) в суффиксе притяж. прилагат. — эквивалентность заударного α/ξ и ударного \dot{u} в этом случае в синхронном плане, т.е. не прибегая к этимологии, устанавливается через слогоделение соответствующих словоформ — $б'аб' \alpha н \rightarrow б'б'/б' \dot{u} н, б' \dot{u} м' \dot{u} \epsilon н \rightarrow б' \dot{u} л' \dot{u} \dot{u} м$; 4) в аор. связочной морфеме — $идду' \dot{u} х: з' \epsilon бтв' \epsilon х/з' \epsilon бтв' \alpha ф$.

В то же время гласный \dot{u} во многих безударных морфемах сохраняет свое качество и не заменяется другим гласным. Ср. $св' \dot{u} н'и$ и $св'ин' \alpha$, $б'ик$ и $б'икб$, $турб' \dot{u} т'и$ и $б'б'ит'и$, $в'расн' \dot{u} х$ и $пл' \epsilon мн'ик$, $ж' \epsilon лт' \dot{u} цз$ и $г' \dot{u} гур' ицз$, $кул' \dot{u} ч'кз$ и $л' \epsilon л'ич'ка$, $у'гн' \dot{u} ш'т'и$ и $уч' \dot{u} л'иш'т'и$, $г'рад' \dot{u} ш'тз$ и $д'авр'иш'тз$, $л'ад' \dot{u} и$ и $к'р'ав'и$, $\dot{u} з'г'р' \epsilon ф$ и $из'ж'б'мз$.

Второй тип редукции реализуется как повышением подъема гласного ($\dot{u}: \xi/\alpha$), так и его понижением ($\xi: \alpha, \epsilon: \xi/\alpha, \dot{u}: \xi/\alpha$).

Чередования гласных, основанные на первом типе редукции, охватывают в КЯ и КП большое количество морфем. Чередования, включенные в первый тип редукции, реализуются повышением ступени подъема гласного в безударном слого.

Чередование $\epsilon: u/\xi$ — в безударном слого гласный ϵ заменяется u/ξ . Чередование реализуется 1) в корневых (основных) морфемах — $п' \epsilon т: п'ид'ис' \epsilon, в' \epsilon ту: ув'ит'бу, б'их' \epsilon мнз: \dot{u} ин' \alpha$; $\epsilon с' \epsilon н: и с' \epsilon нтз$; 2) во флексиях сущ. ср. р. ед.ч. — $жз' \epsilon: лбз'и$, $н'иб' \epsilon ту: б' \epsilon б'ити$, сущ. м.р. мн.ч. — $плудув' \epsilon: стул'бв'и, кун' \epsilon т'и: снб'ит'и, жбж'ит'и$, 3 л. ед.ч. наст. — $кзл'н' \epsilon: \dot{u} ж' \epsilon м'и$, числительных — $п'ид'ис' \epsilon: тр'ий'с'и$; 3) в суффиксе $- \epsilon ц$ — $лзж' \epsilon ц: турлзч' \alpha н'и$; 4) в суффиксе прилагат. $- \epsilon ш'к$ — $ч'ув' \epsilon ш'к'и: п'ат'иш'к'и$.

Чередование $\dot{u}: \xi/\alpha$ — в безударном слого после твердых согласных гласный \dot{u} заменяется ξ/α . Это происходит 1) в корневых (основных) морфемах — $д'вх' \epsilon н: д'зк' \alpha, ид' \dot{u} н ц'б'б: \dot{u} з'ф'тз, дуббр': мбкзр, х'итзр$; 2) в членной морфеме сущ. м.р. ед.ч. $плз'тз, крзг'б: крзстз, плзг'з$, сущ. ж.р. ед.ч. — $прул' \epsilon тз: ж'ин' \alpha тз$.

Чередование $\alpha: \xi/\alpha$ — происходит после твердых согласных. Реализуется 1) в корневых (основных) морфемах — $л'бз'т': лзх' \epsilon т'и, п'бз'х: пзс' \epsilon$; 2) в именной флексии ж.р. ед.ч. — $лзв' \alpha: з'блвз, св'ит' \alpha: изм' \dot{u} тз, з'л' \alpha: к'ис' \epsilon лз, ут'иш' \alpha: у'бл' \alpha клз, му'ж' \alpha тз: \dot{u} б'мзтз, душ'л' \alpha тз: с' \epsilon мнзлзтз, дубр' \alpha тз: мбкрзтз$; 3) во флексии 1 л. ед.ч. наст. — $нзбуд' \alpha: \dot{u} дз$.

Чередование $\dot{u}: \alpha/\dot{u}$ происходит после твердых и мягких согласных. Оно реализуется 1) в корневых морфемах — $\dot{u} б'н: \dot{u} уббв'и, ч'бл' \epsilon с/ч'бл'ус: ч'ул' \alpha стз, п'бт: п'утз, л'бй: л'уйтз, Убг' \epsilon н: у'гн' \dot{u} ш'т'и, Убфч' \dot{u}: у'ф' \alpha /ф' \alpha, Убс' \alpha м: ус' \alpha мнб'ис'и$; 2) в морфологическом сегменте $- \alpha в'$, расширяющем основу сущ. м.р. мн.ч. — $куш'бв'и: ш' \dot{u} ш'ув'и$; 3) в именной флексии ср.р. ед.ч. — $п'ис'мб: р' \alpha му, душ'л'б: иск'бп'лу, дубр'б: ск'бпу, кр'ил'бту: с' \epsilon жуту, р'икл'бту: н'п'ис' \alpha лу$.

Ударный гласный \dot{u} , перемещаясь в ходе слово- и формообразования в безударный слог, не меняет своего образования в КЯ и КП.

Перемена позиций, провоцируемая действующими в говорах моделями словообразования и словоизменения, хотя и обуславливает позиционное чередование гласных, тем не менее не всегда сопровождается таким чередованием. Это связано со спецификой звукового оформления морфем, из-за чего один из чередующихся гласных в соответствующую позицию не попадает. В таких случаях можно говорить о фонетически допустимых, но лексически не представленных чередованиях. Такие чередования показаны в следующем списке. В позиции $\#VC, \#VC' \alpha$: продуд. α/ξ ; \dot{u} : предуд. α/ξ . В $C'VC, C'VC'$ ξ : продуд. α/ξ . В $C'V\# \dot{u}$: зауд. α/ξ . В $C'VC, C'VC', C'V\# \dot{u}$: б: зауд. u/\dot{u} .

Чередования гласных, обусловленные отношением фонетической позиции к ударению, устраняют из безударных слогов гласные, в них запрещенные правилами вокальной синтагматики. Это относится к *ѣ, ѓ, ѓ, ѣ*. Чередования, первым компонентом которых являются *ѣ, ѓ, ѓ*, не связаны с синтагматическим запретом этих гласных в безударных слогах, так как чередования осуществляются не постолько последовательно, чтобы исключить *ѣ, ѓ* из безударной позиции. Чередование *ѣ : а* происходит во всех морфемах, где возможен гласный *ѣ* под ударением. Чередование *ѓ : ѣ/а* ограничено лишь определенными морфемами, имеющими гласный *ѓ* под ударением, и таких морфем меньше, чем тех, где *ѓ* в безударной позиции замещается другим гласным.

В КЯ и КН два типа редукции в большей части своих проявлений позиционно разграничены. Конкурирующими являются чередование *ѣ : ѣ/а, ѣ : и/ѣ*, поскольку они сопровождают мену одинаковых фонетических позиций — ср. *с'ѣлу : с'алѣ* и *в'ѣту : ув'итѣла*. В то же время

каждое из этих чередований является приметой определенных морфем. В пределах одного и того же корня и в каждой аффиксальной морфеме фиксируется только один вид чередования. Это означает, что чередования *ѣ : ѣ/а, ѓ : ѣ/а* обусловлены не только фонетической, но и морфемной позицией. Это составляет специфическую особенность говоров КЯ и КН, где оба типа редукции не представляют собою чисто фонетическое явление, имеющее одинаковое проявление в соответствующих фонетических позициях. В регулирование чередований включен морфемный, а если принимать во внимание разное проявление чередований в отдельных корнях, то и лексический фактор.

Можно отметить, что в ряде говоров, совпадающих с КЯ, КН по инвентарю звуковых единиц и имеющих первый и второй тип редукции, представлено иное распределение членов позиционного чередования по морфемам. Так, в сливенском говоре, по данным И.Кочева, произносятся *ѣурѣп'ѣ, вѣтн'ѣн, вѣшн'ѣн* /52 с. 297/, в то время как в КЯ и КН — *лѣз'ѣ, пунѣ'ѣл'н'ѣ*.

Наличие в КЯ, КН двух типов чередования можно интерпретировать и как сосуществование двух подсистем безударного вокализма в одном говоре: в одной системе *ѓ, ѣ* чередуются с *и/ѣ*, в другой — с *а/ѣ*.

Такое предположение является вполне допустимым в связи с известным в диалектологии положением о том, что любой современный говор непременно содержит в своей системе и черты других ди-

алектных систем, что является причиной наличия тех или иных сосуществующих в говоре элементов /9, с. 189/. При этом разные диалекты характеризуются, как правило, различным составом сосуществующих явлений. "Взаимодействие различных систем в отдельном говоре может быть выражено в виде единичных случаев в ограниченном числе явлений... В других случаях взаимодействие двух систем может пронизывать весь говор, и тогда два варианта звукового воплощения явления ("соотносительные члены") существуют параллельно. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора" /9, с. 189/.

В случае с сосуществованием в говорах КЯ и КН двух указанных типов редукции в безударных слогах мы имеем дело, видимо, с проявлением длительного взаимодействия и давних контактов между северо-восточными и юго-восточными диалектными системами вокализма, в результате чего в говорах КЯ и КН возникла специфическая, объединяющая отдельные признаки взаимодействующих между собой систем и как бы компромиссная по своему характеру, но вая система вокализма, в которой проявилась своеобразная лексико-грамматическая "специализация" безударных *и/ѣ* и *а/ѣ*, особенно в заударных слогах. При этом следует подчеркнуть, что в пределах каждой из двух подсистем каждый из указанных типов чередования действует безысключительно и не образует морфемных вариантов с безударными гласными *и/ѣ, а/ѣ*, что, возможно является доказательством известной автономности этих подсистем.

Чередование *ѣ : ѣ* обусловлено заменой твердого согласного, следующего после гласного, мягким. Чередование происходит в позиции после мягких согласных, шипящих и *й* — *ѣул'ѣм : ѣул'ѣм'ѣ, л'ѣту : л'ѣт'ѣн, нас'ѣкла : нас'ѣч'ѣ, м'ѣсту : ѣзм'ѣст'ѣн, ж'ѣба : ж'ѣб'ѣ, ѣлуб'ѣа : ѣлуб'ѣи'ѣ*. Гласные *ѣ* и *ѣ*, находящиеся в отношении чередования, со своей стороны вступают в чередования с безударными *и/ѣ* или *а/ѣ*, выбор которых зависит от значения морфемы — *л'ѣтѣ, м'ѣстѣ*. (КЯ), *ѣул'ѣм'ѣч* (КН), *ѣубл'ѣка, нас'ѣкѣт*. (КЯ, КН); *сн'ѣгѣ, сн'ѣгуи'ѣ, пѣд'ѣш'ѣ, пѣд'ѣф*. Как было показано, безударный член чередований *ѣ/а* может быть соотнесен как с ударным *ѣ*, так и *ѣ*, а безударный *и/ѣ* только с *ѣ*, но не с *ѣ*. Поэтому наличие таких зафиксированных нами однокоренных словоформ, как *в'ѣтарр : в'ѣтруи'ѣ/в'ѣтруи'ѣ, ѣ'ѣл : ѣд'ѣл'ѣла, разѣл'ѣ* (КН), *ж'ѣл'ѣзу : ж'ѣл'ѣзѣ/ж'ѣ-*

На нижней ступени подъема, где локализован *ǎ*, оппозиция по ряду не образуется. Но *ǎ* по подъему противопоставлен гласным *ǎ*, *ǝ*, локализованным в среднем ряду. Это является основанием для помещения гласного *ǎ* в средний ряд. Таким образом, признак ряда присутствует на всех трех ступенях подъема.

Противопоставление между гласными заднего и переднего ряда сопровождается наличием/отсутствием лабиализованности. Нелабиализованность репрезентируют гласные *ǎ*, *ǝ*, *ǎ*, *ǝ*, *ǎ*, лабиализованность — *ǎ*/*ǎ*, *ǝ*. Лабиализованность *ǝ* функционально незначима, поскольку этот гласный выступает во многих морфемах в качестве позиционной замены *ǎ* в соседстве с губными спирантами и перед слогом с лабиализованным гласным.

Артикуляционные характеристики, по которым противопоставлены гласные в позиции максимального различия, преобретают значение ДП. Комбинация ДП подъема, ряда, лабиализованности/нелабиализованности образует фонемы:

/и/ — верхний подъем, передний ряд, нелабиализованная; реализуется гласными *ǎ*, *ǝ*;

/е/ — средний подъем, передний ряд, нелабиализованная; реализуется гласным *ǝ*;

/ъ/ — средний подъем, средний ряд, нелабиализованная; реализуется гласными *ǎ*, *ǝ*;

/а/ — нижний подъем, средний ряд, нелабиализованная; реализуется гласным *ǎ*;

/у/ — верхний подъем, задний ряд, лабиализованная; реализуется гласным *ǝ*;

/о/ — средний подъем, задний ряд, лабиализованная; реализуется гласными *ǎ*, *ǎ*.

Гласные фонемы образуют типичную для болгарского языка трехклассную треугольную вокальную систему.

Ограниченную сферу употребления имеют фонема /ъ/ после паузы, /ъ/, /у/, /о/ — после мягких согласных, /е/, /о/ перед паузой.

После мягких согласных не перед паузой фонема /ъ/, реализуемая гласным *ǝ*, представлена только в КН. В КЯ в этой позиции фонема /ъ/ допустима, но лексически не представлена — поскольку в КЯ эта фонема в принципе допустима после мягких согласных, нет ос-

нований полагать, что она запрещена в позициях CVC, CVC'. В КЯ, как и в КН фонема /ъ/ после мягких согласных фиксируется перед паузой. При этом морфемное пространство, в котором употребляется /ъ/ в этой позиции, в КЯ шире, чем в КН.

Как было сказано выше, гласный *ǝ*, являющийся позиционной заменой *ǎ*, реализует фонему /и/. Так же интерпретируется гласный *ǝ* и в тех случаях, когда его позиционная зависимость от губных спирантов не просматривается — ср. *т'ǝт'ǝн'*, *с'ǝмб'ǝл'*, *б'ǝз'ǝк'*, *вр'ǝт'* и др. Гласный *ǝ* в этих случаях так же реализует фонему /и/.

Варьирование *ǝ*/*ǝ*, вызванное передвижением *ǝ* в более заднюю зону, на фонемном уровне реализует варьирование фонем /и/ и /у/ в одной и той же позиции и словоформе: каждая словоформа, произносится с *ǝ*, *ǝ* в определенной позиции, может произноситься и с *ǝ*, но не всякая словоформа, произнесенная с *ǝ*, может быть произнесена с *ǝ*, *ǝ*, т.е. *т'ǝт'ǝм/т'ǝт'ǝм* содержат фонему /и/, а *т'ǝт'ǝм, хл'ǝк* — фонему /у/. Возможность варьирования фонем /и/ и /у/ после мягких согласных снижает значения ДП наличие/отсутствие лабиализованности в характеристике фонем верхнего подъема.

Варьирование фонем /а/ и /ъ/, /а/ и /е/ после мягких согласных перед паузой фиксируется в КЯ и КН. Параллельное употребление фонем /а/ и /е/ реализуется произношением *дв'ǎ/ǝ*, *дубр'ǎ/ǝ*, *блѝс'ǎ/ǝ* в КЯ, КН, *мѝл'ч'ǎ/ǝ*, *вар'ǎ/ǝ* в КН; фонем /а/ и /ъ/ — произношением *зѝм'ǎ/ǝ*, *сѝл'ǎ/ǝ* в КЯ, КН, *гур'ǎ/ǝ*, *плѝт'ǎ/ǝ* в КЯ. На связь этого варьирования с позицией перед паузой указывает тот факт, что не перед паузой в той же морфеме варьирования нет — ср. флексию -ǎ перед членной морфемой *сѝлѝта*, *з'ѝмѝта*, которая не варьируется с *ǝ*.

5.2. После твердых согласных перед согласным и перед паузой допустимы гласные *ǎ*, *ǎ*, *ǎ*, *ǝ*, а перед согласным еще и *ǎ*. Гласные реализуют фонемы /а/, /ъ/, /о/, /у/. В КЯ фонема /о/ чаще, чем в КН реализуется гласным *ǎ*. Допустимые после твердых согласных гласные фонемы реализуются произношением *цѝр'ǎ*, *цѝл'* — *ѝлѝ*, *гн'ǎзѝдѝ* — *сѝн*, *пѝтѝ* — *лѝѝа*, *к'ѝтѝгурѝ* (КН), *сѝ*.

После твердых согласных запрещены гласные переднего ряда под ударением *ǎ*, *ǎ*. Их отсутствие в этой позиции не связано ни с нейтрализацией ни с чередованием фонематических единиц. Отсутст-

вис *и*, *е* после твердых согласных реализует дистрибутивную лауну в распределении фонем /и/, /е/. Отсутствие *и*, *е*, после твердых согласных не отражается на фонемной характеристике фонематических единиц, представленных в этой позиции.

5.3. Сокращение позиционного набора гласных под ударением обусловлено изменением *а* → *е* в позиции между мягкими согласными. Эта вокальная мена последовательно проводится в морфемах, содержащих **е*, и непоследовательно в морфемах, содержащих **а* после мягкого согласного — в последнем случае *а* между мягкими согласными может сохраняться.

Изменение *а* → *е* приводит к тому, что между мягкими согласными гласный *е* соответствует гласным *а*, *е* в позиции после мягкого перед твердым согласным. Этим нейтрализуется оппозиция между ударными фонемами /е/ — /а/. В позиции нейтрализации снимается различие по ряду и подъему между фонемами. Нейтрализация происходит в архифонеме /e_а/, которая устраняет из ударного вокализма признак нижнего подъема. Позиционный набор /и/ — /e_а: — /ь/ — /у/ — /о/ между мягкими согласными различает лишь две ступени подъема — верхнюю и нижнюю. Примеры нейтрализации: гул'/а/м — зал'/б/п'ам → гул'/e_а/м'и, зал'/e_а/п'ам; ж'/а/ба — ж'/б/цку → ж'/e_а/б'и, ж'/e_а/п'ан; ч'/а/с — ч'/б/рна → ч'/e_а/р'ан.

Поскольку *а* из **а* между мягкими согласными может и не заменяться гласным *е*, нейтрализация оппозиции /е/ — /а/ не проводится последовательно, поскольку в некоторых морфемах допустима фонема /а/ параллельно с /e_а/ между мягкими согласными.

Эту ситуацию можно интерпретировать и как допустимость параллельного употребления фонем /а/ и /е/ в данной позиции — каждая морфема, произносимая с /а/, может произноситься и с /е/.

Если исходить из того, что непоследовательность изменения *а* → *е* является проявлением сосуществующих в КЯ и КН двух подсистем ударного вокализма, то интерпретация явления может быть следующей. В той подсистеме, где в позиции C'VC' запрещен *а*, гласный *е* реализует архифонему, в которой нейтрализована оппозиция /а/ — /е/. В другой подсистеме нет изменения *а* → *е*, и эти гласные реализуют фонемы /а/, /е/.

5.4.0. Редукция безударных гласных устраняет из безударных слогов гласные *е*, *о*, *э*, *а*, которые заменяются безударными *е/и*,

о/у, *а/э*, *а/э*. Безударный гласный *и* может не только параллельно с *е* заменять *э*, но и соответствовать ударному *и*; возможна замена ударного *и* и безударными *е/а*. Безударный *у* соответствует не только *о*, но и *у*.

Эти изменения формируют в безударных слогах позиционные наборы гласных, укороченные в сравнении с максимальным.

В позициях C'VC', C'VC', #VC', #VC' — это предударные гласные *и*, *е*, *а/э*, *о*, *у*; в C'VC', C'VC' — ударные *и*, *е*, *а/э*, *о*, *у*; в C'V# — ударные *и*, *а/э*, *у*; в CVC', CVC', CVC', CVC', CVC# — предударные и ударные *а/э*, *о*, *у*.

Варьирование безударных гласных *а/э* после твердых, *а/э* — после мягких согласных двустороннее, т.е. имеет место свободное варьирование. Гласные *е* и *и*, *о* и *у* также могут взаимозаменяться, но по другим правилам. Вместо *е*, *о* в любой морфеме могут быть произнесены *и*, *у*, а обратная замена, т.е. *и*, *у* на *е*, *о*, возможна только в тех морфемах, которые под ударением содержат *е*, *о*. Гласный *о* на месте этимологического *у* отмечен в КЯ в слове *орба* (=Урал), а *е* — на месте *и* в *еркук*. (КН), *Ф'ел'ин* (КН). Поскольку начальные гласные в этих словах не могут попасть под ударение, трудно сказать, отождествляется в сознании говорящих гласный *о* с *у* или *о*, а *е* — с *и* или *е*. Лишь в КН в *л'естб'е* соотносится с *и*.

Такое распределение безударных гласных имеет разные фонематические последствия в зависимости от того, присутствуют или нет в интерпретируемом позиционном наборе гласные *е*, *о* и заменяется ли *и* гласным *е/а*.

После твердых согласных гласные *э/а*, заменяя собою *о*, *а*, реализуют архифонему /ь_а/, в которой нейтрализуется оппозиция по подъему фонем /ь/ — /а/.

Гласный *у* заменяет *о*, *у*. При этом *у* варьируется с *о*, который заменяет собою *о*, но не *у*. Этот фонетический факт в принципе допускает двойную фонемную интерпретацию. Варьирующиеся гласные *о/у* и неварьирующийся *у* могут быть противопоставлены в одной позиции — *студ'б* — *студ'б'и/студ'б'и*, т.е. в первой и второй словоформе *у* различается возможностью варьирования с *о*. В соответствии с таким толкованием, гласный *у* реализует в безударном слоге фонему /у/, а *о* — фонему /о/. Эти фонемы варьируются по правилу

/o/1||/y/, т.е. ст/у/лбй, ст/о/лбw'и, но только ст/у/дб. Но если не объединять варьирующиеся гласные в один член оппозиции, то можно констатировать нейтрализацию фонемной оппозиции. В таком случае гласный *y* реализует архифонему /y_o/, в которой нейтрализована оппозиция по подъему /o/ - /y/, т.е. ст/у/д - ст/о/л → ст/у_o/дб, ст/у_o/лбw'и (фонетически *студб*, *стулбw'и*). При этом констатируется варьирование фонемы и архифонемы в тождественной позиции. Это /o/1||/y_o/ (фонетически *столбw'и/стулбw'и*) и /y/1||/y_o/ (фонема, если *студб* сопоставляется с *столбw'и*; архифонема, если *студб* сопоставляется с *стулбw'и*). Повод для такой двойной интерпретации безударного *y* представлен в рамках позиционных наборов после мягких согласных и после паузы в предударном слоге. Идея нейтрализации /o/ - /y/ в /y_o/ безальтернативно выражена в заударном слоге после мягких согласных перед согласным и паузой. Здесь *y* не варьируется с *o* и является единственно заменой ударных *o*, *y*.

В переднем ряду аналогично безударным *o*, *y* составляют гласные *e*, *u*. После мягких согласных и после паузы предударный *u* и заударный *u* перед согласным реализует архифонему /и_o/, в которой нейтрализована оппозиция /и/ - /e/: /б/с'ан - /й/збур → /и_o/с'антб, /и_o/зб'ард (фонетически *ис'антб*, *изб'ард*). Нейтрализация не проводится последовательно, поскольку в соответствии с *e* может произноситься *e*, а в соответствии с *u* - только *u*. Следствием этого является варьирование в безударном слоге /o/1||/и_o/, т.е. фонема /e/ в *д'енб*, архифонема /и_o/ в *д'инб*. Только архифонема /и_o/ выступает в заударном слоге перед паузой, где в соответствии с *e*, *u* произносятся только *u*, т.е. глаг'/й/ - г'рбув'/б/ → стулбw'/и_o/, краб'/и_o/.

После мягких согласных безударный *e/a* соответствует фонемам /и/, /e/, /ь/, /а/. Эту сложную ситуацию будем интерпретировать в рамках отдельных фрагментов системы.

Далее моделируя систему безударного вокализма, мы учитываем лишь факты нейтрализации и не принимаем во внимание возможные варьирование архифонемы с фонемой. Именно нейтрализация, хотя и непоследовательная, формирует фонемную специфику системы безударного вокализма.

5.4.1. В позициях #VC_o, #VC_o нейтрализуется различие по подъему в оппозициях /и/-/e/, /o/-/y/, /ь/-/o/: /й/збур -

/б/дра, но только *u* без ударения, поэтому /и_o/д'ин, /и_o/д'рина; /й/ч'а - /б/г'ан → только *y* без ударения, поэтому /y_o/ч'й, /y_o/гн'йш'т'и; /ь/г'ал - /а/с → только *e/a* без ударения, поэтому /ь_a/др'бс, /ь_a/к'бл. Нейтрализация в /и_o/, /y_o/ подтверждается чередованием *e*: *u*, *o*: *y*. В КЯ и КИ в начале слова нет чередований *а*: *я/а*, *о*: *я/о*. Архифонема /ь_a/ в этой позиции аргументируется синтагматическим поведением *а*, *я*, *о/я* в других позициях.

Для архифонем /и_o/, /y_o/, /ь_a/ не имеет значения ДП подъема. Архифонемы образуют трехклассную одноступенчатую модель вокализма, где актуальным является признак переднего - среднего - заднего ряда. Локализованные в переднем и среднем ряду архифонемы /и_o/, /ь_a/ не имеют лабиализованности, а локализация в заднем ряду сочетается с лабиализованностью.

5.4.2. В позиции после мягких согласных специфика распределения гласных *u/e* и *a/e* дает основания для выделения двух подсистем: одна содержит безударные *u/e*, другая - только *a/e*. Как было показано выше, употребление после мягких согласных гласных *u/e* и *a/e* регулируется определенными лексико-семантическими и словообразовательными факторами.

В первой подсистеме в позициях C'VC_o, C'VC_o гласные *u*, *a/e*, *y* реализуют, как и после паузы, архифонемы /и_o/, /y_o/, /ь_a/: д'/и/м-д'/e/н → д'/и_o/нб, д'/и_o/мб; л'/у/т - џ'/o/н → л'/y_o/т'йф, џ'/y_o/ббw'и; в КИ гарм'/ь/т - м'/а/х → только *a/e* в безударном слоге, поэтому м'/ь_a/хув'б.

В КЯ в позиции C'VC_o и в КЯ, КИ в позиции C'VC_o предударный *a/e* соответствует только фонеме /а/ под ударением. Фонема /ь/ в позициях C'VC /КЯ/, C'VC' /КЯ, КИ/ допустима, но лексически не представлена. Архифонема /ь_a/ констатируется на уровне модели.

В предударном слоге после мягких согласных употребляется гласный *y*, который варьируется как с *y*, так и с *u* - б'ул'йк'/б'ул'йк', д'йш'бк'/д'иш'бк', ич'йм'йк'/ич'им'йк' и под. Будучи включен в трехклассную одноступенчатую модель вокализма и варьируясь с *y*, предударный *y* становится представителем архифонемы /y_o/, для которой важен признак лабиализованности. Архифонема, реализованная гласным *y*, варьируется с /и_o/ - б'ул'йк'/б'ул'йк' = б'/y_o/л'йк'; д'йш'бк'/д'иш'бк' = д'/y_o/ш'бк' || д'/и_o/ш'бк'; т'йт'йн'/т'йт'йн'/т'ит'йн' = т'/y_o/т'йн' || т'/и_o/т'йн'.

Во второй подсистеме в предударной позиции после мягких согласных в КЯ, КН представлены гласные *а/я*, *у(ю)*. Гласный *а/я* соответствует ударным гласным *а, е, ё* — *ор'ан* и *ор'ануш'е*, *с'ёлу* и *с'алб/с'елб*, *б'ил* и *б'алб/б'елб*. Гласный *я* в рассматриваемых позициях допустим, но не зафиксирован лексически. Но по правилам редукции гласному *я* после мягких согласных в безударном слоге соответствует *а/я*. Таким образом, *а/я* нейтрализует в безударном слоге оппозицию фонем /и/ — /е/ — /а/ — /я/. В этом же позиционном наборе присутствует архифонема /у₀/, реализованная *у, ю* — *л'у₀л'йф*, *ф'у₀ббв'и*.

Архифонема, в которой нейтрализована оппозиция /и/ — /е/ — /а/ — /я/, снимает различие по подъему и ряду между нелабиализованными фонемами. В этом же позиционном наборе присутствует гласный *у*. Он реализует архифонему, которая отличается от той, что выступает на месте нелабиализованных фонем, лишь признаком лабиализованности. Во второй подсистеме архифонемы образуют двухклассную одноступенчатую модель вокализма. Эти архифонемы обозначаем как /'I/ — нелабиализованная и /I./ — лабиализованная.

Следует иметь в виду, что различие между первой и второй подсистемами определяется соотношением *а/я* с гласными под ударением, и конкретно тем, включается в это соотношение гласные *е, я* или нет. Поэтому в тех случаях, когда эквивалентность между *а/я* и ударным гласным не может быть установлена, поскольку *а/я* всегда находится в безударной морфеме, этот гласный может иметь двойную интерпретацию — как представитель архифонемы /ъ_а/, так и /'I/. Именно такая ситуация реализуется в *п'арб/п'ярб*, *к'ар'еч'/к'яр'еч'* (КЯ, КН); *оп'арбц'ийа*, *прэст'атутка*, *ч'арбта* (КЯ); *п'арг'ийш'ан*, *б'арбту* (=бюро), *г'армбц'и* (КН).

Констатация архифонемы /у₀/, как компонента трехклассной системы, или /I./, как компонента двухклассной системы, зависит от того, интерпретируется ли замена *б, ю* → *у* в рамках первой или второй подсистемы. Таким образом, в позициях *С'VC* —, *С'VC'* — реализуются две модели вокализма, соотносимые с двумя подсистемами. Это /и₀/ — /ъ_а/ — /у₀/ и /'I/ — /I./.

Такое же распределение фонематических единиц представлено в позициях —*С'VC*, —*С'VC'*. В первой подсистеме трехклассную одноступенчатую модель образуют архифонемы /и₀/ — /ъ_а/ — /у₀/.
Ср. *врѣсн' /ъ_а/ца*, *кул' /и₀/ч'ка* — *маз' /е/ту*, *храбр' /е/ц* — *кус' /ъ/т* — *труш' /я/х* → *пбтн' /и₀/ц'и*, *л'ёл' /и₀/ч'ка*, *лбз' /и₀/ту*, *пал' /и₀/ц* — *тур' /ъ_а/г*, *пун' /ъ_а/х*. Архифонема /у₀/ в *бхл' /у₀/ф*, *м'йт' /у₀/ф*. Нейтрализация в /у₀/ не сопровождается чередованием ударных *б, г* с *у*, так как морфемы содержащие ударный *у*, не попадают под ударение. Архифонема /и₀/ реализуется гласными *и, /ъ_а/* — гласными *а/я, /у₀/* — гласными *у, ю* (*рбд'йшу*, *рбб'йф/рбб'уф*).

В КЯ фонема /ъ/ после мягкого согласного перед согласным участвует в преобразованиях, происходящих в заударном слоге, как фонема допустимая в этом консонантном окружении, но лексически не зафиксированная. Во второй подсистеме двухклассную одноступенчатую модель образуют архифонемы /'I/ — /I./, реализованные гласными *а/я, у(ю)*: *думц' /и/ц*, *издуд' /е/п — цул' /е/та* — *кус' /ъ/т* — *пр'ид' /я/х* → *аргит' /'I/ц*, *зббтв' /'I/ц*, *к'ятл' /'I/та*, *м'бс' /'I/т*, *в'йд' /'I/х*. Фонема /ъ/ в КЯ и здесь участвует в фонемных преобразованиях как допустимый, но лексически не представленный элемент в данном консонантном окружении. Архифонема /I./ реализуется гласными *у, ю*.

В тех случаях, когда заударный *а/я* не может быть соотношен с ударным гласным в той же морфеме, в заударном слоге можно констатировать как /ъ_а/ так и /'I/. Хотя в таких примерах, как *ббб'ан*, *кбк'ан*, заударный гласный может быть идентифицирован с архифонемой /'I/ на том основании, что при слогеделении в заударном слоге восстанавливается гласный *я*, т.е. *бб/б'ан*, *кб/к'ан*.

В позиции —*С'V#*, которая в КЯ и КН представлена только во флексиях, нейтрализация фонемных оппозиций происходит безальтернативно.

Гласный *и* реализует архифонему /и₀/.
Ср. *глав' /и/*, *дубр' /и/* — *маз' /е/*, *дал' /б/* → *крив' /и₀/*, *мбкр' /и₀/*, *лбз' /и₀/*, *лбл' /и₀/*.

Гласный *у* представлен в немногих словоформах типа *Кбл'у*, *М'йт'у* и отождествляется с архифонемой /у₀/ согласно правилам распределения *о, у* относительно ударения.

Гласный *а/я* реализует архифонему /ъ_а/.
Нейтрализация в этой архифонеме имеет свою специфику в КЯ и КН. В КЯ фонема /ъ/ в позиции *С'V#* представлена в большем количестве морфем, чем в

КН. Ср. в КЭ к'ин' /ѣ/, кад' /ѣ/, мал'ч' /ѣ/, св'ин' /ѣ/, д'ин' /ѣ/, а в КП только в суц. ж.р. ед.ч. и в членной морфеме м.р., т.е. зам' /ѣ/, сай' /ѣ/, маж' /ѣ/. В то же время в позиции С'V# фонемы /а/ и /я/ могут варьироваться в обоих говорах, оформляя фонетические дублиеты словоформ — к'ин' /ѣ/ | |к'ин' /ѣ/ (КЭ), св'ин' /ѣ/ | |св'ин' /ѣ/ маж' /ѣ/ | |маж' /ѣ/ (КЭ, КП). Фонемам /я/ и /а/ в заударном слоге перед паузой соответствует архифонема /ѣ_а/ — шд' /ѣ_а/, т'эт' /ѣ_а/, р'бтр' /ѣ_а/, с'бгн' /ѣ_а/ (КЭ); бам' /ѣ_а/, из'йк' /ѣ_а/, пбсл' /ѣ_а/ (КП).

В позиции С'V# в некоторых флексиях фонема /а/ варьируется с /е/ — этому соответствует произношение наречий *кад'а/ѣ*, *дубр'а/ѣ* в КЭ и КП, флексии 1 л. ед.ч. наст. *кад'а/ѣ*, *к'ин'а/ѣ* в КН. Эти же флексии в заударном слоге содержат *а/ѣ*, но не *я*, который обычно заменяет *ѣ*. Это означает, что фонемное варьирование в этих флексиях представлено только под ударением, а без ударения те же флексии содержат только архифонему /ѣ_а/.

5.4.3. В позиции после твердых согласных перед согласным и паузой гласные *э/а* и *у* реализуют архифонемы /ѣ_а/ и /у_о/. Ср. *з'ѣ/риу* — *з'а/хар* → *з'ѣ_а/риа*, *з'ѣ_а/хартъ*; *м'ид'ѣ/* — *ч'урб'а/*, *пабуд'а/* → *ббб'ѣ_а/*, *ббб'ѣ_а/ид'ѣ_а/*; *с'ѣ/ха*, *к'ѣ/м* — *с'б/л*, *к'б/тка* → *ис'у_о/ш'авдм*, *к'у_о/мъ*, *с'у_о/лтá*, *к'у_о/тáк*; *пам'ѣ/к*, *б'ѣ/лка*, *г'ѣ/б'а* — *н'исм'б/ту*, *калб'б/ту*, но *рам'у_о/ту*, *слаб'у_о/ту*; *с'ѣ/*, *к'сргур'ѣ/* — *м'ис'б/*, но *к'с'у_о/*, *бдр'у_о/*. Нейтрализация в /у_о/ сопровождается чередованием *б: у*.

Позиция после твердых согласных является дистрибутивной лакуной для фонем /и/, /е/. Просцируя ситуацию на безударные слоги, можно считать, что та же позиция лакуерна для архифонемы, локализованной в переднем ряду. В результате трехклассная одноступенчатая модель безударного вокализма после твердых согласных имеет вид /—/ — /ѣ_а/ — /у_о/. Знаком /—/ обозначена лакуна в дистрибуции архифонемы. Напомним, что лакуна в дистрибуции фонемы или архифонемы не имеет последствий для характеристики в ДП тех фонематических единиц (фонем, архифонем), которые представлены в соответствующей позиции.

5.5. Анализ фонемных отношений, реализуемых в КЭ и КП сокращенными позиционными наборами гласных, показывает, что свертывание фонемной дифференциации достигается за счет устранения

или сокращения различия по ступени подъема. В слоге под ударением архифонема /е_а/ является следствием устранения признака "нижний подъем" в позиции С'VС' — вокализм становится двухступенчатым, различающим верхний и нижний подъем. Вокализм безударных слогов сводится к одноступенчатой модели.

Фонематическое содержание сокращенных позиционных наборов существенно различается после твердых и после мягких согласных. После твердых согласных в предударных и заударных слогах реализуется одна тенденция — устранение оппозиций /ѣ/ — /а/, /о/ — /у/. После мягких согласных нелабиализованные фонемы включаются в разные типы нейтрализации, которые распределены по разным морфемам, что реализует фонетико-морфемную обусловленность нейтрализации фонемных оппозиций. После мягких согласных один из вариантов нейтрализации снимает не только различие по подъему между нейтрализуемыми фонемами, но и по ряду. Результатом является одноступенчатая двуклассная модель вокализма, в пределах которой ф.е. различаются только по наличию/отсутствию лабиализованности (архифонемы /'1/ — /1./).

Нейтрализация вокальных оппозиций по многим позициям реализуется как тенденция, а не безусловное правило. Это связано с непоследовательностью чередований *д: ѣ*, а также с тем, что *ѣ*, *б* заменяются не только безударными *и*, *у*, но и *е*, *о*, которые могут быть идентифицированы только с /е/, /о/.

5.6. В характеристику фонологической системы вокализма входит специфика объединения ф.е. (фонем и архифонем) в позиционные наборы. Эта специфика создается количеством актуальных в системе позиционных наборов и динамикой позиционного свертывания максимального набора фонем. В этом отношении КЭ и КП в целом совпадают.

Максимальный набор образуется шестью фонемами под ударением после паузы, после мягкого согласного перед твердым и перед паузой. Фонемы организуются в систему

	/и/	/у/
/е/	/ѣ/	/о/
	/а/	

(набор 1).

Четыре фонемы и одна архифонемы под ударением между мягкими согласными

	/и/	/у/
/е _я /	/ѣ/	/о/

(набор 2).

Три фонемы и две лакуны после твердых согласных /-/ /y/ /-/ /o/ /ь/ /а/ (набор 3).

Три архифонемы после мягких согласных в предударном и заударном слогах перед согласным и перед паузой (первая подсистема) /и_с/-/ь_н/-/y₀/ (набор 4).

Две архифонемы, одна лакуна после твердых согласных в предударном и заударном слогах /-/ - /ь_н/ - /y₀/ (набор 5).

Две архифонемы после мягких согласных в предударном и заударном слогах перед согласным (вторая подсистема) /'l/ - /L/.

Динамика свертывания максимального фонемного набора определяется мягкостью согласного, следующего после ударного гласного, отношением гласного к ударению и характером морфемы, в которой находится гласный.

КОНСОПАНТИЗМ

1. Согласные в сочетании с гласными.

1.1. Правила сочетания согласных с последующими гласными описаны в разделе Вокализм.

Здесь же напомним о том, что скажем о тех изменениях, которым в сочетании с гласными подвергаются фрикативные согласные, образуемые с участием заднеязычной артикуляции. Это — *x* и *φ*.

При произнесении этих согласных, локализованных вблизи голосовых связок, в интервокальном положении перепад голоса по линии 'звонкий/глухой/звонкий' звук не реализуется полностью и спиранты оказываются в сфере действия голосовых связок, результатом чего является произношение *w* (звонкий, двухфокусный, билабиальный) и *y* (звонкий, фарингальный, слабонапряженный) на месте *φ* и *x*. Такое озвончение спирантов характерно для быстрого произношения и самими говорящими не замечается (т.е. в сознании говорящих этим звонкими соответствуют глухие согласные), и при медленном произношении, тем более при слогоделении, звучит глухой спирант. Это значит, что озвончение спирантов в соседстве с гласными является фактом фразовой, но не словесной фонетики.

На явление озвончения *x* в блг. впервые обратил внимание О. Брок — имея в виду позицию V-Son, он констатировал произношение *kúriute, éiute*, где *y* "звучало с весьма слабым веларным тремором, находясь уже на переходе к голосному гортанному" /39 с. 74, 166/ (т.е. фарингальному — Л.К.). Озвончение *x* в той же позиции при вьлом произношении подтверждает Ст. Стойков в своей работе о литературном произношении /44 с. 83/. Что касается диалектов, то в описании говора сел Твърдица и Твърдица Стойков констатирует распространённость озвончения *x* в *y* в интервокальной позиции, а также в позиции V-Son /61 с. 11/. Факты изменения *x* → *y* в указанных позициях отмечены и при обследовании по программе БДА говора с. Кортеп (№ 3147) — так, в текстах, предвещающих ответы на отдельные вопросы, записано: *гу убйга, нушт'а убои, дрёги,*

утидуymi, запалига сгата, заклага, да урби, пёуналд, то же в ответах на вопросы ММ 31, 34; при этом знак *y* определен как "звучно гърлено, но слабоучленявано *x*".

Аудитивное впечатление от озвончения *x* в интервокальной позиции в КН подтверждает осциллограмма, на которой видно участие голоса при артикулировании фарингального смиранта в словах *загарна, той е убо'а, м'уу'р'ит'и, пр'изнда, б'ага, на 'ул'адата* (в последнем примере звонкость почти на уровне гласного).

Другие примеры *x* → *y* в интервокальном положении в КН (подчеркиваем, что озвончение не является тотальным и не исключает произношения *x* в тех же словах при изменении темпа речи или при изолированном произношении слова):

б'у'а, ст'р'и у'бра, т'а у'б'и, м'ногу м'и у'арна с'ага, в'р'ит'бну у'р'ка, п'а'уб'к, ст'р'у уд н'аш'уту с'в'у, на и'б'а, и'р'с'у'и'е, на у'ур'б, на у'арман'а, с'у'у, к'у'аш', ч'у'у'н'ану, п'а'ар, м'ага с' крак'б, са у'умна-лу, м'у'аната, к'у'у (ор.р.), бр'с'у'и, т'а'б'с'у'ен, му'у'и; φ → x → y — н'а'у'ра, л'у'у'и.

КН1: *с'м'ага са, пр'ка'з'ага, в'ар'ага, с'а'ар (рус.), бу'а'ка, п'у'ка-га ст'а'ло, на'ур'б, н'а'ма ст'р'ага, м'у'б, му'а, ст'р'у'ил, на с'у'у, н'о-у'орон (рус.), п'а'уб'к, з'и'у'ер'а, два м'ага, с'аб'р'и'ага; через стадию *y* развился взрывной звонкий в ч'е'г'с'л'а'к.*

Озвончение *x* → *y* фиксируется и в позиции V-Son, т.е. и здесь затруднено переключение звонкость/глухость/звонкость.

КЯ: сабаулан, маулд, пъл'н'бум'и, исбүна, уш'бүнал'и, наурән'и, ур'үтчи'и, на урбм'гла, күүн'и, муул'дс'а.

КП: маумуд'ийа, р'иш'ийум'и, ур'бум'и, исбүнага, күүн'ич'ка, уш'бүна, т'бүн'ика, сабаулан, эаулу'ат, п'иул'ишән'и, т'үл'и, бұл'ух'и, маула (=махала), муул'дс'а, в'аурүш'ка, наурән'и; на осциллограмме в исбүна ур'иста звучность γ выше, чем у р'; озвончение в этой позиции имеет место и на стыке слов — прос'ид'бу малку, каз'ам'и ур'ач'и, са т'ау р'бум'и (=тяжи), т'и с'и ур'емава, ш'упр'а ур'ән'а.

На то, что при озвончении x в контекстах $V-V$, $V-Son$ ассимилирующее воздействие исходит преимущественно от гласного, указывает отсутствие в КП изменения x в позиции $Son-V$, т.е. изменение носит прогрессивную направленность. Ср. бэл'а, но б'бүл'и, бр'ох'ит, йг'л'а, кул'бс, п'рхут, в'рху. КП в этом отношении отличается от КП — здесь в названной позиции имеются случаи изменения $x \rightarrow \gamma$ на стыке слов: той'убд'и, той'гал'ийна, з'имам'устма.

Менее интенсивное прогрессивное воздействие сонантов на x объясняется не только более низким, чем у гласных, уровнем голоса при их артикуляции, но и тем, что в их образовании участвует сближение органов ротовой полости. Место этого сближения отдалено от x , что и препятствует непосредственному наложению артикуляции голосовых связок на x ; этому не противоречит приведенный Стойковым из говора Тьврдица/Гвардица пример *эл'д* — латеральный является наиболее звучным из сонантов, имеет веларную артикуляцию, т.е. близкую к x , а это создает условия для включения голоса в артикуляцию x .

Поскольку фарингальный γ характеризуется слабонапряженной артикуляцией, он может в интервокальном положении ослабляться до нуля, в результате чего появляются сочетания гласных, в том числе и на стыке слов.

КЯ: н'и м'и ар'есва, пб'убау, ил'а ил'ада, үч'и са'убау'ич'ку, в рус. фразе — работал'и ар'шб. В целом здесь полная утрата интервокального x реже, чем в КП. Утрата x в этих случаях, по-видимому, происходит через стадию γ , а не непосредственно. В указанном описании Стойков пишет о выпадении x и γ , а не только x /61 с.11/.

КП: в'и до'аж'и, на слуб, с'и итар, мнбгу'убау, ж'ианд, н'и до'а, маа, н'и убашу, и ап'ат, снад, эар, муаб'ет, думам'и ар'мон'ика,

ср'едно'убау ч'уш'ек, ш'ф'а'рра, а также др'ейт'и (← еи ← е'у'и ← ех'и), др'ей'н'ама (← ех'и), б'д'ра (ау ← аху), н'ама'шрб (← ау ← аху).

Спирант может отсутствовать и в позиции $\#-V$ в КП — апч'ата, үмнаса, бд'им на дар'к'а, ич'н'и апна'ж'и, аску'у (=Хасково), бд'аф.

Наличие заднеязычного фокуса в образовании ф (т.е. близость места образования к голосовым связкам) также является предшосылкой его озвончения в w в интервокальном положении при быстром произношении. Отмечено и изменение ф' в w в позиции $V-V$, $V-\#V$.

КЯ: куж'үвар'ан, т'ил'ишбна, нашбд'ага, шк'ага.

КП: к'ва, по т'ел'ишбна, калаш'ир/калат'ф'ир, ч'арш'ава, күвара, св'ин'иш'в'рм'и, шк'ага, мараш'ин'и и мараш'ин'и, Сби'ийа, мураш'ет, киш'дву, шл'ий'ер; $x \rightarrow \varphi \rightarrow w$ — ч'үз'д'и ш'бра, п'ш'б'ка, куж'увар, в позиции $V-Son$ это представлено в в'аур'үш'ка, к'ш'налу и к'ф'налу, суш'ра. Следует отметить, что появление x перед лабиализованным гласным может иметь и другое объяснение — а именно, расцениваться как способ устранения зияния, в том числе и возникшего в результате утраты x (см. 1.3.).

Согласные, имеющие заднеязычный фокус, т.е. ф и x , в интервокальной позиции могут взаимно заменяться. Механизм этой мены состоит в усилении заднеязычной и ослаблении губной артикуляции при изменении $\varphi \rightarrow x$ и привнесении губной артикуляции при $x \rightarrow \varphi$.

КЯ и КП различаются частотой мены названных спирантов. В КП в целом контраст между x и φ достаточно устойчив. Изменение $\varphi \rightarrow x$ кроме приведенных выше примеров с γ из $x \leftarrow \varphi$ (на'ура, к'ба, л'гу-и'а) зафиксировано в ч'их'т'ан. Изменению $x \rightarrow \varphi$ способствует соседство с лабиализованными гласными, которые как бы включают свою артикуляцию в предшествующий или последующий x . Ср. са'бд'ила, аф'тн'ици, ф'рата, куж'үвар/куж'үф'ар, кул'бза. В интервокальном положении $xw \rightarrow \varphi$, что предполагает прогрессивное оглушение w — гу'ф'нах, са'ф'л'ила, л'ифа, са'ф'р'ла.

В КЯ взаимная мена x и φ перед гласными столь распространена, что практически близка к свободному варьированию.

$\varphi \rightarrow x$: ар'м'ийа, са'ла'үват, ч'их'т'ан, ш'рма, прот'их (рус.), бұл'ух'и, к'ба, б'вш'и х'д'с (= в август), х'бр'ика, фух'ур'алата'үдд, Хр'истух'бр; Тр'ихун, р'вхуш'и, н'и гу'з'имам'устма, буш'ет;

$x \rightarrow \varphi$: *сэм фод' гла, прафул' ак* (=прах), *фума, тур'а шудата* (= ... ахфу...), *афотн'ици*, *майка му фубава, дуфбфка* (рус.), *дуфад'а-ха, прафот* (рус.), *уфаж'вай* (рус.), *куж'уфдр'ан, фурту'ват, фарл'дм-п'ей, пафадбн'и* (рус.), *калфбзна, пбв'еч'и фбра, дуфаж'дат, уд глуп'ийа, на фурб; хв* → φ — *да са фан'и, ладш'тай, то са сфат'а*, изменение в $x - сзс$ *хэрл'эца*.

Палатализованные x' , φ'/ψ' в меньшей степени подвержены взаимной мене. Так, только с x' или φ'/ψ' отмечены *x'ич', x'им, x'итар; химиквл, сбфийа/сбш'ийа, суф'ин д'ен, ф'ийа, ф'ерц'а, ф'ен'а, каф'ес, ф'ерма*. В артикуляции этих согласных отсутствует такая предпосылка их взаимной мены, как веларизованность. Поэтому, если произносится φ' вместо x' или наоборот, то это, вероятно, происходит через ступень твердого согласного, т.е. *глуп'ийа*, так как есть *глуп*, а *кбх'и*, так как есть *кбха*; но в то же время и *бух'эт, Х'ил'ен*.

1.2. От рассмотренного озвончения x, φ в соседстве с гласными следует отличать те случаи, когда в слове звонкий согласный вместо ожидаемого глухого выступает между гласными постоянно, а не шарьрируется с глухим, т.е. звонкость не обнаруживает связь с позицией. Это в КЯ *градуса, адр'эза, афобуза, ур'из'а*; в КН *л'итур'аз'и* (мн.), *гл'игоза, адр'эза, бакш'иж'и* (мн.), *ув'эза*.

Сочетание слова с предлогом мы рассматриваем как одну словоформу. Это должно означать, что согласные, оканчивающие предлог, вступают с последующим сегментом в такие же отношения, что и в слове, в частности, перед гласными не озвончаются и не оглушаются. Из этого правила как бы выпадает предлог *от*, который произносится со звонким согласным перед словом, начинающимся на гласный или сонорный.

КЯ: *уд майа, уд м'эн'а, уд нш'ийа, уд Убсак, уд л'аба, уд йес'ен, уд рабута, уд ур'к'и, уд йу'а, уд л'идн'ийа;*

КН: *уд уш'ес, уд ич'ум'ик, уд инб'ур'ам'и, уд н'эя, уд м'и, уд рака, уд нс.*

По замечанию В. Георгиева, в этом случае речь идет не об озвончении согласного перед гласными и сонорными, а о том, что соответствующая предлог-приставка имеет основной вид *од* /40 с. 47/.

Озвончению $c \rightarrow z$ перед гласным в предлоге *сзс* в КН зафиксировано в произношении *сзз Уралу* при обычном *сас бсак, сас улди*. В КЯ — только *сас бг'ан, с Анбон, с ур'ала уд*.

Второй согласный предлоги *взв*, а также префикс *в-* оглушаются перед гласным и сонорным согласным, начинающими следующую морфему. Часто этот предлог сокращается до одного согласного, и в полном виде начинается на глухой спирант.

КЯ: *фамбар, фуборката, ффдр'ика, ффди'густа, ффма'аз'ийа* *фн'ид'эл'а, ффндс/фндс/х ндс, фн'исд, флаг'ер'а, фл'ен'ин'рдт, ффр'а-сол, ф'ус'ийа, ффйул', ф/х ант'эка, фбтр'а, фина;*

КН: *ф'мус'квд, ффн'акуй г'бл, фм'л'ата, фф вдрна, фф йамбул', фф удата, фуп'эла, фф н'ид'эл'а, фл'ав'и, фл'иза, фр'эт, фф амот.*

Можно считать, что этот предлог-приставка в своем основном виде образован глухими согласными, поскольку именно в такой реализации он выступает перед гласными и сонорными, и его звонкость перед шумными звонками — позиционна.

КЯ и КН различаются поведением согласного в составе предлога перед передним гласным следующего слова. В КН здесь произносятся твердо согласные, что создает особую фонетику стыка предлога с последующим словом. Ср. *фф инб бл'уд, уд ич'ум'ик, нал'иза, сзс ирг'ен'и*. В КЯ, напротив, возможно смягчение согласных перед *и, е* следующего слова — *ф'инб, ф'инб с'блу, йблка с' игруш'к'и, ф'ерк'ич, б'ез' ерг'ен'и* и — *уд инб кр'уш'ка, уд гл'эна*, т.е. здесь стык предлога с последующим словом обозначен не всегда.

1.3. Утрата согласного в интервокальном положении означает, что вокальная артикуляция оказывается сильнее, чем консонантная, и как бы вытесняет последнюю. Утричиваются, как правило, звонкие согласные, чему способствует сближенная напряженность их артикуляции /39 с. 19; 62 с. 90/. Утрата интервокальных звонких согласных не имеет регулярного характера, и предстает как производительный вариант, свойственный спонтанной речи. Ослабление консонантной артикуляции может происходить и через спирантизацию взрывных согласных.

КЯ: *луб'ит, да уб'ид'и, тр'аа, паш'ун, н'ер'г'бч'ик* (рус.), *н'да, каш'ун', на мл'адит'и, нш'туша, гр зар'д'ат, св'инька кбж'а, н'и мой* (← *мож*), *сурб'иу, нш'р;* как результат ослабления смычной артикуляции можно рассмотреть появление интервокального *ш* в *бузурбш'ица* и утрату согласного *з* в топониме *Кайл* (= Кайул).

КП: *мба* ← *мога*, *с'иá* ← *сога*, *н'да* ← *пыма*, *кáй* ← *каже*, *б'ы́й* (← *б'иуу*), *ж'гáндáй*, *р'и:з'удáй* (← *ао*), *х'убу́й* (← *оо*), *кáмáл'и́й* (← *ио*), *у́лбáй* (← *оо*); ослабление смычки *у* *б* в *гáбáр*, *дэбэ́*, *б'у́и* — интервокальный согласный здесь близок к *w*, т.е. происходит спирантизация смычного; показательно в этом отношении ошибочное написание в объявлении — "нобофанска вечеря" (т.е. новобранска) — гиперизм, производный от возможности замены *б* через *w* в интервокальном положении.

Между КЯ и КП есть различие в поведении интервокального *w*. В КП проявляется тенденция к его полной утрате, а в КЯ — лишь к ослаблению. Кроме того в КЯ имеет место и обратная тенденция, а именно, произношение интервокального, этимологически не мотивированного *w* перед лабиализованными гласными. Не в интервокальной позиции этому *w* соответствует или протетический призвук *й* или \emptyset .

КЯ: *Уо* и *оа* *вóла*, *у́йна* и *нóва* *вуйна́*, *н'и* *н'и* *в'ид'ахм'и* *вуйна́*, но *п'уд'гр* *у́йна́*, т.е. в позиции С—С перед *у* не развивается *w*; *удá* и *в'едрб* *вудб*, *Убр'ех*, *Убр'ах* и *два* *вбр'ах*, *Убч'ар* и *на* *вбч'ар* (=чередь), *Убш'т'и* и *има* *вбш'т'и*, *у́мна* и *т'а* *вумна*, *Убг'ан* и *на* *вбг'ана*, *бвз'и* и *на* *вбвз'и*, *укб* и *ч'арнувбк*, *ус'амнайс'и* и *й* *ду* *вус'амнайс'и*, *караву́л*, *кам'и*^{вбн}, *рбд'и* *ву*, *Рад'ивбн*, *гáгáвуйз'ан*, *в* *раи*^{вбн}, *поб'а́на* *на* *в'орбá* (=Урал).

В КЯ сильное лабиализующее воздействие губных гласных на последующий *й* проявляется в его изменении в *w* (меняется место образования спиранта): *туи'áга*, *дуи'áт* (3 мн.), *круи'áт* (← *ойи*), *стуи'áл*, *труи'áн*, *стуи'áн*, *ч'иф* *с'и* *с'ин* (*й* → *w* → *ф*); как вариант, обратная мена в произношении *здрáйи*/*здрáи'и*, *испуйáдва*, *най'эл'и*. В КП такое явление не отмечено.

В КЯ мена *й* и *w* может рассматриваться как звонкий аналог той мена *х* и *ф*, о которой сказано выше.

В КЯ можно также отметить тенденцию к появлению интервокального *й* перед нелабиализованным гласным — *ас*, но *и* *йáс* *млáкна*, *áбэлка*, но *инá* *йáбэлка*, *из'ик'*, но *г'брцк'и* *ийз'ик'*, *й'скам*, но *н'и* *ий'скам'и*.

1.4. Спирант губного ряда может иметь как билабиальное, так и лабиодентальное образование. Как было сказано, степень выраженности билабиальной артикуляции *w* в КЯ и КП разная. Существенно различаются говоры и частотой употребления звонкого билабиаль-

ного спиранта. В КЯ *w* преобладает над *в* перед всеми гласными — варьирование типа *wáа/вáа* довольно редко. В КП лабиодентальный *в* является более частым и при этом распределение *в* и *w* строго не разграничено. Можно говорить лишь о преимущественной частоте *w* перед лабиализованными гласными, а *в* — перед передними нелабиализованными и *э*. Но все это в рамках варьирования *w/в*. Ср. *стáа* и *пл'áа*, *хр'эмáа*, *в'эдух*, *в'áна*, *в'элк/w'элк*, *в'áа*, *в'эч'и*.

Билабиальность глухого *ф* отчетливо выражена в обоих говорах — этот спирант употребляется перед всеми гласными.

Лабиодентальные *ф*, *ф'* встречаются реже. Например, в КП — *ф'ил'ин*, *сбф'ийа/сбф'ийа/сбв'ийа*, *фам'иску*; в КЯ — *ф'итанц'и*, *мой* *та* *фам'ил'ийа*.

1.5. В позиции после гласных высокая частота спирантов *й* и *й'*, что вызвано утратой слоговости безударными *и* и *у* в названной позиции и тем самым исключением их из класса гласных.

В основе этого явления лежит усиление воздушной струи, приносящее в артикуляцию *и*, *у* элемент консонантности. По мнению Ст. Стойкова, усиление воздушной струи естественно при том высоком положении языка, которое характерно для *и*, *у* /62 с. 67/. По-иному оценивает то же явление Х. Халиолчев — он видит в нем проявление редукции безударных *и*, *у*: их сужение и сокращение (уменьшение абсолютной длины) способствует усилению воздушной струи, т.е. эффекта трения /50/.

Как нам представляется, консонантизация *и*, *у* после гласных может быть вызвана и стремлением усилить контраст между рядом стоящими гласными путем более напряженного артикулирования второго гласного, что при высоком образовании вносит в них долю шума, который переводит их в класс сонорных согласных. Можно иметь в виду и следующее обстоятельство. Сочетание гласных в говоре может образовываться одним артикуляционным движением без перорыва, соответствующего экскурсии/рекурсии. Сочетание гласных с *и*, *у* при таком условии должны превращаться в нисходящие дифтошгоиды, т.е. имеющие в своем конце *й*, *й'*.

Примеры на *и*, *у* → *й*, *й'* после гласных в том числе и на стыке слов:

В ССл зафиксированы сочетания:

КЯ: пw, бw — *кáпwам, прбwам*; бм, бм' — *убмáж'и, рбм'én'á*;
пт', бд, бд' — *тр'ипт'эт* (3 мн.), *свббдá/свббá, убд'ýрам*; пс, бз,
бз' — *кáпсул, убзór, убз'ýра*; пц, пц' — *ас вэлцýрwах, н'епч'é*; пш,
пш', бш, бш' — *кáпшax, хáпш'и, зéбш'и, др'éбшá*; пл, пл', бл, бл' —
ýрурлáш, тóпл'и, гр'áблб, тр'и рýбл'и; пш', бж' — *опш'ýйá, убж'áл-
шам*; пч' — *ф'óпч'и, тóпч'á*; пр, пр', бр, бр' — *напрáш'á/напрáш, рас-
пр'éгá, р'эбрá* (мн.), *дубр'ý*; пк, пк', бг — *тóпкá, дýпк'и, убáдр'ám*;
пх — *упхóждáм*.

КН: пw, бw, бw' — *изл'ýпwат, уцл'дбwаш', убw'ýлá*; бм, бм' —
убмáж'á, убм'ýсл'á; пт, пт', бд, бд' — *ррпáл, апт'éкá, свббдá,
убд'áрд*; пс, пс', бз, бз' — *л'ýпсáá уу, т'ипс'ýйá, обзáш'éd'áну, убз'-
ýмáж*; пц' — *бóпц'и*; пш, пш', бш, бш' — *ч'елукýпшá, хáпш'иш', уцл'дб-
нá, др'éбш'и нар'ý*; пл, пл', бл, бл' — *кзпáмá, ч'упл'ýвá кудá, бблá,
грáбл'и*; пш', бж' — *упш'ýрну, рбж'áлwáж*; пч' — *г'áпч'и, кáл'пч'и*;
пр, пр', бр, бр' — *напрáш'у/напрáш, купр'ýвá, óбрзч', бóбр'иц'и*; пк,
пк', бг — *ч'óпкá, кл'éпк'и, рбгур'én*; пх — *упхóд'á*.

Многие из перечисленных сочетаний образованы на стыке приставки—предлога *об* с последующей морфемой. Такое словообразование встречается редко в спонтанной речи, поэтому его приходилось провоцировать в речи информаторов.

Сочетания с *й* можно ожидать также на стыке приставки—предлога с морфемой, начинающейся на *й* (ср. *фй, дй, сй*). Но после взрывного губного *й* отсутствует и при этом условии — *уб'áсн'ý, уб'áшá*.

Двойные сочетания губных взрывных отсутствуют. Они могли бы образовываться при употреблении того же предлога *об*, но этого не происходит, так как перед морфемами, начинающимися на *п, б*, употребляется только префикс-предлог *о-* (не *об-*). Согласный *б* перед *п, н'* может заменяться губным назальным.

КЯ: *грамнáк', срэмнáл, др'эмн'иц'к'и*. КН: *грэмнáк, уцл'áмну, нá др'эмну*. В КЯ ослабление *б* в позиции V—Son ведет к его спирализации и совпадению с *w* в *л'иц'é шнá ýдá*. Указанная мена не проводится настолько последовательно, чтобы сделать недопустимым сочетание *бш, бш'*.

В КН ослабление смычной артикуляции *б* имеет место в *тр'áб-
wá* (*б* почти отсутствует). Как вариант, отмечена ассимиляция по способу образования в *бш'и* (наряду с *бш'и*).

В КСл возможны сочетания только с глухими шумными; соответственно, первым членом сочетания может быть только *п*. Но сочетания такого рода редки. КЯ: *пс — i'упс*; КН: *пс — i'упс, ш'w'-
епс, пц — ш'w'епц*.

Сочетания с сонантами в КСл для шумных согласных запрещены, так как повышают сонорность в конце слова, что в блг. недопустимо.

2.2.2. Губные спиранты сочетаются с последующими согласными без ограничения. Сочетания образуются не только с участием этимологических *в, ф*, но и *й* из *у* (см. 1.5). Частота сочетаний, имеющих в своем начале *ф*, повышена за счет изменения *х*→*ф* и оглушения *w* в предлоге *вэв/в* не только перед шумными, но и перед сонантами, как это показано выше.

НСл.

КЯ: фп, фп', *wб, wб'* — *ф панýр'á, ф п'исмóту, ф бал'др'иýá, ф б'инд'эра* (топоним); фм, *wм'* — *ф Масквá, фм'én'э* и *х Мул'áш'иýá*;
фт, фт', *wд, wd'* — *фтórн'иx, фт'áx, фдумá/фш думá, wд'энá*; фс, фс',
wз, wz' — *фсdд'иká, фс'элу, wz'áбá, wz'иx'иp'á*; фц' — *фц'е* (мн.),
фц'áлá мáлá; фш, фш', *wш, wш'* — *фшас, фш'иd'эл'á, шнýкá/унýкá*;
фл, фл', *wл, wl'* — *флá'эр'á, фл'ýзáй/хл'áзáй, wлас/ýлас, wлdч'áт,*
ил'бфк'иx (рус.); фш' — *фш'кбá*; фч', *wч'* — *фч'ýкwáж'и, фч'от* (рус.
в счет), *wч'убóш'и*; фр, фр', *wр, wr'* — *фрбм'áл, фРус'ýйá, фр'ет,*
wрáч'кá, wрэс, wр'эм'и; ф'й — *ф'ýш'и*; фк, фк', *wг, wg'* — *фкáлтб,*
фк'ýп'á, wгурá, wг'ýл и *х Күтiáс*; фх, фх' — *фхýбáф, ф x'им'иkáлá*.

КН: фп, фп', *wб' — фпáднá, фп'ýш'á, wб'ýйá*; фм, *wм, wм'* —
фМусквá, wм'áкwáж, wм'эсту; фт, фт', *wд, wd'* — *фт'ýч'и, фтór'и,*
wдyв'эц, wd'ýлáж; фс, фс', *wз' — фсбф'иýá, фс'édэм, wz'им'эт'и*;
фц' — *фц'е* (мн.); фш, фш', *wш — фшас, фш'иd'эл'á, шнýч'кá/унýч'кá*;
фл', *wл, wl'* — *фл'ýзá, влáк, wлdч'áт*; фш' — *фш'ýйá*; фч' — *сá фч'ýкáт,*
фч'ýп'á (← *хч* ← *шч* ← *сч*); фр, фр', *wр, wr'* — *ф Pp-
дбн'и, фронтwáк, фр'ет, фр'эвцк'и, wрат, вpэф, wр'им'эну*; фй, *wй —*
фйáмбыл/wйáмбыл; фк, фк', *wг — фк'áш'тá, фк'эрм'ýдá, wгýлá*.

Как вариант, утрата инициального *w* перед согласным — *дрш'эц,*
лáч'áт (3 мн.), *з'им'эт'и*.

В КН формы глагола *зема* не имеют вариантов с начальным *w*; перед *й*, в отличие от КН, происходит смягчение *ф*. В КН в составе

инициальных сочетаний также не исключены лабиодентальные *в, ф*, но это бывает реже, чем в КН.

ССЛ

КН: *фн, фн', вб, вб' / љб, вб' / љб' - ффпунд' эл' н' ик, ффп' иш' та, фф Булдр' ия, да љб' ират, фф Назар' ик'; фм, фм' - фф магаз' - ина, фф мбй, л' эка трашма; фт, фт', вл, вл', вл' / љд, вл' / љд' - рафтырт' и, нафтар', на ш' афта (← х), фф^о удурбфа (! разное образование глухого губного спиранта), за љда, фф д' эдан; фс, фс' вэ - ффсбл, фф с' элу, фф збп, отсутствие оглушения спиранта в сфйс' эм (рус.); фц', фц' - ффци' э / фци' е, фци' эт' и; фн, фн', вн, вн' - фф нас, кйф' и, ст' ипаныниа, лэж' бон' ик; фл, фл', вл, вл' - к' афла, љбл' уф, кар' бвл' и, прув' л' акал, на љлас сув' ецката; фш', вж' - фф ш' ес, са љж' ен' и; фч', вф' - ш' икар' ч' и (=шкаф), фф^о в' убб' и, ай' ий; фр, фр', вр, вр' - на фрбм' ала, на фр' эт; фй - ффй' ул' и; фк, фк, фк', вг, вг' - љйфа, свитб' фа, вл' бфк' ит, кагд, г' и љгу- шдр' фл' и, ффв. г' љзум.*

КН: *фн, фн', вб, вб' - здрафпунт, вфп' етак, вфв' бљта, вфвб' - эрл' гн; фв, фв' - вфф сарна, вфф' иена; билабиальный спирант после ф оглушается, а получившееся сочетание фф сокращается до одного согласного, т.е. фф → ф → ф - вф' арна, вф' и' м' иту при ш' и' м' и; оглушение распространяется и на первый согласный предлога вэв - ффуд' ата, фф' арна; фм, фм', вм' - вф Мусква, вф м' урд' ия, пуст' афм' и (← х); фт, фт, фт', вл, вл' - н' эцрта, нафта, цафт' и, обфур, (← кт), рб' уфту (← ут ← уот), фт' љваж' и, вфв' дбш', спдс' у в' ен; фс, фс', вэ - вффсбв' ия, вффс' элу, вфв' збб; фц, фц' - ффци' е, фци' эт' и; фн, фн', вн - ц' бфа- лу, фф н' и' э' а, прав' ич' ка, сват' бн' и' ц' и, л' иббон' ик; фл, фл', вл, вл' - к' и' ла, панти' фл' а, р' э' а, р' эвл' и' а; фш', вж' - г' ефш' эк, бфш' и, в одном случае отмечено отсутствие оглушения спиранта в љйш' и кбр' гн' и, са љж' ен' и, вфв' ж' абд; фч', вф' - вффч' и' ца, вфв' ф' ба, л' р' љ' и' а; фр, фр', вр, вр' - пр' ефр' бн' и, нафр' эт, ф' е' руар' и, таир' ас, да љр' и; фк, фк', вг - ш' эфка, мр' афк' и, а' ш' ц; фх - вфф хамб' бр, упрощение этого сочетания в ф, когда заднеязычный фокус согласного объединяется со следующим спирантом в одну артикуляцию, привнося в нее билабиальность - вфф' ал' и' т' и (=ввв халите), вфф' амб' а.*

Изменение *ф* в *х* фиксируется не только перед гласными, как это было показано, но и перед согласными. КН: *нормат' и' в' и' м' ен' э, х Т' ираспул, хб' рата гуд' ина, Кб' цамн, п' р' иб' т' ани, цахн' ем, то х нас' н' ама, мх' т' и' н' ек, Р' љх' у (от Рад' шбн), д' и' м' и' т' р' ух' ка, цитб' ич' ка, бр' атух' м' и' с' и' н, б' у' л' ух' и, х нас, Ах' р' ика, х' и' љ' л' и, х курб' ана. КН: ц' бх' и, пр' ох' ай' љз, кб' х' и (от кб' фа), ф' љш' та хл' д' зам. В КН мена *ф → х* фиксируется чаще, чем в КН.*

Спирант *ш/с* перед *н, н'* варьируется с *м*: КН - *рамну, л' и- ббмн' ик, сазл' амн' ица, аз р' емна, пл' емн' ик, ламн' э; КН - с' л' и- мн' гнч' и, пл' емн' ик/пл' еон' ик, к' бмн' и, рамну м' асту, даж' обмн' и љда, л' иббмн' ик, гумб (← вн).*

В КСЯ зафиксированы сочетания *фт - л' ефт* и *љл / љл - в' љл / љл*. Тенденцию к устранению сочетания шумного фрикативного со смычным демонстрирует в обоих говорах произношение *ч' иф, шр' иф, кр' смич' ат, раф*.

2.2.3. Губной сонант *м* в ЦСл сочетается только с сонорными согласными. КН: *мл, мл' - мл' да, мл' дну; мр, мр' - мр' ат, мр' эж' а. КН: мн, мн' - мн' б' у (чаще - м' б' у), мн' ен' и' љ; мл, мл' - мл' да, мл' аш' и' м' л' дну; мр, мр' - мр' асн' ик, мр' эж' а.*

В ССл *м* сочетается с согласными всех локальных рядов. Количество сочетаний увеличено за счет появления *м* вместо других губных согласных в ряде позиций и за счет варьирования *н/м* в предлоге *кэвэ. Пород губными фрикативными произносятся губной проходной назальный согласный.

КН: *мн, мн', мб, мб' - в' имп' ит, фарл' амн' ей, вцл' емб' бл, з' имб' - ил' о' эк; мм - км м' айка; мт, мт', мд, мд' - п' ай' гул' амту, км т' эб' э, ус' имо' ис' е, км Д' унаоа, сочетание м' т как результат редукции гласного - в' р' ем' ту љт' љво; мс, мс', мз, мз' - км Сб' ф' и' а, уткам' с' э' е' ра, в' им' э' обт, км з' е' в' а; мц' - н' ем' и' и; мл, мл' - нб' м' ат, км л' љт' и' ф' н' и' п' эр; мш, мш' - з' амну, уткр' амн' л (← ш), тамн' и' ца, му ок' и' мн' и, ср' амна, (← бн), а' р' емна (← ш); мш' мж' - кумш' и' а, км Ж' и' обнуф; мч' - мумч' е, по чаще мунч' е, т.е. унификация сочетания по отсутствию губной артикуляции; мр, мр' - Кумр' ат, умр' аха; мк, мк', мг, мг' - з' и' м' ка, стр' бж' и (=ости), дам- га, Хум' др' и' а (← пг), дам' и' ч' к' и (=порода свиней).*

КН: *мл, мл', мб, мб' - кумб' т, имп' ер' атур, б' умб' бн' и, ч' умб' эр'; мф, мф', мш - к' аш' ур, бруф' и' т, кр' емф' и' ш' и / кр' ема' и' рш' и, цф' б' рт,*

кодф' *стёр, расбита*; мм — образуется на стыке предлога *кэм* и последующего слова и по своей длине короче, чем два согласных — *кэмМмусквд, кэмМ'эн'г*; мт', мд' — *ск'имт'й, осэмд'ис'ё*; мс, мс', мз — *кэмсумбл, кэм с'ёд'гм, кэмс'ёрв'и, гэмзэ*; мц' — *п'исамц'ё*; мл, мл' — *пбмада, з'имл'дк*; мп, мп' — *стбмнэ, стбмн'иэ, з'имн'ик*, (см. также *бн, вл, вл' → мн, мн'*, обратная замена — *н'и пбвн'а*); мпн', мж' — *кэмш'ййа, кэм ж'ёч'у*; мч', мч' — *стрбмч'и, гэмч'ак*; мр, мр' — *измрбмцл'и, измр'аха*; мк, мк' — *рамка, с'ёмк'и* (шп.).

В КСл сочетания, имеющие в своем начале *м*, не зафиксированы. Упрощение конечного *мн* → *н* в *х'им* (по *х'имн'и*) в КИ.

2.3. Первый компонент сочетания — зубной согласный.

2.3.1. Взрывные зубные согласные не сочетаются с глухими зубными фрикативными и аффрикатами и переднепобными шумными, заменяясь в этих позициях аффрикатами.

Специального разъяснения требует специфика артикулирования сочетания двух взрывных согласных. При образовании такого сочетания "после смыкания артикулирующих органов следует затянутая продленная выдержка, пауза, после которой следует энергичное замыкание. Энергичное, так как в течение всей затянутой смычки напор воздушной струи, встретившей преграду, все нарастал". Если сочетание шипящих создает продленность всей артикуляции, то при сочетании взрывных продолжена может быть только смычка, так как звук прорыва преграды у них мгновенен /20 с. 89/. Это определение артикуляционной специфики сочетания двух взрывных согласных, хотя и сформулировано на русском фонетическом материале, имеет универсальное значение.

В ПСл сочетания, начинающиеся на *т, д*, представлены ограниченно; иногда они образуются вследствие редукции до нуля гласного, следующего после взрывного согласного.

КЯ: тв, дв, дв' — *тв'рду, два, дв'г*; тл — *тл'бсту*; тр, др, др' — *труп'ан, тр'йц'и, дрон, тр'абва*. КН: тв, тв, дв, дв' — *тв'рду, тв'а й* (=това е), *два, дв'ёч'кэ*; тл, дл, дл' — *тл'акá, длан, дл'эту*; тр, тр', др, др' — *трап, тр'евá, дрон, др'амкэ*; тк — *тк'аá*, но и *тк'аá*. В обоих говорах *он' → н'* в *н'эска*.

В ССл многие сочетания образуются на стыке предлога—приставки со следующими морфемами.

КЯ: тп, тп', дб, дб' — *ит п'ап'ёр', ит п'асэж, с'абба* (=сез), *пудб'йшам*; в слове *св'абба* (варируется с *св'абба*) первый смычный согласный производит впечатление не вполне звонкого согласного — мы записывали *сва'бба*; наблюдая аналогичное явление в другом говоре, В.К. Журавлев объясняет это тем, что согласный перед *б* "произносится с большей, чем это характерно для звонких, силой выдоха, что создает акустическое впечатление близкое к т..." /63 с. 19/; на возможность неполного озвончения *т* перед звонкими шумными указывает В. Георгиев /40 с. 47/; но в других словах в КИ сочетание *дб* однородно в отношении голоса; тв/в, тв', дв/в, дв' — *мол'йтва, гбтв'ам'и, уд в'ас/в'ас, уд в'йш'и'и*, вставка гласного в *бр'ад'ува*; тф, тф' — *отф'абр'ика, ит ф'ёрма*, после *т* оглушение *в* → *ф* с последующим изменением в *х* — *ит х'уд'ата*; тм, тм', дм, дм' — *уб'йч'ат ма, н'итм'ёс', уд м'ид, уд м'ён'а*, как вариант, фиксируется ассимилятивное смещение зубного согласного в *п'ит'м'ёс'*; тт, тт', дд, дд' — однородные сочетания смычных имеют тенденцию сокращаться до одного согласного, совпадающего в отношении твердости-мягкости (по высоте тона) со вторым согласным; если сокращения до одного согласного не происходит, то длина сочетания все равно короче двух согласных (от 1,5 до 1,25 длины двух согласных); благодаря напряженности артикулирования глухих согласных сочетания *тт* удерживаются чаще, чем *дд* — *п'ётта г'уд'йиэ, итт'ам, итт'из'эк', удоб'лу и уд'зр'об* (← дд) *уд'ёс'и пол*, сочетание *т'т* в результате нулевой редукции гласного — *кб'т'ту* (=коте ту); дз, дз' — *удз'ат, удз'йм'ата*; это сочетание может производить акустическое впечатление аффрикаты *s, s'* при быстром произношении, но поскольку принадлежность к разным морфемам компонентов этого сочетания очевидна, констатируем в данном случае консонантное сочетание; *т* не сочетается с *с, с'*, а также с *ц, ц'*, заменяясь в этих позициях аффрикатой; тп, тп', дп, дп' — *п'атпу, работн'и х'бра, п'уп'ад'на, уд н'иб'эту*, но на стыке приставки и корня *д* ассимилируется последующему носовому, а вновь возникшие сочетания *пн, пн'* могут сокращаться до одного согласного — *п'ан'наэ, в'енн'ш', кэм пл'анн'г, с'ин'г'р'анн'г* (рус.), *пнб'мч'ё йно л'ан'и* (=одно мумче едно хлше), *с'ин'л, инб, н'ёска, пнб*; как вариант, представлена ассими-

лятивная мягкость в *с'им'н'а́рка, с'эт'н'а*; тл, тл', дл, дл' — *м'итлд, г'итл'ер, уд л'аба, с'идлоб*; дж' — *уд ж'ил'а́зу, ти'* обычно изменяется в *ч'и'* — *уч'и'ёл*, но на стыке с предлогом отмечено и сохранение взрывного согласного — *ти ш'ипка*; тр, тр', др, др' — *ж'итрб, ш'итр'г, уд рабу́та, и́дор'и*; дй — *уд и́ес'гн, уд и́йга*; тк, тк', дг, дг' — *па́тка, ба́рхутк'ана ро́кл'а, удо́бр'г, ро́г'а, уд. г'ул'*.

КН: тн, тн', дб, дб' — *ут по́па, по́тп'ис, взрш'и́дба, пудо́ера*; тв/в, тв', дв/в, дв', тф — *ко́тва, мо́лш'а, зго́тв'ану, удо́н, и́дога, удш'а́ва са, ут ф'уста*; оглушение *ш* → *ф* после *т* в *утр'бтр'г*; тм, тм', дм, дм' — *ч'етмо, п'итм'ес, пуд м'оста, с'едм'и*; тт, тт', дд, дд' — тенденция к сокращению однородных сочетаний более выражена, чем в КЯ — *уту́ж'а, ут'и́ра, ут'аф, уд'ёну, удо́ну, ср'гдбра, ро́ж'дб, уд'ил'ви́йр*; *удзриб, зфрад'гид* и *ут'бтка пр'еж'да, ут'аф, ут'там, р'тп'хл'и, уд'д'аснага ра́к'а, уд'д'ел'и́а*; дз, дз' — *надз'рна, удз'а́ва м'и*; тн, тн', дн, дн' — *п'тну, с'эти'а, уд и́ова, ко́ладн'иц'и*, ассимиляция *д* последующему *и* менее последовательна, чем в КЯ — *па́нна́а/па́нна, па́н'иши', ж'и́н'и, па́нн'а, с'ин'и́с'и*; варьирование *ди/ми* в результате ассимиляции по способу образования, но диссимилляции по ряду — *утк'ра́нат/утк'р'мнат*; тл, тл', дл, дл' — *ст'а́ска, к'ит'ли* (ср.р.), *с'идлоб, будл'и́ва*; дж' — *удж'ёл'ам, уд ж'ёчу*; тр, тр', др, др' — *утр'ова, ш'итр'а, уд ра́ка, наж'дор'ана*; дй — *пуд и́ака*; тк, тк', дг, дг' — *л'этка, п'ин'ар'утк'и, по́дг'ф, уд г'он*.

В КСл запрещены сочетания *т, д* с сонантами — в тех случаях, когда сообразно этимологическому критерию можно было бы ожидать появления таких сочетаний, между шумным и сонантом представлен гласный — *бдо́эр, бо́эр, в'а́тэр, х'и́тар* и под. Сочетания *т* с шумными согласными на КСл также отсутствуют.

2.3.2. Для зубных спирантов запрещены сочетания с переднеязычными шумными — в этой позиции *с, з* заменяются согласными *ш', ж', х*.

В НСл многие сочетания образуются на стыке приставки-предлога *с/з* со следующей морфемой.

КЯ: сн, сн', зб, зб' — *спук'б'ан, сп'исук, з б'он, з б'ала*; св, св', зв' сф' — *св'ри'ат, св'еш', ш'и́здá, сф'и́и д'ён*, можно предполагать, что позиция после зубного спиранта способствует лабиодентальной артикуляции губного спиранта; см, см' — *сму́ла, см'а́х*;

ст, ст', эд, эд' — *ста Мар'и́а, ст'анд, здуо'ах, з д'анул*; сл, сл', зл, зл' — *сл'и́ци, сл'и́тка, злату, зл'и*; ср, ср', зр' — *с р'одуш'и, ср'а́да, зр'а́л/здр'а́л*; сй — *с йу́зда*; ск, ск', зг, зг' — *ску́д, ск'им'и, з'и́ам, з г'ул'*.

КН: сн, сн', зб, зб' — *спол'у́ка, сп'ирка, зб'о́ан, з б'ала*; св/в, св'/в', зв/в, зв' — *сва́дба, св'а́дба, св'р'ан, св'ат, св'ин'а, з'в'н'еца, з'в'н'и́, з'в'и́здá*; см, см', зм, зм' — *см'ок, см'ис'ал, зм'ёй*; ст, ст', эд — *ста́р, ст'гн'а, эда́м*; сц' — *сц'ид'а*; сл, сл', зл — *сл'а́, сл'а́к*, *зн'ак*; сл, сл' зл, зл' — *сл'а́ма, сл'и́ш'ан, зл'ч'ка, зл'и*; ср, ср', зр, зр' — *с р'одуш'и, ср'а́да, зр'н'и́е, зр'ёй'а*; сй — *с йа́ка*; ск, ск', зг, зг' — *ска́ра, ск'им'а́, зго́тв'гну, з г'он*.

Двойные сочетания зубных спирантов в НСл избегаются с помощью употребления предлога *сэс* (не *с*) в обоих говорах — *са с'итн'и с'ч'м'и*.

ССл.

КЯ: сн, сн', зб, зб' — *Тира́спол'а, сэс п'ерб, б'из бо́рч', раз'б'и́ам*; св, св', зв, зв' — *ф'а́сва, пр'св'а́тка, изва́д'г'и, разв'е́ч'ил* (рус.); см, см', зм, зм' — *ш'б'ма, к'эс'эм', х'э́м'а́к, изм'и́ам*, ассимилятивная мягкость спиранта в *к'ис'м'и́к*; ст, ст', эд, эд' — *т'астб, ку́ст'ум, йу́зда, ч'у́з'и*, сочетания *ст'* в *д'ис'т'ина* (нулевая редукция гласного) и *Хр'ис'т'у* (ассимиляция); сс, зз, зз' — сокращение сочетания до одного согласного или до сочетания более короткого, чем два согласных — *исв'х'нат, са́сул'е́на й'дб, сэ́за́тар, б'и́з'и́ма*; сц' — *ис ц'алу*, но чаще изменение *с* → *х*, т.е. *сах ц'ар, на х'и́е́на* (т.е. сцена), *ба́б'а Та́на́ха, б'их ц'ина, сэх ц'и́ган'ан, ж'г'л'а́х'и* (←зц); сн, сн', зл, зл' — *п'есну́б'ика, ч'исн'и́к, бр'из'на, кал'ф'он'ик*; сл, сл', зл, зл' — *ч'ер'аслу, ма́сл'г'на, ва́ла́ам, ко́зм'иш'ку*, ассимилятивное смягчение в *нач'ис'л'и́на з'ар'п'ата*; ср, зр, зр' — *сэс р'одуш'и, б'из ра́бу́та, изр'ина́х*; сй — *сэс йу́зда*; ск, зг — *пр'еско́ч'ал, из'ар'м'ёл'и*; сх, сх' — *раско́ж'да, сэс х'и́тар, исх'у́ла с'и ко́ж'а́*.

КН: сн, сн', зб, зб' — *исп'рж'ад цу, засп'и́ва, з'р'ба, ц'узб'е*; св, св', зв/в, зв' — *бу́йад'и́сам, пр'св'а́тка, ка́иват, пр'из'шуйна́, изв'и́ка*; сф — *из'ф'ра, ш'ас'а́лт*; см, см', зм, зм' — *п'исмо, к'исм'и́к'а, азма́к, изм'и́ са*; ст, ст', эд, эд' — *т'истб, пр'в'ст'ана, из'д'а́б'д'ну, б'из д'ит'е*; сс, сс', зз, зз' — как и в КЯ, сокращение до одного согласного или до сочетания более короткого, чем два согласных:

расъёма, съзар, ис'элу, със'ин'илка, рас'ат/расат, са с'итуту, пръз'имну йр'эм'и, ис'ул'ала, б'исвину, б'иссбл, пр'из'имата; сц' – сас и'длуту, са исц'эм'да, изменение с → х в сах и'м'энт, но в целом это изменение в КН является более редким, чем в КЯ; си, си', зи, зи' – руснах, крбсн'ица, измрбзнал'и, мазн'ина; сл, сл', зл, зл' – засл'ббля, сас л'еш'та, м'ис'л'а, изл'ад'ат, м'ер'изл'ива; ср, ср', зр, зр' – сас разл'ич'ан, сас р'ебрб, в'зрае, узр'бват; сй – сас йина'илб; ск, ск', зг, зг' – г'ска, см'бск'и, разг'бвам, изг'ина; сх – исх'ан'а, : ослабление и утрата х в рас'бтка, рас'бтка.

В КСл нет сочетаний, начинающихся на зубные спиранты. Сочетания с взрывными согласными упрощаются до одного спиранта (*от, ок → с*) – *пос, мос, бр'ас, кр'е, прб'ице, спус*. Сочетание с сонантом устраняется вставкой гласного – *см'исал/л, м'исал/л, каээн*. Сочетания двух спирантов, как вообще все однородные сочетания, перед паузой запрещены.

В позиции перед ш', ж' зубной спирант изменяется в передне-небный, т.е. происходит ассимиляция по месту образования. Перед ч' согласный с заменяется фарингальным х (через ступень ш).

Изменение *си, шч' → хи, хч'* внешне выглядит как усложнение звуковой цепи, поскольку увеличивается расстояние между рядом стоящими согласными по месту их образования. Если учитывать только артикуляционную специфику *с, ш* и аффрикат как изолированных звуков, то логику передвижения спирантов в задне-небный (или фарингальный) ряд понять трудно. Чем может быть вызвана столь резкая диссимиляция по месту образования, ведущая к одинаковым изменениям спиранта разного локального ряда перед разного же ряда аффрикатами? Процесс может быть понят, если расцепить его как реализацию более удобного развития артикуляции не в конкретном сочетании согласных, а в фонетическом слове. Переклечение спиранта в аффрикату того же ряда осуществляется путем некоторого перемещения язычного сближения с зубами или небом спереди назад, т.е. навстречу движению воздушной струи, образующей шум. Это достаточно сложное артикуляционное движение, особенно при напряженном артикулировании глухих согласных. Изменение в х зубного и передне-небного спиранта означает перемещение подхода к аффрикате из передней части ротовой полости в

ее заднюю часть. Это ведет к тому, что развитие шума движется по каналу звучания от более задней и простой артикуляции (фрикативной) к более сложной и передней (аффрикативной) в соответствии с естественным направлением шумопрохождения, и не навстречу ему. При такой интерпретации явления мена *с, ш → х* может быть понято как реализация артикуляционной экономии в фонетической программе слова, т.е. в конечном счете как уменьшение контраста между рядом стоящими звуками.

Ассимиляция по ряду в принципе возможна и для *з* перед *ψ'*. Но происходит она или нет неизвестно, так как в КН в сочетании *зψ'* спирант утрачивается (через стадию *ж'?*) – *сэ_ψ'бн, са_ψ'үн'и*; в КЯ отмечено *пр'иж' ψ'ама*.

2.3.3. Сочетания, первым компонентом которых является зубная аффриката *ц, ц'*, в своем большинстве образовались в результате уподобления в консонантных группах. Это – *т, д → ц* перед *с, с'*; *тс, тст → ц* перед следующим согласным; сочетания, начинающиеся на этимологический *ц* – единичны. Образованию сочетаний способствует и нулевая редукция.

Сочетание двух аффрикат, как и сочетание двух взрывных, артикулируется с продолжительной выдержкой начальной смычки, но размыкание ее, в отличие от сочетания взрывных, переходит в фрикацию /20, с. 89/.

НСл

КН: *цw', цв' – цw'эти, цо'ат*; КЯ: *цс', св' – цо'ат, св'издб*.

ССл.

КН: *цс, лс' – пуц стэлб, уц с'элу*; *цц* – чаще сокращается до одной аффрикаты – *уц'им'энт, кур'ич'и* и *у'чдрската*; сокращение сочетаний *ци, ци'*, а также *цс, цс'* (*приц'идб'гл'*) до одного согласного является частным проявлением общей тенденции к сокращению сочетаний одинаковых согласных. При этом в *цс/с'* сокращается фрикативная артикуляция, преодоление которой создано переходом конечной фазы аффрикаты в следующий спирант; *цк, цк' – ч'ируц'ка, л'ич'и*.

КН: *цw – ср'эцwу*; *цт – бол'н'ицта*; *цс, цс' – уц сол, уцс'ич'эш'*, упрощение *цс → ц* в *ср'иц'элу*; *цц' – п'иш'гхбци'и, кур'ич'и*, но чаще сочетание двух аффрикат сокращается до одной – *ц'длуту дэр'бб*,

кращ'и, *уц'и г'ара, уц'и еп'ам тр'гска, кур'иц'и*; цн — *кацна*; цл — *к'у-цл'у*; цк, цк' — *ирцк'и, трпн'и ч'ицка*.

В КСл сочетание, начинающееся на *ц*, в КЯ — *йерк'уцк*.

2.3.4. Посовый согласный зубного ряда в ПСл с последующими согласными не сочетается (отсутствующее в КП слово *прав* было произнесено *раф*).

В ССл *п* перед согласными неустойчив в своем образовании. Имея перед гласными смычно-проходную артикуляцию, в которой участвуют кончик языка и мягкое небо, а переднеязычная смычка разрешается частично через носовой резонатор, в позиции перед согласным тот же сонант не имеет переднеязычной артикуляции и образуется только активностью мягкого неба и прохождением воздуха через носовую полость. Это — проходной назальный *п*.

В КП проходной *п* чаще всего произносится перед фрикативными согласными и перед смычными заднеязычного ряда, хотя в последнем случае менее последовательно. При этом перед губными фрикативными назальный может приобрести губную артикуляцию (*кафур, бром'ит, ирфарт*). Перед заднеязычными взрывными произносится смычно-проходной назальный, но имеющий не переднеязычную смычку, а заднеязычную, т.е. *п*. В КЯ проходной *п* появляется реже, чем в КП. Следует также отметить, что в сочетаниях, образовавшихся вследствие нулевой редукции гласного, разделявшего согласные, назальный сохраняет смычно-проходное образование.

ССл.

КЯ: *пв, пф, пф' — ишвал'ит, снаг'и т'б'ка ф'идан'и* (← *пша*) (в песне), *канф'з'ат/канф'з'ат, к'в'ф'ет'и*; *пм — утк'н мур'е*; *пт, пт', п'т', пд, пд' — слан'ити* (← *пат*), *т'г'т'ел'и, на св'и'н'т'и* (← *пит*), *мам'сита* (← *пат*), *сал'б'ка, м'ел'д'ил'ка, д'ив'ин'д'ис'ей*, как вариант, возможно ассимилятивное смягчение — *у Б'ан'д'ер, д'ив'ин'д'ис'ей*; *пс — с'ел'сар'*; *пц', пч — д'ган'и, с'аж'гни'и, бр'н'са, д'в'с'и*, ассимилятивная мягкость носового в *пал'т'ен'и'и*; *пн, пн' — прип'нналу му, план'е*; *пч', пч' — бр'н'ч'и, утк'н Ч'ад'р, т'ен'ф'ара*, смягчение носового в *ж'ен'ч'ана* (рус.), *т'ен'ф'ара, мун'ч'ету*; *пк, пк', пч, пч', п'к' — коп'кам са, на'с'и'т'к'и* (= на все), *г'ост'г'т'к'и, с'ид'ет'к'и, др'и'т'гу, на р'и'т'ен*.

КП: *пв, пф — прок'н'шам, йен'ф'арт*; мена *п* → *м* перед губными согласными — *бумб'н'и, ишвал'ит*; *пт, пт', п'т', пд, пд' — д'лан'тд, мулт'ф'б'к'и, л'ен'и'ч'ка*, в результате нулевой редукции гласного —

к'ор'ен'т'и, н'ик'ан'ин'т'и г'ост'и, б'ан'да, Ан'д'он, кан'д'и'ту; *пс, пс', пз, пз' — сав'сар, кон'с'ер'ви, т'ив'з'ух, д'в'с'и*; *пц, пч' — лист'ен'ца, тау-ц'ор, в'ен'и'и*; *пн, пн' — г'лан'га, ваз'лан'и'ца*; *пл' — с'ал'и'ф, кам'ал'-и'ву*; *пнч', пч' — ма'ви'ет'и, т'ен'ж'г'рка*; *пч', пч' — ко'в'ч'и, хр'ист'-и'в'ч'и, ич'ф'ин'ер, ич'ф'ек'и'и'а*; *пк, пк', п'к', пч, пч' — с'иг'д'ка, т'у'ка'г'ка, б'а'т'к'и, с'та'т'е, л'и'г'у'рка, д'т'г'el*; *пх' — бру'с'ит*.

Спиранты *з, ж'* после носового в КП варьируются с аффрикатами — *т'ен'ф'ар, д'в'с'и, б'ив'с'и'н, ич'ф'ин'ер*. В КЯ ряд слов, имеющих в КП спирант, произносится только с аффрикатой после носового, например, *д'в'с'и, т'ен'ф'ара, бр'н'са, м'н'ф'а*.

КСл.

КЯ: *пт — у'ем'ант, п'уц'ен'т, д'рк'ум'г'ит*; *пц — бр'онц, кл'д'ен'ц, аш'ан'и*; *пк — та'тк, б'а'тк*. КП: *пт — пун'т, б'ев'т, р'истур'б'т*; *пс — бру'с, аш'ан'с, ф'ив'с*; *пц — та'вц/та'нц*; *пк — кл'г'тк, та'тк*.

2.3.5. Латеральный зубного ряда (напоминаем, что в КП — это невоеляризованный согласный) в ПСл в сочетании с согласными не вступает.

В ССл латеральный сочетается с согласными всех локальных рядов. Возможен также *л'* перед некоторыми согласными.

КЯ: *лп, лб — с'ал'п'оту, кал'б'о*; *лф, лв, л'в, л'в' — кал'ф'о'а, з'бл'-и'а, уж'ил'и'а, пул'в'и'на*; *лм, л'м — мусул'ман'и, ф'ил'ма*; *лт, л'т', лд, л'д' — ал'т'н, пал'т'ен'ца, сал'д'ат'ан, П'ил'ул'д'еи, с'имб'ил'д'ек'*; *лс — р'ел'са*; *лц, лц', лс, лс' — кал'ц'и'н'и, в'бл'и'и, с'ал'с'а, пал'с'ет*; *лн, л'н, л'н' — п'бл'ну, пуно'ел'н'ик, уноб'нушат* (рус.), *к'бл'но Мар'-и'ка!*, *п'бл'н'и*; *л'л' — б'ул'л'у'к*; *л'л', л'ч', л'л' — ал'мал'ч'д, гал'-ч'им, х'ер'и'ел'ф'и, кал'ал'ф'б*; *л'й — ав'ил'и'б* (← *сал'т оливе*); *лк, л'к', лг, л'г' — ма'л'ки, в'л'к'б, каш'б'л'к'и* (мн.), *б'л'гар'ан, д'в'л'и'и'а*, как вариант зафиксирована дистантивная ассимиляция сонанта — *б'р'г'ар'к'и*; *лх — кал'х'б'а*.

Как видно из примеров, *л'* перед согласным отражает или ассимилятивную мягкость, или является результатом нулевой редукции гласного; *л'* перед твердым согласным фиксируется редко.

КП: *лп, лб, лб', л'б' — кал'п'ак, д'з'л'б'ку, ж'ал'б'и, д'ул'б'ен*; *лв, л'в', л'в' — х'л'и'д, з'бл'и'и, пул'и'и'на, кл'ф'и, с'ал'ф'ет'-ка*; *лм, л'м' — й'г'л'б'с, с'дл'м'и* (мн.); *лт, л'т', лд, л'д', л'т' — б'ал'т'к, б'ыл'т'и* (мн. *б'ыл'*), *д'ив'б'л'т'и* (мн.); *лс, л'с', лз, л'з' — п'л'са, р'ел'с'и*,

пдл'и, пбл'а; лч', лс, лс', л'п' — мал'и'на, стр'ил'и'на, пал'и'на, са-
л'с'т; лн, л'п' — обл'а, рабу'т'и'н'и'ца; лл — мол'и'а; лш', лж' — фал'и'-
и'юу, обл'ж'а; лч', лч', л'ч' — гал'и'а'а, унал'и'а'а, дал'и'на, ф'ил'и'а'
ана; лк, л'к', лг, л'г' — мал'ка, н'иш'т'ил'к'и, бал'г'р, о'ул'и'ер'ан;
лх, лх' — кил'сб, бл'х'и, и'л'х'а.

Ассимилятивная мягкость л'в КН более редкая, чем в КЯ.

КСл.

КЯ: лт — ж'елт; лк — вэлк, полк; КН: лп — стэлп, лм — ф'ул'м;

лт — wasф'лт, болт; лс — ф'ул'с, wals; лш' — фал'ш', лк — вэлк,
полк, м'ул'к.

2.4. Первый член сочетания — переднеязычный со-
гласный.

2.4.1. Переднеязычные спиранты сочетаются с согласными
всех локальных рядов. Имеется тенденция устранения сочетаний с
с, ш', ч' — сочетание со спирантом сокращается до одного соглас-
ного, и перед ч' согласный ш, в том числе и из с, изменяется в х
(см. 2.3.2.).

НСл.

КЯ: шп' — ш'п'иш'бн; жп' — ж'в'ах; ш'т' — ш'т'г; ш'к — ш'кбл,
устранение инициального сочетания в ш'ик'ф'ч'и;

КН: шп' — ш'п'ек; ш'w', ж'в — ш'w'епц, ж'в'акам; ш'м, ш'м',
ж'м' — ш'м'айс'ер, ш'ж'ек'ер'и'а, ж'м'и'ч'ка; ш'т, ш'т', ж'д — ш'т'б-
рк'ал, ш'тур'и'а, ш'т'ип'ка, ж'др'еб'и'а; ш'п — ш'пур; ш'л, ш'л', ж'л' —
ш'л'и'ф'ер, ш'л'б'ар, ж'л'г'а; ш'р', ж'р' — ш'р'иф, ж'р'и'п'и'уу; ш'к,
ш'к' — ш'каф, ш'к'ем'и'а.

ССл.

КЯ: ж'б — рож'ба, тж'ба; ш'w, ш'w' — запр'и'ш'а, ч'ер'и'ш'w'и
(←...ш'ев...); ш'м, ж'м — ч'уш'м'а, хж'ма (= всегда); ш'т, ш'т',
ж'д, ж'д' — шр'и'ш'т'айса, нуш'т'эска, са'ур'ож'дат, држ'о'и (рус.);
ш'п, ш'п', ж'п, ж'п' — бр'и'ш'н'б, К'иш'н'и'е'у, блж'ну, стр'ел'ж'н'ик;
ш'л, ш'л', ж'л' — хаш'лам'а, каш'л'а, лаж'л'и'а; ж'ч' — при'ж'ч'а'
ма; ш'к, ш'к' — п'и'ш'ка, у'п'аш'ка, к'б'и'ш'к'и.

КН: ж'б — кра'ж'ба; ш'w, ш'w' — зап'и'ш'ш'ам, руш'w'ет; ш'м,
ш'м, ш'м' — душ'ман'ан, ч'уш'ж'а'и'ка; ш'т, ш'т', ж'д, ж'д' — п'иш'-
та, м'аш'т'а, пр'еж'да, л'бж'д'и'са; ш'п, ш'п', ж'п, ж'п' — бр'и'ш'н'б, к'б'и'-
н'и'ца, обл'ж'н'ус; ш'л, ш'л', ж'л, ж'л' — ш'лам'а, м'иш'л'е, л'бж'и'а,
г'р'и'ж'л'и'а; ш'к, ш'к' — кра'с'и'ш'ку, п'иш'к'и'р; перед ч' — с →
ж' → φ — с'р'о'п, с'р'о'п'и.

В КСл запрещены сочетания спиранта с т в обоих говорах —
п'еш', о'ш', кош; св'еш'. Другие сочетания переднеязычных спирантов
с согласными также отсутствуют в этой позиции.

Как сказано, сочетания двух переднеязычных согласных сокра-
щаются до одного согласного. Ср. в КН — с'р'и'ш'д'а, с'р'и'ш'ан'ка, ш'и'-
ш'у, ш'иш'ис, с'р'ж'енд'с'и, с'р'ж'б'а, иж'у'и'ану с'и'ч'ку; в КЯ наряду
с аналогичными фактами отмечено ж'ж'и'ту, иж'ж'и'в'а'о'ан'и, т.е.
некоторое продление спиранта на стыке морфем.

Изменение ш'с → с — т'и'у'ч'иса, т'и'м'и'и'еса, на стыке слов —
нас с'ин — на возможность такой ассимиляции в блг. разговорной
речи указывает Л. Андрейчин /64, с. 51/; ш'ч' → ш'ч' — кб'ш'и,
нб'ш'и (см. 2.3.2.).

В КЯ сочетание шч' произносится в русских словах, содержа-
щих ш'ш' (= ш, шч). Надо полагать, что в КЯ эти слова восприни-
мались в южнорусском произносительном варианте с шч. Ср. и'б'ш'ч'-
ук, т'о'ш'а, у'ч'и'л'и'ш'и'а, Хруш'ч'бф, зах'и'та, с'б'ш'и'к, с'р'е'ду'ш'и'а,
с'е'ш'и'а и даже на конце слова — с'е'ш'ч'. Сочетание шч' здесь сохра-
нено в с'и'ш'ч'и'н'и'к и бл'а'гуш'ч'и'н'и'а, но и бл'а'гуш'ч'и'н'и'а (= Ближне-
вещение). В КН сохранение шч' в ш'иш'ч'ета (от ш'иш'е).

2.4.2. Сочетания, начинающиеся на переднеязычные аф-
фрикату — немногочисленны. Частота их повышена за счет изме-
нения т → ч перед ч', ш' и нулевой редукции интерконсонантного
гласного.

Сочетание переднеязычных аффрикат, как и зубных, артикули-
руется с продленной выдохжкой на стадии смычки, разрешающейся в
фрикацию.

НСл.

КЯ: ч'х/ч' — ч'х'и'тка, ч'ф'и'н'ан; КН: ч'т' — ч'т'е, ч'л' — ч'л'ен,
ч'р' — ч'р'и'на.

ССл.

КЯ: ч'в' — б'б'ч'в'и, между аффрикатой и следующим губным
спирантом часто появляется гласный у — б'б'ч'у'а, б'б'ч'у'и'и; ч'ш' —
рч'ш'д'у'п'ка, т'б'и'у'ч'ш'е'л (редукция гласного в у'п'иш'е'л); чч' — у'ч'-
ч'ер'и'и'ц'и'т'и, р'э'с'е'ч'ч'и'к, б'ч'ч'в'наш', у'ч'ч'у'и'д'л'и, у'ч'ч'ам'ур; ч'к,
ч'к' — с'и'ч'ку'а, д'б'ч'к'ан (рус.).

КН: ч'w, ч'w' — наб'у'ч'ш'ад'и'и, б'б'ч'w'и; ч'м, ч'м' — с'ач'м'а,
к'р'ч'м'и; ч'т, ч'т' — м'и'ч'т'а, п'ру'ч'т'ом; ч'л' — у'б'и'ч'л'и'ф, п'е'с'ач'-
л'и'а; ч'п, ч'п' — т'б'ч'н'ус, с'е'ч'н'и; ч'ш' — п'у'ч'ш'и'и'а; чч' — с'б'ч'ч'и.

ч'ч'имм'ур'а, кб'ч'и, р'ч'иста wáни; сокращение сочетания до одной аффрикаты — бч'е, бр'ач'е, да са уч'итам, кр'ивдч'и, л'ис уч'гр-н'ицата; ч'к, ч'к' — лб'ч'ка, бобул'еч'к'и.

В Кел нет сочетаний, начинающихся на ч'.

Звонкая переднеязычная аффриката не сочетается с последующими согласными.

2.4.2. Переднеязычный вибрант в ПСл с согласными не сочетается. Ср. устраниение возможных инициальных сочетаний в КЯ — рѣкац'ит'эл' (сорт винограда), рѣкац'елуф'о'эн; в то же время вследствие нулевой редукции гласного получено инициальное сочетание рч' — рч'б'да кж'и н'вш'ту ж'уфкуф.

В ССл р сочетается с согласными всех локальных рядов.

КЯ: рп, рп', рб, рб' — кэрпа, пр'итарп'ах, на гэрбб, сэрб'ийан'-ец; рв, рв', рф' — сурватка, ч'арв'илу, запарф'ин'ел'и; рм, рм' — турма, гарм'ел'и; рт, рт', рл, рл' — хурт'ишат, хорта (←рата), парт'ейан, ч'еродта, г'и нар'ет (←ред), р'т' в результате нулевой редукции гласного — бакэр'т'и; рц, рз — парц'ал', сарс'ул'и; рн, рн' — арнайт, курн'ик; рл, рл' — вэрла, карл'ига; рш', рж' — турш'ийа, бурж'ийка; рч', рч' — кырч'у, бэрч'и, ассимилятивная мягкость в ф'эрч'а; рк, рк', рг, рг' — мэркул, турк'ин'г, фэрга, аргат'ан, х'ер-г'ел'и; рх, рх' — вэрху м'асата, арх'иф.

КН: рп, рп', рб, рб' — цобрп'ала, кэрп'ала, курбан, бурб'и (мн.); рв, рв, рв', рв' — итэра, надэр'об, керв'ис (=кервиз), н'эре'и, кар-ф'ич'ка; рм, рм' — бурма, гарм'ел'ич'и; рт, рт', рл, рл' — карт'ов'и, гарод, гард'и, тэрт'ей; рс, рс', рз, рз' — барс'алка, пуртэрс'а, вэр-зон, бэрз'и шлак; рц, рс, рц', рс' — парца, сарц'е, з'эрс'ала, г'у мэрс'и да рабути; рн, рн' — фурна, сарн'ич'ка; рл, рл' — арл'ок, фэр-л'а; рш', рж' — вэрш'иоба, испэрж'ад'г'у; рч', рч' — бурч'ак, унб-рч'им; рк, рк', рг, рг' — буркан, ш'тэрк'ел, ч'эрга, г'эрг'и, йарг'ен; рх, рх' — пэрхут, барх'ет.

КСл.

В обоих говорах: рп — гэрп, сэрп; рф — пэрф, н'ерф; рм — ш'турм; рт, рт' — курорт, с'ерт, смэрт, д'ерт' (КЯ); рш'-марш'; рч' — пэрч', борч'; рк — гэрк, х'ирурк, патр'орк. В КН напряженность конечных шумных вызывает понижение сонорности вибранта, т.е. р → р̄. Метатезой или вставкой гласного устраниаются конечные сочетания в брэс (но бэрз'и), шэрэ'л' стана (но вэрла ж'енá), шрэх (но вэрху).

Сочетания, содержащие р, в КЯ часто преобразуются вследствие метатезы вибранта и гласного. Так, сэрнд, с'грдата, уд вэрт'-эну и вэрт'эну, г'урз'ийа, трээн / трээн (=Тарзан), матр'ийал, бэргад'ирка, карка (-крака), агэрбм, Лэтрэхан, дург'и, бэрда, пурд'ида. Эта особенность может быть отнесена к явлениям фразовой фонетики, так как при изолированном произношении слова она не проявляется.

В позиции после р спиранты и, э', ж' варьируется с аффрикатами. КЯ: бэрз'и/бэрс'и, пэрз'алка/пэрз'ал'ац'а са си'и, з'анбэрж'а/з'анбэрч'а. В КЯ частота аффрикат выше, чем в КН; при этом аффрикатизация распространяется и на ш' после р в рус. словах — вэр-с'ул'и, г'у вэрзал, бэрч'и, пэрч'ан, стэрч'им, дэрч'эма, свэрч'ик, разгубэрч'ик (рус.).

2.5. Первый компонент сочетания — среднеязычный и.

Этот спирант не образует начальных сочетаний с последующими согласными.

В ССл и может вступать в консонантные сочетания без ограничения; исключение — недопустимость ий (ср. в КН сокращение ий → и в условиях сандхи — тойаз'э = той я взе). Количество сочетаний и + с увеличено за счет консонантизации безударного и после гласного (см. 1.3.).

КЯ: иб — ш'айба; ив — смайшам са; им, им' — каймана, прай-м'и; ит, ит', ид, ид' — мой та, ум'ийт'и, хайд'ит'ен, найд'и; ис, ис', из, из' — р'ейса, кайс'ийа, дойзура (=доизора); иц' — з'айц'и; ин, ин' — ул'ийна, ул'ийн'и; ил, ил' — найлон, имайл'ен; их' — ш'ийч'у; ир — куйрук; ик, ик', иг, иг' — майка, строк'и, ш'тайга, ш'тайг'и.

КН: ив — цайшана; им, им' — каймак, прайм'и; ит, ит', ид, ид' — мбай ту, табакч'ийт'и, файда, калайд'исва, пуйд'и; ис, ис', из' — майстур, дв'ейс'и, ш'майз'ер; иц', иц' — ш'майз'ер, з'айц'ит'и; ин, ин' — шуйн'ик, на инб; ил — айлак, иж' — калайж'ийа; ич', ич' — ш'ийч'а! ивр'б'ич'и, калайч'ийа; ир, ир' — айран, дайр'е; ик, ик', иг, иг' — усойка, кравайка, айгэр, ш'тайг'и.

КСЛ.

КЯ: им — ул'ийм, играйм; ин — хаз'айн/хаз'ай; иш' — ул'ийш';

КН: им — уш'ийм; ис — рбис; иц' — парт'ийи, м'ейи (месяц); ин — на хаз'айн.

После *й* имеет место варьирование *з*, *ж* с аффрикатами.

2.6. Первый компонент сочетания – заднеязычный или фарингальный согласный.

2.6.1. Заднеязычные взрывные в ПСл сочетаются с сонорными согласными.

КЯ: *кв*, *кв* – *кво*, *квач'ка*, упрощение *гв* → *г* в *гбзд'ей*; *км'* – *км'эт*; *гн'* *кн'* – *кн'ига*, *гн'издб*; *кл*, *кл'*, *гл*, *гл'* – *кляб'енц*, *кль'уч*, *глян'э*, *гл'эда*; *кр*, *кр'*, *гр*, *гр'* – *крб'ф*, *крш'т'ел'н'ик*, *кр'аснула*, *грозд'и*, *гр'идб*; как вариант, разделение сочетания гласным в *кн'и-ига*.

КП: *кв*, *кв'*, *гв* – *квас*, *кв'ич'и*, *гбзд'ей*; *км'* – *км'эт*, упрощение *гм* → *г* в *гурна са*; *кп'*, *гп*, *гп'* – *кп'ига*, *гпбй*, *гп'издб*; *кп*, *кл'*, *гп*, *гл'* – *кп'ас*, *кп'укарка*, *гп'ас*, *гп'игбз*; *кр*, *кр'*, *гр*, *гр'* – *кр'иш'а*, *кр'идб*, *грат*, *гр'еш'на*; сочетание *кц* как результат редукции гласного – *кца заварт'и* (= като са...).

В ССл представлены сочетания, как с сонорными, так и с шумными согласными.

КЯ: *кв*, *кв'*, *гв* – *буква*, *кэки'и*, *пуб'агва*; *кф* – *сбрукфторта*; *км*, *км'* – *тбкму*, *такм'еш'*; *кт*, *кт'*, *гд*, *гд'* – *д'ар'эктур*, *ркт'абзр*, *м'игдан'а*, *ш'ел'игд'ен*; *кс*, *кс'*, *гз* – *оксана*, *на шогзла*, *игз'ам'ен*; *кц'* – *с'еки'ица*; *кп*, *кп'*, *гп*, *гп'* – *мрбкнулу*, *ум'икн'агва*, *удлбнал*, *л'егн'и*, разделение сочетания гласным в *Нг'инап*; *кл*, *кл'*, *гл*, *гл'* – *стбклб*, *закл'уч'ану*, *маглб*, *игл'и*; *кш'* – *бкш'иш'*; *кр*, *кр'*, *гр*, *гр'* – *бкрж* (рус.), *зкр'иш'т'ла*, *заграц'ла*, *угр'ипка*; изменение *к* → *х* в *дбктур/дбфтур*, *лакт'эт'и* (мн.), *н'экт'и/н'экт'и*.

КП: *кв*, *кв'*, *гв* – *засука*, *т'икви*, *трбгва*, в одном случае зафиксировано оглушение губного после *к* – *цбркфа*; *км*, *км'* – *тбкму*, *ч'икм'и'е*; *кт*, *кт'*, *гд*, *гд'* – *трактур*, *нокт'и*, *магданбс*, *ш'ел'игд'ен*; *кс*, *кс'*, *гз* – *д'иксус*, *сакс'ица*, *табгзашбда*; *кц'* – *д'ир'эки'и'ш'*; *кп*, *кп'*, *гп*, *гп'* – *измбкна*, *стбкн'и*, *рбгала*, *угн'иш'т'и*; *кл*, *кл'*, *гл*, *гл'* – *закл'ану*, *рбкл'а*, *крб'ла*, *игл'ич'ка*; *кш'* – *бакш'иш'*; *кч'* – *ч'уич'и*; *кр*, *кр'*, *гр*, *гр'* – *ч'икрбк*, *кчкр'и*, *к'иуирама*, *гдгр'ица*; результат диссимилиации по способу образования в группе *кт* – *дбфтур* (← *хт* ← *кт*).

В КСл сочетания *к*, *г* с сонорными зашрешены и устраняются вставкой интерконсонантного гласного. Ср. в КП: *р'эклб*, но *р'иклб*, *крб'гб*, но *крб'ла*, *убл'акбл*, но *убл'акла*, *с'акбл*, но *с'акла*, *мбкзр*, но *мбкра*, *ж'и'зр*, *н'э'зр*, *бг'ан*, но *бгн'ан*; то же в КЯ.

Сочетания с шумными согласными в КЯ и КП: *кт* – *пр'иду'кт*, *акт*, *уб'экт*; *кс* – *лукс/лукс*.

2.6.2. Для фарингального спиранта характерна артикуляционная нестабильность. Это выражается в возможности его озвончения в позиции V–V, V–Son, изменении в ф, ослаблении его артикуляции вплоть до полной утраты. При этом все названные изменения существуют как возможность, которая, однако не осуществляется настолько последовательно, чтобы полностью исключить *х* из соответствующих позиций. Количество сочетаний *х* с шумными согласными расширено за счет изменения *с* → *ш* → *х* перед *ч'*, *с* → *ш* перед *ц* и *ф* → *х*. Поскольку в КЯ эти изменения приводятся более последовательно, то и соответствующих сочетаний здесь больше, чем в КП.

НСл.

КЯ: *хт* – *хбрата*; *хц'* – *хц'е/фц'е*; *хл*, *хл'* – *хлбзгаф*, *хл'иза*, всегда без *х* – *л'ап*, *л'ан'и*; *хр*, *хр'* – *хр'ач'и*, *х Рус'ийа*, *хрбм'ал/фрбм'ал*, *Хр'истухбр*; *хч'* – *хч'эра*, *хч'б'ч'ик* (рус.); *хк* – *х курбана*; *хв* → *х/ф* – *г'и хан'ил'и/фбн'ил'и*.

КП: *хп*, *хп'* – *хпбкка*, *хп'ан/л'ан*, *хп'б'гга/фл'б'гга*; *хр*, *хр'* – *хрбм'ел'и*, *хр'ана*, *хр'ан'и/р'ан'и саг уи'эс*, *хр'ач'и/и'ма р'ач'ка*; *хч'* – *хч'уп'ил'и*; сочетание *хш* в ПСл заменено *ф* – *фбр'лиш'*, *фалб'ата*, *са фал'ила*, *фан'еш'*.

ССл.

КЯ: *хш* – *пумаш'ам*; *хм*, *хм'* – *Кашуман*, *ж'уш'ашм'и*; *хт*, *хт'* – *л'ан'ашта* (мн.), *ч'иштум'и*, *по убхт'ену*; *хц'* – *б'иц'енн'и*; *хп*, *хп'* – *т'ашката*, *к'уш'и/к'уш'и*, *т'еш'икум*; *хл*, *хл'* – *сбашлан*, *бхл'уф/обл'уф*, *т'ушл'и*; *хч'* – *б'уш'а*, *г'руш'ик*; *хр*, *хр'* – *Ахр'ика*, *нахр'ан'и*.

КП: *хш* – *л'ихиар'ан*, *саг л'иш'а/л'и'фа*; *хм'* – *б'ашм'и*; *хт*, *хт'* – *з'ишт'ин*, *зб'штал'и* (ослабление артикуляции спиранта перед *т*), *ш'ешт'б*; *хп*, *хп'* – *уи'ашна*, *сбхн'и*; *хп*, *хп'* – *маш'ата*, *заш'уп'им гу*, *т'ушл'и/т'ушл'и*; *хч'* – *нбхч'и*, *п'р'ашч'ица*; *хр* – *ш'ехр'иш'ка*; *хк*, *хк'* – *кр'эку*, *рбкш'у/рбфкш'у и'ц'е*, *ч'ехк'ин'а*.

Факты озвончения *х* в позиции V–Son приведены в 1.1.

В КСл нет сочетаний, начинающихся на *х*.

3. Сочетания согласных с паузой.

3.0. Рассматриваем сочетания с реальной паузой (РП), т.е.

$\# \emptyset$, и сочетания с потенциальной паузой (ПП), т.е. $\#$, за которой следует гласный ($-\#V$), сонорный ($-\#Son$), шумный глухой и звонкий ($-\#t$, $-\#d$).

3.1. В позиции перед $\# \emptyset$ допустимы сонорные и глухие шумные согласные.

В КН шумные язычные согласные (зубные, переднеязычные, заднеязычные) перед $\# \emptyset$ усиливают артикуляцию рекурсии, т.е. ту фразу образования звука, когда речевые органы выходят из занятого ими положения. У *т, к* это создает эффект сильного придыхания после основной артикуляции, у *с, ш', ц, ч'* — эффект долгого спиранта. Это свойство конечных согласных особенно заметно при сопоставлении с их произношением в других позициях.

В позиции перед $\# \emptyset$ возможно изменение *н* → *ν*, особенно после передних гласных — в этих случаях на конце слова слышен назальный гласный.

кал'бн, эл'ан/л'ан, в'урум, н'амам, лаф, лоф, ч'ерн'аф, ш'каф, крэф, частота конечного ф повышена за счет изменения $x \rightarrow \varphi$ — мож'аф, страф, бр'аф, са сабуф, дудобф, са уб'аф;

п'ет⁺ (так обозначаем усиление рекурсии), *м'ет⁺, км'ст⁺, пот⁺, нар'ет⁺, н'ейам⁺, барот⁺, л'ис⁺, прэс⁺, уе'ес⁺, пал'иц⁺, пикавал'иц⁺, ном⁺, п'еш⁺, сташ⁺, кош⁺, к'ер'еч⁺, дуб'иток⁺, мал'ик⁺, б'ал'иц⁺, лад'ил'иц⁺*; определено долгий спирант произносится в *мос: #, той мбгу с'и прбс: #, крэс: #;*

ор'ан, д'ен, н'ил'ау, кам'ийбу, буст'ан, д'аков, кап'ан; топал, б'ал; ш'нур, д'ев'ер, бор; ул'ой (мн.), край.

Из мягких согласных перед $\# \emptyset$ в КН представлены *т', л', н', р', к'*, часто в варьировании с твердыми: *п'ет'/т, м'иш'к'ет', э'ет', панир', дарак', аскерл'ик', к'исм'ик', тел', г'ол'/л, буст'ен'/н.*

В КЯ распределение глухости и сонорности перед $\# \emptyset$ такое же, как в КН. Различие состоит в том, что в КЯ 1) язычные согласные перед $\# \emptyset$ не имеют столь сильную рекурсию, как в КН, 2) состав мягких согласных, допустимых в конце слова, значительно шире, чем в КН, а употребление их характеризуется более высокой частотой.

л'ан, эгн, сэм, ж'ераф, здраф, ф из х в эпаф, илуф, т'аф; д'ев'ат, р'асат, ч'бл'ас, кун'еи, бронц; п'мош', такж'еш', х'ич', кл'уч'; г'рн, басмак, бр'га, с'урмак; и'ес'ен, о'сан, хрб'ал, бч'ар (=очередь), йу'ур, дай.

Перед $\# \emptyset$ допустимы мягкие согласные всех локальных рядов: *к'уш', крэф', врэф'; хамб', п'ет', крэм'ет', прэс'/с, врэс', п'итм'б', ур'ис'/с; йфг'ен'/н, ч'уш'ен', кон'/н, т'ит'и', сап'и'.*

куч'ен', м'идан', кал'иц', курбан'/н, л'ий'ен'; т'ел', сол'/л, г'ул', уч'ит'ел', ч'уш'л', р'из'ил'; к'ум'др', э'ис'ар', ш'уп'ар', иуд'ар'; иэ'ик', уйн'ик', ич'ум'ик'/к, ч'ил'ек'/ч'ил'ек, базар'и'к', к'исм'ик'/к.

3.2. Потенциальная пауза отделяет согласный, оканчивающий первое слово, от инициального сегмента следующего слова. В звуковой цепи, соответствующей этим словам, согласный конца первого слова оказывается в тех же позициях, что и в ССл, т.е. перед гласным, сонорным, шумным согласным.

Сопоставление правил сочетания этих сегментов на стыке слов и в слове может выявить средства сигнализации межсловной границы.

Перед словом, начинающимся на гласный ($- \# \emptyset$) или сонорный ($- \# \text{Son}$), как и перед $- \# \emptyset$, в КН допустимы только глухие шумные согласные, что принципиально отличает стык слов от тех же позиций в слове. В КЯ есть отдельные отступления от этого правила, когда произносится звонкий шумный согласный перед словом, имеем в своем начале V или Son.

Перед инициальными передними гласными возможны как твердые согласные (что запрещено в слове), так и мягкие; при этом мягкость может быть как непозиционной, так и позиционной, но последняя выступает непосредственно.

КЯ:

ббп у'дд'и, баш'та ж'и'ф/х бш'т'и, кр'бф' у'д ц'ца, вар'ет ур'ис', ч'ис уи'ес, ймди' бш'т'и, по л'ек у'д р'уск'и;

как'ф е, кр'бф' йма, б'и'ч'ети н'е'ска, ас/с' ймам, той пав'ен' ил'и ж'ен'ан, ц'ал' д'ен'/н и'р'д'и, у'т п'б'с'к' и ц'ч'ем'ит, ас ул'и' ин'а му'а (← ул'и'х);

к'уш' на куй'и'к, и'р'ат л'ан на маста, как'ф рай'он, сур'бф/х л'ан эгу'ет м'ад'и, р'еж'ат лу'а, ас н'из'ак т'ит'и', п'еш' н'и пал'им, х'и'ч' н'и гу'знам.

Сохранение звонкого согласного в указанных позициях: *топ'у'бан разлу'б'р'и'к, мэрл'и'ол'и к'аж'иш'?* (слово неизвестно — произнесено вместо предложенного *мэрл'и'ф*), *аз р'б'м'и, аз ймам, ас н'ик'и'аж' н'ама да кр'ам, ббп ж'и п'мб'га, бр'ис л'и.*

В позиции после $\emptyset \#$ гласные *и, у* теряют вокальность и изменяются в *й, у'* как и в пределах словоформы: *иа йж'ий'иш', м'буш'а й'да, и йж'ен'ан'а, да йт'и'важ'и, му'а ин'а, д'в'ид'и л'и'и* (см. 1.5.).

найнар'э ч'эрну (←г#ч'), с'ыр'ац с'ыр'эц'и; л'и'сэс м'исо (←с#с'), ас т'ам сам р'асла, на зап'эл'и ут шуйн'а (←эф#з), уш'эз да наур'ан'а кун'э; ч'и'л'ит'ин (←эф#з); а ш'э гу пруж'ан'а (←с#н), ах ч'этак, кам ш'эх ч'бса, н'и ч'их ч'уш'эк, та ж'эна (←с#нж);

переднеязычные согласные: н'и м'ож' да ун'д'иш', фу-р'аж' о'агат, л'ош' н'ерг'иш'эн; на стыке слов ш перед с сохраняется — и'эм' с'и г'у, с'и'а ш' с'ип'ай на м'эн'а (←ш'с#с'); п'бр'у' гу, с'ар'а' б'у'ка;

заднеязычные согласные: др'у'г' д'эн, п'ун' б'ул'л'у'р'од'и (←г#г'р), паг' и'и кр'ит'э'т, па'и'и у'п'агат (←г#г'г'), каг' ж'у'ш'э'а, ч'ув'э'и гу пруд'а'а; б'д'гу да с'а ф'ал'а, ш'ид'а'у гул'ам э'ан, с'эс т'ах и с'эс т'а'о д'эс'и.

Что касается сонантов в условиях сандхи, то в КЯ можно отметить ассимилятивную мягкость перед гласным и согласным, начинающими слово. Ср. с'ин и с'ин' г'б'ри'и; д'ен, ц'ал и ц'дл' д'эн и-р'ал'и; р'эк'л' ч'и, бул'а'л'и той (←л'#л' ←л#л'); и → х → ф перед #с — ч'и ч'иф с'и с'ин.

В КН наблюдается н → v на стыке слов — буст'а'в саб'у'рат; н → м перед #б — з'ил'эм б'бп; и#и → и — то'й'а'з'э.

4. Особенности консонантной синтагматики в КН и КЯ.

Анализ синтагматики согласных в словоформе и на стыке словоформ в КЯ и КН может быть завершён сопоставлением этих диалектов с точки зрения:

- 1) особенностей артикуляции отдельных согласных;
- 2) явлений, возникающих в сегментных последовательностях одного типа;
- 3) правил построения фонетической модели слова, как целостной единицы.

Различия в артикуляции проявляются при образовании: ш, ф, билабиальность которых сильнее выражена в КЯ, чем в КН;

латерального сонанта — веляризованного в КЯ и неvelopризованного в КН;

мягких губных, зубных и р', имеющих перед и, е в КЯ более высокий тон, чем в КН;

к', г', имеющих в КЯ более выраженную заднепалатальность.

Изменения в рамках одинаковых сегментных последовательностей могут различаться своей частотой. Так, в КН н → v чаще, чем в КЯ; утрата интервокального х (т.е. х → ∅) в КЯ реже, чем в КН; мена х и ф близка к свободному варьированию в КЯ при более устойчивом контрасте между х и ф в КН; сц → xc в КЯ чаще, чем в КН; замена спирантов аффрикатами после сонантов в КЯ чаще, чем в КН; в КЯ менее выражена тенденция к сокращению однородных сочетаний согласных.

Наличие/отсутствие позиционной мены согласных проявляется в: возможности смягчения согласного, оканчивающего предлог, перед и, е в КЯ и отсутствие этого в КН; ассимилятивной мягкости согласных, шире представленной в КЯ — здесь отмечены сочетания ф'и, т'н', с'м', с'т', с'л', н'д', н'ч', н'ψ', которых нет в КН; в появлении интервокального ш перед лабиализованным гласным в КЯ и отсутствием этого в КН, где зияние заполняется спирантом и; более высокой напряженности язычных шумных перед #∅ в КН, чем в КЯ.

Перечисленные различия связаны в принципе с качеством изолированных сегментов в слове. Но фонетика КЯ и КН может быть сопоставлена по параметрам, актуализирующимся не в звуке, а в словоформе в целом. Имеем в виду следующее.

Словоформа как временной фонетический процесс организуется по правилам, которые могут быть интерпретированы в виде задаваемой в сознании говорящих произносительной программы. Существенную роль в этой программе играют дистактные связи, т.е. осуществляющиеся вне непосредственного артикуляционного контакта сегментов. Связь между артикуляциями планируется до произнесения слова, а реализация плана начинается с инициальной артикуляции. Согласно этому, первый звук приспособляется к следующему ещё до произнесения последнего — принцип антиципации играет главенствующую роль в фонетической программе слова. Антиципация регулирует разного рода регрессивные уподобления/расподобления звуков, а также явления, возникающие при переключении паузы в звук и звука в паузу /39, с. 168/.

Дистактность связей даже между рядом стоящими звуками подтверждается сохранением результатов регрессивного позиционного изменения вопреки исчезновению в спонтанной речи позиции, вызвавшей это изменение. Ср. приведенные выше факты сохранения по-

зиционной мягкости согласного вопреки нулевой редукции следующего переднего гласного.

Фонетическая программа формирует фонетическую модель слова, включающую в себя некоторые общие закономерности построения слова.

Фонетическая модель слова в КЯ и КН строится на основе одинаковых ограничений, регламентирующих начало и конец слова. НСл и КСл не могут образовываться на том, достаточно высоком, уровне артикуляционного усилия, который создается сочетанием двух смычных согласных – в указанных позициях таких сочетаний нет.

В КСл затруднен переход от более слабой шумной артикуляции (фрикативной) к более сильной (смычной). Это ведет к упрощению финальных сочетаний $фт \rightarrow ф$, $ст \rightarrow с$, $ск \rightarrow с$, $ш'т \rightarrow ш'$; другой способ решения проблемы показывает $ш'ет$ (при $ш'эт'и$), когда утрачивается предконечный спирант, а не конечный смычный.

НСл и КСл характеризуются противоположными запретами в отношении распределения сонорности в консонантных сочетаниях. В НСл – это только восходящая сонорность, что делает недопустимым сочетание типа $Sont$, а в КСл – нисходящая сонорность, чему соответствует запрет на $tSon\#$. Необходимо подчеркнуть, что в КЯ и КН это правило не знает нарушений, в отличие, например, от русских диалектов, где то же ограничение проявляется как тенденция, а не как категорическое правило /65/.

Понижение звучности в консонантном конце слова реализуется и недопустимостью звонких в этой позиции. В то же время в КН конец слова сигнализируется таким специфическим средством, как усиление конечной фазы артикуляции язычных согласных. В КЯ этого нет. Но КЯ, в свою очередь, отличается от КН тем, что здесь антиципация $\# \emptyset$ не ассоциируется с устранением некоторых мягких согласных из позиции КСл.

Указанные ограничения создают достаточно жесткую рамку, внутри которой просматривается тенденция к упрощению консонантного состава слова – если считать, что сегмент типа CC сложнее, чем CV и VC . Это проявляется в устранении консонантных сочетаний путем утраты одного согласного или вставки интерконсонантного гласного. Сочетания одинаковых согласных редко бывают по своей длине равны двум согласным – обычно это последовательности меньшей длины, нередки и случаи сокращения до одного согласного.

В то же время обращают на себя внимание факты появления в речи новых консонантных сочетаний в результате редукции безударных (чаще заударных) гласных. Как было показано, в таких случаях возможен даже мягкий согласный перед твердым. Различие между фактами сокращения консонантных сочетаний и их появлением в результате нулевой редукции гласных состоит в том, что в первом случае имеет место стабильная особенность слова, проявляющаяся и в изолированном произношении (например, $ср'џц'ѐлу$, $од'ѐлну$), а во втором – факультативное оформление слова во фразе ($ба́бага$, $с'ѐлту$ произносится во фразе, а в изолированном произношении только $баба́га$, $с'ѐлту$). Это означает, что появление новых консонантных сочетаний в звуковой цепи является фактом фразовой фонетики.

Консонантная характеристика фонетической модели слова, основанная на многих запретах, отличается от вокальной характеристики, допускающей практически свободное распределение гласных относительно НСл, ССл, КСл, имеющей помимо запретов на сочетание гласных с согласными и лишь к сочетаниям гласных с гласными относящейся с значительной долей нетерпимости.

Ориентация фонетической модели слова преимущественно на консонантные запреты, сочетается с 1) достаточно сильным ассимилирующим воздействием гласных на согласные, ведущим к палатализации согласных перед гласными переднего ряда, 2) ослаблением интервокального согласного вплоть до утраты, 3) озвончением некоторых интервокальных согласных.

Перечисленные особенности фонетической модели слова могут быть отнесены к числу синтагматических проявлений, характерных для языков вокалического типа по классификации А. Исаченко /66, с. 115/. По этой классификации типологический знак имеет не только статическую форму в виде системы фонем, но и динамическую – в виде правил развертывания звуковых цепей. Динамический знак может быть разным в зависимости от того, отдается ли при построении звуковой последовательности приоритет вокальным или консонантным элементам (или – признакам вокальности или консонантности).

Как отмечал А. Исаченко, для вокалических языков характерно разъединение групп согласных вставным гласным, стремление сократить двойные согласные, утрата согласных в разных позициях. Именно все это присутствует в КЯ и КН. Используются разные спо-

собы упрощения консонантного состава словоформы. Это *ст#*, *ск#*, *шт#*, *фт#* → *с#*, *ш#*, *ф#*; утрата *х* (*л'ап*, *лб'и*, *йма рбч'ка*); сокращение двойных сочетаний (*а_эас'бх*, *бч'е*, *ис'елу* и под.); ослабление и утрата согласного в интервокальном положении (*мба*, *с'иб*, *кай* ← *каже*, *аб'ар*, *кбж'а*).

Тенденцию к повышению вокальности звуковой последовательности демонстрирует изменение *н* → *ν* перед согласным — артикуляционным эффектом этого является настоящий пазальный гласный на месте *Vн*, хотя по правилам синтагматики он расценивается как сочетание гласного с носовым.

Как свидетельство высокой ценности вокальности в звуковой цепи может расцениваться синтагматическая активность сонантов — согласных, которые по высокому уровню участия голоса и по низкому уровню шума близки к гласным. В позиции *V-Son* сонанты вместе с гласными способствуют озвончению *х*, *ф*. После сонантов происходит аффрикатизация *з*, *ж'* → *с*, *ц*. Механизм этого изменения может быть понят следующим образом. Артикуляционный переход от сонорного к шумному, даже звонкому, согласному естественно должен быть обозначен снижением сонорности в конечной части сонанта. Стремление противостоять этому и стабилизировать звонкость (голосность) сонанта на всем его протяжении ведет к образованию переходной артикуляции в виде смычки, которая в сочетании с последующими звонкими спирантами дает эффект аффрикаты. Аффрикатизация глухих спирантов после сонантов не происходит — этому препятствует более сильная, чем у звонких, артикуляция глухих согласных.

Активность сонанта проявляется и при замене шумных согласных сонантами перед *н*, *н'* (*дн* → *нн*, *бн* → *нн*, *шн*, а также *вн* → *нн*).

В сочетаниях шумных согласных преобладает регрессивно направленная унификация ряда и способа образования, часто с последующим сокращением до одного согласного (*сш'*, *зж'* → *шш'*, *жж'*; *тч'*, *дч'* → *чч'*; *шс*, *жс* → *сс*), или коррекция направления звукопрохождения в соответствии с естественным движением звучащей струи (*шч'*, *сц* → *чч'*, *цц*).

Существует мнение, что изменение согласных в речевой цепи можно оценивать как снижение или повышение значимости призна-

ка консонантности /45, с. 50–51/. В соответствии с этим, согласные располагаются "по шкале нарастания консонантных признаков": наиболее ярким консонантным признаком обладают глухие смычные, наиболее слабым — сонанты. Исходя из этого, озвончение шумных, спирантизация смычных, тем более замена шумного согласного сонантом означают "понижение согласного в ранге консонантности" и, соответственно, повышение роли признака вокальности в звуковой цепи. Именно такая ситуация характерна для консонантной синтагматики описываемых говоров. Здесь снижение значения признака консонантности в речевой цепи сигнализируется заменой смычного спирантом (*фт'ич'и*, *фч'ел'ан*), шумного сонантом (*гргмбк*, *л'ич-бька*, *ш'гнбш*).

Особенностью КЯ и КН является то, что в них глухие и звонкие согласные по своим синтагматическим свойствам образуют два разных класса. Это проявляется в том, что многие изменения, которым согласные подвергаются в звуковой цепи, асимметричны, т.е. захватывают или только звонкие согласные (ср. изменения в сочетаниях с сонантами) или только глухие (ср. многие изменения по ряду и способу образования перед шумными согласными). Подобная асимметричность может быть следствием большого различия в уровне напряженности артикуляции глухих и звонких согласных — высоким у глухих и низким у звонких. Можно было бы предположить, что резкий контраст по напряженности между шумными согласными повышает вес признака консонантности. Но факты показывают, что значительное различие по напряженности между глухими и звонкими шумными согласными вполне сочетается с синтагматическим приоритетом признака вокальности.

Специального внимания заслуживает уподобление по высоте тона в звуковой цепи в КЯ и КН.

Отношение к уподоблению по высоте тона различно в сочетаниях типа *СС*, с одной стороны, и *VC*, *CV*, с другой. Артикуляция гласных в соседстве с палатализованными согласными сдвигается вперед и вверх (см. Транскрипция). В позициях *t-t'*, *t'-t* это изменение не выходит за пределы звуков речи. В позиции же *t'-t'* возможны изменения, проявляющиеся уже на уровне языка, например чередование *а' → е'* после мягких согласных перед мягким согласным. Проводящее последовательно, такое чередование может свидетельствовать, что выбор *а'* или *е'* после мягкого согласного до-

ляется в предвидении следующего твердого или мягкого согласного. Таким образом можно считать, что фактор палатализованности организует сегменты CV, VC, SVC. В принципе это те сегменты, в рамках которых формировалась категория мягких согласных.

В уподоблении по высоте тона в консонантных сочетаниях между КЯ и КН имеется определенное различие.

В КН регрессивное смягчение в консонантных сочетаниях представлено очень ограниченно и распространяется только на плавный сонант и я. Однако это не означает недопустимость или непроизносимость сочетаний, состоящих из двух мягких согласных — такое сочетание свободно образуется в результате нулевой редукции гласного.

В КЯ ассимилятивное смягчение в группах согласных, хотя и не слишком распространено, но тем не менее захватывает не только сонанты, но и согласные другого способа образования и разных локальных рядов.

Эти факты свидетельствуют, что в рамках фонетической модели слова палатализованность не оказывает определяющего воздействия на консонантные составляющие слова — фонетическое слово развивается без антиципации палатализованности при выборе согласного. Отсутствием ассимилятивного воздействия на предшествующий согласный палатализованность отличается от таких артикуляционных параметров, как участие голоса, ряд, способ образования согласных (ср. их роль в организации последовательностей согласных).

В принципе возможна ситуация, когда палатализованность определяет общий регистр слова или значительной его части. Ср., например, последовательности /ast'·a/ и /a·s't'·a/ — в первом случае действие палатализованности ограничивается сегментом /t'·a/, во втором — распространяется на всю последовательность, в целом повышая ее тон. При этом нельзя считать, что отсутствие ассимилятивного смягчения — это частный случай общей несклонности к ассимиляции по добавочному признаку в рассматриваемых говорах. Такое обобщение опровергается свойственной говорам регрессивной ассимиляцией по звонкости в том числе и перед сонорными и в соседстве с гласными — в этом случае согласный воспринимает добавочный признак звонкости и меньшей напряженности.

Из сказанного можно сделать вывод, что в КН действие палатализованности не вышло за пределы сегментов CV, VC и мягкость

согласного не выступает в качестве фактора, обуславливающего общий регистр слова или его части, более длинной, чем CV, VC. В этой связи можно заметить, что в блг. имеются и другие факты, указывающие на изолированность палатализованности в слове. Это проявляется в том, что сама палатализованность становится производной от нефонетических фактов. Так, И. Кочев показал, что неэтимологическая мягкость конечных согласных, будучи связана с турецкой лексикой, стала сигналом этого типа лексики в блг. /67, с. 455/.

В КЯ наличие ассимилятивного смягчения в группах согласных указывает на то, что здесь роль палатализованности выходит за пределы SVC. В общей нюансировке речи в КЯ палатализованные согласные играют более значительную роль, чем в КН. Это обусловлено как качеством палатализованных согласных, так и сферой их позиционного распределения.

Для славянских фонологических систем на вокалические и консонантические, А. Исаченко в этом плане особое значение придавал наличию—отсутствию корреляции твердости—мягкости согласных, поскольку присутствие этой корреляции резко увеличивало инвентарь согласных фонем. Но при наличии этой корреляции, идиомы могут различаться синтагматическим поведением палатализованных согласных. Распространение действия палатализованности за пределы сегментов CV, VC повышает уровень консонантности идиомы. Поэтому можно считать, что в КЯ признак консонантности выражен сильнее, чем в КН.

5. Позиционное чередование согласных.

5.0. Между членами чередования могут существовать два типа отношений с точки зрения предсказуемости позиционной смены этих звуков. Один тип отношений имеет место тогда, когда в рамках определенных позиционных условий можно предсказать замену каждого из двух членов чередования, т.е. *a* из позиции *a*₁ заменяется звуком *b* в позиции *b*₁, и *b* из позиции *b*₁ заменяется звуком *a* в позиции *a*₁. При таком отношении между членами чередования правила чередования формулируются как позиционные для обоих его членов, т.е. слова направо и сырана налво.

Другой тип отношений имеет место тогда, когда в рамках определенных позиционных условий можно предсказать замену только одного члена чередования, т.е. *a* из позиции *a*₁ заменяется звуком

b в позиции *b*₁, а *b* из позиции *b*₁ может заменяться звуком *a* в одних морфемах, но сохраняется в других в позиции *a*₁. Эти отношения между членами чередования имеют иерархический характер: один член чередования главный, второй — производный от первого, ему подчиненный. Правила такого чередования формулируются в одном направлении — слова направо (т.е. от главного члена чередования). Этот принцип будем учитывать при характеристике позиционных чередований согласных.

5.1. Чередование согласных, различающихся участием голоса.

Здесь рассматривается позиционная мена глухих и звонких согласных, не сопровождающаяся изменением их локального ряда и способа образования. Представление о чередовании, как особом компоненте фонетической системы может быть достигнуто при условии, что будет установлено соотношение между звуковой меной и всеми переменами позиций, имеющих значение для чередования в целом.

В КЯ и КИ выбор глухого и звонкого шумного согласного определяется позициями: - V Son — перед согласным или гласным в словоформе; - t — перед глухим согласным в словоформе; - d — перед звонким согласным в словоформе; -#ØtV Son — перед реальной паузой и перед потенциальной паузой, за которой следует глухой согласный, гласный, сонорный; -#d — перед потенциальной паузой, за которой следует звонкий согласный.

Взаимная мена этих позиций представлена с разной частотой, что связано со спецификой морфемного состава говоров. Чаше всего перемена позиций прослеживается на стыке предлога—приставки со следующей морфемой и на стыке слов.

Перемена позиций -V Son, d, -#d → -t, -#ØtV Son сопровождается заменой звонкого согласного глухим; если в -V Son представлен глухой согласной, то чередования нет.

КЯ: *бба*: *бп ч'эр'эн*; *ф'бба*: *ф'бпч'и*; *з'бн'и*, *з'б бул'и м'и*: *з'бп*; *убз'идам*: *упш'ий*; *дрр'б*: *дрр'фи'э*; *кур'ава*: *кур'аф т'эл'*; *кал-фбэн'ик*: *кал'фбс*; *ил'бзум*: *фкал*; *р'бда*: *рот так'бс*; *п'ип'гр'удд*: *п'ип'гр'утка*; *уд ж'ил'азу*: *ут п'ан'ур'*; *нбж'а*: *нош'*; *окр'ва*: *окр'к наш'*;

КИ: *кур'ава*: *кур'ап у'эс*, *кур'ап и'аб'ил'и*; *р'бда*: *р'бпст'иу*; *уб-м'исл'а*: *упх'бд'а*; *л'абд*: *л'ап р'эж'а*; *г'бл'ва*: *г'бл'пч'и*; *уц'л'абна*: *сл'ап*; *х'б'рава*: *х'б'раф ар'амт*; *уб'у'вам*: *уб'у'фч'и*; *здр'аву*: *здр'афп'нт*;

м'эда: *м'ет*; *г'радэ*: *г'рат дсху'й*; *пуд м'бста*, *п'бд'эф*: *п'бтп'ис*; *уд'бн*, *уд'бу*: *ут п'бпа*; *с'вад'ба*: *с'ват*;
изм'кна, *изл'уп'ват*, *изл'и'на*: *ис'ф'ри'ал*, *ис'л'п'а*; *р'аз'и'вам*: *р'ас'б'тка*; *здам*: *с'ц'ид'а*; *б'из р'аб'ута*, *б'из б'раш'п'оту*: *б'ис нар'и*;
ст'аж'а: *ст'аш'*; *фур'аж'а*, *фур'аж' д'ав'ам*: *фур'ам'*; *ру'б'и'и*: *рок*;
ку'ф'ег: *ку'ф'эк*.

Перемена позиций - V Son, -t, -#ØtV Son → -d, -#d требует замены глухого согласного звонким. При этом перед -#d звонкость согласного может сочетаться с напряженностью, характерной для глухого согласного, или распространяться не на весь согласный, а только на его конечную часть, что создает эффект не полной звонкости согласного.

КЯ: *ф'л'и'ва*, *ф'калт'б*: *у'лур'а т'а*, *у'з'б'а*; *ст'э'фану'ф*: *ст'э'фану'во д'эн*; *ч'и'ф*: *ч'и'во бут'и'т'к'и*; *брат*: *бра'д д'бч'ка* (рус.); *ут п'ан'ур'*: *уд г'ла'в'ата*; *кл'и'ч'*: *кл'и'ф' э'а б'ал'б'на*; *с'брук*: *с'брук д'и'и'и*.

КИ: *к'л'и'ва*: *к'л'и'б э'а уб'у'фч'и*; *ф'и'ид'эл'а*, *ф'р'од'оп'и*, *ф'к'б'ита*: *у'л'у'л'а*, *у'д'и'лам*; *уп'х'бд'а*: *уб'у'р'эн*, *р'бж'ал'вам*; *к'б'рат*: *к'б'раб д'э'ту*; *с'ва'б'т'ов'и'и'ч'и*: *с'вад'ба*; *ут п'бпа*: *удз'ав'ам*; *б'ил'эт'а*: *б'ил'э'д э'а л'о'ф*; *х'бд'ат*: *х'бд'а'д б'аб'и м'и*; *д'э'с'эт'ка*: *д'э'с'а'д'и'и'и* (←-дд), *на-б'у'ч'ат*: *на'б'у'ч'а'д'и'и*;

ч'ис, *ч'ист'и*, *ч'исч'ик*: *ч'из д'эл'ч'ик*; *г'бст'и*: *г'бз'ба*; *ас*: *аз д'уд'ф*; *с'ар'ач'*: *с'ар'ач' б'ил'ка*; *у'гл'ик*: *у'гл'ил' д'эн*; *ч'у'в'э'ка*: *ч'у'в'эг у'у'р'у'а'ва*; *в'ид'а'х*: *в'ид'а'ч у'у'л'ам э'ан*.

Как можно заметить, взаимная мена позиций -t, -#ØtV Son, с одной стороны, и -d, -#d, с другой, однозначна по своим последствиям: она всегда требует чередования согласных, различающихся участием голоса. Неодинаковым может быть лишь первый член чередования.

По-иному обстоит дело, когда перечисленные позиции заменяются позицией -V Son: здесь замена глухого согласного звонким или наоборот обусловлена не генеральной сменой позиции, а нахождением позиции в фиксированной морфеме. Поэтому при такой перемене позиций чередование имеет место в одних морфемах, и его нет — в других.

Отсюда можно сделать вывод, что во всех позиционных переменах, в которых участвует позиция -V Son, чередуются звуки, в своем качестве позиционно независимые, со звуками, качество которых позиционно обусловлено. При всех других позиционных пе-

ременах оба члена чередования в своем качестве позиционно обусловлены. Сказанное означает, что позиция -V_{son}, как элемент фонетического контекста, при выборе глухого и звонкого согласного, сопровождающем позиционные перемены, не имеет диагностического значения и нуждается в привлечении морфемных аргументов.

Специфической особенностью КЯ и КН является замена глухого губного и фарингального спирантов согласными, в которых принимает участие голос, хотя уровень звонкости в этом случае может быть ниже той нормы, которая характерна для звонких шумных согласных. Замена глухих *x*, *φ* звонкими *γ*, *ш* происходит в позициях V-V, V-#V, V-Son, V-#Son.

КЯ: *хурб* : *на γурб*, *хрбм'ела* : *на γрбм'ела*; КН: *хбра* : *стбр'и*
убра, *хубава* : *т'а γубава*, *харман* : *на γарман'а*, *хр'емава* : *т'и*
с'и γр'емава, *куж'уф* : *куж'ушбр'ан*, *φ/хбра* : *ч'узд'и шбра*.

Чередование может быть выявлено при сопоставлении позиций V-V, V-Son с позициями между согласным и гласным (C-V) и перед сонорным не после гласного (#/C-Son). Сопоставление с позициями перед # и перед шумными согласными в принципе не может вскрыть факт озвончения названных спирантов. Ср. *бр'гх*, *стра́х* и *бр'г'уи*, *страγб* – в этом ряду ничто (кроме этимологии) не свидетельствует о том, что здесь происходит озвончение перед гласным, а не оглушение перед #.

Анализ чередования глухих и звонких согласных показывает, что эта фонетическая особенность в КЯ и КН представлена унифицированно. Это касается как состава чередующихся согласных, так и состава позиций, взаимная мена которых обуславливает чередования. Чередование согласных по участию голоса не допускает отклонений и реализуется как генеральное правило (а не тенденция). Замена глухих неполнозвонкими согласными на стыке слов не противоречит этому, так как факт озвончения глухого имеет место и в этом случае.

5.2. Чередование твердых и мягких согласных.

5.2.1. При этом чередовании в позиционную мена вступают согласные, различающиеся твердостью-мягкостью (высотой тона) при тождестве ряда, способа образования, отношения к участию голоса.

Выбор твердого и мягкого согласного определяется позициями: -V – перед гласным непереднего ряда; -V₁ – перед гласным перед-

него ряда; -C – перед согласным; -C₁ – перед твердым согласным; -C' – перед мягким согласным; -#Ø – перед паузой.

5.2.2. Твердые согласные запрещены в позиции -V₁, поэтому преобразование любой позиции, содержащей твердый согласный, в позицию перед *é*, *í*, *e*, *é*, *и*, *é*, сопровождается заменой твердого согласного мягким.

КЯ: *п* → *п'* *скбпа* : *скбп'и*; *б* → *б'* *ж'аба* : *ж'эб'и* в/ш → *в'/ш'*
дв'а : *дв'е*, *п'б'ва* : *п'б'в'и*, *к'р'овну* : *к'р'ов'ен*; *φ/φ* → *φ'/φ'* – *φ'иуш-*
ва : *φ'ина* *кн'иш'ка*, *φ' инб* *с'элу*; *м* → *м'* *слама* : *слам'ен*, *слам'-*
ица; *т* → *т'* *скбрта* : *скбрт'и*; *д* → *д'* *млада* : *млад'ити*; *с* → *с'*
пбсна : *пбс'ен*, *пб'ас* : *пб'ес'и*, *с мж'б'м'и* : *с' ир'уш'ка*; *з* → *з'*
п'азн'ик : *п'аз'ен*, *б'из* *майка* : *б'из' ер'ен'*; *ц* → *ц'* *кас'уца* : *ка-*
с'уца, *кун'эц* : *кун'иц'*; *п* → *п'* *капна* : *капн'и*, *ц'илакка* : *ц'илан'ен*,
д'ен : *д'ен'и* *ир'д'и*; *л* → *л'* *п'ит'эл* : *п'итл'и*, *душ'ла* : *душ'л'э*;
р → *р'* *мр'от* : *умр'э*, *б'ллар'ик'и* : *б'ллар'ен*, *дубра* : *дубр'и*; *к* → *к'*
л'эка : *л'эк'и*, *й'атка* : *й'атк'и*; *г* → *г'* *б'агам* : *б'ег'и*; *х* → *х'* *му-*
ха : *мух'и*, *двух* : *двух'етаж'ан*.

КН: *п* → *п'* *п'он* : *п'он'е*; *б* → *б'* *б'ба* : *б'б'и*; в/ш → *в'/ш'*
т'иква : *т'икв'и*, *дв'а* : *дв'э*; *φ/φ* → *φ'/φ'* *кофа* : *коф'и*; *м* → *м'*
косам : *косм'и*, *г'ума* : *г'ум'г'и*; *т* → *т'* *пр'ста* : *пр'ст'ена*,
нбкат : *нбкт'и*; *д* → *д'* *твр'да* : *твр'д'и*; *с* → *с'* *роса* : *рус'и*;
з → *з'* *б'р'зак* : *б'р'з'ина*, *г'рыз'т* : *г'рыз'э*; *ц* → *ц'* *кун'эц* : *кун'иц'*;
с → *с'* *с'з'са* : *с'з'с'и*; *н* → *н'* *кул'ану* : *кул'ин'э*, *з'имна* : *з'имн'ик*,
камб'ана : *камб'ан'и*; *л* → *л'* *ор'эл* : *орл'и*, *ил'а* : *ил'л'ч'ка*, *ст'кл'б* :
ст'кл'гн; *р* → *р'* *ш'арка* : *ш'эр'и* *сэ*, *бр'знар* : *бр'знар'и*; *к* → *к'*
аб'алка : *аб'алк'и*, *пак* : *пак'има*, *об'лак* : *об'лак'ид'и*; *г* → *г'* *ш'т'идга* :
ш'т'идг'и; *х* → *х'* *м'ба* : *м'б'и* *пр'с*, *снах'а* : *снах'и*.

5.2.3. В позиции -C' замена твердого согласного мягким может быть вызвана уподоблением по высоте тона в группе согласных, когда имеет место регрессивная ассимиляция. Чаще других в такое чередование вступают зубной носовой и латеральной сонанты.

КЯ: *н* → *н'* *баг'ка* : *баг'и*, *буγ'аг'ка* : *буγ'аг'и*, *ц'ина* : *бих'эч'и*, *с'ин'*
с'иη *г'б'ри*, *с'иηка* : *с'ин'иц'*; *л* → *л'* *долна* : *дол'н'ица*, *п'блна* :
п'бл'н'и, *ж'элт* : *ж'эл'т'и*, *уч'ит'алка* : *уч'ит'г'л'к'и*, *пал'тб* : *пал'т'энц'и*,
ц'ал : *ц'ал'д'ен*, *Ниж'л* : *Ниж'л'д'ен*, *мал'ка* : *мал'к'и*, *каш'блка* :
каш'бл'к'и, *бул'ка* : *бул'ч'внта*, *д'блга* : *д'бл'ч'ица*; *φ* → *φ'* *фр'эт* :
φ'иγ'л'и/φφ'иγ'л'; *с* → *с'* *Хр'ист'бс* : *Хр'ис'т'у/Кр'ст'у*, *ч'исл'б* :

ндч'ис'л'уво (рус.); х → х' нав'их, исп'их : нав'их' йа, исп'их'
на.

КН: п → п' уш'ён : уш'ён'у, лад'ён : лад'ён'у, и'им'ёнт :
и'им'ён'т'ан'у, кбн : кбн'ч'у, прокъл'ад : прокъл'ад'н'эш', с'ид'агкэ :
с'ид'аг'к'у, Стдгкэ : Стдг'к'е; л → л' палто : пал'т'ён'ч'у, с'ил-
на : с'ил'н'у, б'уш'л : б'уш'ул'ч'у, з'ёлкэ : з'ёл'к'у, в'исёлкэ : в'исёл'
к'у, пр'ий'ат'елкэ : пр'ий'ат'ел'к'у, кал : кал'н'у, п'бна : п'бл'н'у.

Преимущественная подверженность ассимилятивному смягче-
нию сонантов *н, л/л'*, как было сказано выше, может быть объяс-
нена тем, что будучи близкими по уровню сонорности к гласным,
они испытывают со стороны мягкого согласного то же воздействие,
как и гласные, т.е. повышают тон по типу аккомодации гласных
мягким согласным.

В целом в КЯ ассимилятивная мягкость в группах согласных
встречается чаще, чем в КН. Это означает не только более высо-
кую синтагматическую активность позиции -С' в КЯ, но и тенден-
цию к большей дифференцированности позиций перед согласными в
этом говоре. Там, где в КЯ надо различать позиции -С₁, -С'
(хр'истос, хр'ис'т'у), в КН достаточно констатации позиции -С
без дифференциации твердости/мягкости.

Как было сказано, сочетания мягких согласных друг с другом
образуются не только в результате ассимиляции, но и вследствие
нулевой редукции заударного гласного переднего ряда — при этом
остается мягкость согласного, вызванная передним гласным, т.е.
этот гласный как бы присутствует в языковом сознании говорящих.

5.2.4. Чередование твердых и мягких согласных может быть
рассмотрено и в направлении замены мягких согласных твердыми.
Устранение мягкого согласного, выступающего перед # Ø или пер-
ед гласным, и замена его твердым происходит в позиции перед
согласным, т.е. при преобразовании позиций -V, -V₁ -#Ø в по-
зицию -С.

КЯ: б' → б' слаб'у : уц'лаб'на; ф' → ф' кр'ф' : кр'ф'т', вр'ф' :
вр'ф'т', вр'ф'ч'уца; м' → м' з'им'а : з'ём'на, р'ам'гн : р'ам'ну; т' →
т' н'ет' : н'ет'н'айс'и, н'ит'ел : н'ит'л'у; с' → с' ш'ес' : ш'ес'н'айс'у,
ш'ас' : ш'ас'т', ш'ис' : ш'ис'н'уца; з' → з' пр'аз'гн : пр'аз'н'ик;
л' → л' с'убл' : с'олт';

КЕ: б' → б' др'еб'гн : др'еб'на, др'еб'н'у; в' → в' др'рж'ав'гн :
др'рж'ав'на; т' → т' м'ишк'ет' : м'ишк'ет'ну, ч'ихут'гн : ч'ихут'ка;

д' → д' пуд'ам : пуд'ар'а; з' → з' л'укс'ов'ан : л'укс'ов'на; ц' → ц'
тир'ц'ийа : тир'ца; р' → р' ор'ел : ор'л'у; г' → г' бв'гн : бл'гн.

Как видно из примеров, при взаимной мене позиций -V₁ и -С
всегда можно однозначно предсказать позиционную замену твердо-
го и мягкого согласного, т.е. правило чередования может формули-
роваться, исходя из каждой из этих двух позиций без обращения к
морфемному критерию (не имеем в этом случае в виду факты ас-
симилятивного смягчения перед согласными).

5.2.5. Особый вид чередования имеет место, когда согласный,
окапчивающий приставку, перед *й* следующей морфемы полу-
чает мягкость, но средненбный спирант при этом утрачивается.

КН: уб'лн'у са и уб'асн'у при блн'у, й'ас'гн, уб'ав'а при й'ав'ну;
й'ав'да и об'ав'овам; р'ош'у'вам и уд'ам са при й'ам; под'ш'у'вам и под'-
аж'дам, под'ам при й'аж'дам, й'ам; изм'б'а са и из'авах при й'авах.
Такие же примеры есть в КЯ.

В этих случаях нет синтагматических аргументов в пользу по-
зиционного происхождения мягкости согласного — практически нет
различия между об'ад и об'ав'а. И лишь сопоставление с морфемой
й'ав — показывает, что б' во втором случае заменяет собою сочета-
ние бй.

Устранение *й* отражает правила распределения *й*, а чередова-
ние б → б', будучи связано с фиксированными морфемами, пере-
ходит в сферу морфонологии. Чередование является особенностью
приставки.

Как было показано выше, на стыке предлога и слова, начинаю-
щегося на *й*, этот спирант сохраняется, а согласный перед ним оста-
ется твердым. КН: с'йузд, ф'йамбул; КЯ: с'эс'йак', уд'й'г'а, уд'
й'ес'гн, но и ф'й'л'у.

5.2.6. Нефонотическая мена твердых и мягких согласных свя-
зана с образованием членных форм м.р., когда в позиции -#Ø
(почленная форма) представлен твердый согласный, а в -V (член-
ная форма) — мягкий. Это чередование шире представлено в КН,
так как именно здесь мягкий согласный в позиции -#Ø являет-
ся более редким, чем в КЯ.

КН: о'си : о'ен'а, тар'ман : на'гар'ман'а, т'йт'йн : т'йт'йн'а,
хам'от : хам'от'а, ф'ч'ер'а : ф'ч'ер'а, н'иш'к'ир'а : н'иш'к'ир'а, с'гвс'ар'а :
с'гвс'ар'а.

В КЯ многие из этих же слов имеют мягкий согласный и перед $-/\emptyset$, поэтому преобразование членной формы в нечленную и наоборот здесь не сопровождается меной твердых и мягких согласных. Ср. *хамбѣт', хамбѣт'а, з'ет', з'ет'а, ѱарг'ѣн', ѱарг'ѣн'а, ч'уѡдѣ', ч'уѡдѣ'а, курбѣн', курбѣн'а, к'иф'ѱр', к'иф'ѱр'а, н'иш'к'ѱр', н'иш'к'ѱр'а, ш'унѱр', ш'унѱр'а* и под.

5.2.7. Правила позиционного чередования твердых и мягких согласных в КЯ и КН существенно не различаются. В основе этих правил лежит уподобление тона согласного следующим передним гласным и недопустимость мягких согласных перед твердыми согласными. Перед мягкими также запрещена большая часть мягких согласных. Исключение в этом отношении составляют *н'* и *л'*. Другие мягкие согласные перед согласными в немногих случаях отмечены в КЯ. Последовательно осуществляется замена мягких согласных твердыми перед твердыми согласными. В обоих говорах допустимы мягкие согласные в КСя (перед $-/\emptyset$). Но в КН эта возможность используется в меньшей степени, что создает предпосылки для чередования твердых и мягких согласных при образовании членных форм сущ. м.р.

Таким образом, можно считать, что правила чередования твердых и мягких согласных отражают значительную позиционную ограниченность мягких согласных и несомненный приоритет твердых в звуковой цепи.

5.3. Чередование согласных, различающихся участием и твердостью—мягкостью

Позиционное чередование этого типа происходит при перемене позиций, для которых характерно противоположное отношение к признакам, связанным с участием голоса, и к твердости—мягкости. Среди позиций, регулирующих чередование, всегда присутствует позиция перед шумным согласным.

Отношение между такими позициями с точки зрения представленных в них согласных могут быть следующего вида:

1) в первой позиции (I) допустимы глухость, звонкость, твердость, мягкость — во второй позиции (II) один из t, t', d, d' ($t \rightarrow d', d \rightarrow t', t' \rightarrow d, d' \rightarrow t$);

2) в I t, t' — в II d', d ($t \rightarrow d', t' \rightarrow d$);

3) в I d', d — в II t, t' ($d \rightarrow t', d' \rightarrow t$);

4) в I t, d — в II t', d' ($t \rightarrow d', d \rightarrow t'$);

5) в I t', d' — в II d, t ($t' \rightarrow d, d' \rightarrow t$);

6) в I t — в II d' ($t \rightarrow d'$);

7) в I t' — в II d ($t' \rightarrow d$);

8) в I d — в II t' ($d \rightarrow t'$);

9) в I d' — в II t ($d' \rightarrow t$).

Однако вероятность этих позиционных перемен в потоке речи неодинакова. Известные ограничения здесь накладывает позиционное распределение мягких согласных. Мягкие шумные согласные перед согласными ограничено представлены только в КЯ. А именно такие сочетания делают возможными многие из перечисленных чередований.

С учетом этих ограничений, приведенный список теоретически возможных позиционных перемен и чередований можно конкретизировать следующим образом (перемену позиции обозначаем стрелкой):

1) $-V(t, t', d, d') \rightarrow -C$ (t перед глухим, d перед звонким), $d' \rightarrow t, t' \rightarrow d$; поскольку перед согласным отсутствуют мягкие согласные, нет чередований $t \rightarrow d', d \rightarrow t'$;

2) $-/\emptyset(t, t') \rightarrow -C$ (перед звонким согласным d), $t' \rightarrow d$; нет чередования $t \rightarrow d'$, так как перед согласным невозможен мягкий согласный;

3) нет позиции I, которая предполагает наличие перед звонкими шумными не только твердых шумных, что в КН и КЯ есть, но и мягких, что запрещено;

4) нет позиции II;

5) $-V_1(t', d') \rightarrow -C$ (t перед глухим, d перед звонким), $t' \rightarrow d, d' \rightarrow t$;

6) нет II позиции;

7) $-C'(t') \rightarrow -C(d), t' \rightarrow d$ в КЯ;

8) $-C(d) \rightarrow -C'(t'), d \rightarrow t'$ в КН;

9) нет позиции I.

Правила чередования формулируются в одном направлении, от первого члена чередования ко второму (в 1), 2), 5). Это обусловлено тем, что признаки, позиционно связанные во второй позиции, свободны от такой обусловленности в первой позиции. В двух направле-

ниях формулируются правила чередований 7), 8), так как участие голоса и твердость/мягкость здесь предстают как позиционно связанные в обеих позициях.

КЯ и КН различаются составом чередований, в обусловленности которых участвует позиция – $\# \emptyset$, что связано с неодинаковым отношением к допустимости мягких согласных в КСл. Поскольку в КЯ допустимы конечные мягкие губные, замена мягкого губного твердым в КСл не может рассцениваться как позиционно обусловленное чередование (ср. *хубоу* и *хубау* при *крѣф*; *слаб* и *слап* при *к'ул'*). В КН, где мягкие губные в КСл не употребляются, это же чередование является позиционным. В то же время в КЯ расширены возможности чередования, при котором мягкий глухой губной заменяется звонким твердым перед согласным – ср. *крѣф* : *крѣоу* в КЯ при *крѣф*, *крѣоу* в КН.

Такое же различие между КЯ и КН существует и в отношении чередования, в котором участвует глухой мягкий зубной спирант, допустимый на КСл в КЯ и запрещенный в КН.

Закреплены следующие чередования.

КЯ: б' → п *гдлѣб'и* : *гдлѣпка*, *н'иб'ѣ* : *н'ипч'ѣ*, *џ'бб'ѣк* : *џ'бпч'и*, *б'ѣсрѣб'ийа* : *б'ѣсрѣб'ск'и*; ш' → ф *душ'ѣц* : *душ'ѣд*, *крѣоу* *зи* : *крѣтѣ*; д' → т *п'од'ѣдам* : *п'откаршам*; т' → д *п'ет'* : *п'ѣд'гуд'ин'и*, *свѣт'а* : *свѣдба*; з' → с *раз'ѣдм* : *распр'ѣга*; с' → з *ис'т'и* : *ис'ба*; х' → ч' *ум'их* : *ум'ич'и*.

КН: б' → п *срѣб'зи* : *срѣпци*, *ждр'ѣб'ѣц* : *ждр'ѣпч'и*, *жр'ѣпч'ишу* (тононим), *уб'ѣоу* : *упш'риу*, *гдлѣб'и* : *гдлѣпч'и*, *бѣб'и* : *бѣпка*, *слѣб'и* : *слѣп*; н' → б *кал'ѣн'и* : *кал'ѣб* за *ѣбѣпч'и*; ш' → ф *ч'арш'ѣш'и* : *ч'арш'ѣф*, *кэрш'и* : *крѣтѣ*, *зѣрш'и* : *зѣрш'ит*, *брѣтш'и* : *брѣтш'ѣтѣ*, *пчѣв'ѣн* : *пчѣв'ѣк*; д' → т *п'ип'гуд'и* : *п'ип'гуд'тѣ*, *пуд'ѣм*, *пуд'ѣдам* : *пуд'ѣрѣ*, *пуд'ѣршам*; з' → с *из'ѣдм* : *искарѣ*, *ислѣп'а*, *раз'ѣм* : *расп'ѣр'а*, *кшѣб'и* : *кшѣбс*, *п'икм'ѣз'ѣнѣ* : *п'икм'ѣс*, *чѣв'ѣз'а* : *чѣв'ѣс*; г' → к *дѣл'и*, *дѣл'ич'ик* : *дѣл'ѣк*; к' → г *в'ѣл'ѣн'и* : *шѣл'ѣл'ѣн'и*, *табѣж'ѣрѣ* : *табѣжѣрѣбѣдѣ*.

5.4. Чередование согласных одинакового локального ряда, но разного способа образования.

5.4.1. В обоих говорах глухие взрывные *т*, *т'* заменяются зубной аффрикатой перед зубным фрикативным и аффрикатой. Получен-

ное сочетание состоит из глухих согласных. Что касается твердости/мягкости, то неоднородным по высоте тона может быть даже сочетание одинаковых аффрикат – неоднородность состоит в том, что начало сочетания артикулируется твердо, а конец – мягко. Чередование возможно и на стыке слов, но здесь оно не так последовательно реализуется, как в словоформе. Указанная позиционная мена согласных образует чередование *т*, *т'* → *ц*, *ц'*.

КЯ: *ут'п'асѣк*, *ут'кѣрт'зи*, *ут'там* : *уц'слѣж'ѣа*, *уц'сѣф'ийа*, *уц'струѣка*, *уц'ѣ'алу* *дѣрѣб*, *уц'ѣрѣката*; *кур'ѣту* : *кур'ѣци'и*; *п'ет'* : *п'ѣц'* *с'ѣлѣ*, *п'ѣц'* *с'ѣнѣ*; *расат* : *расац'са* *с'ѣйѣт*.

КН: *пѣтп'ис* : *пѣц'анѣ*; *ут'п'ѣф*, *ут'п'ѣн'ѣ* : *уц'с'ѣнѣм'и*, *уц'стѣб*, *уц'с'иб'ѣр*; *карат* : *карац'са*; *л'ит'ѣц* : *л'ичѣц'и*; *кат* : *кац'сѣм'ѣл*; *кад'ѣт* : *п'рѣкад'ѣц'са* *н'ѣгу*; *с'ѣр'ат* : *с'ѣр'ац'с'ѣр'ѣн'и*.

Сочетания, образующиеся в результате этого чередования, в обоих говорах могут сокращаться до одной аффрикаты – ср. *уц'ѣм'инт*, *уц'ѣлу*, *ср'ѣц'ѣлу* в КЯ; *крац'и* (мн.), *ул'ѣпшам*, *п'рѣц'ѣлѣта*, *уц'ѣдѣлѣката* в КН. Можно заметить, что этому сокращению способствует забвение морфемного стыка. Так, в КН произносится только *ср'ѣц'ѣлу* в значении наречия, когда морфемный шов для говорящих не очевиден, о чем, в частности, свидетельствует употребление этого наречия с предлогом – *на ср'ѣц'ѣлу*, но только *уц'с'ѣлу*, *уц'с'иб'ѣр*, где присутствие предлога очевидно.

Звонкий зубной взрывной не меняет своего образования перед *з*, *з'*. На месте сочетания *дз'* может произноситься аффриката *с'*, что предполагает унификацию сочетания по мягкости (ср. в КН *ус'ѣшѣм'и*). Сочетание *дз* также может производить впечатление аффрикаты *с* – *надѣзрѣнѣ/насѣрѣнѣ*. Сочетания *д*, *д'* с *с*, *с'* на зафиксированы.

Отсутствие аффрикатизации звонких взрывных зубных перед *з*, *з'* может быть объяснено тем, что менее напряженная, чем у глухих, артикуляция звонких согласных способствует образованию некоторого интервала между рекурсией и экскурсией спиранта. Именно это поддерживает стабильность способа образования звонкого взрывного зубного согласного.

Поскольку сочетания *цс*, *цс'*, *ци*, *ци'* появляются только в результате изменения зубного взрывного согласного, связанное с этим чередование может формулироваться и в направлении от *ц*, а именно – зубная аффриката позиции перед *с*, *с'*, *ц*, *ц'* замещается

взрывным зубным согласным в других позициях (кроме позиции перед шумными переднеязычными).

5.4.2. Замена звонкого зубного взрывного смычно-проходным назальным того же ряда происходит перед *н, н'* в обоих говорах. Образующееся сочетание носовых согласных может быть унифицировано по мягкости, если вторым членом сочетания является *н'*. Эта позиционная мена согласных реализует чередование *д, д' → н, н'*.

КЯ: *л'эд'ен : л'ин'н'ица, глэд'ен : глэнна, ѓен : плэн'н'г, ш'енн'иш, пр'ипадг : пр'ипэнналу му.* КИ: *ж'эд'ен : ж'эн'н'и, пэд'ам : пэнн'а, пэн'н'н'иш', с'ед'а : с'энн'аг.*

Двойное сочетание носовых может сокращаться до одного согласного: *инб, н'эска, с'ин'и с'и* в КЯ; *инá, н'эска* в КИ.

Сочетание двух носовых согласных является только результатом изменения *д, ѓ* и поэтому чередование может формулироваться и в направлении от *н, н'*.

Чередование осуществляется не настолько последовательно, чтобы сделать недопустимыми сочетания *дн, дн'*. В частности и поэтому, что изменение зубного взрывного в носовой согласный не происходит на стыке предлога—приставки и морфемы, начинающейся на *н, н'*. Ср. КЯ: *уд нэш'ица, уд нэм'ер, пр'ед нб'а : грд'ица;* КИ: *уд нэс, уд н'ица, гднэч'иу, уднэс'ам.*

Чередование асимметрично в том смысле, что в него включены из группы взрывных только звонкие. В сочетаниях *тн, тн'* ассимиляция по способу образования не происходит, и *т, т'* не чередуются с назальными согласными (см. 2.3.1.).

5.4.3. В обоих говорах губные согласные *б, ш* могут уподобляться по способу образования следующему носовому зубного ряда и замещаться сонантом *м*. Чередование формулируется только в направлении от *б, ш*, так как сочетания *мн, мн'* не всегда являются результатом этой позиционноймены.

б → м — КЯ: *др'эб'ен : др'эмн'ич'к'и, срэб'а : срэмнал, гэрб'т : грамн'а;* КИ: *сл'абг : уцсл'амна, др'эб'ен : др'эмну, др'эмн'и, гэрб'т : грамн'а.*

ш → м — КЯ: *глава : глэмн'э, вэглэмн'ица; пл'ава : пл'эмн'ик; л'ибб'ан : л'ибб'м'ик;* КИ: *сл'и'ан : сл'имн'анц'и; пл'ава : пл'эмн'ик; кл'ава : кл'эмн'и;* как гиперизм здесь зафиксировано произношение *яб'и'а*, где *ш* вместо *м*.

Эти чередования осуществляются не настолько последовательно, чтобы исключить сочетания *б, ш с н, н'* (см. 2.2.1., 2.2.2.).

Чередование асимметрично: глухие корреляты согласных *б, ш* не заменяются губным сонантом перед *н, н'*.

5.4.4. Как было показано в 2.3.4., зубной носовой сонант перед согласными и паузой меняет способ образования, превращаясь из смычнопроходной в проходной согласный, чему соответствует чередование *н → в*. КИ: *эс'ен'и : эс'ента, покана : покэннам, д'эн'и : д'энтэ, ступэн'ен : ступэн'ца, онэз'и : онз'и | онс'и, ж'ен'а : ж'эн'ц'и, санушам : санл'иш, кун'э : кбн'на, кон, клонув'и : клбн'и, клон.*

В КЯ мена *н → в* происходит не так последовательно — ср. *дбни и дбнту, уш'эна и уш'эн'ца, кун'э и кун'б*. Но и здесь можно отметить *онэз'и : онс'и, кун'э : кбн'ц'и*. Чаще же *в* произносится в словах, где назальный образует постоянное сочетание с последующим согласным — *каш'ус, т'ент'эл'и, м'енд'илка, с'гусдр'* и под.

Губной проходной сонант *м* фиксируется перед *ф, ш* — КИ *иш'арт, каш'ур, брш'ит, иш'ал'ит*. Но, будучи членом постоянного сочетания, он не может быть интерпретирован как член чередования *т → м* в зависимости от перемены позиции.

5.4.5. В обоих говорах в позиции после сонорных и *й* фиксируется варьирование фрикативных *з, ж'* и аффрикат *с, ш'*. В основе этого варьирования лежит непоследовательно проводимое изменение спирантов в названных позициях. Однако в синхронном плане позиционная зависимость аффрикат не подтверждается чередованием, так как аффрикатизация спирантов происходит в составе сочетаний, компоненты которых неотделимы друг от друга. На морфемном же стыке аффрикатизация спиранта не происходит — ср. в КИ *кэм ж'эч'у*.

Как показано выше, имеются три группы словоформ в зависимости от того, представлен ли в них после сонанта 1) только спирант, 2) только аффриката, 3) спирант и аффриката как варианты. Наличие третьей группы дает повод для констатации позиционного чередования *з, з' → с, с' и ж' → ш'*. Это чередование, в отличие от ранее рассмотренных, основано на воздействии первого согласного на второй, т.е. отражает прогрессивное изменение в группе согласных. Собственно, только этимологический критерий и варьирование спиранта и аффрикаты являются аргументом в пользу это-

5.5.4. Как было сказано, мягкие заднеязычные отличаются от твердых местом образования — они локализованы в заднепалатальной зоне. Поэтому с артикуляционной точки зрения члены чередования $k \rightarrow k'$, $g \rightarrow g'$ (см. 5.2.1.) различаются локальным рядом при тождестве способа образования. То же относится к чередованию фарингального и заднепалатального $x \rightarrow x'$.

5.5.5. Отмеченная выше мена носовых m и n перед согласными также может быть интерпретирована как чередование согласных разного ряда, но одинакового способа образования, т.е. $m \rightarrow n$ и $n \rightarrow m$.

КЯ: *йас рун'им : рун'ин на дру'ги д'эн; в'ину : в'имзавот, в'импунт; момак : мунч'э; КИ: в'ину : в'импрэм, мумб : мунч'э.*

При этом имеются слова, где представлен результат изменения носового сонанта по ряду, но факт этот не может быть интерпретирован как проявление чередования, поскольку сонант не может быть отделен от последующего согласного (ср. в КН *кумэ'эров'и, кунф'эки'ийа* и др.).

Чередование не осуществляется настолько последовательно, чтобы сделать недопустимыми соответствующие сочетания m, n с согласными (см. 2.2.2., 2.3.4.).

5.5.6. К чередованиям рассматриваемого типа относится и $č, č' \rightarrow č'$. Такое чередование выявляется при сопоставлении результатов изменения $t \rightarrow č$ перед зубными фрикативными и аффрикатами и $t \rightarrow č'$ перед переднеязычными фрикативными и аффрикатами.

КЯ: *п'эч' с'йна : п'эч' ш'эо'; уц' а'алу : уч'ч'эри'ич'и; КН: уц' стб : уч' ш'ипка, уц' ар'а : уч'ч'эри'эш'и.*

5.6. Чередование согласных, различающихся локальным рядом и способом образования.

Зубные взрывные глухие согласные заменяются переднеязычной аффрикатой перед переднеязычными фрикативными и аффрикатой, в том числе и на стыке слов. Этим реализуется чередование $t, t' \rightarrow č'$, свойственное обоим говорам. Напоминаем, что сочетание аффрикат имеет в своем начале удлиняющую смычку, что, собственно, и является показателем этого сочетания.

КЯ: *ут кóкэл'а : уч'ч'ард'ака, уч'ч'эри'ич'и т'и, уч'ш'эл; уч' - бта : уч'б'ч'ик; криш'ат : криш'а'ч'и; п'эт' ш'ил'ад'и : п'эч' шт'ук'и.*

п'эч' ч'аса, п'эч' ш'эо'; КН: ут кон : уч'ч'уста, уч'ч'эри'эш'и, уч' ш'ипка; утп'ара : уч'ш'ийа; стб : сб'ч'и; п'эт : п'эч' ш'эо'; нап'р' - эт : нап'р'эч'ч'эриу.

Двойные сочетания аффрикат имеют тенденцию сокращаться. В КН это происходит чаще, чем в КЯ (см. 2.4.2., 4.3.).

Рассматриваемое чередование асимметрично, так как звонкий коррелят t , т.е. d , перед переднеязычным сиринтом $č'$ не заменяется аффрикатой — *удж'эл'ам, уд ж'ил'алу*; сочетание отличается от аффрикаты $č'$ начальной стадией артикуляции: твердой в *дж'* и мягкой в $č'$.

Сочетания $č'ш'$, $чч'$, $ч'ч'$ образуются только в результате изменения зубного взрывного. Поэтому чередование может быть переформулировано в направлении от аффрикаты — переднеязычная аффриката позиций перед $č'$, $ш'$ заменяется зубными взрывными в других позициях (исключая позиции перед зубными фрикативными и аффрикатами).

5.7. Чередование согласных с нулем звука.

5.7.1. Недопустимость сочетаний *ст, ш'т, фт* в КСл обуславливает чередование $t, d, t', d' \rightarrow \emptyset$ в этой позиции. В обоих говорах зафиксировано: *дж'дбв'гн : д'ш', мбста : мос, нуш'т'эска : нос', св'гу'т'ич'а : св'еш', п'эш'т'и : п'еш', шлбст'и : шлбс (КИ), шлбст'и : шлбс' (КЯ), бр'бсту'и : бр'ас, ч'арту'и : ч'иф, рбшту'и : раф.*

5.7.2. Присущая КЯ и КН тенденция к сокращению сочетания двух одинаковых согласных до одного дает основание для констатации чередования согласного с нулем звука, т.е. $S : \emptyset$. Двойные сочетания образуются при чередованиях, унифицирующих рядом стоящие согласные по способу и месту образования, а также при сочетании морфем, имеющих одинаковый согласный в конце первой и в начале второй морфемы.

Сокращение сочетания одинаковых согласных в принципе может быть расценено как результат утраты любого из двух согласных. Но в зависимости от того, какое принимается решение, получаются разные чередования. Например, $чч' \rightarrow ч'$ в *уч'имш'ара*: 1) если считать, что утрачивается первый согласный, то следовательно $t \rightarrow ч' \rightarrow \emptyset$ перед $ч'$; 2) если считать, что утрачивается второй согласный, то следовательно $ч' \rightarrow \emptyset$ после $ч'$, т.е. в приведенной словоформе получают два чередования $t \rightarrow ч'$ перед $ч'$ и $ч' \rightarrow \emptyset$

после ч'. Как более экономное принимаем первое решение. В соответствии с этим, второй компонент чередования представлен как согласный, варьирующийся с Ø. Ср. примеры из КЯ:

т → ц||Ø перед ч — *ут н'асэк* : *у^чч'алу* *уц'алу*, *кур'ату* : *кур'ач'и*;
д → ц||Ø перед и — *д'ен* : *ш'енби'*, *н'еска*; с → ш'||Ø перед ш' —
сэс майка : *ш'ш'анка*, *сэш'анка*; з → ж'||Ø перед ж' — *сэз баба* :
ж'ж'ату, *сэж'енд'и*; т → ч'||Ø перед ч' — *брат* : *бр'ач'е*, *ут пр'ис* :
у^чч'имш'ир'а, *у^чч'имш'ир'а*.

При сокращении сочетания одинаковых согласных, образовавшегося на стыке морфем, чередование с Ø минует промежуточный этап уподобления. Ср. примеры из КН: т → Ø *ут н'ил'и* : *у^тт'жа* (р. Тунжа), *ут'жа*, *ут'аф*; д → Ø *уд боп* : *уд'ену*, *уд'ену*, *уд'ену*; с → Ø *бус н'асэк* : *бус'ену*, *расп'ер'и* : *рас'мва*, *рас'ат*; з → Ø *пр'из л'ату* : *пр'из'мата*.

Тенденция к сокращению сочетания двух согласных до одного согласного, а тем самым и тенденция к чередованию с Ø более сильно выражена в КН.

Утрата согласного, т.е. замена его нулем звука, имеет место в трехчленных сочетаниях (явления типа *пр'изд'ен* и *пр'изн'ик*, *нуш'т'ес* и *н'обш'н'ица*), но эти факты мы здесь не рассматриваем.

Чередование согласного с нулем звука может формулироваться только в одном направлении — от согласного, но не от нуля.

5.8. Анализ позиционных чередований согласных показывает, что в целом этот раздел консонантизма организован в КЯ и КН одинаково. Совпадают в своем большинстве как позиционные условия, требующие чередования, так и компоненты отдельных чередований. Разное значение имеют позиции -#Ø и -С': первая из этих позиций в КН требует замены мягкого шумного твердым глухим, а в КЯ замена мягкости твердостью не обязательна; вторая позиция в КЯ допускает замену твердого шумного мягким, чего нет в КН.

Для обоих говоров характерна асимметричность чередования глухих и звонких, т.е. некоторые чередования, актуальные для глухих согласных, не распространяются на соответствующие звонкие и наоборот.

Чередования делятся на две группы в зависимости от последовательности их реализации.

Безысключительно происходят чередования: по участию голоса перед -#Ø и -С'; по твердости-мягкости перед -V₁, -Son; по участию голоса и твердости-мягкости перед -С, а в КН и перед -#Ø; н → η перед задненебными взрывными; т, т' → Ø между фрикативным и #.

Остальные перечисленные чередования не носят безысключительный характер, а осуществляются как более или менее последовательная тенденция.

6. Фонологическая система консонантизма.

6.1. В КЯ и КН функциональное значение в консонантных оппозициях имеют следующие артикуляционные различия.

6.1.1. Согласные противопоставлены по локальному ряду (месту образования). Губной ряд репрезентуют согласные п, п', б, б', ф, ф', ф, ф', w, w', џ, м, м'; зубной — т, т', д, д', с, с', з, з', ц, ц', s, s', н, н', л, л', л'; переднебный — ш', ж', ч', ч', р, р'; среднебный — й; заднебный — к, к', г, г', х, х'.

В заднебном ряду артикулируется η. Но поскольку этот согласный находится в отношении дополнительного распределения с н, он функционально локализуется в зубном ряду как и н.

Заднепалатальность артикуляции к', г', х' функционально незначима, являясь производной от палатализованности этих согласных. Функционально к', г', х', как и их твердые оппоненты локализованы в заднебном ряду.

Спирант x артикулируется в фарингальном ряду, но функционально он объединен с заднебными согласными на том основании, что среди глухих фрикативных x является единственным согласным, находящимся в зоне более задней, чем среднебный ряд, составляя тем аналогию согласным к, г.

В один класс согласных губного ряда объединены губно-зубные и губно-губные спиранты: различие, связанное с примыканием нижней губы к верхним зубам или верхней губе в качестве основы оппозиции не используется.

Сонанты л/л и р различаются способом реализации язычной артикуляции — латеральной для л/л и дрожащей для р. Но эти артикуляции реализуют смычно-проходной способ образования, каждая в своем ряду — латеральная в зубном, дрожащая — в переднебном. Поэтому можно считать, что вид язычной артикуляции является производным от места язычного сближения.

Признак локального ряда является универсальным — каждый согласный обязательно является репрезентантом признака этого типа.

6.1.2. В КЯ и КИ согласные образуют оппозицию по способу образования.

Взрывное образование репрезентуют согласные *п, п', б, б', т, т', д, д', к, к', г, г'*, фрикативное — *ф, ф', в, в', ш, ш', ж, ж', х, х', ч, ч', с, с', з, з', ш', ш', ж', ж', х, х', ч, ч', с, с', з, з'*, аффрикативное — *ц, ц', с, с', з, з', ш', ш', ж', ж', х, х', ч, ч', с, с', з, з'*, смычно-проходное — *м, м', н, н', л, л', р, р'*.

Фрикативность согласного *й* функционально незначима и не используется в качестве единственного различия между образующими оппозицию согласными. Проходная артикуляция *ν, μ* обусловлена позиционно, поэтому они функционально объединены со смычно-проходными *м, н*. Признак способа образования отличается высокой степенью активности — его репрезентуют все согласные, кроме *й*.

6.1.3. В КЯ и КИ согласные образуют оппозицию по наличию—отсутствию носовой артикуляции в сочетании со смычно-проходным образованием в зубном ряду. Назальность репрезентуют *н, н', в, в', п, п'*, неназальность — *л, л', л'*. Приписывание признака неназальности фонеме, реализованной латеральным согласным, расходуется с принятым в фонологии суждением, согласно которому оппозиция по наличию/отсутствию назальности реализована при участии согласных *д, б*, т.е. *н — д, м — б*. В связи с этим надо сказать следующее.

Согласные *н* и *д* артикуляционно различаются не только участием носовой артикуляции, но и способом образования (способом разрешения смычки)—смычно-проходным и взрывным. Способ образования и назальная артикуляция взаимосвязаны, но только один из этих признаков в оппозиции с другими согласными может быть функционально значим. В принципе оба эти различия имеют шансы на то, что бы получить статус функционально значимого признака.

Придавая функциональное значение неназальности *д*, а также *т*, который противопоставлен *н* на том же основании, что и *д* (участие голоса для оппозиции *н — т* значения не имеет), мы тем самым из числа функционально значимых признаков должны исключить для *т, д* взрывное образование, а для *н* — смычно-проходное. Функционально значимым оказался бы признак, связанный не со способом разрешения смычки, а с путем прохождения звучащего дыхания. Но,

исключив способ разрешения смычки как функционально значимый признак для *д, т, н*, мы должны сохранить его для других согласных, так как их характеристика не может быть переформулирована с точки зрения пути прохождения звучащего дыхания (все они носовые). Таким образом лишь *т, д, н* оказались бы вне способа образования, что вносит в моделируемую систему момент непоследовательности.

Иной результат получим, приписывая признак неназальности латеральному сонанту. Согласные *н* и *л* — оба зубные, смычно-проходные, звонкие. Единственно, чем они различаются, — это наличием/отсутствием назальности. Латеральность *л, л'* является качеством, сопровождающим неназальность.

Назальность *м, м'* функционально не используется: любая оппозиция, состоящая из *м, м'* и любого другого согласного, основывается на ряде или способе образования. Назальность можно считать качеством, сопровождающим смычно-проходное образование в губном ряду /68, с. 11/.

6.1.4. В КЯ и КИ функционально значимо различие между согласными по участию голоса. Звонкость, как функционально значимый признак, репрезентуют согласные *б, б', в, в', ш, ш', д, д', з, з', с, с', ж', ж', г, г'*, глухость — *п, п', ф, ф', ф, ф', т, т', с, с', ч, ч', ш', ш', к, к'*.

Функционально незначима глухость согласных *х, х'* — они не имеют звонкого фрикативного оппонента в своем ряду. Спирант *γ*, появляющийся в результате озвончения *х*, оппозицию с ним не образует. Функциональная незначимость глухости *х*, возможно, является одной из причин подверженности его ассимиляции по голосу сонорным и гласным.

Звонкость согласных *м, м', н, н', л, л', р, р', й* не используется в качестве единственного различия в консонантных оппозициях.

6.1.5. В КЯ и КИ согласные противопоставлены по твердости-мягкости. Твердость репрезентуют согласные *п, б, ф, в, ш, м, т, д, с, з, ц, с, н, л, л', р, к, г*; мягкость — *п', б', ф', ф', в', ш', м', т', д', с', з', ц', с', н', л', р', к', г'*.

Мягкость переднеязычных шумных и высокий тон *й* функционально незначим. Не включаются в оппозицию по твердости-мягкости и

фарингальный спират — нет ни одного примера употребления x и x' в одинаковой позиции.

6.2.1. Артикуляционным различиям, лежащим в основе консонантных оппозиций, придаётся значение ЛП. Пересечение этих ЛП образуют следующие фонемы.

- /п/ — губная, взрывная, глухая, твердая; реализуется согласным p ;
- /б/ — то же, но звонкая; реализуется согласным b ;
- /п'/ — губная, взрывная, глухая, мягкая; реализована согласным p' ;
- /б'/ — то же, но звонкая; реализуется согласным b' ;
- /ф/ — губная, фрикативная, глухая, твердая; реализуется согласными f, ϕ ;
- /в/ — то же, но звонкая; реализуется согласными v, w ;
- /ф'/ — губная, фрикативная, глухая, мягкая; реализуется f', ϕ' ;
- /в'/ — то же, но звонкая; реализуется согласными v', w' ;
- /м/ — губная, смычно-проходная, твердая; реализуется согласным m ;
- /м'/ — то же, но мягкая; реализуется согласным m' ;
- /т/ — губная, взрывная, глухая, твердая; реализуется согласным t ;
- /д/ — то же, но звонкая; реализуется согласным d ;
- /т'/ — зубная, взрывная, глухая, мягкая; реализуется согласным t' ;
- /д'/ — то же, но звонкая; реализуется согласным d' ;
- /с/ — зубная, фрикативная, глухая, твердая; реализуется согласным s ;
- /з/ — то же, но звонкая; реализуется согласным z ;
- /с'/ — зубная, фрикативная, глухая, мягкая; реализуется согласным s' ;
- /з'/ — то же, но звонкая; реализуется согласным z' ;
- /ц/ — зубная, аффрикативная, глухая, твердая; реализуется согласным ts ;
- /я/ — то же, но звонкая; реализуется согласным ts ;
- /ц'/ — зубная, аффрикативная, глухая, мягкая; реализуется согласным ts' ;
- /я'/ — то же, но звонкая; реализуется согласным ts' ;
- /п/-зубная, смычно-проходная, носовая твердая; реализуется согласными n, v, η ;
- /я'/ — то же, но мягкая; реализуется согласными n', η' ;
- /л/-зубная, смычно-проходная, неносовая, твердая; реализуется согласным l в КЯ, l — в КИ;
- /л'/ — то же, но мягкая; реализуется согласным l' ;

/ш/ — переднеязычная, фрикативная, глухая; реализуется согласным $ʃ$;

/ж/ — то же, но звонкая; реализуется согласным $ʒ$;

/ч/ — переднеязычная, аффрикативная, глухая; реализуется согласным $tʃ$;

/џ/ — то же, но звонкая; реализуется согласным $ʒ$;

/р/ — переднеязычная, смычно-проходная, твердая; реализуется согласным r ;

/р'/ — то же, но мягкая; реализуется согласным r' ;

/й/ — среднеязычная; реализуется согласным j ;

/к/ — заднеязычная, взрывная, глухая, твердая; реализуется согласным k ;

/г/ — то же, но звонкая; реализуется согласным g ;

/к'/ — заднеязычная, взрывная, глухая, мягкая; реализуется согласным k' ;

/г'/ — то же, но звонкая; реализуется согласным g' ;

/х/ — заднеязычная, фрикативная, глухая; реализуется согласными x, χ, x' .

6.2.2. Максимальный позиционный набор в составе 37 согласных фонем в КЯ и КИ допустим перед гласными переднего ряда a, b, y, y, o, e .

Особых замечаний требует позиция перед e . Как было показано в разделе 3 о кализме, в безударных слогах после твердых согласных свободно варьируются a и e , после мягких — a и e . С функциональной точки зрения гласные a, e, e тождественны, реализуя архифонему, в которых нейтрализовано противопоставление по подъёму. Различие между e и e , таким образом, обусловлено высотой тона предшествующего согласного. В этой ситуации правомерно констатировать противопоставление твердых и мягких согласных, не только перед a , но и перед e/e , т.е. $ta - t'a, ta - t'e, t'e - t'e, t'e - t'e$ — все это варианты фонетической реализации одного явления.

Противопоставление твердых и мягких согласных возможно и перед e/e , но реализуется это редко, так как e/e под ударением после мягких согласных выступают в ограниченном круге морфем.

В рамках максимального набора фонетически допустимые сочетания согласных фонем с гласными не всегда лексически реализованы. В первую очередь это связано с низкой частотой сочета-

ний мягких согласных с *б, р, в*. Ниже, где мы даем список оппозиций согласных фонем в ситуации максимального различения, в список включаются и незафиксированно лексически, но допустимые сочетания.

К11:

перед *а* /п/áска – /п'/áна – хам/б/áр' – /б'/áх – и/в/áрка – уд/в'/áва – /ф/áрта – ка/ф'/á – /м/áльк – /м'/áсту – с/т/áн – рас/т'/áлу – /л/áнък – /л'/áкун – ра/с/áт – за/с'/áват – ку-/з/áтá – ха/з'/áйен – ис/ц/áпан – с рѣ/ц'/á – на/в/áт – бла/с'/á му – /н/áр – /н'/áвга – /л/áкат' – м/л'/áку – ч'áр/ш/áф – /ж/áр – гал'/ч/áха – ку/ч/á – w/р/áна – г/р'/áх – ба/й/áт – /к/áл – /к'/áр – йур/г/áн – /г'/á допустимо – са/х/áт.

перед *й* /п/ýсна – /п'/уф – /б'/ýба – из/б'/ýф – гага/в/ýз'ан – на/в'/ýр – ла/ф/ýса – /ф'/ý допустимо – ч'á/м'/ýр – к'у/м'/ýр – /т/ýка – т'у/т'/ýн – ч'уку/д/ýр – /д'/ýл'а – /с/ýт-р'на – нару/с'/ýф – и/з/ýч'и – бу/з'/ýк – кал/ц/ýн' – /ц'/ý допустимо – wѣр/в/ýл – /в'/ý допустимо – у/н/ýка – /н'/ýхат – /л/ýла – /л'/ýпка – кур/ш/ýм – ку/ж/ýфч'и – /ч/ýду – су/ч/ýк – /й/ýл'и – /к/ýрар – /к'/ýп' – бал/г/ýр – /г'/ýзум – /х/ýбар/ýбар.

перед *б* /п/бм'от – /п'/бѣр – л'и/б/бмн'ик – о/б'/бм (рус.) – г/в/бзд'ей – /в'/б допустимо – кал/ф/бзн'ик – ш'и/ф'/б-бр – /м/бд'ан – С'и/м'/бн – п'эт' с/т/бт'ан – С/т'/бпа – бул/д/бз'ар – /д'/о допустимо – /с/бл' – /с'/б рамно – у/з/бр'и – /з'/б допустимо – /ц/бпам – /ц'/б допустимо – wѣр/в/бп – /в'/б допустимо – /н/бва – м'и/в'/бр – /л/бй – /л'/бч'ик – ку/ш/бw'и – /ж/бл'ач'ни'й – /ч/бл'ас – г'ли/б/бсан – /р/бй – с'и/р'/бз'ан – /й/блка – /к/бр'ан – /к'/браф – /г/бтw'ану – ма/г'/бсн'ица – кал/х/бс.

перед безударными *а/з/с* /п/арал'а, /п/ѣтп'д'к – о/п'/арáп'ийа, к'у/п'/эну – /б/арáб'ан, /б/ѣл'х'и – /б'/эла, у/б'/асн'и – ка/в/ѣрма, /в/арáа. – /в'/а'р'уш'ка, т'ик/в'/ен'ик – /ф/ам'ил'ийа – картб/ф'/ен'и, ма/ра/ф'/етл'ийка – /м/агаз'ин, /м/ѣгла – /м'/оравб'и, у/м'/ан – /т/акáла, /т/ѣркáл'ам – т'и/т'/-гр'ич'к'и – /д/ѣрwá, /д/арwá, /д/ѣрч'и – /д'/ала, клá/д'/евц – /с/аламура, /с/ѣч'м'и – у/с'/амнáйс'и, кó/с'/грч'и – /з/апáзwа – ур'и/з'/а, wѣ/з'/ел – /ц/алúна – /ц/а, с допустимо – /с/а, ѣ до-

пустимо – /с'/а, с допустимо – ма/н/цст'йр, с/н/ѣхá – г/н'/с'идб, ду/н'/асла – /л/ампáч', /л/ѣw'ица – Х'и/л'/еп, н'идавóл'/ан – п'грр'и/ш/ан – /ж/елтáwу – гѣр/ч/ан, к'у/ч/ста – т'ев'/ч/гра – г/р/ѣмнáк, /р/атáй – /р'/елавб'и, буйб/р'/ан – укрá/й/евц'и, /й/гр-ганáш', /й/ал'ем – /к/арúца, пру/к/ѣлнá – кá/к'/ан, бархúт/к'/-ен'и – /л'/ѣрбѣ, /г/адúлка – йер/г'/анáш', з'б/г'/ен – /х/арт'ийа.

перед безударным *у* /п/ум'ана – /п'/у допустимо – /б/ур'ан – /б'/ул'ук' – /ф/урáш' – /ф'/у допустимо – б'й/ц/ул'ч'и – /б'/у допустимо – /м/ур'б – /м'/урд'а – трѣв/т/ул – д'ер/т'/уw'и – вѣз/д/ух – пáй/д'/уwа, – спá/с/уw д'ен – /с'/утл'аш' – йз'/з/ур – з'у/з'/ум – /н/уйáбр'и – припóм/н'/уwа, – /л/уиáтá – ш'á/л'/уw'и – /ц/укáч' – /ц'/у допустимо – wѣр/с/уwч'и – /с'/у допустимо – /ш/уш'ул'ка – св'б/ж/у – /ч/ухúн'ан – /ч/убów'и – г/р/узá, П'эт'/р/уфа – ц'á/р'/у w'и'ца – /к/узá – фр'ен'/к'/уw'и – /г/угúш'ка – г'ер/г'/уф, /г'/уw'бч' – т'и/х/у.

В К11 чаще, чем в К12 употребляются сочетания мягких фонем с *б*, что связано с используемой в К11 русской лексикой.

К12:

перед *а* /ц/áзwа – п'с/п'/áту – са/б/á'лаw – бур/б'/áрка – та/в/áн – Н'и/в'/áна – ин/ф/áрк – ка/ф'/áва – /м/áн'ж'а – з'и-/м'/á – с/т/áн – пус/т'áф – /л/áж'ба – /л'/áwуl – /с/áч' – /с'/áку – /з/áкк-пру/з'/áва – у/ц/áна – /ц'/ар – /н/á допустимо – бла/с'/á му-рус/н/áк – ку/н'/áк – /л/áмба – /л'/áту – ку/ш/áра – /ж/áба – /ч/ав – /ч/áркá – лэ/р/áк – ст/р'/áха – /й/áwа – /к/áмѣк – /к'/áр – /г/áбар – /г'/á допустимо – кож'у/х/áр.

перед *й* на/п/ýр – /п'/ý допустимо – /б/ýта – /б'/ýуl – цѣр/в/ýl – /н'/ý допустимо – /ф/ýрна – /ф'/ý допустимо – па-/м/ýк – /м'/ýк – /т/ýрл'и – /т'/ýл'ч'и, у/т'/ýwам – /л/ýма – /д'/ýл'а – /з/ýрlа – б'у/з'/ýк' – /с/ýху – /с'/ý допустимо – тап/ц/ýwат – /ц'/ý допустимо – /в'/ý допустимо – /н'/ý допустимо – на/н/ýжда – м'и/н'/ý – /л/ýк – к'л'/ýка – /ш/ýба – /ж/ýл'ч' – /ч/ýзда – /ч/ýна – ст/р/ýк – к'у/р'/ýтн'а – /й/ýк'и – /к/ýт'а – /к'/ýп – /г/ýгlа – /г'/ýм – стра/х/ýвай.

перед *б* /п/бл'а – /п'/б допустимо – /б/ор – /б'/б допустимо – ж'и/в/бт – /в'/о допустимо – т'ел'р/ф/бv – ш'и/ф'/бр – /м/бкар – /м'/б допустимо – п'ѣ/т/бк – фу/т'/бl – /д/ор – /д'/б

допустимо — /с/б/ — с'рв/с'/бр — wр/з/бп — /з'/о допустимо —
 кан/ц/бр — /п'/б допустимо — /н/бс — м'и/н'/бр — /л/бш — м'ида-
 /л'/бн — /ш/бша — пр'ж/бл'и — /ч/бпкв — /ц/бп — п/р/бс — /р'/б
 допустимо — /й/брт'ан — /к/бч' — /к'/бшк — /г/бзд'ий — /г'/бн —
 /х/бч'а.

перед безударными а/э/е /п/ашмак, сьр/п/а — /п'/арг'-
 иш'ав, ч'у/п'/а — /б/р'х'а, б'у/б/а — /б'/ара, г'у/б'/а — /в/а'ч'ица,
 з'б/в/а — з'в'/ару'е, /в'/однага, пра'в'/а — /ф/айд'а — к'ул'-
 /ф'/ен'е — /м/а'ц'ина, /м'/ж'е, хр'е/м/а — г'р/м'/а, с'е/м'/енц'а
 ку/т/ар'ак, к'ш'/т/а — /т'/а'б, с/т'/ан'а, к'у/т'/е'л'б'а/т'/а — /д/а-
 ра'к, /д/р'ч'и, w'е'ж/д/а — ра'з/д'/ар'а, /д'/ер'ектур, х'б/д'/а —
 /с/а'нд'б'ч'и, /с/р'на /с'/р'ла'та, уд'на/с'/а'х'а — /з/а'б'а, /з/р'на,
 г'и'л/з/а — /з'/е'л'ену, ч'ий/з'/а — /п/ар'б, ра'л'и/ц/а — /ц'/еру-
 w'б — /с/а допустимо — /с'/а, е допустимо — с/н/а'х'а — /н'/еб'-
 ету, г/н'/а'зд'б, п/л/а'х'ок, гн'и'л/а — бу/л'/а'д'у'ва, л'е/л'/а, /л'/-
 е'л'б — /ш/ар'оку, /ш/ер'лан, ч'а'ш/а — /ж/а'л'ок, /ж/ер'та, кб/ж/а —
 /ч/ад'бр, /ч/ерв'аса, бф/ч/а — х'б/ч/а — w/р/т'б, в'а'т'р/а — т'у-
 /р'/а гу, /р'/а'ката, б/р'/е'г'б — /й/а'з'бк, /й/ар'ма, ш'и'й/а — /к/-
 ак'бф, /к/р'к'вб, п'е'ч'/к/а — /к'/ер'е'ч', ш/к'/е'мб'ен'ц'и, йурд'е-
 /к'/а — /г/ард'ата, /г/р'м'а'к, ч'ер/г/а — /г'/ард'ан, /г'/ерма'в-
 ик'и — /х/айман'а, к'и'х/а.

перед безударным у /п/утърс'а — ла'п'/уф — аз/б/ука,
 /б/ул'и ма — /б'/ул'у'к', г'ра'б'/уф — ка'ц/ф/ур — /ф'/у допустимо —
 д'а'в/ул — в'и/д'/уф — /м/ух'а — /м'/урд'а — тра'к/т/ур — з'е'т'/-
 уф'и — /д/уб'и'т'к'а — /д'/ул'г'ер'ан — /с/у'у'к — /с'/урма'ш-
 ка — йа'з/у'w'йр, лб/з/уф — бр'ов/з'/у'w'и, кб/з'/у — /ц/у, /п'/у до-
 пустимы — /с/урла допустимо — /с'/умб'ил' — /л/ука'т'ка — к/л'/-
 ука'рка, ц'а'л/у'ту — бх/л'/уф — т'е'ч'/ц/у'с — п'е'н'/у — /ш/ура —
 /ж/у допустимо — /ч/ур'уп'ка — /ц/узб'е — /р/ушw'ет — м'у/р'/уд'-
 ий'а — /й/урган — /к/у'ч'е'га — /к'/у'ф'ен'е — /г/ул'ам — /г'/ур'-
 е'ш'а — ба'х/ур.

Гласный о является ступенью на пути сужения безударного о
 в у. Употребление о можно определить как о¹/у — любая словофор-
 ма, произнесенная с о, может быть произнесена и с у. Поэтому при-
 меры с этимологическим о, демонстрирующие противопоставление
 согласных перед безударным у, могут быть переформулированы в
 иллюстрацию консонантных оппозиций перед о.

Безударный о сохраняется без изменения во флексии зв. фор-
 мы — перед этим гласным, в принципе могут быть противопоставле-
 ны все согласные. Ср. ба'б/о — ма'м/о — д'а'л/о — п'е'т'/о —
 за'н'/о — кб'л'/о и т.д. в КЯ и КЛ.

Как видно из приведенных списков оппозиций, незафиксирован-
 ные сочетания связаны преимущественно с фонемами, имеющими в
 своей характеристике ДП мягкости. Низкая частота мягких соглас-
 ных перед непременными гласными в некоторых случаях может за-
 труднить решение — идет ли речь о незафиксированном допустимом
 сочетании или о лакунарной дистрибуции. Именно такая ситуация
 представлена в позиции перед э/е. Как было показано, эти глас-
 ные находятся в отношении дополнительного распределения — э по-
 сле твердых согласных, е — после парных мягких, и и переднеб-
 ных шумных. Перед э/е представлены все согласные фонемы, кро-
 ме /к'/ и /г'/. Системно аргументировать их допустимость перед
 э/е довольно сложно (аналогия с сочетаниями с безударным е может
 показаться необидительной). Поэтому допускаем лакунарную дистри-
 буцию /к'/, /г'/ в рассматриваемой позиции. Приводим примеры из
 КЯ:

/п/ьр'аф — ас тар'н'/е — ду'б/ьр — глу'б'/е — /п/ьлк — ду'в'/е —
 /ф/ьргам — /ф'/е допустимо — ку'м/ь, с/м/ьрт — за'м'/е — с/т/-
 ьлп, пла'т/ь — wар'т'/е — /д/ьрт — /д'/е допустимо — па'с/ьт —
 ку'с'/ет — йа'з/ьк — гр'и'з'/е — /ц/ьркат — /п'/е допустимо —
 сьл'с/ьт — сал'с'/е — с'и'н/ь — гла'w'н'/е — т'е'л/ь — зад'-
 и'л'/ет — /ш/е допустимо — мь'ж/е, ла'ж/е — замал'/ч/е — /ц/е
 допустимо — п'и'й/е — ба'к/ьр — /г/ьлап — ка'х/ьр.

В перечисленных позициях, исключая последнюю, реализуются
 максимальные для данных систем возможности противопоставления
 согласных фонем. Здесь релевантны все используемые в диалектах
 консонантные ДП. Но в значительно большем количестве представ-
 лены позиции, в которых те или иные ДП утрачивают свое значение.
 Это достигается нейтрализацией оппозиций соответствующих фонем,
 когда две или более фонем заменяются архифонемой. Нейтрализа-
 ция консонантных фонемных оппозиций связана преимущественно с
 позициями перед согласным и -# Ѳ и в меньшей степени — с пози-
 цией перед гласными.

6.3. Консонантные архифонемы.

6.3.1. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по твердости-мягкости.

Эти архифонемы характеризуются теми же признаками, что и нейтрализуемые фонемы, минус III твердости-мягкости.

/п'/, /б'/, /ф'/, /в'/, /м'/, /т'/, /д'/, /с'/, /з'/, /ц'/, /с'/, /н'/, /л'/, /р'/, /к'/, /г' / нейтрализуют оппозицию твердости-мягкости перед гласными переднего ряда *é, í, e, e, и* и реализуются мягкими согласными. Ср. примеры нейтрализации из КЭ (стрелкой обозначен переход фонем из позиции различения в позицию нейтрализации, где оппозиция фонем заменяется архифонемой):

скб/п/а → кú/п'/эну → только *п'и*, поэтому скб/п'/и, кú/п'/иш';
/б'áба - /б'áх → только *б'э*, поэтому /б'эши; ж'á/б/а - гý-
/б'á → ж'á/б'/и, гý/б'/иш'; д/в/á - /в'áтър → только
в'э, поэтому д/в'/е; ку/м/á - гър/м'/á → гър/м'/и, ку/м'/и;
/т'бплу - С/т'/бпа → с/т'/епан; /м'áс - /м'áсту → /м'-
/истата; фáй/л/á - кá/л'/á → кá/д'/иш'; /ц'áр - /ц'áр →
/ц'эрт; к'итáйц/к/у - /к'/уш'э → к'итáйц/к'/и и т.д.

Не каждая архифонема может быть проиллюстрирована чередованием во всех позициях нейтрализации, так как этому не способствует специфика форм - и словообразования. Но независимо от наличия/отсутствия чередования парные мягкие согласные перед названными передними гласными реализуют архифонему.

Нейтрализация противопоставления по твердости-мягкости происходит и на стыке слов перед передним гласным, начинающим слова. Выше приведены примеры смягчения согласных перед инициальными *и, е* (см. 3.2.). С включением архифонемы эти записи будут выглядеть так:

КЭI - б'á/л/ → б'á/л'/ и ч'эр'ан, п'áсф/к/а → п'áсф/к'/ и ц'эм'инт; КII - бý/к/а → бý/к' / йма, ббá/к/а → ббá/к'/ и д'и.

Оппозиция по твердости-мягкости нейтрализуется перед сонорными согласными для шумных и сонорных согласных. А для твердых-мягких сонорных согласных нейтрализация происходит и перед шумными согласными.

Архифонемы реализуются твердыми шумными согласными. В реализации сонорных архифонем возможно варьирование твердых и

мягких согласных, особенно это относится к латеральному и зубному носовому согласным.

Примеры нейтрализации оппозиций твердых-мягких фонем даем из КН:

тб/п/а, кá/п/э - фч'ý/п'/ан, зал'э/п'/ам хá/п'/а → только *пш, пл', пн'*, поэтому зал'э/п'/вам, ч'у/п'/л'йва, хá/п'/н'иш';
у/б'áгн'аса - у/б'áва → только *бм, бв*, поэтому у/б'-/м'ана,
у/б'-/в'йфа; гá/б'эр, ó/б'эл - др'э/б'ен → только *бн, бл*, по-
этому др'э/б'-/на, ó/б'-/ла; ду/б'эр - гú/б'э → только *бр*, по-
этому ду/б'-/ра; пл'á/в/а - кр'б/в'ен → только *шн, шн'*, посто-
му кр'б/в'-/ну, пл'э/в'-/н'ик; р'е/в'á, гá/в'á - сту/в'á → толь-
ко *вл', вн'*, поэтому р'е/в'-/л'йва, в'эглá/в'-/н'ица; сá/м/á - з'и-
/м'á → только *мл'*, поэтому з'и/м'-/л'ак; с/м'эрт - за/м'э →
только *мр'*, поэтому из/м'-/р'аха; тр'й/м/а та - рá/м'/ан, пб/м'/-
ан → только *мн, мн'*, поэтому пб/м'-/н'а, рá/м'/ну;

м'э/т/á, ч'э/т/á - кбш/т'/а → только *тл, тл'*, поэтому
м'э/т'-/lá, ч'э/т'-/мб; х'й/т'эр - кú/т'/ел → только *тл', тр*,
поэтому кú/т'-/ли, х'й/т'/ра; йб/л'эр, ý/л/а - с'э/л'/эм, б'э/л'-
/ен → только *дн, др', дм*, поэтому б'д'-/р'ич'к'и, с'э/д'-/м'и;
к'рá/д'á, бу/д'á, сл'э/д'á - к'д'/á → только *дл', дв*, посто-
му к'рá/д'-/л'у, бу/д'-/л'йва, сл'э/д'-/вам;

ч'э/с/ан - мрб/с'/ан, йá/с'/ен → только *сн, сн'*, поэтому
мрá/с'-/н'ик, мрб/с'-/на, йá/с'-/ну; п'и/с'/áкá - /с'/áкá →
только *см*, поэтому п'и/с'-/мб; пр'игр'й/з/а - вб/з'/а, прá/з'/ан,
л'уксб/з'/ан → только *зш, зн, зн'*, поэтому пр'игр'йз'/ва,
прá/з'-/н'ик, л'уксб/з'-/на; /з'эл - гр'и/з'/э → только *зл*, по-
этому /з'/lá, гр'й/з'/ла;

с'й/л/а - п'эп'э/л'/ан → только *лн, лн'*, поэтому п'эп'э/л'-/н'и,
с'й/л'-/н'и; ч'уwá/л/а - н'ил'б/л'/а → только *л'л'*, поэтому
ч'уwá/л'-/л'и; с'э/н'б - гáw/н'/э → только *нл'*, поэтому с'э/-
н'/л'йф; кú/ц/ам - /ц'/а допустимо → только *цл'*, поэтому
кú/п'/л'у;

вб/р/эл - ч'э/р'/ан, зáха/р'/ен → *рн, рл*, поэтому вб/р'/ла,,
ч'э/р'-/на, зáхэ/р'/на;

т'й/г'эр, крб/г'эл - ó/г'/ен → только *гп', гн', гл*, посто-
му т'и/г'-/р'йца, ó/г'-/н'ан, крб/г'-/ла.

Примеры нейтрализации оппозиции твердых-мягких сонорных перед шумными согласными (примеры из КН):

му/м/á — за/м'/á → только *мч*, поэтому му/м-'/ч'б, за/м-'/ч'б; слá/м/á — н'б/м'/ац → слá/м-'/кá, н'б/м-'/к'йн'á; п'ис/м/б — с'и/м'/бн → п'исá/м-'/ц'б;

цб/н/á — румб/н'/ап → только *пк*, поэтому румб/н-'/кá; ж'б/н/á — св'и/н'á → ж'б/н-'/цку, св'и/н-'/цку; гб/л/эп, б'á/л/á — ж'á/л'/ен → только *лб, лт*, поэтому б'á/л-'/т'бк, ж'á/л-'/бá; с'á/л/б, кр'и/л/б — б'ил'/б → с'б/л-'/цк'и, кр'и/л-'/цá, кр'и/л-'/ч'бта; б'йwu/л/á, кумсумб/л/á — н'ид'бл'á → б'йwu/л-'/ч'и, кумсумб/л-'/ц'и; п'á/р/б — р'/ допустимо → п'и/р-'/цá; фтб/р/á — другá/р'/á, лузá/р'/ат → другá/р-'/цк'и, лузá/р-'/цк'и.

Примеры реализации архифонемы мягким согласным в позиции перед согласным см. в разделе о сочетании согласных.

Рассматривая нейтрализацию по твердости-мягкости, специально следует сказать о позиции на конце слова. Как было показано, мягкие согласные в этой позиции допустимы в обоих говорах, хотя и в разном объеме (см. 3.1.). В КН на КСл представлены мягкие согласные всех локальных рядов. Это создает возможность противопоставления твердых и мягких сонантов в этой позиции (шумных согласных мы здесь не касаемся, так как для них позиция конца слова связана со снятием различия по участию голоса, а нас в данный момент интересует только различие по ДП мягкости-твердости). В КН в оппозицию по твердости-мягкости могут быть включены и те слова, которые варьируют твердые-мягкие сонанты на конце слова. Ср. с'и/н/ — сапу/н'/, т'ут'у/н'/, ко/н'/ и ко/н'; хрбм-á/л/ — г'у/л'/, со/л'/ и со/л'; бч'á/р/ — ш'упá/р'/. В КН возможности такого противопоставления минимальны — ср. д'бв'б/р/ — пал'у/р'/, п'б/н/ — бустá/н'/, крз'б/л/ — тб/л'/.

Можно ли отсутствие мягких согласных в КСл в КН интерпретировать как проявление нейтрализации противопоставления по твердости-мягкости? По-видимому, нет. И прежде всего потому, что нет уверенности, что в КН конец слова действительно закрыт для мягких согласных, хотя бы в рамках варьирования с твердыми согласными. Эта ситуация наиболее подходит для констатации лакунарной дистрибуции мягких согласных в КСл в КН.

6.3.2. Архифонемы, в которых нейтрализуется оппозиция по участию голоса.

Характеристика этих архифонем складывается из тех же ДП, что и нейтрализуемых фонем, минус ДП глухость и звонкость. Архифонемы нейтрализуют оппозицию только шумных фонем.

В основе нейтрализации лежит ассимилятивное оглушение и озвончение согласных перед шумными согласными и на конце слова, а также на стыке слов. Однако архифонема, поитрализующая различие по ДП голоса, выступает только в тех позициях, где не снимаются никакие другие различия в ДП.

Фонемы, противопоставленные по твердости-мягкости, нейтрализуются только по участию голоса — 1) перед #Ø, //t, где реализуются глухими согласными, 2) перед #d, где реализуются звонкими согласными. Фонемы, не противопоставленные по твердости-мягкости /ш/, /ж/, /ч/, /ц/ снимают различие по участию голоса не только в КСл, но и перед шумными губными, взрывными зубными, задненебными согласными.

Примеры из КН:

л'á/б/á — бб/п/á → л'á/пб/, нб/пб/, нб/пб/ б'áх, л'á/пб/ на мастá; курá/в/á — к'у/ф/ар → курá/вф/ т'бл'; картб/ф'/ан — крб/в'/ан → крб/в'ф'/, картб/в'ф'/; гбру/л/á — д'бс'б/т/п, брá/т/á → гбру/тл/ кáу'á, д'бс'б/тл/ д'бнá, брá/тл/ дбч'кá; з'б/т/уw'и — збй/л'/уwá → з'б/тл'/; пб/т'/ан — чá/л'/ан → пб/тл'/, павá/тл'/; ч'ий/з/á — нб/с/á — ч'ий/сз/, нб/сз/; ур'й/з'/á — зам'б/с'/á → ур'й/сз'/; брбв/с/á — кару/п/á → брбв/цз'/; кл'у/ч/á — ф'бр/ц/á → кл'у/чз'/ за балбнá; пб/ш/л'иф — л'ж/л'иф → вб/шж/кá, л'ж/шж/к'йн'á; /ч'бта — /ц/бб'си → /чц/ т'б; из'й/к'/á — /г'/á допустимо → из'й/к'г'/; др'у/г/á — доб'йтá/к/á → др'у/кг'/, доб'йт'г'/кг'/.

Картина нейтрализации по участию голоса в КН в принципе отличается от КН — в КН лишь представлены в меньшем количестве мягкие архифонемы, нейтрализующие противопоставление по голосу (так, нет /вф/, /сз'/). Кроме того, шумные архифонемы в конце слова артикулируются с особенно «энергичной рекурсией».

Не каждая архифонема может быть показана как результат чередования согласных в разных позициях. Основное диагностическое значение имеет позиция, относительно которой известно, что она не допускает противопоставление по участию голоса.

Как было сказано в 3.2., на стыке слов глухие согласные перед звонкими шумными могут производить впечатление не вполне звонких — они сохраняют в своем начале элемент глухой артикуляции (при другом объяснении — озвончаются, но сохраняют напряженность, характерную для глухих согласных) — ср. *ч'иц бут'ицк'и, н'еж' бра-та, уд брат'ес' илуп'ийа, сам'ич'ах' бах* (КН), *з'имбж'и'и, ж'иш'к'-еж'и' е'ету* и др. (КН). По-видимому, такая артикуляция реализует различие глухих и звонких фонем на стыке слов перед звонким согласным. Различие существует как тенденция, но располагает своими специфическими ресурсами.

6.3.3. Архифонема, в которой нейтрализуется оппозиция по твердости-мягкости и участию голоса.

Характеристика таких архифонем складывается из тех же ДП, что и нейтрализуемых фонем, минус ДП твердости-мягкости и глухости-звонкости. Нейтрализация происходит перед шумными согласными. По для конкретных оппозиций — перед разными согласными. Архифонемы реализуются твердыми согласными, однородными в отношении голоса со следующим согласным.

Эти архифонемы, нейтрализуя оппозицию четырех фонем, не всегда могут быть переведены в пределах морфемы из позиции нейтрализации в позицию различия всех четырех фонем. Архифонемы этого типа редко сопровождаются чередованием, чаще выступают в гиперфонемной ситуации.

$/п'б /, /в'ф /$ — нейтрализуют соответствующие оппозиции перед согласным любого ряда.

КН: $ка/п/а - ба/б/а - ба/б'/ан, фб/б'/ан - ка/п'/а \rightarrow$ только *пк, пч'*, поэтому $ка/п'б/ч'ица, фб/п'б/ч'и, ба/п'б/ка, ка/п'б/ка; канá/в/а - кб/ф/а - забрá/в'/а, мрá/в'/эшк'и - рэзгрá/ф'/а \rightarrow$ только *фк*, поэтому $канá/в'ф/ка, н'эзбрá/в'ф/ка, мрá/в'ф/ка.$

КН: $у/б/áгн'асá - у/б'/áват - /п'/áськ \rightarrow$ только *бз, бз, бж*, поэтому $у/п'б/зáв'эд'áну, у/п'б/жáлáм; н'эгу/в/а - крб'/в'/эп - /ф/áйдá - шл'и/ф'/эп \rightarrow$ только *фп, фц*, поэтому $н'эгу/в'ф/та, крб'/в'ф/та, брату/в'ф/ца.$

Только синтагматической ситуацией (без чередования) аргументируются архифонемы в примерах:

КН: $л'й/п'б/са, свá/п'б/да, л'э/в'ф/т, йб/в'ф/т'ан, ка/в'ф/га;$

КН: $а/п'б/т'эка, с'е/п'б/т'эцвр'и, л'й/п'б/с'ис, улб/п'б/п'ийа, /п'б/ч'иá, нá/в'ф/та, к'у/в'ф/т'э, ку/в'ф/ч'эгъ.$
 $/т'д' / -$ нейтрализует оппозицию $/т/-/т'/-/л/-/д' /$ или $/т' / - /д' /$ перед губными согласными, зубными изрывными, заднеязычными, а также перед *з, ж*.

КН: $у/д' /мáйá - п'и/т' /м'эс \rightarrow у/т'д' /п'áськ, у/т'д' /пáпур', у/т'д' /тáм, у/т'д' /з'ймáтá, у/т'д' /ж'енá тá, у/т'д' /г'бá.$
 $/с'з' / -$ нейтрализует оппозицию $/с/-/с'/-/з/-/з' /$ или $/с' / - /з' /$ перед губными, зубными (кроме *ц*) и заднеязычными согласными.

КН: $б'и/з' /вудá - /с' /вбрш'ат \rightarrow б'и/с'з' /плáтну, б'и/с'з' /сблну, /с'з' /туч'ылка, б'и/с'з' /л'эпá, /с'з' /грбзлуду'и; в КН эта архифонема иногда может реализоваться и согласным *с'* (фонетически — *хр'ис'т'у, д'ис'т'иá* и др.).$

КН: $и/з' /м'ийáд гу - са/с'з' /м'эх \rightarrow и /с'з' /п'брж'áд гу, са/с'з' /т'эстó, са/с'з' /брáшнó, и/с'з' /гн'ий.$

$/ц'с' / -$ по аналогии с зубными фрикативными можно допустить эту архифонему, как нейтрализующую оппозицию $/п/-/п'/-/с/-/с' /$. Эту архифонему можно констатировать в $србп/ц'с'/ку, ж'эв/п'с'/ка$ в КН; $йерк'у/ц'с'/к, л'у/п'с'/к'и$ в КН.

6.3.4. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по локальному ряду, при тождестве способа образования.

Перед переднеязычными фрикативными *ш, ж* нейтрализуется оппозиция зубной-переднеязычный ряд в сочетании с фрикативным образованием, т.е. $/с/-/ш/, /з/-/ж/$ или $/сз', с' /, /з' /, /с'z' / - /шж' /$. В основе нейтрализации лежит уподобление по ряду в рамках сочетания, состоящего из зубного и переднеязычного фрикативного согласного.

Архифонема $/сж' /$ определяется как фрикативный ряд промежуточный между губным и среднеязычным (или зубно-переднеязычным); признаки твердость-мягкость, глухость-звонкость в характеристику архифонемы не включаются. Архифонема в принципе реализуется согласными *ш', ж'*. Но поскольку говорам свойственна тенденция сокращать двойные сочетания фрикативных до одного согласного, то часто оказывается, что архифонема $/сж' /$ реализована нулем — здесь не просто утрачен один фрикативный, а лишь тот, который предварительно уподобился последующему *ш', ж'*, т.е. утрате

согласного предшествует ассимиляция, а значит и нейтрализация. Поль звука в этом случае можно расценивать как сигнал архифонемы, хотя такое решение можно принимать только при условии, что морфемные швы в речевой цепи совершенно определенно демонстрируют чередование согласного с нулем звука.

КЯ: и/з-/р'йнах — /ж/р' допустимо — са/с-/ ла́мба — ду/ш/ла́
→ только *ши'*, *жж'*, поэтому и/с ж/ж'ув'áван'и, /сж/ш'áпка, сь/сж/ж'áна с'и (фонетически *сэж'áна с'и*), /сж/ж'áту, сь/сж/ш'áпка (фонетически *сэш'áпка*);

КН: и/з-/ла́д'ат — л'ж/л'áйр → и/сж/ж'áу'áну; сь/с-/ла́й — ду/ш/ла́ → сь/сж/ш'áпка (фонетически *сэш'áпка*), а также *в'исб-ку* и *áй/сж/ш'у* (фонетически *ф'áш'у*).

У фрикативных согласных нейтрализация по месту образования может охватывать и более широкую зону, объединяя все актуальные для шумных согласных ряды, кроме губного ряда. В позиции перед ч' нейтрализуется оппозиция фрикативных фонем зубного — переднеязычного — заднеязычного рядов. Архифонема /сх/ реализуется спирантом *x* и определяется как фрикативная негубного ряда, поскольку в позиции перед ч' может быть противопоставлена только *ф*, *ф* = /в'р' /; ср. *пощ'и*, *л'áш'и*, *куж'áш'и* — бфч'и.

КЯ: л'и/с-/ — но/шж/ — куж'á/х/ → л'и/сх/ч'и, но/сх/ч'и, куж'á/сх/ч'и; в'р/с-/б'áлу — рб/шж/бá → в'р/сх/ч'áр'áну; /с-/л'áзим — /ш/л'и — /х/л'áп → /сх/ч'áп'иш'; са/с-/ т'áли — /шж/т'áка — к'áч'á/х/тá → са/сх/ч'áт'ир'и.

КН: пр'э/с-/ — ко/шж/л', м'и/шж/л', д'б/с-/ка — о'пá/шж/ка, др'э/х/á — два ч'á/с/á — кá/ш/á → пр'э/сх/ч'áш'ица, кб/сх/ч'и, м'и/сх/ч'и, о'пá/сх/ч'ица, др'э/сх/ч'ица.

Замена зубного спиранта фарингальным *x* происходит и перед зубной аффрикатой *ц*, *ц'*. Особенно часто это представлено в КЯ (см. 5.5.2.). При внешнем сходстве явлений фонологическая ситуация отличается от той, которая представлена в позиции перед ч'. Меню *с* → *x* перед *ц*, даже при ее последовательной реализации, нельзя интерпретировать как проявление нейтрализации. Оппозиция по локальному ряду относится к типу "цепочечных", где есть крайние и средние члены" /69 с. 376/. В этой цепи нейтрализации могут подвергаться или все ее члены, или какие-то из рядом стоящих. В применении к *с* — *ш* — *x* это могут быть *с* — *ш*, *ш* — *x*, но не *с* — *x*, так

как снятие оппозиции между двумя признаками, разделенными третьим, логически не может быть обосновано (невозможна единица зубно-заднеязычного ряда при наличии единицы переднеязычного ряда). А *ш'* перед *ц* не подвергается изменению, как это показывает один пример из КЯ — *л'áш'ц'и*. Поэтому меню *с* → *x* перед *ц*, *ц'* надо расценивать как варьирование фонемного состава морфемы, позиционно обусловленное. В КН это явление представлено единично.

Как показывают факты ассимиляции согласных на стыке слов (см. 3.3.), нейтрализация оппозиции по локальному ряду происходит и в условиях сандхи.

КЯ: ш'э/сх/ч'áса, прб/сх/ч'ил'áк, а/сж/ш'áх (фонетически *а_ш'áх*); КН: а/сх/ч'áта, ш'э/сх/ч'áса, а/сж/ш'á... (фонетически *а_ш'á*).

Позиция перед звонкой переднеязычной аффрикатой в тексте реализуется редко. Но в немногих встретившихся случаях, когда пронозировалось сочетание *з* + *φ*, фрикативный заменялся не фарингальным, а переднеязычным спирантом, т.е. имела место нейтрализация в /сж/ как перед *ж'* — пр'э/сж/φ'áмата.

В КЯ и КН отмечены случаи взаимной-мены *ж* и *к* перед согласным (см. 5.5.5.). В принципе это можно было бы расценить как проявление нейтрализации по ряду фонем /м/ и /п/. Однако непоследовательность явления и неопределенность лексического корпуса, охваченного этим явлением, препятствует такому выводу.

6.3.5. Архифонема, в которой нейтрализованы оппозиции, основанные на различии в способе образования при тождестве локального ряда.

В позиции перед глухими зубными фрикативными и аффрикатами запрещены взрывные зубного ряда — в этой позиции они заменяются аффрикатами *ц*, *ц'*. Следствием этого синтагматического запрета является нейтрализация оппозиции взрывных и аффрикативных фонем зубного ряда (т.е. /т/, /т'/, /д/, /д'/ и /п/, /п'/, /с/, /с'/) в архифонеме /тц/, которая определяется как зубная нефрикативная, реализующаяся в аффрикатах *ц*, *ц'*. Признаки участия голоса и твердости-мягкости в характеристику этой архифонемы не включаются.

Зубная аффриката относится к числу низкочастотных согласных. Сочетания *цс*, *цс'*, *ци*, *ци'* в слове всегда образуются из *т* + *с*,

с', ц, ц'. Примеров на преобразование в слове оппозиции *т - ц* → *ц, ц'* перед *с, с', ц, ц'* нет. Такие примеры есть на стыке слов. Так, в КИ *бра́/т_д/ - кун'б'/п'с'/* → *ц // ц'* и поэтому *бра́/т_ц/ ц'йган'ен*, *кун'б'/т_ц/ п'ш*; в КИ *п'йа́/т_д/ - кáд'ен/ц'а́/* → *п'йа́/т_ц/ п'а́* *д'ен*, *кáд'ен/т_ц/ п'а́*.

Примеры архифонемы /т_ц/ в слове: КИ - *кур'й/т_ц/пу*, *у/т_ц/ - сл'уж'ба*, *у/т_ц/ц'áду д'р'б*; КИ *у/т_ц/ с'енá м'и*, *кáра/т_ц/сá*, *л'и/т_ц/ - ц'й*, *кра/т_ц/п'й*.

Поскольку говорам свойственна тенденция к сокращению сочетаний одинаковых согласных, архифонема /т_ц/ в тексте может реализоваться и нулем - так, *кра/т_ц/п'й* фонетически - *кpac'й*.

В КИ и КИ в позиции перед *н, н'*, хотя и недостаточно последовательно, происходит мена *о* → *н, о'* → *н'* (см. 5.4.2.). Это чередование даже и при последовательном его проведении нельзя расценивать как реализацию нейтрализации фонем, различающихся способом образования (взрывным - смычно-проходным). Дело в том, что фонематический элемент, реализованный согласным *н* перед *н* (*лáнна*) и *н'* перед *н'* (*лáнн'и*) обладает признаком смычно-проходного образования, что обеспечено противопоставлением именно по этому признаку согласному *т* - ср. в КИ *пáнна*, *пáнн'а* - *м'эна*, *л'ити'ица*. Фонетическое же различие по участию голоса в этих оппозициях функционально незначимо, как и аналогичное сходство в противопоставлении *д* - *н*. Поэтому в примерах *пáда*, *пáннада*, *д'ен*, *ш'енибш'* может идти речь о чередовании фонем, реализованных взрывным и смычно-проходным согласными.

Аналогичным образом надо интерпретировать чередование *б* : *м, ш* : *м* перед *н, н'* (см. 5.4.3.). Даже при последовательном проведении этого чередования не произойдет нейтрализация по способу образования в губном ряду. Согласный *м* в *гáмн'бк*, *лáмм'э* сохраняет ДП смычно-проходного образования, так как продолжает в этой позиции противостоять взрывному *п* и фрикативному *ф* - как было сказано, для сонантов участие голоса не является релевантным. Поэтому чередованием *б* : *м, ш* : *м* на фонемном уровне соответствует чередование фонем.

6.3.6. Архифонема, в которой нейтрализованы оппозиции, основанные на различии локального ряда и способа образования.

В позиции перед *ч', ш'* запрещены взрывные зубного ряда - в этой позиции они заменяются аффрикатой *ч'* (см. 5.6.). Следствием этого синтагматического запрета является нейтрализация оппозиции зубных взрывных и передненебных аффрикативных фонем (т.е. /т/, /т'/, /д/, /д'/ и /ч/, /ч'/). в архифонеме /т_ч/, которая определяется как нефрикативная, промежуточного между губным и передненебным ряда (или зубно-передненебного ряда), реализуется глухой передненебной аффрикатой. Признаки участия голоса и твердости-мягкости в характеристику этой архифонемы не включаются.

В слове сочетания *чш'*, *чч'* всегда образованы из *т + ч'*, *ш'*. Примеров на преобразование в слове оппозиции *т - ч'* → *ч'* перед *ч', ш'* нет. Такие примеры есть на стыке слов. Так, в КИ *к'эр'б'/ч'п'/ - кáз'ва/т_д/* → только *чч'*, поэтому *к'эр'б'/т_ч/ ч'ис*, *кáз'ва/т_ч/ ч'ад'р*; *ко/ч'п'/ - п'е/т_д/* → только *чш'*, поэтому *кб'/т_ч/ ш'упáр'* (порочисление), *п'е/т_ч/ ш'т'ук'и*; КИ - *п'е/т_д/, нап'б'/т_д/ - кл'у'/ч'п'/* → *нап'б'/т_ч/ ч'брну*, *кл'у'/т_ч/ ч'бр'ан*, *п'е/т_ч/ ш'бз д'ш'и*.

Примеры архифонемы /т_ч/ в слове: КИ - *л'б'/т_ч/ч'ик*, *у/т_ч/ - ш'йпка*, *уч'б'/т_ч/ч'ик*, *у/т_ч/ш'эл*, *кр'ивá/т_ч/ч'и*; КИ - *пу/т_ч/ш'йа*, *сб'/т_ч/ч'и*, *у/т_ч/ш'áпка*.

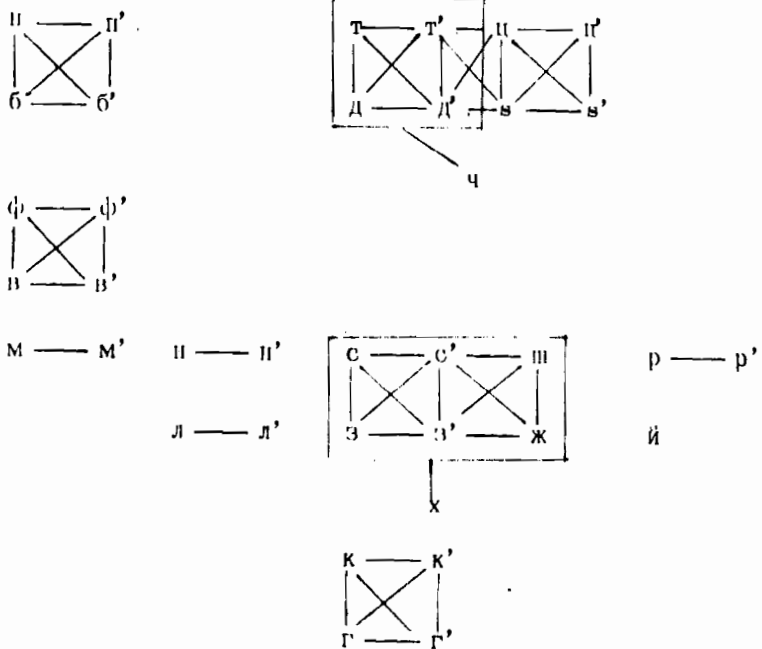
Поскольку двойные сочетания аффрикат имеют тенденцию к сокращению, архифонема /т_ч/ может реализоваться нулем. Так в КИ *кр'ивá/т_ч/ч'и* фонетически *кр'ивбч'и*, *брá/т_ч/ч'о* фонетически *брáч'е*.

6.3.7. Анализ нейтрализации консонантных оппозиций в КИ и КИ позволяет сделать некоторые общие выводы, существенные для типологической характеристики консонантизма.

Последовательно (безысключительно) происходит нейтрализация оппозиций по ДП, которые могут быть расценены как добавочные к основной артикуляции - т.е. по твердости/мягкости и глухости/звонкости. Нейтрализация по этим признакам распространяется на согласные всех локальных рядов.

Нейтрализация по признакам, составляющим основную артикуляцию согласных, т.е. по ряду и способу образования, происходит в зоне после губного ряда, и из задненебного захватывает только /х/. В эту нейтрализацию вовлечены только шумные согласные и только глухие. Особенностью этой нейтрализации является и ее последовательность (тип *сáч'ч'бпка* и *сáш'чл'ен* в КИ).

6.4. Модель фонологической системы консонантизма в КЯ и КИ существенных различий не обнаруживает. Состав фонем и возможность нейтрализации консонантных оппозиций можно представить следующей схемой, где нейтрализуемые оппозиции соединены линиями.

Эта схема показывает, что шумные фонемы за пределами губного ряда в зависимости от способа образования составляют компактные группы, связанные отношением нейтрализации. В группе спирантов в нейтрализацию включены и фонема заднеязычного ряда. В группе смычных (включая аффрикаты) нейтрализации охватывают лишь зубной и переднеязычный ряд.

Неодинаков состав архифонем, функционирующих в КЯ и КИ. Так, только в КИ имеются архифонемы /п_б/, /п_б'/, /в_ф/, /в_ф'/, /с_з/, /с_з'/ — в КИ им соответствуют /п_б'/, /в_ф'/, /с_з'/. Состав других архифонем в КЯ и КИ одинаков. Это:

- /п-'/, /б-'/, /п_б'/
- /в-'/, /ф-'/, /п_ф'/
- /м-'/
- /т-'/, /д-'/, /т_д/, /т_д'/, /т_д'/, /т_д/, /т_ц/, /т_ц'/
- /с-'/, /з-'/, /с_з'/, /с_ж/, /с_х/
- /ц-'/, /с-'/, /ц_с'/
- /н-'/, /л-'/
- /ш_ж/, /ч_ц/
- /р-'/
- /к-'/, /г-'/, /к_г/, /к_г'/, /к_г'/.

6.5. Объединение фонематических единиц в позиционные наборы имеет некоторые различия в КЯ и КИ. Это связано с разной допустимостью мягких согласных на КСл.

Как было сказано, максимальный набор из 37 фонем представлен перед попередними гласными. Это — набор 1. Набор 2 состоит из 35 фонем, так как позиция перед $\frac{\partial}{\delta}$ лакуарна для /к'/, /г'/.

Дальнейшее сокращение наборов фонематических единиц /-ф.с./ происходит следующим образом.

22 ф.е. в конце слова в КЯ — /п_б/, /п_б'/, /в_ф/, /в_ф'/, /м-'/, /т_д/, /т_д'/, /с_з/, /с_з'/, /ц_с'/, /н/, /п'/, /л/, /л'/, /ш_ж/, /ч_ц/, /р/, /р'/, /й/, /к_г/, /к_г'/, /х/ (набор 3₁);

19 ф.е. в конце слова в КИ — здесь отсутствуют /п_б/, /п_б'/, /в_ф/, /в_ф'/, /с_з/, /с_з'/, а вместо них представлены /п_б'/, /п_ф'/, /с_з'/ (набор 3₂);

22 ф.е. в КЯ, КИ перед сонорными согласными и гласными попереднего ряда — /п-'/, /б-'/, /п-'/, /ф-'/, /м-'/, /т-'/, /д-'/, /с-'/, /з-'/, /ц-'/, /с-'/, /н-'/, /л-'/, /ш/, /ж/, /ч/, /ц/, /р-'/, /й/, /к-'/, /г-'/, /х/ (набор 4);

14 ф.е. в КЯ, КИ перед шумными губными, зубными взрывными, ∂ , s , перед заднеязычными — /п_б'/, /п_ф'/, /м-'/, /т_д'/, /с_з'/, /п_ф'/, /н-'/, /л-'/, /ш_ж/, /ч_ц/, /р-'/, /й/, /к_г'/ (набор 5);

13 ф.е. перед *с, с', ш, ш'* в КН, КН — /п'б'/, /в'ф'/, /м'/, /т'ц'/, /с'з'/, /п'г'/, /л'г'/, /ш'ж'/, /ч'ш'/, /р'р'/, /к'к'/, /й'/, /х'/ (набор 6);

12 ф.е. перед *ш'* в КН, КН — /п'б'/, /в'ф'/, /м'/, /т'ц'/, /с'ж'/, /п'г'/, /п'г'/, /л'г'/, /к'г'/, /х'/, /й'/ (набор 7);

12 ф.е. перед *ж', ш'* в КН, КН — то же, что в наборе 7, но вместо /т'ц'/ архифонема /т'д'/ (набор 8).

11 ф.е. — /п'б'/, /в'ф'/, /м'/, /т'ц'/, /с'х'/, /п'г'/, /н'г'/, /л'г'/, /р'г'/, /к'г'/, /й'/ переч *ч'* (набор 10).

В этих наборах не учитываем сокращения, связанные с чередованием единиц, для которых не характерны отношения нейтрализации — эти сокращения, как правило, не проводятся последовательно.

Приведенный список показывает, что сокращение позиционных наборов связано преимущественно с позициями перед согласными. Характерно, что в этом отношении позиция перед передними гласными имеет такой же фонематический результат, как и позиция перед сонантами. Количественный разброс фонематических единиц между сокращенными наборами не является большим — от 22 до 11; не высоко и число сокращенных наборов. Для сравнения можно указать на один белорусский полесский говор, где только перед гласными представлены семь позиционных наборов согласных с разбросом от 31 до 9 единиц /28 с.186/.

Специфика позиционных наборов консонантных фонематических единиц в КН и КН можно расценивать как показатель стабильности и сравнительной простоты структуры консонантизма в этих говорах.

6.6. Для характеристики консонантизма существенно определение условий, регулирующих дистрибуцию согласных фонем. В обоих говорах все эти условия сосредоточены в сегменте, находящемся справа от фонемы, т.е. при выборе фонематической единицы превалирует принцип антиципации.

Дистрибуция согласных фонем в КН и КН определяется:

- 1) дифференциацией последующего сегмента по принципу гласный — согласный — пауза, т.е. V — C — #;
- 2) разделением гласных на передние и непредние;
- 3) разделением согласных на сонорные — шумные; *в, й* объединены с сонорными;
- 4) различием шумных по участию голоса;

- 5) локальным рядом шумного согласного;
- 6) способом образования зубного и переднещечного — фрикативным, аффрикативным.

Эти же дистрибутивные условия могут действовать и в условиях сапидхи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь к описанию фонетики говоров, которые представляют собою две части одного диалекта, разделившиеся около 200 лет тому назад, мы не рассчитывали, что между говорами обнаружатся кардинальные фонетические различия. Это мнение основывалось на следующих предварительных соображениях. В принципе появление глубоких фонетических различий между говорами может быть обусловлено: 1) несовпадением структурных импульсов, определяющих внутреннюю логику фонетического развития двух говоров и 2) реакцией на разные языковые ситуации, в которых оказались две части одного диалекта.

Что касается структурных стимулов фонетического развития, то нет оснований считать, что та динамическая инерция, которая заложена в фонетику говора КН, как репрезентанта болгарского языка, могла быть существенно преобразована или прервана в КН на сравнительно небольшой с точки зрения языкового развития срок.

Языковая ситуация, в которой функционирует говор КН, характеризуется изолированностью от языка метрополии и, как следствие этого, от проходивших в языке метрополии процессов, в частности, от нивелирующего воздействия литературной формы языка на диалекты. В то же время контакты с румынской, украинской, русской речью создавали предпосылки для эпизодического иноязычного влияния. Эти внешние факторы, хотя и отразились на фонетике КН, но не в кардинальном плане. В этой связи следует иметь в виду, что говор КН, будучи оторван от языка метрополии, в то же время не является острым говором. Он функционирует в болгарской диалектной языковой среде, поскольку переселенческие болгарские говоры составляют компактный ареал в Молдавии и соседней Украине /ср. 70/. Иноязычных элементов в фонетике КН практически не наблюдается (в отличие, например от лексики, содержащей большое количество русских и румынских слов).

Предварительно предполагая сходство фонетики КН и КЯ, мы имели в виду и принципиальную консервативность фонетики как онтологическое свойство звукового строя любого идиома. Именно это подтверждается незначительностью фонетических проникновений (сдвигов) при наличии глубоких преобразований в лексике и грамматике, часто наблюдаемых при языковых контактах /71/. Об устойчивости фонетических единиц при языковых контактах, провоцирующих заимствование, см. /72 с. 372/. Сопоставление КН и КЯ показывает, что они близки по своей фонетике и по устройству фонологической системы.

Между КН и КЯ существует такая фундаментальная общность, как построение фонетической модели слова на основе одинаковых ограничений, регламентирующих начало и конец слова. Здесь проявляется особое отношение к силе шумной артикуляции и к распределению сонорности. Развитие фонетического слова ориентировано преимущественно на консонантные запреты, что в конечном счете понижает значимость консонантного признака в звуковой цепи.

Общим для КН и КЯ являются такие определяющие специфику фонетического строя особенности, как два типа редукции безударных гласных; редукция до нуля заударных гласных; лабиализация *u* под влиянием соседней лабиальной артикуляции; большая часть изменений, происходящих в группах согласных; звуковое оформление внешнего *сандхи*.

На фоне этой общности выявляются следующие различия в фонетике КЯ и КН.

Между КЯ и КН имеются различия в артикулировании отдельных звуков языка. В вокализме это относится к *э*, который в КЯ имеет более переднее образование, чем в КН, и поэтому производит впечатление *e*-образного звука. В КЯ гласный *о* под ударением в последовательностях *#VC*, *CVC*, *CVC'* имеет, как правило *y*-образную экскурсию, что в КН наблюдается редко. Различие между КЯ и КН в артикулировании согласных проявляется: в более сильной выраженной билабиальности губных спирантов в КЯ; в неодинаковом отношении латерального сонанта к веляризованности; в более высоком тоне палатализованных согласных в КЯ; в более выраженной заднепалатальности *к'*, *ч'* в КЯ.

В рамках одинаковых сегментных последовательностей обнаруживается разная частота тех или иных изменений. В КЯ значительно чаще, чем в КН, возникает интервокальная губная протеза

(*u a u a i' a n* → *u a u a i' a n*). В КН фиксируется чаще появление проходного *u* на месте *u*; то же относится к ослаблению и утрате в звуковой цепи спиранта *x*. Особенностью КН является повышение напряженности язычных шумных согласных перед *#* *ф*. КЯ, напротив, отличается большей частотой варьирования *x* и *ф*, изменения *сц* → *шц* (это явление полностью покрывает, в частности, русскую лексику), аффрикатизации спирантов после сонорных согласных, сохранения двойных согласных. В этих случаях речь идет о разной интенсивности проявления одинаковых синтагматических тенденций.

Особенность консонантной синтагматики, свойственная лишь КЯ, проявляется в возможности ассимилятивного смягчения в группах согласных. Эта особенность придает говору иную типологическую нюансировку в сравнении с КН. В КЯ, как было показано, действие палатализованности выходит за пределы сегментов *CV*, *VC* и организует более длинные фрагменты словоформы. Ассимилятивная мягкость в группах согласных повышает уровень консонантности звуковых цепей и поэтому можно считать, что в КЯ в фонетической модели слова признак консонантности выражен сильнее, чем в КН.

Различия между КЯ и КН касаются дистрибуции некоторых гласных и согласных. Гласный *э*, выступающий только после мягких согласных, характеризуется более широкой сферой употребления в КН, где он представлен в сегментах *C'VC* и *C'V#*. В КЯ гласный *э* зафиксирован только в сегменте *C'V#*. Это связано с различием в структуре глагольных и именных флексий в КЯ и КН (ср. в КН *тапн'эт*, *град'эт*, *май'э*, *маж'э*, а в КЯ *тапн'э*, *град'э*, *май'э*, *маж'э*). В позиции *C'VC'* в обоих говорах варьируются *а* и *э* в морфемах содержащих **а*. Однако в КЯ значительно шире сфера употребления варианта *э*, а в КН, напротив, варианта *а*. Так, в некоторых конечных и особинных морфемах в КЯ находим *э* (*ч'эи'и*, *ж'эи'и*, *й'эи'и*), а в КН — *а* (*ч'аи'и*, *ж'аи'и*, *й'аи'и*). Кроме того, в КЯ гласный *а* фиксируется преимущественно в заимствованных словах (*укт'абр'и*, *пуй'абр'и*, *ш'ур'ац'и*, *стр'ел'ац'и*), а в КН в исконно болгарской лексике (*с'ел'ан'и*, *й'ам'и*, *ш'ал'ч'и*, *ч'ан'и*). Гласный *э*, как результат из-менения *а* → *э* между мягкими согласными в КН наиболее последовательно отмечается в речи старшего поколения носителей говора КН, а в речи младшего поколения преобладает гласный *а* в той же позиции.

В КЭ расширена сфера употребления мягких согласных за счет того, что здесь на конце слова представлен более широкий ассортимент мягких согласных, чем это допустимо в КН.

В основных своих чертах модель фонологической системы в КЭ и КН сходна по своему инвентарному составу и типам нейтрализации фонемных оппозиций. Различия проявляются в составе архифонем, что отражает расхождения в правилах сочетания мягких согласных с паузой в КЭ и КН. В этих говорах неодинакова позиционная сфера лексической представленности фонемы /ɣ/. Сходство между КЭ и КН проявляется и в том, что нейтрализация фонемных оппозиций во многих позициях проявляется как тенденция, а не безусловное правило, что усложняет системные отношения между фонематическими единицами, функционирующими в рамках максимального и позиционных сокращенных наборов. Лакунарная дистрибуция фонем в КЭ и КН имеет одинаковое проявление.

Установив фонетические различия между КЭ и КН, естественно поставить вопрос об их генезисе, т.е. определить, какие из явлений, включенных в эти различия являются архаизмами, а какие инновациями.

Статус говора КЭ, как изолированного от языка метрополии, как бы априори дает повод считать фонетику КЭ более архаичной, чем фонетика КН. Однако в действительности на основе синхронного описания не все явления, различающие КЭ и КН, поддаются такой классификации.

В КЭ как архаизм можно интерпретировать более последовательное, чем в КН, изменение $\beta \rightarrow \beta$ на месте *а между мягкими согласными. Повышение частоты β между мягкими согласными в КН в таком случае является нарушением синтагматического правила, в большой степени сохранившегося в КЭ.

Более старое состояние фонетики отражено в более широком, чем в КН, употреблении мягких согласных на конце слова. В КЭ в этой позиции не только чаще произносятся те мягкие согласные, которые и в КН допустимы на конце слова. В КЭ шире сам круг мягких согласных, выступающих в этой позиции. Трудно это считать новым явлением фонетики, так как нельзя подыскать для этого объяснение. В частности, нельзя прибегнуть к такому аргументу, как иноязычное влияние. Дело в том, что украинская и южнорусская речь, с которой могут контактировать носители говора КЭ, не

имеет, например, на конце слова мягких губных, а в КЭ это возможно (ср. *крѣт*). Вероятно, более последовательное развитие ископной тенденции репрезентует изменение $сц \rightarrow хц$ в КЭ.

Что касается специфики отдельных артикуляций, различающихся в КЭ и КН, то здесь трудно решить, какие из них являются новыми, а какие старыми. Так, например, низкая частота появления проходного ν в КЭ может иметь два равновероятных объяснения: 1) тенденция $н \rightarrow \nu$ была изначально свойственна КН, но в КЭ она была прервана и 2) эта тенденция укрепилась в КН уже тогда, когда говор КЭ был отделен. Нельзя временное соотношение латеральных $л$ (КН) и $л$ (КЭ), различий в высоте тона мягких согласных, в шансах фонетической окраски гласного э , в уровне интенсивности билабиальной артикуляции и напряженности смычных согласных перед паузой.

Для выяснения ситуации соответствующие явления должны быть проанализированы в контексте динамики диалектных особенностей в рамках определенных ареалов в Болгарии.

Примечания

- 1 См. об этом — *Калыцкий Л.Э., Попова Т.В.* Синхронное описание одного диалекта как особый вид диалектологического исследования. — ОЛА. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, с. 3—36.
- 2 Вопросы формирования и развития национальных языков. — Труды Ин-та языкознания АН СССР т. X, 1960.
- 3 *Haugen E.* Dialect, Language, Nation. — Studies by Finar Haugen. The Hague — Paris 1972.
- 4 *Руделев В.Г.* Современные диалекты русского языка. Тамбов, 1978.
- 5 *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- 6 *Chloupek J.* Aktuální otázky dialektologie. — Jazykovědné symposium 1971. Brno, 1973.
- 7 *Chloupek J.* Aspekte des Dialekts und seine Struktur — Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.
- 8 Русское и славянское языкознание. М., 1972.
- 9 Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. Под ред. М.В. Панова. М., 1968.

- 10 Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. Под ред. В.А.Серебряникова. М., 1973.
- 11 Русская диалектология. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.
- 12 Кузнецов Н.С. К вопросу о фонематической системе французского языка. — Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- 13 Высокский С.С. Звуки речи в контексте. — Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- 14 Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- 15 Горикова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- 16 Аванесов Р.Н. Описательная диалектология и история языка. — Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.
- 17 Ср. Кабанов С. Един старинен български говор. Тихомирският говор. София, 1963; Умленски И. Кюстендилският говор. София, 1965; Младенов М. Ихтиманският говор. София, 1966; Стойков С. Банатският говор. София 1967; Младенов М. Говорът на Ново Село, Виденско. София, 1969; Кочев И. Гробенският говор в Силистренско. С особен оглед към лексикалната му система. София, 1969; Божиев Т. Говорът на с. Съчалци, Гюмюрджинско, София, 1972; Шклифов Б. Костурският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1973; Иванов П.Н. Български преселнически говори, ч. 1. София, 1977. К.В. Димчев. Говорът на българите от с.Валя Драгулуй, СР Румъния. Фонемна система. — Годишник на Софийският университет. Т. I. XIII, 1, София, 1969. Божиев Т. Българските говори в западна (Беломорски) и източна (Одринска) Тракия. София, 1991.
- 18 Новаков С.З., Червенов П.П. Прошлое и настоящее села Кирюгня. Кишинов, 1980.
- 19 Кузнецов Н.С. Об основных положениях фонологии. — ВЗЛ, 1957, № 2.
- 20 Нанов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
- 21 Ивич П. Расширение инвентаря фонем и число дистриктивных возможностей. — ВЗЛ, 1970, № 3.
- 22 Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
- 23 Мартине А. Основы общей лингвистики. — Новое в лингвистике III, М., 1963.
- 24 Аванесов Р.Н., Сидорова В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
- 25 Аванесов Р.Н. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- 26 Мартине А. Нейтрализация и синкретизм. — ВЗЛ, 1969, № 2.
- 27 Дмитриенко С.П. Фонемы русского языка. Их сочетаемость и функциональная нагрузка. М., 1985.
- 28 Калынин Л.Э., Масленникова Л.И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.
- 29 Зиндер Л.Р. О минимальных парах. — Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. М., 1963.
- 30 Стойков Ст. Българска диалектология. София, 1968. Български диалектен атлас. Т. I. Югоизточна България. София, 1964.
- 31 Тилков Д., Божиев Т. Българска фонетика. София, 1977.
- 32 Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- 33 Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.
- 34 Кочев И. Гробенският говор в Силистренско. София, 1969.
- 35 Totskaya N.I. The Nature of the so-called non-syllabic Vowels in the Ukrainian Language. — Proceedings XI ICPhS. V. 3 Tallin, 1987. S. 244.
- 36 Аванесов Р.Н. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- 37 Котова П.В. Говор с.Твардица Молдавской ССР. — Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. II. М., 1950.
- 38 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- 39 Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
- 40 Георгиев В.Н. Проблемы на българския език. София, 1985.
- 41 Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- 42 Стойков Ст. Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас. София, 1969.
- 43 Кузнецова А.М. Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.
- 44 Стойков Ст. Български книжовен изговор. София, 1942.

- 45 *Науфотица Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- 46 *Высокский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах. — Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- 47 *Бондарко Л.В. и др.* Стили произношения и типы произношения. — ВЯ, 1974, № 2.
- 48 *Попова Т.В.* Глагольное словоизменение в болгарском языке (морфонологический аспект). М., 1975.
- 49 *Тилков Д.* Исследования върху българския език. София, 1983.
- 50 *Халиолчев Х.* Към вопроса за изпадането на красловци *и* и *у* в български говори. — Български език. 1961, кн. I.
- 51 *Кочев П.* Вокално-консонантно взаимодействие и основното диалектно членение на българския език. — Български език. 1986, кн. 3.
- 52 *Кочев П.* Фонологичната система на сливенския о-говор. — Сб. Въпроси за структурата на съвременния български език. София, 1975.
- 53 *Кочев П.* Темброви характеристиката на източнобългарската редукция. — Български език. 1983, кн. 4.
- 54 *Тилков Д., Воджиев Т.* Ударението в български книжовен език. София, 1982.
- 55 *Грамматиката на съвременния български книжовен език. Т. I.* Фонетика. София, 1982.
- 56 *Попова Т.В.* К характеристике взаимодействия между системами вокализма и консонантизма. — Советское славяноведение. 1966, № 5.
- 57 *Плотникова Л.С.* О некоторых особенностях говора с. Кирютня Конгачского района Молдавской ССР. — Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР. Т. 2. М., 1960.
- 58 *Попова Т.В.* Из болгарской диалектной морфонологии. — Славянское и балканское языковедение. М., 1986.
- 59 *Бромлей С.В.* Спряжение глаголов с безударным окончанием в русских и белорусских языковых системах. — Сб. Совещание по ОДА. Темы докладов. М., 1973.
- 60 *Попова Т.В.* Ощо подлъж за членуваните форми за множество-но число на съществителните от среден род от типа *пале, момче* в българските диалекти. — Български език. 1991, кн. 4.
- 61 *Стойков Ст.* Говор с. Твардицы (Сливенской околии в Болгарии) и с. Твардицы (Молдавская ССР). — Статьи и материалы по болгарской диалектологии, в. 8. М., 1951.
- 62 *Стойков Ст.* Увод в българската фонетика. София, 1955.
- 63 *Журавлев В.Л.* Фонетика говора с. Кричиное. — Статьи и материалы по болгарской диалектологии, в. 10. М., 1962.
- 64 *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1987.
- 65 *Калмыц Л.Э., Масленникова Л.П.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- 66 *Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков. — Новое в лингвистике III. М., 1963.
- 67 *Кочев П.* О балканском характере мягких согласных в позиции конца слова в болгарском языке. — Actes de Premier Congrès international des études balkaniques et Sud-Est Européennes. Sofia, 1968.
- 68 *Калмыц Л.Э.* К вопросу о фонемном статусе пазальных согласных в славянских диалектах. — Славянское и балканское языковедение. М., 1986.
- 69 *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- 70 *Атлас болгарских говоров в СССР.* М., 1958.
- 71 *Studien zur sprachliche Interferenz I* bearbeitet von S. Michalk und H. Protze. Bnutzen 1967.
- 72 *Хауген Э.* Процесс заимствования. — Новое в лингвистике VI. М., 1965.
- 73 *Попова Т.В.* К вопросу о редукции гласных в современных болгарских диалектах. — Studia Slavica. К 80-летию С.Б. Борнштейна. М., 1991.

SUMMARY

In this paper the synchronous phonetic description of two Bulgarian dialects in syntagmatic and paradigmatic aspects is given. Dialects functionate in different language situation on the territory of Bulgaria and Moldova. Similar and distinctive features of the mother country dialect and the settlers' dialect has been determined.

Г.И. Замлятина

МАТЕРИАЛЫ К АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВЕНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

(непроизводные имена м.р.)

0.1. Словенская именная акцентуация ранее не являлась предметом специальных исследований, целью которых было бы проследить судьбу праславянских акцентных парадигм в словенском языке, а в процессе подготовки Акцентологического словаря славянских языков такая задача стала весьма актуальной. В настоящей работе предпринята попытка, с одной стороны, более детально описать акц. типы словенского языка, являющиеся "тривиальными" рефлексам праслав. а.п., а с другой — выделить случаи различного развития тех или иных праславянских просодических явлений, которые могли бы стать критериями для классификации словенских диалектов в зависимости от отражения в них некоторых акцентологических изменений.

Степень изученности акцентуации в словенских диалектах не позволяет в настоящее время говорить о каком-либо определенном делении их на группы на основании критериев, связанных с преобразованием праслав. а.п. В данной работе мы ограничиваемся картой с указанием нас. пунктов, материал из которых представлен ниже, поскольку пункты, описания говоров которых достаточны для более или менее подробного анализа акцентной системы, представляют слишком редкую сетку для их картографирования.

Ниже представлен материал из сл. литер. языка (совр. норма — по SSKJ, TSS 1984; предшествующая норма — по Пет, VCI, Breznik 1934, а также VaIj и Нова), степень нормированности акцентуации в которых существенно ниже, однако их привязка к конкретному диалекту не представляется возможной) и следующих словенских диалектов:

как снятие оппозиции между двумя признаками, разделенными третьим, логически не может быть обосновано (невозможна единица зубно-задненебного ряда при наличии единицы передненебного ряда). Л ш' перед ц не подвергается изменению, как это показывает один пример из КЯ — лш'ц'и. Поэтому мену с → x перед ц, ц' надо расценивать как варьирование фонемного состава морфемы, позиционно обусловленное. В КЯ это явление представлено единично.

Как показывают факты ассимиляции согласных на стыке слов (см. 3.3.), нейтрализация оппозиции по локальному ряду происходит и в условиях сандхи.

КЯ: ш'е/с_х/ ч'ася, прб/с_х/ ч'ил'ак, а/с_ж/ ш'я (фонетически а_ш'я); КЯ: а/с_х/ч'етах, ш'е/с_х/ ч'аса, а/с_ж/ ш'е... (фонетически а_ш'е).

Позиция перед звонкой передненебной аффрикатой в тексте реализуется редко. Но в немногих встретившихся случаях, когда провоцировалось сочетание x + φ', фрикативный заменялся не фарингальным, а передненебным спирантом, т.е. имела место нейтрализация в /с_ж/ как перед ж' — пр'е/с / φ'амата.

В КЯ и КЯ отмечены случаи взаимной-мемы м и н перед согласным (см. 5.5.5.). В принципе это можно было бы расценить как проявление нейтрализации по ряду фонем /м/ и /н/. Однако непоследовательность явления и неопределенность лексического корпуса, охваченного этим явлением, препятствует такому выводу.

6.3.5. Архифонема, в которой нейтрализованы оппозиции, основанные на различии в способе образования при тождестве локального ряда.

В позиции перед глухими зубными фрикативными и аффрикатами запрещены взрывные зубного ряда — в этой позиции они заменяются аффрикатами ц, ц'. Следствием этого синтагматического запрета является нейтрализация оппозиции взрывных и аффрикативных фонем зубного ряда (т.е. /т/, /т'/, /д/, /д'/ и /н/, /н'/, /с/, /с'/) в архифонеме /т_ц/, которая определяется как зубная нефрикативная, реализующаяся в аффрикатах ц, ц'. Признаки участия голоса и твердости-мягкости в характеристику этой архифонемы не включаются.

Зубная аффриката относится к числу низкочастотных согласных. Сочетания цс, цс', цч, цч' в слове всегда образованы из π + с,

Г.И. Замлятина

МАТЕРИАЛЫ К АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
СЛОВЕНСКИХ ДИАЛЕКТОВ
(непроизводные имена м.р.)

0.1. Словенская именная акцентуация ранее не являлась предметом специальных исследований, целью которых было бы проследить судьбу праславянских акцентных парадигм в словенском языке, а в процессе подготовки Акцентологического словаря славянских языков такая задача стала весьма актуальной. В настоящей работе предпринята попытка, с одной стороны, более детально описать акц. типы словенского языка, являющиеся "тривиальными" рефлексами праслав. а.п., а с другой — выделить случаи различного развития тех или иных праславянских просодических явлений, которые могли бы стать критериями для классификации словенских диалектов в зависимости от отражения в них некоторых акцентологических изменений.

Степень изученности акцентуации в словенских диалектах не позволяет в настоящее время говорить о каком-либо определенном делении их на группы на основании критериев, связанных с преобразованием праслав. а.п. В данной работе мы ограничиваемся картой с указанием нас. пунктов, материал из которых представлен ниже, поскольку пункты, описания говоров которых достаточны для более или менее подробного анализа акцентной системы, представляют слишком редкую сетку для их картографирования.

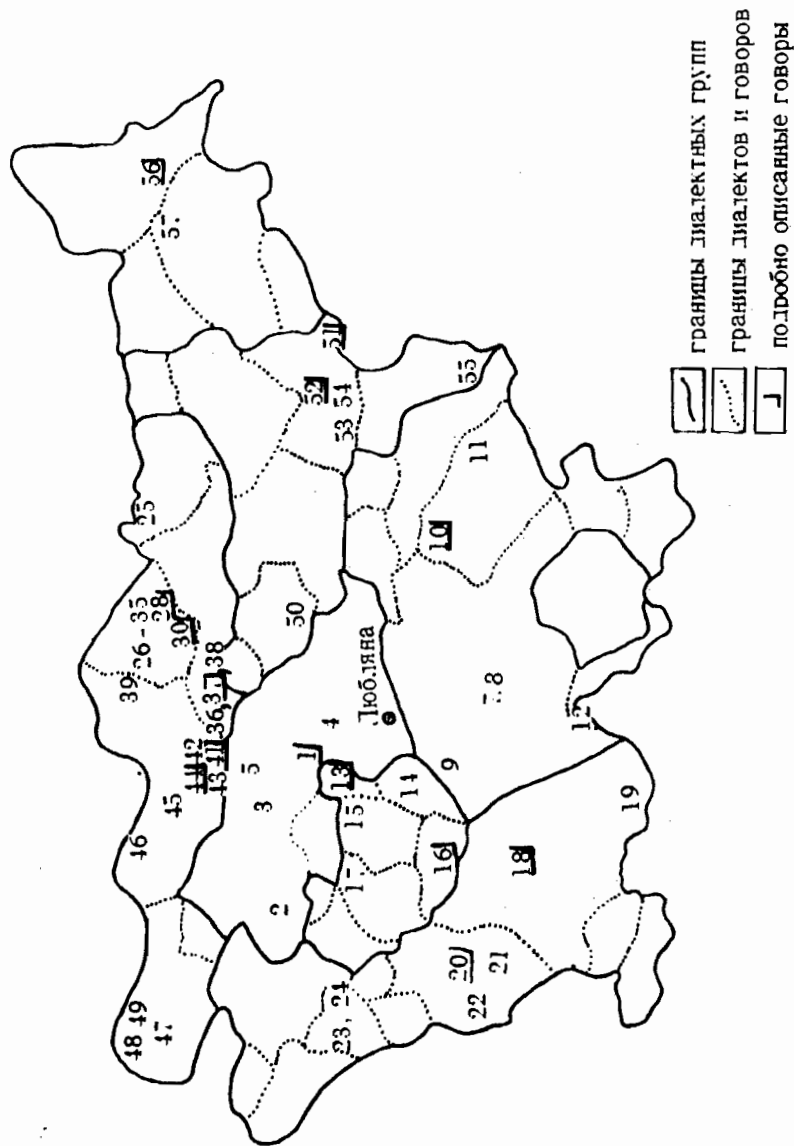
Ниже представлен материал из сл. литер. языка (совр. норма — по SSKJ, TSS 1984; предшествующая норма — по Flet, VCT, Breznik 1934, а также Valj и Post, степень нормированности акцентуации в которых существенно ниже, однако их привязка к конкретному диалекту не представляется возможной) и следующих словенских диалектов:

горенская диалектная группа — горенский диалект — 1. Prim. (Primskovo; ответы на вопросник АССУ, зап. У. Смедич); 2. SVB (Srednja vas v Bohinju, цит. по: LSN, FO); 3. Ljubno (цит. по: LSN); 4. Valh/SmI. (Valburga pri Smedniku, цит. по: LSN, FO); 5. Trziš (цит. по: LSN);

доленская диалектная группа — доленский диалект — 7. Ribnica (цит. по: LSN, FO); 8. GV/Riba (Goriška vas pri Ribnici); 9. Borovnica (цит. по: LSN); восточнодоленский говор — 10. Šturp (Šent-rupert, ответы на вопросник АССУ, зап. маг. В. Смоле); 11. Bužka (цит. по: FO); костельский диалект — 12. BabPol (Babno polje, цит. по: LSN, FO);

роугарская диалектная группа — шкофьелокский диалект — 13. ŠI. (Škofja Loka, ответы на вопросник АССУ, зап. маг. Ф. Бенедик); хорьольский диалект — 14. Horjul (цит. по: FO); полянский диалект — 15. BV (Bukov vrh, цит. по: Ven.); чрноврхонский диалект — 16. ČV (Črni Vrh, цит. по: Tom.); церклянский диалект — 17. Cerklno (цит. по: FO); приморская диалектная группа — потрашский диалект — 18. Razd. (Ruzdrto, ответы на вопросник АССУ, зап. маг. С. Хорват); 19. Dolenje (цит. по: Rigler 1963); 20. красский диалект (цит. по: Štr.); 21. Komen (цит. по: FO); 22. Miren/Gör. (Miren pri Gorici, цит. по: LSN); надижский диалект — 23. Ošne/SI. (Ošne pri Sv. Lenartu, цит. по: FO); 24. Šarženta (цит. по: LSN);

каригтийская диалектная группа — межницкий диалект — 25. Ojstrica (Ojstrica nad Dravogradom; цит. по: Zorko); подьюнский диалект — 26. Žvabek (/ Schwabegg), 27. Šmarjeta (Šmarjeta pri Pliberku / St. Margarethen bei Bleiburg), 28. Rinkole (/ Rinkolach), 29. Podkraj (Podkraj pri Pliberku / Unterort bei Bleiburg), 30. Globasnica (/ Globasnitz), 31. Reberca (/ Rechberg), 32. Rikarja vas (/ Rükersdorf; цит. по: LL, TSVK, ZdT), 33. Vovbre (/ Haimburg), 34. Sp. Krčanje (Spodnje Krčanje / Untergreutschach; цит. по: LL, TSVK), 35. Kneža (/ Grafenbach; цит. по: LL, TSVK, FO); обирский диалект — 36. Lepena (/ Lerpén), 37. Obir. (Obirsko / Ebriach), 38. Korte (/ Trögern; цит. по: LL, TSVK, Karn.); рожацкий диалект — 39. Lajsja vas (/ Laisendorf; цит. по: LL, TSVK); 40. Šajda (/ Schaida), 41. Sele (Sele Faru / Zell Pfarre; цит. по: LL, TSVK, Karn.), 42. Borovlje (/ Ferlach; цит. по: LL, TSVK, Šaj.), 43. Plajberk (Slovenji Plajberk / Windisch Bleiberg; цит. по: LL, TSVK, ŠR); 44. Sveče (/ Suetschach; цит. по: LL, TSVK, Fein.); 45. Bilčovs (/ Ludmunsdorf; цит. по: New.); 46. Kostanje (/ Köstenberg;

цит. по: ЛЛ, TSVK, LDŠ12); зильский — 47. Blučje (/Vorderberg; цит. по: ЛЛ, TSVK); 48. Potočje/Šmoh. (Potočje pri Šmohorju / Patschach bei Hermagor; цит. по: ЛЛ, TSVK, FO); 49. Špaul/Zilja (Št. Pavel v Zilji / St. Paul i.G.; цит. по: ЛЛ, TSVK);

штирийская диалектная группа — перхиславинский диалект —

50. Vožna (цит. по: TNB); центральноштирийский диалект — 51. Rog. (Rogatec, ответы на вопросник АССУ, зап. М. Хайншек-Хольц); 52. Mest. (Mestinje, ответы на вопросник АССУ, зап. литгора); 53. Gor/Sliv (Gorica pri Slivnici, цит. по: ISN); 54. Šmarje/Ješ. (Šmarje pri Ješah, цит. по: FO); козыанско-бигельский диалект — 55. Mostec (Mostec pri Brežicah, цит. по: FO);

паннонская диалектная группа — прекмурский диалект — 56. Belt. (Beltinci, цит. по: SBG); прекмурские материалы с пометой "угор." цит. по: Valj.; прлекский диалект — 57. Videm/Ščav. (Videm ob Ščavnici, цит. по: ISN).

Используем случаи выразить глубокую признательность сотрудникам Института словенского языка Научно-исследовательского центра Словенской Академии наук и искусства, ответившим на вопросник I тома АССУ.

0.2. Используемая в настоящей работе классификация акцентных типов также подчинена целям и исторического изучения просодических явлений и поэтому учитывает не только характер акцентной и интонационной кривой, но и качественные характеристики гласных, являющиеся рефлексамии просодических изменений.

0.2.1. При классификации акцентных типов имени в словенском языке используются следующие обозначения — по месту ударения традиционно выделяются баритонированный (с колонным ударением на одном и том же слоге основы), смежно-подвижный (с ударением на разных (конечном и предконечном) слогах основы), окситонированный (с колонным ударением на окончании), подвижный (с ударением, в разных формах падающем на основу или на окончание). Чтобы охарактеризовать интонацию в пределах акц. кривой используются следующие обозначения: А — акц. кривая с распределением $\hat{\ }^{\prime}$, и $\hat{\ }^{\prime}$ в соответствии с закономерными рефлексамии а.п. *a* (слн. литер. *brāt*, ген. *brāta*, loc. *brātu*; икм. *brāt*, ген. *brāta*); В — акц. кривая с распределением $\hat{\ }^{\prime}$ в соответствии с закономерными рефлексамии а.п. *b* (слн. литер. *kljūš*, ген. *kljūša*, loc. *kljūšu*), В_{кр} — то же, но у кратких основ (слн. литер. *bōb*, ген. *bōba*, loc. *bōbu*; икм. *bōb* *bōba*),

В' — краткое восходящее ударение во всех формах (*məgla*, асс. *məglo*, instr. *məglo*); С — поднижняя акц. кривая с распределением $\hat{\ } \text{ и } \acute{\ }$ в соответствии с закономерными рефлексам а.п. с (слн. литер. *gōd*, gen. *godū*, loc. *gālu*; каринт. обирек. *lêd*, gen. *léda*; ронт. черногрх. *nūas*, gen. *nūsu*, loc. *na nās*); D — акц. кривая с распределением $\hat{\ } \text{ и } \acute{\ }$ в соответствии с потенциальными закономерными рефлексам а.п. d; E — долгое нисходящее ударение во всех формах (*golōb*, gen. *golōba*), E_{кр} — то же, но с " в конечном ударном слоге (*nūt*, gen. *nūti*), E' — краткое нисходящее ударение во всех формах (*džska*, асс. *džsko*). Кроме того, для обозначения дополнительных характеристик некоторых надежных форм используются символы: $\hat{\ } \text{ и } \acute{\ }$ — восходящее ударение (напр., E_н *dōm*, gen. *dōma*, но loc. *dōmu*), $\grave{\ }$ — нисходящее ударение (напр., A_с *mīza*, асс. *mīzo*, но асс. *na mīzo*), ene — следы энклитичности в предложных формах (асс. *vodō*, *na vōdo*), R — открытые гласные e, o в ударном слоге (B_R *krōšnja*, instr. *krōšnju*), o — особое качество гласного o (закрытый, ≠ *ō); нерани — нераносложная основа. Ударение в подпарадигмах ед., мн. и дв. ч., как правило, подчиняется единым закономерностям и обозначается, соответственно, одним символом.

0.2.2. Чтобы дать общее представление о возможном наборе акцентных типов в диалектах с сохранением количественных и интонационных противопоставлений в ударном слоге приведем список акц. типов слн. литер. языка (современная норма, зафиксированная в SSKJ, TSS 1984): баритонированный (I) акц. тип — E' *vêtar vêtta*, loc. *vêtta*, pl. *vêtri vêtrov*, du. *vêtta*; E_{кр} — *blagoslōv blagoslōva*, loc. *blagoslōvu*, pl. *blagoslōvi*, du. *blagoslōva*; E' — *džsk džska*, loc. *džsku*, pl. *džski*, du. *džska*; IA *brāt brāta*, dat. *brātu k brātu*, loc. *brātu*, instr. *brātom*, pl. *brāte*, gen. *brātov*, dat. *brātom*, асс. *brāte*, loc. *brātu*, instr. *brātu*, du. *brāta*, dat.-instr. *brāto*; II_с — *přst přsta*, loc. *přstu*, pl. *přsti přstov*, loc. *přstih*, instr. *přsti*, du. *přsta*; B_{кр}Re — *stōl stōla*, dat. *stōlu k stōlu*, loc. *stōlu*, instr. *stōlom*, pl. *stōli stōlov*, loc. *stōlih*, instr. *stōli*, du. *stōla*; B_{кр}Re ~ B_{кр}Re — *kōnj kōnja*, dat. *kōnju k kōnju*, loc. *kōnju*, pl. *kōnji kōnj*, loc. *kōnjih*, instr. *kōnji*, du. *kōnja*; B_{кр}R — *bōb bōba*, dat. loc. *bōbu*, pl. *bōbi bōbov*, loc. *bōbih*,

instr. *bōbi*; B — *kljūč kljūča*, loc. *kljūču*, pl. *kljūči kljūčev*, loc. *kljūčih*, instr. *kljūči*, du. *kljūča*; B' — *stābar stābra*, loc. *stābru*, pl. *stābri stābrov*, loc. *stābrih*, instr. *stābri*, du. *stābra*; смежно-поднижний (II) — II' — *dūal duāla*, loc. *duālu*, pl. *duāli*; IIА — *médved medvêda*, loc. *medvêdu*, pl. *medvêdje medvêdov*, loc. *medvêdih*, instr. *medvêdi*, du. *medvêdu*; B_R — *tōpor topōra*, loc. *topōru*, pl. *topōri topōrov*, loc. *topōrih*, instr. *topōri*, du. *topōra*; окситонированный (III) — *pās psā*, pl. *psī*, instr. *psī / psī*; подвижный (IV) — E' ~ IVC_{нерани} *sīn sīna*, loc. *sīnu*, pl. *sinōvi sinōv*, dat. *sinōvom*, du. *sīna / sinōva*; E_н ~ IVC_{нерани} *dōm dōma*, loc. *dōmu*, pl. *domōvi domōv*; IVC_с ~ IVC_{нерани} *bōg bogā*, loc. *bōgu*, pl. *bogōvi bogōv*, du. *bōga / rogā / bogōva*; IVC_н ~ IVC_{нерани} *mōst mostū*, loc. *mōstu*, pl. *mostōvi mostōv*, du. *mōsta / mostōva*; IVC_с *zōb zobā*, loc. *zōbu*, pl. *zobjē zōb*, dat. *zobēm*, асс. *zobē*, loc. *zobēh*, instr. *zobmī*, du. *zobā*, dat.-instr. *zobēma*.

Примечание: 1. К акц. типу E' относятся только производные (*stābare ~ stābar* как *brātac ~ brāt*). 2. Все основы акц. типа IB могут иметь во мн.ч. формы акц. типа B ~ B_с, pl. *kljūči*, gen. *kljūčev*, loc. *kljūčih*, instr. *kljūči*. 2. Все основы подвижного акц. типа наряду с формами IVC_{нерани} в асс., loc., instr. pl. могут иметь формы типа IVC_с. 3. Акц. тип ID исторически по связям с а.п. d. Для основ с TjT в корне он является подвариантом акц. типов IA и IB. Его появление у других типов основ (*cīlj*, gen. *cīlja*; *drōzd*, gen. *drōzdu*) является инновацией, свойственной литер. языку (см. Rigler 1968₂ о процессах утраты качественных, количественных и интонационных различий в конечном слоге).

0.2.3. Таким образом, кроме акц. типов, непосредственно отражающих развитие праслав. а.п. a (акц. тип IA), а.п. b долготных основ (акц. тип IB), а.п. b краткосложных основ (акц. тип B_{кр}R), а.п. c (акц. тип IVC) и некоторых их модификаций в слоносском литературном языке представлены также акц. типы, (напр., акц. тип E'), по соотносимые напрямую с праслав. а.п., но включающие значительное число основ праслав. докласического фонда. Диалектный материал позволяет решить вопрос о том, являются ли и какие именно модификации акц. типов принадлежностью

исключительно литературного языка, т.е. помечают ли они в результате смещения (наложения друг на друга) акцентных систем разных диалектов или же они являются результатом естественного развития диалектных акцентных систем. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение при использовании данных литературного языка для реконструкции праслав. акц. системы.

Словенские диалектные материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, конечно же, менее разнообразны по лексическому составу — в основном, это ответы на вопросник АССУ по мужскому роду, однако надо заметить, что, несмотря на это, в них наблюдается значительное разнообразие акц. типов. Объем и задачи данной работы не предполагают перечисления акц. типов по всем рассматриваемым нами диалектах. Приведем для примера набор основных акц. типов центральноштирийского говора Mest, утраченного интонационные и количественные оппозиции в ударных слогах, частично сохранив их отражение в виде различных качественных рефлексов гласных: баритонированный (I) — IA *brāt brāta*; H: — *rĕp rĕpa*; AB₀ — *bōk bōka*; AB₀ ~ IVC_{перв} — *zōn zōna*, pl. *zovnduvi*; AB_{кр} — *b^uŕ b^ura*; AB_{кр} ~ IVC_{перв} — *gr^uŕ gr^uba*, pl. *grvāuvi*; AB_{кр} ~ AB₀ — *gr^uŕ gr^uba*, pl. *grŕbi*; смежно-подвижный (II) — IIА — *dl^uŕek dl^uvĕka*; IIВ_{кр} — *s^ukol s^ula*; подвижный (IV) — H:IVC_{перв} — *dūx dūxa*, pl. *duxāvi*; IVC_г ~ IVC_{перв} — *bāuk buĕ*, loc. *bāugi*, pl. *buĕvi*.

Судьба праслав. а.п. рассматривается ниже на примере хорошо документированных праславянских основ с надежно установленной а.п. (реконстр. праслав. а.п. см. в: Дыбо СА, Докл. IX, ОСА).

1.0. Акцентная парадигма *a*

1.0.1. В зависимости от структуры корня основы а.п. *a* следует разделить на 1) односложные основы типа (C)CVC и многосложные основы с ударением на конечном слоге корня; и также односложные основы типа (C)CVCC, оканчивающиеся на сочетании *шмльй* + *соморльй*; 2) многосложные основы с ударением на конечном слоге корня.

1.1.1. У основ первой группы акц. парадигма *a* по всем говорах, как правило, представлена особым акц. типом, который является ее непосредственным продолжением. Отличительной чертой этого акц. типа является рефлекс краткости в староакцентированном слоге. В диалектах с продолжением неконечного ударного слога для этого акц. типа характерно количественное (и/или качественное при утрате количественных различий) противопоставление формы ном.ч.сг. другим формам, а в диалектах с непродленным старым акцентом¹ — краткость во всех (или в большинстве) падежных форм. Ниже приводится материал².

В диалектах с продолжением неконечного ударного слога "литературного" типа (*^ŕ *^ŕ) и с поздним продолжением староакцентированных слогов (*^ŕ ≠ *^ŕ) у этих основ представлена акц. кривая IA или ее модификации, очевидно выводимые к данной акц. кривой: Чвѣтъ — сл. литер. *brāt brata*, pl. *brātje*; горечьск. Prim. *brāt brāta*, pl. *brātje*; SVB *brāt* ISN 18, pl. *brātje* 23; доленьск. Ribnica *brāt* FO 130, gen. pl. *brātu* 129; ŠRup. *brāt brāta*, pl. *brātje*; Буѣка *brāt* FO 146, pl. *brātje* 142; BabPol** 3 *brāt* FO 121, dat. *brāte*, pl. *brāti* 122; повт. Šl.** *brāt brāta*, pl. *brāti*; ČV** *brāt brātij*, pl. *brātje*; Horjul *brāt*, pl. *brāti* FO 83; приморск. Razd.** *brāt brāta*, pl. *brātje*; Osno/Sl. *brāt* FO 44, instr. *z brātren* 45; Komen** *brāt brāta* FO 62; каринт. Obir. *brāt brāta* Karn. 126; штир. Božna** *brāt brāta* Štr. 8; Mest.** *brāt brāta*, pl. *brāti*; Gor/Sliv** *brāt* ISN 76, gen. *brāta* 75; Šmarje/Jelš.** *brāt* FO 161, gen. *brāta* 160; *časa — сл. литер. *čās časa*; повт. ČV** *čās čāsg.*, pl. *čās'*; приморск. Razd.** *čās čāsa*, pl. *čās'*; каринт. Plajberk *čās* ŠR 10, gen. *čāsa* 85; *dĕd — сл. литер. *dĕd dĕda*; каринт. Rinkole *djāt/djāt dĕda* 14; Lersna *dĕd dĕda* Karn. 294; Obir. *dĕd dĕda* Karn. 137; *dyma — сл. литер. *dīm dīma*; горечьск.

¹ О них подробно см. Rigler 1976.

² О формах с рефлексом нового циркумфлекса см. ниже, поэтому здесь они приводятся только в случае отсутствия в материале других форм.

³ Знаком ** отмечены диалекты с динамическим ударением.

Prim. *d̂m d̂ma*; доленьск. ŠRup. *d̂m d̂ma*, pl. *d̂m*; ровт. ŠI.** *d̂m d̂ma* (вторичное сокращение узких гласных); ČV.** *d̂m d̂ma*; каринт. Obir. *d̂m d̂ma* Karn. 139; Sele *d̂m d̂ma* TSVK; Plajberk *d̂m* ŠR 38, gen. *ud d̂ma* 58, pl. *d̂ma* 98; Sveče *d̂m d̂ma* 55; *gadъ – слн. литер. *gād gāda*; гореньск. Prim. *gād gāda*, pl. *gādje*; ровт. ŠI.** *γād γāda*; ČV.** *γāt γāda*; приморск. Razd.** *γād γāda*; каринт. Obir. *ĥd hāda* Karn. 146; *gorъ – слн. литер. *gr̂h grāha*; гореньск. Prim. *gr̂h grāha*; доленьск. ŠRup. *gr̂h grāha*; ровт. ŠI.** *γr̂h γrāha*; ČV.** *γr̂h γrāha*; приморск. Razd.** *γr̂h γrāha*; Sarženta *hr̂h hrāha* 57; Kras** *γr̂h γrāha* 15; *jugъ – слн. литер. *jūg jūga*; ровт. ŠI.** *ĵh jūga* (вторичное сокращение узких гласных); ČV.** *ĵh jūga*; приморск. Kras** *ĵh jūga* 15; каринт. Obir. *ĵh jūga* Karn. 162; Plajberk *ĵh jūga* ŠR 83; штир. Rog** *ĵh jūga*; *klīm – слн. литер. *kl̂n klīna*, pl. *klīni*; ровт. ŠI.** *kl̂n klīna* (вторичное сокращение узких гласных); ČV.** *kl̂n klīna*; *kraij – слн. литер. *kr̂j krāja*; гореньск. Prim. *kr̂j krāja*, pl. *krāja*; Tržič *kr̂j*, loc. *par kr̂j* LSN 25; доленьск. ŠRup. *kr̂j krāja*, pl. *krāja*; BabPol** *kr̂j* LSN 31, gen. *da kr̂ja* 35; ровт. ŠI.** *kr̂j krāja*; ČV.** *kr̂j krāja*; приморск. Razd. *kr̂j krāja*; Kras** *kr̂j krāja* 15; каринт. Žvabek *kr̂j* ZdT 37, loc. *u ... kr̂ja* 38; Šmarjeta *kr̂j* ZdT 33, loc. *na ... kr̂j* 31 / *kr̂ja* 33; Rinkole *kr̂j* ZdT 11, gen. *ut kr̂ja* 13; Globasnica *qr̂j* ZdT 47, loc. *na ... qr̂ja* 46; Obir. *qr̂j qrāja* Karn. 171–172; Korte *qr̂j* Karn. 341, dat. *qr̂j* 335; Sele *qr̂j* Karn. 308, gen. *du qrāja* 129; Plajberk *qr̂j* ŠR 6, gen. *qrāja* 18; Potoče/Šmoh. *kr̂j*, loc. *na kr̂ja*; штир. Rog.** *kr̂j krāja*; *kruxъ – слн. литер. *kr̂h krūha*; гореньск. Prim. *kr̂h krūha*; доленьск. Ribnica *kr̂h krūha* FO 129; ŠRup. *kr̂h krūha*; BabPol** *kr̂h krūha* FO 121; ровт. ŠI.** *kr̂h krūha* (вторичное сокращение узких гласных); BV *kr̂h krūha* 32 (вторичное сокращение узких гласных); приморск. Razd.** *kr̂h krūha*; Kras** *kr̂h krūha*; каринт. Rinkole *kr̂h* ZdT 19, gen. *krūha* 3; Globasnica *qr̂h*, loc. *pu qr̂h* ZdT 46; Kneža *qr̂h qrūha* 1.1; Obir. *qr̂h qrūha* Karn. 175; Sele *qr̂h qrūha* 1.1; Iasja vas *qr̂h qrūha*; Plajberk *qr̂h qrūha* ŠR 24; Sveče *qr̂h qrūha* 55; Kostanje *kr̂h krūha* 1.1; штир. Bočna** *kr̂h krūha*; Rog.** *kr̂h krūha*; *kūpъ – слн. литер. *kūp kūra*, pl. *kūpi*; гореньск. Prim. *k̂p kūra*, pl. *kūra*; доленьск. ŠRup. *k̂p kūra*, pl. *kūra*; ровт. ŠI.** *k̂p*

kūra (вторичное сокращение узких гласных); ČV.** *k̂p kūra*; BV *k̂p kūra* 32 (вторичное сокращение узких гласных); приморск. Kras** *k̂p kūra* 14; каринт. Obir. *q̂p qūra* Karn. 176; *makъ – слн. литер. *m̂k māka*; доленьск. ŠRup. *m̂k māka*, pl. *māk*; ровт. ČV.** *m̂k māka*; приморск. Razd.** *m̂k māka*; *morъ – слн. литер. *m̂z mraza*; гореньск. Prim. *m̂z mraza*; доленьск. ŠRup. *m̂z mraza*; ровт. ŠL.** *m̂z mraza*; ČV.** *m̂s mraza*; приморск. Razd.** *m̂s mraza*; Kras** *m̂s mraza* 18; каринт. Obir. *m̂z mraza* Karn. 189; штир. Mest.** *m̂s mraza*; *plugъ – слн. литер. *pl̂g plūga*; каринт. Obir. *p̂h pūha* Karn. 211; Sele *p̂h pūha* Karn. 211; Plajberk *p̂h*, instr. *s ... pūham* ŠR 71; штир. Rog.** *pl̂k plūga*; *porъ – слн. литер. *pr̂g prága*; гореньск. Prim. *pr̂h prága*; доленьск. ŠRup. *pr̂k prága*, pl. *prági*; ровт. ŠI.** *pr̂g prága*; ČV.** *pr̂g prága*; приморск. Razd.** *pr̂h prága*; Kras** *pr̂h prága* 15; штир. Bočna** *pr̂g prága*; *rajъ – слн. литер. *r̂j rája*; ровт. ČV.** *r̂j ráje*; штир. Rog.** *r̂j rája*; *rakъ – слн. литер. *r̂k ráka*; гореньск. Prim. *r̂k ráka*, pl. *rák(a)*; доленьск. ŠRup. *r̂k ráka*, pl. *rák*; ровт. ŠL.** *r̂k ráka*; ČV.** *r̂k ráka*; приморск. Razd.** *r̂k ráka*; *sakъ – слн. литер. *ŝk ŝka*; *svatъ – слн. литер. *sv̂t sváta*; гореньск. Prim. *sv̂t* (sic!) *sváta*, pl. *svátje*; ровт. ČV.** *sv̂t svátg*; *volъ – слн. литер. *l̂h láha*; гореньск. Prim. *l̂h* (sic!) *láha*, pl. *Láĥa*; ровт. ČV.** *l̂h láha*; прим. Kras** *l̂h láha* 15; каринт. Obir. *Ŵh Wáha* Karn. 177; *xlěbъ – слн. литер. *hl̂b hléba*, pl. *hlébi*; гореньск. Prim. *hl̂b hléba*, pl. *hléba*; приморск. Kras** *hl̂p hléba* 15; каринт. Obir. *xl̂b xléba* Karn. 155; Plajberk *hl̂p* ŠR 38, gen. *hléba* 70; *zetъ – слн. литер. *ẑt zéta*; ровт. ČV.** *ẑt zéta*; приморск. Razd.** *ẑt zéta*. Многосложные основы с ударением на конечном слоге в говорах с оттяжкой ударения с конечного слога образуют особую акц. кривую акц. типа А (IIA): *čelověkъ – слн. литер. *čl̂ovek človeka*; гореньск. Prim. *čŵuk čwéka*, du. *čŵéka*; доленьск. ŠRup. *čl̂uk člavéka*; ровт. ŠL.** *čl̂uk člúvika*; каринт. Rinkole *čŵávek čwawéka* TSVK; Globasnica *čŵávek čwawéka* TSVK; Obir. *čŵwq čwéqa* Karn. 134; Korte *čŵwq čwéqa* Karn. 340; Šajda *čŵwq* Karn. 337, *čwéqa* 309; Sveče *čŵwq čwéqa* 54; Blače *čŵbak čwéka* TSVK; штир. Rog.** *čl̂dvek čl̂vika*; Mest.** *čl̂dvek*

sluvěka; Mostec** *slŭk sluvěka*; *jęзык — слн. литер. *jęzik jezik*; гореньск. Prim. *jęzak jezik*, pl. *jęzik*; доленьск. ŠRup. *jęzak jęzička*, pl. *jęzik*; ронт. ŠI** *jęsk izika* (вторичное сокращение узких гласных); приморск. Razd** *jęzak jęzik*; Круш** *jęzik jezik* 30; каринт. Кнежа *јазъ* FO 209, gen. *јазъа* 207; Obir. *jęzq jeziqa* Karn. 161; штир. Rog** *jęzik jezik*; Mest** *jęzik jezik*; *medvědъ — слн. литер. *médved medvěda*; гореньск. Prim. *médved medvěda*; доленьск. ŠRup. *mjadvajt mjadvěda*, pl. *mjadvědi*; ронт. ŠI** *médvid midvída*, ČV** *médvojt me dvivěda*; приморск. Razd** *miedvajt mjadvěda*; Круш** *médvėt me dvivěda* 30; каринт. Obir. *mėdve d me dvivěda* Karn. 185. Korte *médved medvěda* Karn. 329; штир. Rog** *miedvot medvėida*; Mest** *miedvot medvėda*; *orěxъ — слн. литер. *orěh orěha*, pl. *orěhi*; гореньск. Prim. *orě orěha*, pl. *orě / orěha*; ронт. ŠI** *orx urěxa*; ČV** *orx urěxa*; Церкно** *worx* FO 72, pl. *worěix* 72; приморск. Razd** *urěx / urěx urěxa*; Круш** *worěh worěha* 30; каринт. Кнежа *orax* FO 209, gen. *worěha* 204; Obir. *horěx hurěxa* Karn. 201; Potoče/Šmoh. *worax*, pl. *worěx*; штир. Rog** *urđrex vorěixa*; Mest** *urđrex / urđrex vorěxa*; Šmarje/Jelš** *vurěx*, pl. *vorěixi*; пан. Videm/Šev** *orěx orěxa* FO 175. В говорах без подобной оттяжки эти основы имеют акцентную кривую IA, как и односложные основы; приморск. Ošne/ŠI. *orěh* FO 44, pl. *orěx* 45; каринт. Plajberk *orvāq orvėqa* ŠR 26; *jazāq* 106, instr. *z jaziqum* 106; *madvat madvěda* 5; *urđh urěha* 16; Sveče *jazāk jaziq* 55; *madvad madvěda* 55; *worax* 15, gen. *worěxa* 55; но *orvāq orvėqa*, pl. *orvėqa* 54; Kostanje *orvāk orvėka* TSVK; ср. также доленьск. ŠRup. *urěx urěxa*, pl. *urěx*.

Ср. в диалектах без продления неоконечного ударного слога: пкм. Belt** *bāk bāka*; *čās čāsa*; *děd dēda*; *din dīta*; *grāj grāja* (*gorx); *jūg jūga*; *mrāz mrāza*; *sāk sāka*; *svūt svāta*; *slōvik slōvėka*; но *orī orėja*.

1.2. Основы а.п. *a*, оканчивающиеся на шумный + сонорный, имеют акц. тип IB (или IB_c): *bratъ — каринт. Vovbre *brátar*, pl. *brátra* TSVK; Sp. Krčunje *brótar brótra* TSVK; Кнежа *brótar*, dat. *bróttra*, pl. *bróttra* TSVK; Hudi kmj *brátar*, dat. *brátra* TSVK; Sele *brátar brátra* Karn. 126; Plajberk *brátar* ŠR 102, gen. *brátra* 39, pl.

brátra 20; Sveče *brátar* 19, pl. *brátra* 25; Kostanje *brátar*, instr. *brátarum* TSVK; *gabrъ — слн. литер. *gáhar gábra*; доленьск. ŠRup. *gábar gábra*, pl. *gábri*; ронт. ČV** *yábar yábra*; приморск. Razd** *yábar yábra*; каринт. Obir. *hábbar hábtra* Karn. 146; штир. Rog** *gáber gábra*; Mest** *gáber gábra*. К ним непосредственно примыкают опростившиеся старые производные с сочетанием шумный + сонорный, возникшим после падения редуцированных: *dětъ — слн. литер. *dětal dēda*; приморск. Razd** *dítal dítalna*; штир. Mest** *dět dēta*, pl. *dēti*. Возникновение в этих формах нового циркумфлекса, по-видимому, носит случайный характер и может расцениваться как известный процесс перехода основ из акц. типа IB в IB_c, ср. слн. литер. Post. *gábar gábra*. У основы *větrъ подобный переход наблюдается на обширной территории и сопровождается переходом форм м.п.ч. в акц. тип IVC_{перанн}, охватывающим еще более широкую область. слн. литер. *větár vĕtra*, pl. *vetřvi / vĕtri*; гореньск. Prim. *větár vĕtra*, pl. *vetřvi*; SVB *vĕtar* FO 77; доленьск. ŠRup. *vĕtar vĕtra*, pl. *vĕtrōvi*; ронт. ŠI** *vĕtar vĕtra*, pl. *vitřvi*; ČV** *vĕtar vĕtra*, pl. *vĕtrōvi*; приморск. Razd** *vĕtar vĕtra*, pl. *vĕtrōvi*; Круш** *vĕtr vĕtra*, pl. *vĕtrōvi* 19; каринт. Korte *vĕtar* Karn. 341; штир. Rog** *vĕtĕr vĕtĕtra*, pl. *vetřōvi*; Mest** *vĕter vĕtra*, pl. *vetřvi*. В некоторых диалектах, однако, данная основа сохраняет акц. тип IB; каринт. Rinkole *vĕtar* ZdT 12; Lepena *vĕtar* Karn. 293; Obir. *vĕtar* 162, pl. *vĕtrōv* 162; Sveče *vĕtar* 26; Bilšovs *vĕtar* 105. В диалектах без продления неоконечного ударного слога основы на шумный + сонорный, как и другие основы а.п. *a*, относятся к акц. типу IA_{кр}: пкм. Belt** *gāber gābra*, *dēto dēta*, *vōter vōtra*.

Основа *vĕtrъ в диалектах со сдвигом акута вправо может переходить в окситонированный акц. тип: Plajberk *vĕtar vatrā*, loc. *na vĕtrā*, pl. *vĕtrā / vetřva* ŠR 119; возможно, это не случайное совпадение, а свидетельством того, что подобный сдвиг мог хотя бы в исключительных случаях происходить не только в многосложных основах.

1.3. Многосложные основы а.п. *a* со старым акутом на неоконечном слоге основы образуют две группы в зависимости от посл. количества слога основы, следующего за ударным.

1.3.1. Основы с кратким заударным слогом, так же как основы на *шумный + сонорный*, в диалектах с закономерным продлением неконечного ударного слога относятся к акц. типу IV или IV_{кр}: *javorь — слн. литер. *javor javora / javorja*; гореньск. Prim. *javor javorja*; доленьск. ŠRup. *javor javorje*, pl. *javori*; ровт. ŠL** *javar javarja*; приморск. Razd.** *javor javura*; каринт. Obir. *javar javarja* Karn. 160; штир. Rog.** *javor javora*; Mest.** *javor javorja*; *kamy — слн. литер. *kamən kāmna*; гореньск. Prim. *kamən kāmna*, pl. *kāmna*; ровт. ŠL** *kānṅ kāmna*; ČV** *kānṅ kāmng*; приморск. Razd.** *kāmṅ kāmna*; каринт. Korte *qāmən* Karn. 329, acc. pl. *qāmne* 341; Sele *qāmən qāmna* Karn. 170; штир. Воџна** *kāmṅ kāmna* 22; Rog.** *kāmen kāmna* (sic!); Mest.** *kāmṅ kāmna*, *sēverь — слн. литер. *sēver sēvera*; гореньск. Prim. *sēvar sēvara*; доленьск. ŠRup. *sēvar sēvara*; ровт. ŠL** *sēver sēverja*; ČV** *sēvar sēvarje*; приморск. Razd.** *sēvar sēvara*; Kras** *sēver sēverja* 32; штир. Mest.** *sēver sēverja*, — а в диалектах без продления неконечного ударного слога — акц. тип IA_{кр}: пкм. Belt.** *kānen kāmna*; *sēver sēvera.

В диалектах со сдвигом старого акута вправо эти основы образуют особый акц. тип — каринт. Plajberk *qāmən qāmna* ŠR 63, pl. *qāmṅna* 58, gen. pl. *qāmṅnow* 73 (предшествующая стадия этого процесса, возможно, отражена в Kostañje *kāmən kāmna* LI, ср. также Plajberk instr. *s qāmṅnat / s qāmṅam* ŠR 88), что однако не способствует совпадению основ а.п. а с основами др. праслав. а.п.

1.3.2. Основы с долгим заударным слогом закономерно получают новый циркумфлекс во всех формах, образуя таким образом акц. тип II: *jastreбь — слн. литер. *jāstreb jāstrebā*; гореньск. Prim. *jāstreb jāstrebā*; SVB *jāstref* FO 75; доленьск. Ribnica *jāstrop* FO 130; ровт. ŠL** *jāstref jāstrefa*; каринт. Sele *jājstref jājstrefa* Karn. 160; Plajberk *jājstref jājstrefa* ŠR 106; штир. Rog.** *jāstref jāstrebā*; Mest.** *jāstref jāstrebā*; пкм. Belt.** *jāstreb jāstrebā*; *mēsecь — слн. литер. *mēsac mēseca / mēsac mēseca*; гореньск. Prim. *mēsac mēseca*; доленьск. ŠRup. *mēsac mēseca*; ровт. ŠL** *mīsca mēseca*; ČV** *mēsac mēseca*; приморск. Razd.** *mēsac mēseca*; Kras** *mēsca* 17/*mēsca* 21, gen. *mēsca* 17; каринт. Obir. *mēsanc mēsancu* Karn. 185; Šajda

mēsanc mēsancu Karn. 304; Plajberk *mēsanc mēsancu* 23; Sveče *mēsanc* 150; Bilčovs *mēsanc* 110; штир. Rog.** *mēsac mēsca*; Mest.** *mēsac mēseca* 'луна', *mēsac mēseca* 'единица исчисления времени'; пкм. Belt.** *mēsac mēseca*; *pēnezь — слн. литер. *pēnez pēneza*; пкм. Belt.** *pēnez*; pl. *pēnezi*, gen. pl. *pēnezov*; *zajecь — слн. литер. *zājac zāja*; гореньск. Prim. *zājac zāja*; доленьск. Ribnica *zājac* FO 127; GV/Rib. acc. pl. *zājece* LSN 32; ŠRup. *zājac zāja*; Bučka** *zājac* FO 141; ровт. ŠL** *zājac zāja*; ČV** *zāje zāje*; приморск. Razd.** *zāje zāja*; Kras** *zāje zāja* 18; каринт. Rinkole gen. *zāca* ZdT 16; Kneža pl. *zāca* FO 208; Obir. *zāca* Karn. 262, gen. *zāca* 202 / *zāca* 262; Korte *zāca* Karn. 329; Plajberk *zāca* 19; штир. Воџна** *zāca*, loc. *zāca*; Rog.** *zāca zāca*; Mest.** *zāca zāca*; пкм. Belt.** *zāca zāca*. Отклонения от подобной рефлексии не носят системного характера, ср. доленьск. ŠRup. *jāstreb jāstrebā*, pl. *jāstrebā*.

Таким образом, закон продления неконечного ударного слога делит словенские диалекты на несколько групп — с продлением "литературного" типа, с поздним продлением (в этой зоне наблюдается сдвиг старого акута вправо) и без продления. Однако сохранение а.п. а в виде особого акц. типа наблюдается во всех группах. Столь же закономерно во всех группах у основ типа *mēsecь возникает акц. тип. II.

1.4.1. Если не учитывать узко диалектных явлений, таких как сокращение узких гласных в ровт. ŠL, разбивающих акц. тип IA на два подтипа (IA и IA_{кр}), у основ а.п. а I группы наблюдаются следующие "нетригивальные" случаи рефлексии: 1) акц. тип ID связан с утратой количественных оппозиций в ударном слоге (ср. в Prim., где количественные оппозиции утрачены, ID является основным рефлексом а.п. а), подобная утрата частично наблюдается и в других диалектах, ср. доленьск. ŠRup. *arāca arāca*¹. По-видимому, с

¹ На вторичность такого процесса указывает, например, вокализм в каринт. Rinkole *djāt/djāt dé da* TSVK.

тенденцией к (частичной) утрате интонационных оппозиций связано и возникновение редкого акц. типа П^{кр}: гореньск. Prim. *jāx jūga; klān klīna*; ровт. BV *jōx*, gen. *od jūγa*; приморск. Šarženta *krāi*, gen. *ot krāja* I SN 53; каринт. Sele *qlān qlīna* Karn. 164; Sveče *prāx prāka* 55 (**porg*); [об отражении этих процессов в словенском литературном языке см. Rigler 1968, 193–194]; 2) не только в слн. литер. языке, но и в диалектах представлены и акц. тип П^{ср}, ср. слн. литер. *čād čāda; dčd dčda; jūg jūga; klīn klīna; lūk lūka* [с пометой *nar. vzhodno*, т.е., вероятно, непосредственно отражающее штирийскую акцентацию]; *māk māka; rāj rāja; hlčb hlčba*; гореньск. Prim. *māk māka; rāj rāja*; доленск. ŠRup. *jčk jčga*; ровт. ŠI.** *māk māka; rāj rāja; svāt svāta; xīb xība*; ČV** *čāt čāda*; каринт. Obir. *qlīn*, instr. *s qlīnam* Karn. 146; пкм. Belt.** *klīju klīju*, В центральноштирийском диалекте тенденции к выравниванию вокализма корня автоматически переводит основы а.п. *a* из акц. типа IА в П^{ср}: штир. Rog.** *brāt brāta*, pl. *brātje*, gen. pl. *brātof*; *gāt gāda; kūr kūra; mčk mčka; nrās nrāza; prāg prāga; svāt svāta*; Мест.** *gāt gāda; prāg prāga; lāx lāxa*; но *māk māka; rāj rāja; rāk rāka; sāk sāka* – с выравниванием по форме nom. sg. Особый случай представляет, по-видимому, только слово **māk*, имеющее акц. тип П^{ср} на довольно значительной территории.

1.4.2. Основы **morz* и **porg* могут во мн. ч. иметь окончания с *-ov-*, что переводит их в акц. тип IА ~ IVC_{перевн}: слн. литер. *nrāz nrāza*, pl. *nrāzovi / nrāzi*; гореньск. Prim. *prāg prāga*, pl. *prāgōv*, gen. pl. *prāgōv*; приморск. Vazd.** *prāx nrāxi*, pl. *prāxōvi / nrāxi*, gen. pl. *prāxōv / nrāxi*. Более редкий случай представляет переход основы **morz* в подвижный акц. тип: штир. Vočna** *nrāz*, gen. *nrāzov* (< *nrāzū*), ср. также люблянск. XVIII в. *nrāz nrāzū* у Похлина (Valj 48:141), что также, вероятно, представляет собой региональную особенность.

1.5.1. Новый циркумфлекс. У основ а.п. *a* рефлекс нового циркумфлекса в виде долгого нисходящего ударения закономерно представлен в системе словоизменения основ м.р. в формах loc. sg., gen., loc. и instr. pl. Однако, между отдельными словенскими диалектами наблюдаются большие различия в распространенности этого явления:

loc. sg. Формы с рефлексом нового циркумфлекса: слн. литер. Valj. *brātu, orčhu / orčhu*; SSKJ *brātu / brātu*¹; гореньск. Prim. *par brāt(a) / brāt; na grāh; na kūr; u nrāz; na nrāx; par rāk / par rāk(a); par svāt; u hlčb*; доленск. ŠRup. *par brāt; u dīm; u grāx; na kūr; u māk; u nrās; na prāk; par rāk*; GV Rib. loc. и ... *čāsa* I SN 32; Borovnica *na ... prāgi* I SN 34; ровт. Horjul *pri brāt* FO 85; каринт. Šmarjeta *na prōga* ZdT 33; Obir. *w dīm* Karn. 296; *par jūx* 162; многосложные основы I группы: гореньск. Prim. *čwčk; na jezčk; par medwčd / medwčd*; *na orčh*; доленск. ŠRup. *par klavčk; na jazčk; par mčdvčk*; каринт. Кнежа *na jazč?* FO 208; основы (C)CVC(C): доленск. ŠRup. *na gābar*.

Формы с отсутствием нового циркумфлекса: гореньск. Prim. *na gād*; *par l.ūh*; многосложные основы I группы: доленск. ŠRup. *na arč*; каринт. Sveče *čwčga* 54; многосложные основы II группы: гореньск. Prim. *na kōmna; na séver*; доленск. ŠRup. *na sčvar*. Как видно из приведенного выше материала, новый циркумфлекс обычно сохраняется у основ а.п. *a* на всей территории словенских диалектов. Его отсутствие связано, как правило, с многосложностью основы. В настоящее время у нас нет данных, позволяющих судить о том, утрачивался ли он в подобных позициях или не возникал. О ситуации в пкм. нет сведений, кроме формы Belt.** *adv. včdsi / tako*². Очевидно однако, что все диалекты, материал которых релевантен для определения позиций нового циркумфлекса, имеют его рефлекс в loc. sg.

1.5.2. gen. pl. Формы с рефлексом нового циркумфлекса: слн. литер. SSKJ *brātov / brātov*¹; доленск. Ribnica *brātu* FO 129; ŠRup. *brātu; dīm; kūr; māk; nrāgi; rāk*; приморск. Ošne/Sl. *brātu* FO 44; каринт. Plajberk *brātu* 102; многосложные основы I группы: доленск. ŠRup. *jazčku; mčdvčdu; arčdu*; основы на *шумный / сонорный*: доленск. ŠRup. *jāvuru; jāstrabu*.

Формы с отсутствием нового циркумфлекса: слн. литер. (Valj) *brātov*; гореньск. Prim. *brītov; gādov; kūrōv; rākōv; svātōv; Lāhov; hlčbov*; Valb./Sml. *brītov* FO 90; *rākōv* 90; каринт. Rinkole *brītov*

¹ Так у всех основ акц. типа А (IА и IIА).

TSVK; Podkraj *dédou* 'TSVK; Bikaŕja vas *deúdu* 'TSVK; Obir, *brátu* 42; Kostanje *brátrou* 'TSVK; Šm./Plib, *brátrou* 'TSVK; многосложные основы I группы: слл. литер. (Valj) *elovékou*; гореньск. Prim, *je-zíkou*; *medwédou*; *oréhu*; каринт. Sveče *čwéqu* 54; многосложные основы II группы: гореньск. Prim, *kámpou*; каринт. Plajberk *qamənou* 73.

loc. pl. Формы с рефлексом нового циркумфлекса: слл. литер. Valj *bráti*; SSKJ *bráti* / *bráti*; adv. *včāsih*; гореньск. Prim, *brá-tah* / *brátah*; *pər gādah*; *u kûrah*; *na prāgah*; *pər rākah*; *pər svātah*; *pər Lāhah*; *u hlēbah*; Valb./Sml, adv. *včāsəx* I SN 21; Кг. Gora *včāsəx* I SN 62; доленьск. ŠRup, *pər brātəx*; *u dīməx*; *na kûpəx*; *na prāgəx*; *pər rākəx*; каринт. Sveče adv. *včāsəx* 148; пкм. Belt.** adv. *včāsī* 'včāsih'; многосложные основы I группы: слл. литер. (Valj) *elovč-kih*; гореньск. Prim, *na jezībah*; *pər medwédah*; *na orčəh*; доленьск. ŠRup, *na jəzīkəx*; *pər mədvədəx*; *na arčəx*; основы на шумный + со-норный: доленьск. ŠRup, *na gābrəx*; многосложные основы II груп-пы: гореньск. Prim, *na kāmpəh*; SVB *na Kāmpəx* (топоним) I SN 17.

Формы с отсутствием нового циркумфлекса: каринт. Rinkole *dédex* 'TSVK; многосложные основы I группы: каринт. Sveče *čwé-qax* 54; многосложные основы II группы: доленьск. ŠRup, *na já-vurəx*.

instr. pl. Формы с рефлексом нового циркумфлекса: слл. литер. Valj *bráti*; SSKJ *bráti* / *bráti*; гореньск. Prim, *brátəm* / *brátəm*; *s kûpəm*; *s prāgəm*; *z rākəm* / *rākəm*; *s svātəm*; *z Lāhəm*; *s hlēbəm*; доленьск. ŠRup, *z brátəm*; *z dīmə*; *s kûpəm*; *za prāgəm*; *z rākəm*; каринт. Rin-kole *dédami* 'TSVK; Sp.Krčanje *brótamə* 'TSVK; Obir, *dēad* 'TSVK; Ko-stanje *bráttramə* 'TSVK; многосложные основы I группы: гореньск. Prim, *z jezīkəm*; доленьск. ŠRup, instr. du, *s elovčkəm*; instr. pl, *z jəzīkəm*; *z mədvədəm*; *z arčəm*; каринт. Sveče *čwəqimə* / *čwəqamə* 54; *wrčšmə* / *wrčšimə* 55; основы на шумный + сонорный: доленьск. ŠRup, *za gābrəm*; многосложные основы II группы: гореньск. Prim, *s kāmpəm*; доленьск. ŠRup, *za jávurəm*; *z jāstrəbəm*.

Формы с отсутствием нового циркумфлекса: гореньск. Prim, *z gādəm*; многосложные основы I группы: слл. литер. Valj *elovéki*; гореньск. Prim, *z medwédəm*; *z orčəm*.

Распространение нового циркумфлекса в формах gen., loc. и instr. pl. от основы *bratz картографировано Я. Риглером (Rigler

AV II, 5–7), наши материалы хорошо накладываются на эти карты. Как справедливо было замечено Я. Риглером, на относительную древность претендует лишь отсутствие нового циркумфлекса в gen. pl., ибо границы этого явления в основных чертах совпадают с диалектными границами, противопоставляя гореньско-каринтийский и доленьско-североприморско-юговосточноштирийский ареалы, в то время как утрата нового циркумфлекса в loc. и instr. pl. есть недавнее явление [Rigler AV II, 9]. В настоящее время нет прямых доказательств, свидетельствующих о том, был ли новый циркум-флекс в gen. pl. в гореньско-каринтийской зоне утрачен или же он там не возникал. Я. Риглер, опираясь на архаичные формы типа gen. pl. *orčəx* [ib., 9], полагал, что новый циркумфлекс был утрачен; возможно, он связывал эту утрату с заменой старой \varnothing -флексии gen. pl. окончанием *-ov*, ср. также каринт. Plajberk *brátov*. Обращает на себя внимание однако, что в loc. и instr. pl. замена (конечно, гораздо более поздняя) старых окончаний новыми в боль-шинстве случаев не вызывает утраты нового циркумфлекса.

2.0. Долготные основы других а.п.

2.1. а.п. b

2.1.1. Большинство долготных основ а.п. b относится к акц. типу IV: слл. литер. *dél dēla* (/ *dəl dēla*); *gōž gōža* (/ *gōž gōža*) 'уж'; *gréh gréha*; (Ilost.) *bljúšč bljúšča*; *kljúč kljúča*; *králj králja*; *lúg lúga* (/ *lūg lūga*); *plášč plášča*; (*přid*) *přida* (/ *přid přida*); *příšč příšča* (/ *přišč přišča*); *rěp rěpa* (/ *rěp rěpa* / *rěp rěpa*); *Rím Ríma*; *sōd sōda* (/ *sōd sōda* / 'iudicium'); *hlěv hlěva* (/ *hlěv hlěva*); (Valj) *hrām hrāma* (/ *hrām hrāma*); *hrást hrásta* (/ (Valj) *hràst hrásta*); *žúlž žúlja* (/ *žúlž žúlja*); гореньск. Prim, *déu déwa*, loc. *u déu*; *gréh gréha*, loc. *gréha*; *klúč klúča*, loc. *klúča*; *král krála*, loc. *krála*; *kót kóta*, loc. *u kóča*; *pwájš pwájša*, loc. *na pwájš*; *přid přida*; *srčn srčna*, (loc. *po srčn*); *žúlž žúla* loc. *na žúlž* (/ *na žúlž*); Valb./Sml, *rěp* LSN 26; доленьск. Borov-nica *gréix* LSN 34; ŠRup, *grčx grčxa*, loc. *u grčx*; *klūč klūče*, loc. *klūči*; *krāl krále*, (loc. *pər krāl*); *kūot kūota*, loc. *u kūot*; *n'ep ričpa*, loc. *na ričp(i)*; приморск. Ožne/SI *kjúč* FO 43; *rěp* FO 43; Šarženta *rěp* LSN 58; каринт. Rinkole *bik bika* 'TSVK; Kneža 'lúč FO 203, pl.

γλίδα 208; γότ 205; Obir. hréx hréxa Karn. 152; qrál 46; qóat 29, loc. w Qóat (топоним) 80; pwájs pwájsa 210; gen. prídu 214; Rím Ríma 227; srén sréna 237; χλέω 245, loc. u χλέλ 47; Korte qót 329; Šajda qrál qrálu 337; Sele Rím, du. Ríma 227; Plajberk qrál, gen. ut qrála 22, loc. par qrála 25; rép 26, gen. répa 19; hlíw hlíwa, loc. u hlíwə 69; Sveče hríx hríxa 53; qlúč qlúča, loc. qlúčə 54; qlún qlúna 52; qót 18, loc. w qótə 145; xlíw xlíwa, loc. xlíwə 53; Bilčovs qlún 104. Рефлексе нового циркумфлекса в loc. sg. у долготных основ а.п. b, как правило, отсутствует.

2.1.2. Во мп. ч. рефлексе нового циркумфлекса у долготных основ а.п. b наблюдаются в тех же позициях, что и в а.п. a. В вост.-долоньск. последовательно в gen. и instr. pl., менее последовательно в loc. pl.: Štur. gen. pl. gréxu, klóxu, králu, kúotu, ríepu; loc. pl. u gréxəx, pu kúotəx, na ríepəx, no klúčəx, par králəx; instr. pl. z gréxəm; klúčəm; s králəm; s kúotəm; z ríepəm. В гороньском и каринт. новый циркумфлекс непосредственно представлен в instr. и loc. pl. и отсутствует в gen. pl.: gen. pl. гороньск. Prim. déwoy, gréhou, klúčoy, králjoy, kótoy, pwájsoy, zúloy; каринт. bíkoy ZdT 4; Kneža γλίčoy I'O 209; Obir. hréxu Karn. 253, qrálu 123; Sveče qlúču 54, xlíwoy 53, но Sveče qlúnu 24; loc. pl. гороньск. Prim. klúčəh, par králəh, u kótəh, u pwájsəh, u zúləh, но v déləh, v gréhəh; каринт. Sveče xlíwəx 53, но Obir. w χléwəx Karn. 62; Sveče qlúčəx 54; instr. pl. гороньск. Prim. klúčəm, s králəm, s kótəm, s pwájsəm, z zúləm, но z gréhəm / grəhəm, z déləm; каринт. Sveče qlúčəm / qlúčimə 54, xlíwimə 53; — что может свидетельствовать как о его проникновении из а.п. a, так и о его закономерном возникновении перед долготными окончаниями.

2.1.3. Достаточно регулярно представлен у долготных основ а.п. b и акц. тип IE: слн. литер. bljúšš bljúšša; dél dēla (/ dél déla); gžz gžza (/ gžz gžza); (Most.) kljúč kljúča; kljún kljúna; (Most.) králj králja (но pl. králji); kōt kōtu; lūg lūga (/ lūg lūga); (Most.) lūg lūga; mlēč mlēča; plāst plāsta; prīd prīdu (/ prīd prīda); prōd prōda, pl. prōdi (/ prōdōi) pñšš pñšša (/ pñšš pñšša); srēn srēna; sđd sđdu (/ sód sóda) 'iudicium'; svīšš svīšša (звук; растение; посок); ščit ščitə; hlēv hlēva (/ hlēv hlēva); hlīšš hlīšša; hrām hrāma (/ hrām hrā-

ma); žilj žilja (/ žilj žilja); гороньск. Prim. klūn klūna, loc. klūnə; lūx lūga, loc. u lūx / u lūgə; prōd prōda, loc. na prōdə; Rím Ríma; долоньск. Štur. klōn klōna, loc. klōni; lōk lōga, loc. lōgi; plājšš plājššə, loc. na plājššə; prōt prōda, loc. prōdi; Rím Ríma; srēn srēna, loc. u srēni; ščit ščitə; xrāst xrāsta; žil žile; каринт. Kneža γlūn I'O 209; Obir. qlún qlúna Karn. 166; xrām Karn. 55 (/ xrām 156), gen. xrāma 156.

Приводом также материалы из диалектов с динамическим ударением, в которых по различаются акц. типы III и IV: долоньск. Bučka** klōč, pl. klōči I'O 145; klōn 144; помр. Šl ** dīl dīla; yūz yūza; γrīx γrīxa; krāl krāl; kūt kūta; prūd prūda; srīn srīna; xrāst xrāsta; ČV** γrīx γrīxə; klūč klūče; klūn klūna; krāl krāle; kūt kūtə; tūx tūxə; plājšš plājšša; prīt prīd; rīp rīpə; srīn srīnə; χlīwə χlīwə; xrāst xrāsta; žil žile; приморск. Razd.** dēl dēla; yūz yūzə; γrēx γrēxa (/ γrəxə), loc. u γrēxi, pl. γrēxi; klēč klēče; klūn klūna; krāl krāle; kūt kūtə; lūx lūga; plājšš plājššə; rīp rīpə; Rím Ríma; xléu xléva; xrāst xrāsta; žil žila; Kras** lyh lýga 17; plājšš plājšša 17; prīt prídu 17; Rím Ríma 17; hlēw hlēwa 16; hrāst hrāsta 16; žyl žyla 18; Komen** krāl krāl I'O 60; штир. Rog.** bīk bīka; grēx grēxa; klūč klūča; krāl krāla; kōt kōtu; lūk lūga; plāst plāsta; rēp rēpa; xrōm xrōma; xrāst xrāsta; žil žila; Most.** bīk bīka; dēl dēla; grēx grēxa; klūč klūča; krāl krāla; kōt kōtu; lūk lūga; rēp rēpa; Rím Ríma; xrām xrāma; xrōšš xrōšša; xrāst xrāsta; Gor/Sliv** klūč, acc. pl. klūče I SN 76; Šmarje/Jels.** klōc FO I 60; Mostec** krāl krāla I'O 153, нкм. Belt.** bīk bīka; grēj grēja; klējšš klējšša; *klūjč *klūjča; kráo krāla; kōut kōuta; *lūjg *lūjga; mlējč mlējča; plāst plāsta; prōud prōuda; srējn srējna; rōušš rōušša (*xrōšš); rāst rāsta; žio žijla.

2.1.4. К "нетривиальным" рефлексам а.п. b (долг.) следует отнести: 1) их совпадению с а.п. a в акц. типе IA, как правило, наблюдающееся у основ с корнем типа FORГ и у слова *bykə: слн. литер. blēn blēna; bīk bīka; drēn drēna; klēšš klēšša; rēp rēpa (/ rēp rēpa); hrām hrāma (/ (Valj) hrām hrāma / (SSKJ) hrām hrāma); hrēšš hrēšša; (Valj) hrāst hrāsta (/ hrāst hrāsta); гороньск. Prim. hrāst hrāsta, loc. na hrāst / na hrāstə; помр. ČV** drēn; приморск.

Razd.** *sr̥an sr̥ena*, loc. u *sr̥eni*; *xr̥am xr̥ama*; Kras** *hr̥am hr̥ama* 15; каринт. Obir, *b̥aq b̥iqa* Karn. 123; *ql̥u̇č* 119, instr. s ... *ql̥u̇čam* 188; Sele *xr̥am xr̥ama* Karn. 164; Plajberk *b̥aq b̥iqa* (/ *b̥aq̃a*) ŠR 28; Sveče *xr̥am xr̥ama*, instr. pl. *xr̥am̃a* 55; штир. Bočna** *b̥i̇ka b̥i̇ka* 12;

2) их совпадение с краткостными основами а.п. *b* в окситонированном акц. типе или, соответственно, акц. типе I³_{кр}, также характерное прежде всего для слова **byk̃s* и ряда основ с носовыми в корне: слн. литер. *r̥̥p r̥̥pa* (/ *r̥̥p̃ r̥̥pa* / *r̥̥p̃ r̥̥pa*); *hr̥ȯšč hr̥ȯšča*; гореньск. Prim. *b̥ak̃ b̥ak̃a*, loc. *p̃ar b̥ak̃a* pl. *b̥ak̃a*, gen. pl. *b̥ak̃ou*, loc. pl. *p̃ar b̥ak̃ah*, instr. pl. *b̥ak̃am*; *r̥̥p r̥̥pa*, loc. *na r̥̥p̃*, pl. *r̥̥p̃*; доленьск. ŠRup. *b̥ak̃ b̥ak̃a*, loc. *p̃ar b̥ik̃*, pl. *b̥ik̃*; повт. ŠI** *b̥ak̃ b̥ak̃a*, loc. *b̥ok̃u*, pl. *b̥ok̃i*; ČV** *b̥ak̃ b̥ak̃a*, loc. *p̃ar b̥ok̃*, pl. *b̥ok̃i*; *r̥̥p r̥̥pa*, loc. *r̥̥pu*, pl. *r̥̥pi*; приморск. Razd** *b̥ak̃ b̥ak̃a*, loc. *b̥ak̃i*, pl. *b̥ak̃i*; каринт. Sveče *b̥aq* 21, pl. *b̥ak̃a* 25; штир. Rog** *xr̥u̇šč xr̥u̇šče*.

2.2. а.п. с

2.2.1. Основы а.п. *с*, как правило, относятся к подвижному акц. типу: слн. литер. *dr̥ug̃ dr̥uga* / *drug̃a*, pl. *drug̃ovi* / *dr̥ugi*; *d̥uh̃ duk̃a*; (Valj) *kl̥as̃ klas̃u*, pl. *klas̃ovi*; (Valj) *kw̃as̃ kwas̃u*; *l̥es̃ les̃a* / *l̥esa*; *m̃ir̃ mir̃u* / *m̃ira*; *m̃ȯž̃ mȯž̃a*; *sl̥ad̃ sl̥ada* / *sl̥adu*; *sl̥ap̃ sl̥apa* / *sl̥apu*, pl. *sl̥ap̃ovi* / *sl̥api*; *st̃añ stañu* 'соловие'; (Valj) *str̃up̃ str̃upa*; *sṽet̃ svet̃a*; *s̃iñ s̃ina* / *siñu*, pl. *siñovi* / *s̃ini*; (Valj) *vr̃añ vr̃anu*, pl. *vr̃añovi*; (Valj) *ṽolk̃ volk̃a*, pl. *volk̃ovi*; *zl̃eb̃ zl̃eba* / *zleb̃a* / *zleb̃u*, pl. *zleb̃ovi* / *zl̃eb̃i*; гореньск. Prim. *kt̃as̃ kt̃asa*. *kt̃as̃u*, pl. *kt̃asa*; *kw̃as̃ kw̃asa* / *kw̃asu*; *l̥es̃ l̥esa*; *m̃ir̃ mir̃u*; *m̃ȯž̃ mȯž̃a*, pl. *mȯž̃i* / *mȯž̃dy*; *sṽet̃ svet̃a*, pl. *sṽet̃dy*; *zl̃eb̃ zleb̃a* / *zleb̃u*, pl. *zleb̃dy*; SVB *d̥ux̃ d̥ux̃a* I SN 19; *m̃ȯš̃ mȯž̃a* 17; доленьск. ŠRup. *l̥es̃ l̥esa*; *m̃u̇p̃ mu̇ž̃a*, pl. *mu̇ž̃i*; *sṽet̃ sṽeta*, pl. *sṽet̃ovi*; повт. ŠI** *d̥ux̃ d̥ux̃a* / *d̥ux̃u* / *d̥ux̃u*, loc. *p̃ar ... d̥ux̃*; *l̥is̃ l̥sa*, loc. *l̥isu* / *l̥is̃*, pl. *l̥s̃dy*; *m̃ir̃ mir̃u*, loc. *m̃ir̃*; *m̃i̇ž̃ mu̇ž̃a*, loc. *m̃i̇ž̃u*; *sṽit̃ sṽita*, loc. *sṽitu* / *sṽit̃*; *zl̃ib̃ zlib̃u*, loc. *zlib̃u*, pl. *zlib̃dy*; ČV** *d̥ux̃ d̥ux̃u*, loc. *p̃ar ... d̥ux̃*; *kt̃as̃ kt̃asu*; *kw̃as̃ kw̃asu*; *l̥is̃ l̥esa*, loc. u *l̥is̃*; *m̃i̇ž̃ mu̇ž̃u*, loc. *p̃ar m̃i̇ž̃*; *m̃i̇ž̃ mu̇ž̃e*, pl. *m̃i̇ž̃je* / *mȧž̃i*; *st̃añ st̃anu*, loc. u *st̃añ*; *sṽit̃ sṽeta*, loc. *na sṽit̃e*; *s̃iñ s̃inu*, loc. *señi*, pl. *señi*; *zl̃eb̃ zl̃eba*; Most** *m̃u̇p̃ mȧž̃a* I SN 41; приморск. Razd** *d̥ux̃ d̥ux̃a*, loc. u *d̥ux̃i*, pl. *d̥ax̃ovi*; *l̥es̃ l̥esa*, loc. *na l̥esi*; *m̃u̇p̃ mu̇ž̃a* /

m̃u̇p̃e, loc. *m̃u̇ž̃i*, pl. *mu̇ž̃i*; *sṽet̃ sṽeta*, loc. *na sṽeti*; Kras** *l̥is̃ l̥esa* 17 / *le s̃y* 19; *m̃u̇p̃ mu̇ž̃a* 17 / *mȯž̃a* 19; *st̃añ st̃ana* 17 / *steñy*, pl. *stañove* 19; *s̃iñ s̃ina* 17 / *señy*, pl. *sañove* 19; Sarženta *ṽuk̃ vuk̃a* LSN 57; каринт. Šmarjeta *l̥is̃ l̥esa* ZdT 32; Rinkole *l̥is̃* ZdT 16, gen. *l̥asa* 14 / *l̥isa* 15 / *z l̥isa* 1; Globasnica *l̥is̃* ZdT 48, instr. s ... *l̥es̃am* 45; Sp. Krčanje *l̥is̃ l̥asa* I I; Kneza gen. *s̃iña*, pl. *siñaja* I I; Iasja vas *l̥is̃ l̥asa* I I; Obir. *l̥es̃ l̥esa* Karn. 179; *m̃ȯž̃*, gen. *m̃ȯž̃a* / *m̃ȯž̃a* 188, pl. *m̃ȯž̃* 30; *sṽet̃ sṽeta* 239; *u̇w̃oq̃ u̇w̃oqa* 259; *zl̃eb̃ zleb̃a* 271; Korte *u̇w̃oq̃ u̇w̃oqa* 329; Sele *m̃ȯž̃* 307, adv. *za m̃ȯž̃a bat* 188; Plajberk *d̥uh̃* ŠR 16, gen. *d̥uh̃a* 60, dat. *d̥uh̃u* 62; *qṽas̃* 78, gen. *ut qvas̃u* 57; *l̥is̃ l̥esa* 97; *m̃ȯž̃ mȯž̃a* 4, pl. *mu̇ž̃i* 48; *st̃añ* 34, gen. *ud ... stañu* 50; *sṽit̃* 10, gen. *sṽeta* 23; Sveče *qṽas̃ qvas̃u* / *qvas̃a*, pl. *qvas̃i* 53; *m̃ȯž̃ mȯž̃a*, pl. *mȯž̃i* 63; *s̃od̃ s̃oda* 62; *sṽit̃ sṽeta* 62; штир. Bočna** *kl̥as̃ kl̥asa* 12; *l̥es̃ l̥esa* 13; *st̃añ st̃anu* 12; pl. *vr̃añ* 15; штир. Rog** *l̥is̃ les̃a*, loc. *l̥isi*; *m̃ȯš̃ mȯž̃a*, loc. *m̃ȯž̃i*; Most** *l̥es̃ les̃a*, loc. *l̥esi*; *m̃ȯš̃ mȯž̃a*, loc. *m̃ȯž̃i*, pl. *m̃ȯž̃i*; *sṽet̃ svet̃a*, loc. *sṽeti*, pl. *sṽet̃ovi*; ПКМ. Belt** *d̥ij̃ d̥ij̃a*; "уѣор."** *ṽuk̃ vuk̃a*, pl. *vuck̃e* (*k < j*).

2.2.2. Имобилизация ударения на корне, более характерная для слн. литер. и диалектов к югу и востоку от Любляны, наблюдается, как правило, в од.ч.; слн. литер. *er̃p̃ er̃pa*; *kl̥as̃ kl̥asa*; *kw̃as̃ kwas̃a*; *s̃od̃ s̃oda*, pl. *sod̃ovi*; (SSKJ) *st̃añ st̃ana* 'del oblačila'; (SSKJ) *str̃up̃ str̃upa*; (SSKJ) *vr̃añ vr̃ana*; (SSKJ) *ṽolk̃ volka*, pl. *volk̃ovi* / *volc̃i*; *zṽok̃ zṽoka*; гореньск. Prim. *s̃od̃ s̃oda*, pl. *sod̃u*; *s̃iñ s̃ina*, pl. *siñdy*; *vr̃añ vr̃ana*; *ṽuk̃ ṽuka*, pl. *vuk̃dy*; доленьск. ŠRup. *d̥ux̃ d̥ux̃a*; *kl̥as̃ kl̥asa*, pl. *kl̥asi*; *kw̃as̃ kwas̃a*; *s̃od̃ s̃oda*, pl. *sod̃i*; *st̃añ st̃ana*; *s̃iñ s̃ina*, pl. *s̃ini* / *sañovi*; *ṽuk̃ ṽuka*, pl. *vuk̃ovi*; *zl̃eb̃ zleb̃a*, pl. *zleb̃ovi*; повт. ŠI** *kl̥as̃ kl̥asa*, pl. *kl̥asi*; *siñ s̃ina*; *ṽuk̃ ṽuka*, pl. *ṽuki* / *vuk̃dy*; ČV** *s̃ud̃ s̃uda*; *str̃up̃ str̃upa*; приморск. Razd** *kt̃as̃ kt̃asa*, pl. *kt̃asi*; *kw̃as̃ kwas̃a*; *m̃ir̃ m̃ira*; *st̃at̃ st̃ada*; *st̃ap̃ st̃apa*, pl. *st̃ap̃ovi*; *s̃ud̃ s̃uda*, pl. *sud̃i*; *str̃up̃ str̃upa*; *siñ s̃ina*, pl. *sañovi*; *ṽuk̃ ṽuka*, pl. *ṽuki*; *zl̃eb̃ zleb̃a*, pl. *zleb̃ovi* / *zleb̃i*; Kras** *s̃ut̃ s̃ida* 17; *vr̃añ vr̃ana* 18; *u̇uk̃ u̇uka*, pl. *u̇uki* 18; *zl̃eb̃ zleb̃a* 18; каринт. Obir. *s̃od̃ s̃oda* Karn. 214; *s̃iñ s̃ina* 256; Plajberk *s̃iñ s̃ina* ŠR 7, gen. pl. *siñov* / *siñu* 42; Sveče *s̃iñ s̃ina* 58, pl. *siñ* 65; Kostanje *s̃iñ s̃ina*, pl. *siñ* I I; штир. Bočna** *m̃ir̃ m̃ira* 12; *s̃iñ s̃ina* 12; Rog** *d̥ux̃ d̥ux̃a*; *kl̥as̃ kl̥asa*,

pl. *klâsi; mîr mîra; sôt sôda*, pl. *sôdi; stôn stôna; strûp strûpa; svêit svêita; sîn sîna*, pl. *sînôvi; vrôn vrôna*, pl. *vrôni; vûk vûka*, pl. *vûki; žlôp žlôba*, pl. *žlôbi / žlebôvi*; Mest.** *dûx dûxa*, pl. *dûxi / dûxôvi; kvâs kvâsa; mîr mîra; sôti sôda*, pl. *sôdi; stân stâna; strûp strûpa*, pl. *strûpi; sîn sîna*, pl. *sîni; vûk vûka*, pl. *vûki; zvôk zvôka*; пкм. Belt.** *žrôp žrôpa; slâp slâpa; stân stâna; svêjt svêjta; vûk vûka; žlôb žlôba*.

2.2.3. У долготных основ в рамках подвижного акц. типа различаются акц. кривые IVC_a (IE_a) и IVC_c (IE_c) в зависимости от интонации loc. sg. При этом в слн. литер. преобладают окситонированные формы loc.: слн. литер. loc. *v lêsû; slâpu / slâpu; (Valj) v stânu; pî svêtu; po žlôbu*. Для реконструкции этой флексии в каринтийском требуется дальнейшее изучение: в подьюнском и обирском это окончание было ударным и долгим, ср. каринт. Šmarjeta loc. *u lêsâ* I.I; Rinkole *u lêsâ* I.I; pa ... *môž*; ZdT 16; Rikarja vas *u lês* I.I; Kneža *u lêsâ* I.I; Obir. *u lês* Karn. 39; *par môž* 88, *na ... svêt* 145; Šajda *u ... lês* 337; *pu ... môž* 338; Sele *u lês* I.I; ср. в говорах без оттяжки ударения с конечного краткого слога: каринт. Plajberk *na ... svêtâ* ŠR 6, 16 ter, 23, 44, 60 bis, *pu svêtâ* 7 bis, 14, 19, 20, 23, 24 / *pu svîta* (интонация в описании не отмечена) 6, 10, 38, 42; Sveče *pu svêtâ* 15, по *môžâ* 25; неизвестно, должны ли мы, хотя бы для части подобных примеров, реконструировать долгое восходящее ударение, как у краткостных основ а.п. *b (*nožû)* или же энклиномен (**môžû < *môžû*). Такие формы с поздним переносом ударения на корень встречаются и в доленьск. ŠRup. (см. 2.3.3, *u strâxi / strâx* и под.), где подобному переносу предшествовало сокращение ударного окончания с последующей полной редукцией¹. Эти формы скорее можно истолковать как свидетельство в пользу реконструкции энклинома в loc. sg.,

¹ Нам представляется дискуссионным вопрос о том, является ли ударение типа loc. *strâx* результатом новой метатонии, связанной с редукцией гласных (В. Смоле. Šentrupert. Ответы на вопросник I тома АССН; *Govor vasi Šentrupert in okolice*; рукопись), поскольку ни в каких других позициях долгое нисходящее ударение не переходит в краткое восходящее при утрате в результате редукции конечного гласного, ср. loc. основ а.п. *a*: *u māk, na prāk* и под.

долгое время сохранявшего подвижность при присоединении предлогов-проклитик (**strâx̄ ~ *v strâx̄* как gen. *gradû ~ iz grâda*, ср. штир. Bočna loc. *zâdâ < *zidû*), с последующим сокращением конечного слога и оттяжкой ударения с него; необходимо отметить однако, что нам неизвестно развитие в аналогичных позициях, напр. ном. du. *a*-основ ж.р. (другие гласные под долгим нисходящим ударением в конечном слоге, очевидно, не сокращались, ср. gen. sg. и под.). В гореньск, Prim. и доленьск. ŠRup. в loc. преобладают формы-энклиномены, которые, впрочем, могут быть результатом позднейшего выравнивания ударения в парадигме: Prim *par klâsâ, u kvâs, u lêsâ / lêsâ, par môžâ, na svêt, vûkâ, u žlôb(â)*, но *u mîr, u sôd*; ŠRup. *dûxi, klâsi, kvâsi, u lûvi, par môžî, na svêt, vûki, u žlôbi*, но *u sôdi / suôt, na stân*. У основы **synô* энклимомен в loc. sg. отмечается во всех диалектах: слн. литер. *sînu*; гореньск, Prim. *sîna*; доленьск. ŠRup. *sîni*; каринт. Kneža *sîna* I.I; Sveče *sîna* 25, *Kostanje sîna* I.I.

2.2.4. "Нетривиальная" рефлексия а.п. с встречается крайне редко: III – слн. литер. (Valj) *mîr* (под влиянием или в результате смещения с основой а.п. *b *môrâ*); доленьск. ŠRup. *žîr žîra*, loc. *u žîr* (ср. IE – слн. литер. *žîr žîra*; гореньск, Prim. *žîr žîra*, loc. *u žîr*; III/IV – приморск. Razd.** *žîr žîra*, loc. *žîri*; штир. Rog.** *žîr žîra žîri*; повт. ŠL.** *žîr* (вторичное сокращение узких гласных в конечном слоге) *žîra*, loc. *žîru*; IA – пкм. Belt.** *žîr žîra*).

2.3. а.п. *d*

2.3.1. Долготные основы а.п. *d* в большинстве своем относятся к подвижному акц. типу, образующимся основными а.п. *e* и сохраняющему в отдельных случаях следы подвижности при присоединении проклитик-предлогов (gen. *gradû ~ iz grâda*, acc. pl. *lasê ~ za lase*): слн. литер. (Valj) *brâv bravâ*, pl. *bravôvi; glâs glasû / glâsa*, pl. *glasôvi / glâsi; grâd gradû / grâda*, pl. *gradôvi; cvêt cvêta / cvêtû*, pl. *cvêti / cvêtôvi*; (Valj) *lîst listû; mrâk mrakû / mrâka*, pl. *mrakôvi*; (Valj) *plês plesû; plâz plazû / plâza* 'оползень'; *prâh prahû / prâha*; (Valj) *rêd (- rêd) redû*, pl. *redôvi; sâd sadû / sâda*, pl. *sadôvi; slêd sledû / slêda*, pl. *slêdôvi*; (Valj) *smêh smehû; strâh strahû / strâha*, pl. *strahôvi; smrâd*

smradû/smrâda, pl. smradôvi/smrâdi; snêg snegâ, pl. snegôvi; srâm sramû/srâma; trâk trakû/trâka, pl. trakôvi/trâki; (Valj) vâl valû; (Valj) vlâk vlakû, pl. vlakôvi; lâs lasû, pl. lasjê; lât latû/lâta; vrât vrâtû/vrâta, pl. vrâtôvi; hlâd hladû/hlâda; zîd zidû/zîda, pl. zidôvi; zôb (- zôb) zobû/zôba (= zôba), pl. zobjê; гореньск. Prim. glâs glâsû, pl. glasôj; grâd gradû, pl. gradôj(â); kôš kôsa/kôsâ, pl. kosôj; prâh prâhû, pl. prahôj; sâd sadû, pl. sadôj; strâh strahû, pl. strahôj; smrâd smradû; srâm sramû; tâs tāsû; urât uratû, pl. uratôj; zîd zidû, pl. zidôj; zôb zobû/zobâ, pl. zobjê; Valb/Sml. zôp zubâ FO 90; доленьск. ŠRup. glâs glasû/glâsa, pl. glasôvi; grât gradû/grâda, pl. gradôvi; plâs plazû/plâza, pl. plazôvi; prâx praxû/prâha; gen. brâš slâdû; strâx straxû / strâxa, pl. straxôvi; smrât smradû / smrâda; snêk snegâ; srâm sramû; trâk trakû/trâka, pl. trâki; lâs lasû/lâsa; urât uratû, pl. urâti; xlât xladû/xlâda; zûop zabâ/zûoba, pl. zabjê; повт. Šl.** brîy briyâ, pl. briyôj; ylâs ylasû, pl. ylasôj; yrât yradû, pl. yradôj; plâz plazû; prâx praxû; rîd ridû/rîda, pl. ridôj; slîd slidû; strâx straxû, pl. strâxi/straxôj; smrâd smradû; snîy sniyâ; trâk trakû, pl. trâki/trakôj; lâs lasû; yrât yrâtû, pl. yrâtôj; zîd zidû, pl. zidôj; zûb zubâ, pl. zubi/zubôj; CV** brîax brêy; ylâs ylasû; yrât yradû; tûax tûy; prâx prâxu; rîat rîdu/rîada; sât sâdu; slîat slêdu; strâx strâxu; smrât smrâdu; snîax snêy; srâm sramû; trâk trâku; tâs tāsû; lât lâtu; yrât yrâtû; xlât xlâdu; zîd zîdu; zûap zûba, pl. zûbjê; приморск. Razd.** snêx/snêjx snegâ; Miron** snîax sniyâ; Kras ** prâh práha 17 / prêhý 19; sât sâda 17 / se dý, pl. sadûôve 19; strâh strâha 17 / strehý, pl. strahûôve 19; smrât smrâda 17 / smre dý 19; lās lē sý 19, pl. lē sījē 12; vrât wre tý, pl. wratûôve 19; hlât hle dý 19; zît zîda 17 / ze dý 19; zûp zûba/zâba/zobâ, pl. zèbi/zebjê/zâbi 19; Osne/SI. lâs lasû FO 43; Šarženta gen. brehá LSN 58; каринт. Šmarjeta snêax snegâ ZdT 29; Rinkole brîax brêg TSVK; Kneža zôf FO 205, pl. zâbâ 206; Obir. brêx brêha Karn. 126, pl. brêx 39; snêx snêha 235; Plaj. hrâd hradû ŠR 5/*hrâda 47; snîh 107, gen. snahâ 83; gen. vrâtû 54; Sveče hwás *hwásû 64; snîx snehá 62 / snahâ 155; hrâd hradû, pl. hradí 64; prâx prahâ 62; wás wasâ, pl. wasí (*volst) 62; zôb zobâ 62, pl. zubi 15; штир. Bočna**

brêg brêga 13; *grâd grâdâ 12; prâh prâha 12; sâd sâda 12, pl. sâdâ 15; strâh strâha 8; smrâd smradâ 12; sneg snêga 13; acc. pl. trâke 16 lās lāsâ 12; pl. lāsâ 15; vrât vrâtâ 12; gen. zîdû/zîda 12; Rog.** snêjx snêjga/snegâ; Mest.** snêk snegâ, икм. Belt.** lóug logâ; sâd sâda/*sadi; snêjx snigâ; zóub zobâ; "угор."** vrâg vrâgâ, pl. vrazjê.

2.3.2. Для долготных основ а.п. d также характерна частичная (в ед.ч.) иммобилизация ударения — акц. кр. IE~IVC: слн. литор. brêg brêga, pl. bregôvi/brêgi; сѣр сѣра, pl. сѣри/сѣрôvi; lôg lôga (= lôg lôga), pl. logôvi; (SSK.J) rêd rêda (- rêd rêda), pl. redôvi; (SSK.J) vâl vâla, pl. valôvi; гореньск. Prim. brêx brêga, pl. bregôj; cvêt cvêta, pl. cvetôj; snêx snêga, pl. snegôj; trâk trâka, pl. trakôj; urâx urâga, pl. urâgâ, gen. pl. uragôj; доленьск. ŠRup. brêk brêga, pl. bragôvi; vâl vâla, pl. valôvi; приморск. Razd.** ylâs ylâsa, pl. ylasôvi; yrât yrâda, pl. yradôvi; cvêt cvêta, pl. cvatôvi; strâx strâxa, pl. straxôvi; trâk trâka, pl. trakôvi/trâki; tâs (/ tās) tāsû, pl. tāsijê; vrât vrâta, pl. vrâtôvi; zît zîda, pl. zidôvi; каринт. Obir. strâx strâxa, pl. straxôw Karn. 238; wâš wâsa, pl. wâš (*volst) 177; zôp zôba 267, gen. pl. brez zób 220 / zôbw, acc. pl. zôbe 267; штир. Rog.** brêjx brêjga, pl. brêji/bregôvi; glâs glâsa, pl. glasôvi; grât grâda, pl. gradôvi; cvêt cvêta, pl. cvetôvi; strâx strâxa, pl. straxôvi; zît zîda, pl. zîdi/zidôvi; Mest.** brêg brêga, pl. bregôvi/brêgi; glâs glâsa, pl. glasôvi/glâsi; cvêt cvêta, pl. cvêti/cvetôvi; slêt slêda, pl. sledôvi; vâl vâla, pl. valôvi; zît zîda, pl. zîdi/zidôvi; икм. Belt.** strâj strâja, acc. pl. strajê.

К акц. типу IE с полной иммобилизацией ударения относятся: слн. литор. (Host.) brâw brâwa; brâš brâsa, pl. brâsi; elên elêna (/ elên elêna); dôb dôba; kôš kôsa = kôš kôsa; krôg krôga = krôg krôga; (SSK.J) lîst lîsta; lôk lôka = lôk lôka; (SSK.J) plêš plêsa; plâz plâza 'часть плуга'; prôt prôta; vîr vîra; (SSK.J) vlâk vlâka; vrâg vrâga; zrêb zrêba; а также ряд основ *singularia tantum* I: bôg bêga; gnêv gnêva (/ gnêv gnêva); kâl kâla; mrêst mrêsta (*nersti); slûh slûha; (SSK.J) smêh smêha; svîst svîsta/svîst svîsta; sûm sûma; vêk vêka; vîd vîda;

Г К ним мы ниже условно относим и имена, образованные мн.ч. от которых затруднительно.

(Valj) *zràk zràka*; гореньск. Prim. *brūs brūsa*, pl. *brūsā; krōx krōga*, pl. *krōgā; list lista*, pl. *listā; wōx wōga* (*lōgā); *lōk lōka*, pl. *lōkā; plēs plēsa*, pl. *plēs(a)*; *rēd rēda; ulāk ulāka*, pl. *ulākā; доленьск. ŠRup. brūs brūsa*, pl. *brūsi; dūp dūba; kàu kàla; krōk krōga*, pl. *krōgi; cvīt cvīta*, pl. *cvīti; list lista*, pl. *listi; plēs plēsa*, pl. *plēsi; prōt prōta; rēt rēda; ulāk ulāka*, pl. *ulāki; urāk urāga*, pl. *urāgi*, gen. pl. *urāgu; sing. tant. mrāk mrāka*; повт. SL** *cvīt cvīta*, pl. *cvīti; lūy lūya; lūk lūka; ulāk ulāka; ĆV** urāx urāga; brūs brūsā; kūas*, acc. pl. *kūasē; krūax krūaga; list lista; plīs plīsa; sing. tant. cwīat cwīatā; wīt wīda; приморск. Razd.** brūs brūsa*, pl. *brūsi; kàu kàla*, pl. *kāli; kūas kūasa*, pl. *kūasi; krūax krūaga*, pl. *krūagi; list lista*, pl. *listi; tūax tūaga; plīs plīsa*, pl. *plīsi; rīat rīada*, pl. *rīadi; vrāx vrāga*, pl. *vrāgi; sing. tant. mrāk mrāka; prāx prāxa; slūx slūxa; smēx smēxa; smrāt smrāda; srām srāma; vīt vīda; xlāt xlāda; Крaс** list lista* 17; *lūh lūya* 17; *plēs plēsa* 17; *trāk trāka* 17; *vrāh vrāga* 18; sing. tant. *mrāk mrāka* 17; *slūh slūha* 17; *smīéh smīéha* 17; каринт. Žvabek *snīax snīaga* ZdT 37; Obir. *brūs brūsa* Karn. 127; *čelēn čelēna* (*čeln) 134; *qōas qōasa* 170; *list lista* 180; instr. *za Wīrjam* (топоним) 90; *urāx vrāha* 259; *vrāt vrāta* 259; *zīd zīda* 266; sing. tant. *cvēt cvēta* 132; *rēad rēadu* 225; *wīd wīda* 257; Korte *člēn člēna* 134; Sele *strāx* 177, gen. *strāxa* 124; Plajberk *vōh vōha* (*lōgā) 120; штир. Bočna** *list listu* 12; *sūm sūma* 13; штир. Rog.** *brūs brūsa*, pl. *brūsi; dūp dūba*, pl. *dūbi; krōk krōga*, pl. *krōgi; list lista*, pl. *listi; lōk lōga; lōk lōka; plēs plēsa; prōt prōta; lās lāsa*, pl. *lāsi; vrāk vrāga; vrāt vrāta; zōp zōba*, pl. *zōbi; sing. tant. mrāk mrāka; prāx prāxa; rēt rēda; slūx slūxa; smēx smēxa; smrāt smrāda; vēk vēka; vīt vīda; xlāt xlāda; Mest.** kōus kōusa*, pl. *kōusi; krōk krōga*, pl. *krōgi; list lista*, pl. *listi; lōk lōga*, pl. *lōgi; lōk lōka*, pl. *lōki; plās plāza*, pl. *plāzi; trāk trāka*, pl. *trāki; lās lāsa*, pl. *lāsi; vrāt vrāta; zōp zōba*, pl. *zōbi; sing. tant. mrāk mrāka; brēst brēsta* (*neratb); *prāx prāxa; rēt rēda; slūx slūxa; smēx smēxa; strāx strāxa; smrāt smrāda; srām srāma*; НКМ. Belt.** *brēj brēja; *brūjs *brūjsa; glās glāsa; list lista; vlāk vlāka; vlās vlāsa; vrāg vrāga; sing. tant. rēd rēda; smēj smēja; *šūjm *šūjma; lād lāda* (*xoldb).

2.3.3. Как и у основ а.п. с, в loc. sg. у них представлены как конечнударные формы — акц. кривая IVC_u: слн. литор. VGT *na glāsu* 184 (/ (Valj) *po glāsu* 47:26), *v cvētu, v mrāku, po slēdu, v strāhu, smrādu, na vrātu, na zīdu*; гореньск. Prim. *na glās, u strāh, na tās, na zīd* (/ *na zīda*), *na zōb*; доленьск. ŠRup. *u snāk, na zōp*; повт. ĆV** *na zōp*; каринт. Rinkole *pu brīaga* ZdT 3; Globasnica *pu brīaga* 45; Reberca *na brīax* TSVK; Obir. *w ... rwāz* 228; Mest.** loc. *snīēgi*; у имен с иммобилизованным ударением — акц. кривая IFC_u: слн. литор. *brēgu, bēgu, v ... vēku*; гореньск. Prim. *par brēx, u snēx*; доленьск. ŠRup. *na brēt, na duōp, u rīt*; каринт. Obir. *w ... rēad* 226; *na zīd* 266; Sele *w wōaz* (*lōgā) 56; штир. Mest.** *na brīēgi*; так и формы-энклитомены — акц. кривая IVC_c: слн. литор. (Valj) *v grādu* 47:26, *v prāhu; v hlādu*; гореньск. Prim. *na grād(a), par kōsa, u prāk, u sādā, u smradž/u smrād, o srāmā; na urāt, na zīdā* (/ *na zīd*); доленьск. ŠRup. *pu glāsi/pu glās, u plāzi, u prāxi/prāx; smēxi, u strāxi/strāx, na trāki, par lāsi, par urāti, u xlādi/xlāt*; каринт. Sveče **hwāsa* 64, *hrādā* 64, *wāsa* 62 (*volst); у основ с иммобилизованным ударением — акц. кривая IFC_c: гореньск. Prim. *u cvēt(a), na trāk, par urāx*; доленьск. ŠRup. *mrāki/mrāk, na vāli*; штир. Bočna** *zūd* 14. Возможно, об энклитомичности loc. sg. свидетельствуют и такие формы, как доленьск. ŠRup. *u gradž/u grāt, u smrāt*; каринт. Obir. *na wōs* (*volst) 39, *w brēx* 39, *pu snēx* 162, Korte *pu brēx* 341, Sele *brēx* TSVK (см. 2.2.3). Долгое нисходящее ударение в loc. sg. может являться и следствием выравнивания интонации в парадигме, особенно у основ с полностью иммобилизованным ударением: слн. литор. *brūs*; гореньск. Prim. *brūsā, u krōg(a), na list(a), u wōx; lōk(a), na plēs, u rēd(a), na ulāk*; доленьск. ŠRup. *brūsi, kāli, krōgi, cvīti, na listi, plēsi, na ulāki, par urāgi*; каринт. Korte *par člēn* Karn. 134.

2.3.4. "Петривальная" рефлексия долготных основ а.п. а встречается редко. Как и у краткостных основ, это, как правило, переход в а.п. b, отражающийся в современных диалектах в виде акц. типа IB: доленьск. ŠRup. *kūos kūosa*, loc. *na kūosi*, pl. *kūos(i)*; каринт. Obir. *smēx smēxa* Karn. 234; или IA (ср. 2.1.4): слн. литор. *člēn člēna* (/ *člēn člēna*); *gnēv gnēva* (/ *gnēv gnēva*); (SSKJ) *zràk zràka*; гореньск. Prim. *mrāk* (sicl) *mrāka*, loc. *u mrāk*; доленьск. ŠRup. *zràk zràka*, loc. *na zràk*; повт. ĆV** *mrāk mrāka; zràk zràka*; сюда же, возможно, штир. Mest.** *zràk zràka* (ср. 1.4.1).

3.0. Краткостные основы

3.1. а.п. б.

3.1.1. В словенских диалектах у краткосложных основ а.п. б, как правило, представлен акц. тип $IV_{кр}$ или его непосредственный предшественник — окситонированный акц. тип (в диалектах с неоттннутым с конечного слога краткостным ударением, напр. приморск. Ošne/SL *ohín*, dat. *ohú* LSM 43; Šarženta gen. *koú* I.SN 58; каринт. Plajberk *bòb bobà* ŠR 6; *čáp čapá* TSVK; du. *qowà* (*kòb) ŠR 86; *qòá qòá* 41; *nòž nožà* 43; acc. pl. *snopè* 90; *stòw*, pl. *stolà* 68; *vòw vovà* 120; *vohèñ*, instr. z *vohñam* 98; многосложные: *qotù* 67, pl. *qotà* 68; *žavòt* 57, gen. *žvotà* 25; Svecè *bòb bobà* 57; *čáp čapá* 59; *qòw qowá* / *qolà* 57; *qòjñ qojná* 57; *nòž nožà* 57; *wòw wòwà* 57; *wohín *wohñá* 58; отдельные формы окситонированного акц. типа наблюдаются и в др. диалектах, ср. роит. ŠL** *nàž nužá*, loc. *nòžu*, pl. *nòži*. Особая акц. кривая акц. типа $IV_{кр}$ представлена в диалектах без продления неконечного ударного слога, ср. пкм. Belh.** *čèp čèpa*; *dvòr dvòra*; *pòp pòpa*; *pòst pòsta*; *snòp snòpa*; *stò stòla*; *ògen ògna*.

3.1.2. В словенском литературном языке в рамках акц. типа $IV_{кр}$ представлены (чаще всего как вариативные) две акц. кривые — $IV_{крл}$ и $IV_{крлс}$ с рефлексом нового циркумфлекса в loc. = г. Диалектные материалы дают для данного явления следующую картину: в в.-долоньском говоре ŠRup. практически у всех основ а.п. б (крат.) в од.ч. представлен акц. тип $IV_{крлс}$: *bòb — *bùp buába*, loc. u *bùp*; *grozď — *grèjst gráizda*, loc. na *grìojst*; *kòb — *kùdu kuála*, loc. na *kùol*; *konj — *kùj kuáje*, loc. par *kùoj*; *kòš — *kùš kuásje*, loc. u *kùš*; *rod — *puđt puáda*, loc. na *puot*; *rovň — *puđst puásta*, loc. *puost*; *mlon — *slàn slána*, loc. par *slòu*; *snop — *snòp snápa*, loc. u *snòp*; *stol — *stàw stála*, loc. na *stòl*; *vol — *vuđ vuála*, loc. par *vuol*; *život — *žùt žúta*, loc. na *žòt*. Простосложные основы, оканчивающиеся на сочетании согласных (прислав, или возникшее после падения редуцированных), в loc. = г. имеют дублетные формы: *kòb — *kuátu kuáta*, loc. u *kuáli* / u *kùotà*; вторичную нисходящую интонацию: *ogñ — *ági ágje*, loc. na *ági*; что свидетельствует о том,

что формы типа: *ovъ — *àis àisa*, loc. u *àis(i)*, — по-видимому, первичны.

3.1.3. В гореньском и каринтийских диалектах представлены обе акц. кривые: $IV_{крлс}$ гореньск. Prim. *kòp kòpa*, loc. na *kòp*; *kòš kòša*, loc. u *kòš*, *pòd pòda*, loc. na *pòd*, *pòst pòsta*, loc. u *pòst*; *snòp snòpa*, loc. u *snòp* / u *snòp*; *stòw stòla*, loc. na *stòl*; *žvòt žvòta*, loc. po *žvòt*; каринт. Obir. *čèp čèpa*, loc. w *čèp* Karn. 133; *žvòt žvòta*, pu *žvòt* 217; Sele *qòj* 262, gen. *qòja* 168, loc. na *qòj* 313; loc. pu *pòd* 314; Kot loc. pu *žvòt* 356; Borovlje loc. *na *pùed* Šajn. 2:532; Plajberk *qòu qoiá* ŠR 41, loc. *na ... *qòná* 120; *stòw*, loc. *na *stòla* 25; *žavòt* 57, gen. *žvotà* 25, loc. pu *žavòta* 65; *qòu*, loc. v ... *qòla* 67; Svecè *čáp čapá*, loc. *čèpa* 59; *qòp qowá*, loc. *qupà* 58; *wohín *wohñá*, loc. **wohñá* 58. Следы этого акц. типа встречаются и в роит., ср. ŠL** *pòst pòsta*, loc. *pòstu* / *pòst* / *pùst*; ČV** *žewòta*, loc. na *žèut*; — и $IV_{крл}$ с отсутствием рефлекса нового циркумфлекса: гореньск. Prim. *bòb bóba*, loc. par *bòb*; *kòu kòta*, loc. na *kòl*; *mòl mòla*, loc. *mòla*; *nòž nožá*, loc. *nòž*; *slòp slòpa*, loc. par *slòp*; *vòu vòla*, loc. par *vòl*; *kòtu kòtuva*, loc. u *kòta*; *ógn ógna*, loc. *ógná*; *óru órla*, loc. *órla*; каринт. Globusnica loc. u *puásti* ZdT 48; Plajberk *vohèñ* ŠR 64, loc. w ... *vová* 13, Svecè *bòb bobá*, loc. *bòb* 57.

3.1.4. В приморских, штирийских и, как правило, в роитрских диалектах следы нового циркумфлекса отсутствуют: роит. ŠL** *bòb bòba*, loc. *bòbu*; *čèsn čèsna*, loc. *čèsnu*; (*dvor) *dòr dòra*, loc. *dòru* (топоним); *klòp klòpa*, loc. *klòpu*; *kòu kòla*, loc. *kòlu*; *kòp kòpa*, loc. *kòpu*; *kòš kòša*, loc. *kòšu*; *mòl mòla*, loc. *mòlu*; *pòd pòda*, loc. *pòdu*; *slòp slòpa*, loc. *slòpu*; *snòp snòpa*, loc. *snòpu*; *stòw stòla*, loc. *stòlu*; *vòu vòla*, loc. *vòlu*; *kòtu kòtla*, loc. *kòtlu*; *òru òruva*, loc. *òru*; *òru òruva*, loc. *òruva*; *žvòt žvòta*, loc. *žvòtu*; ČV** *kòp kòje*, loc. *kòp*; *stòw stòla*, loc. na *stòl*; *kòtu kòtla*, loc. u *kòt*; приморск. Razd.** *qup qupba*, loc. *qupbi*; *čèšn čèšna*, loc. *čèšni*; *qupžd qupžda*, loc. *qupždi*; *kupòp kupòpa*, loc. *kupòpt*; *kujìn kujìnu*, loc. *kujìni*; *kuš kušca*, loc. *kušci*; *mòu mòtu*, loc. *mòti*; *puđst puđsta*,

loc. puōsti; sluōn sluōna, loc. nə sluōni; snuōp snuōpa, loc. snuōpi; stōn stuōla, loc. nə stuōli; kuōtu kuōtka, loc. kuōtli; uōγan uōγne, loc. uōγni; uōru uōrta, loc. uōrli; duγ duγna, loc. duγni; vōus vōusa, loc. vōusi; zuōt / zuōt zuōta, loc. pu zuōti; Kras** stōw stōla, loc. stōli 15; штир. Rog.** buōp buōba, loc. buōbi; čičer čičera, loc. čičepi; čičesn čičesna, loc. čičesni; gruōst gruōzda, loc. gruōzdi; kō kuōla, loc. kuōli; kōi kuōia, loc. kuōii (*konji); nuōš nuōža, loc. nuōži; puōt puōda, loc. puōdi; puōst puōsta, loc. puōsti; sluōn sluōna, loc. sluōni; snuōp snuōpa, loc. snuōpi; stō stuōla, loc. stuōli; vō vuōla, loc. vuōli; vōign vōigta, loc. vōigi; vuōvū vuōvuna, loc. vuōvuni; vuōves vuōvsa, loc. vuōvsi; živuōt živuōta, loc. živuōti; Mest.** buōp buōba, loc. buōbi; čičera, loc. čičepi; čičesn čičesna, loc. čičesni; dvuōr dvuōra, loc. dvuōri; kuōγ kōγi, loc. kuōγi; muōl muōla, loc. muōli; nuōš nuōža, loc. nuōži; puōt puōda, loc. puōdi; puōp puōpa, loc. puōpi; puōst puōsta, loc. puōsti; sluōn sluōna, loc. sluōni; snuōp snuōpa, loc. snuōpi; stōf stōla, loc. stōli; vuōl vuōla, loc. vuōli; kuōt kuōta, loc. kuōtli; uōgn / vōign uōgna / vōigna, loc. uōgni / vōigni; uōvū uōvuna, loc. uōvuni; uōves uōvsa, loc. uōvsi; suōkul sukōla, loc. sukōli; živuōt živuōta, loc. živuōti.

3.1.5. Очевидно, что отсутствие рефлексов нового циркумфлекса в приморских и ц.-штирийском диалектах может быть следствием выравнивания качества корневого гласного в парадигме, следы которого наблюдаются и в рожарских, гореньском и каринтийских говорах. Однако возможно, что хотя бы на части этой территории новый циркумфлекс и не возникал, ср. каринт. Obir. nōž nōža, loc. nōž (качественные и количественные характеристики ударного корневого гласного свидетельствуют об оттяжке ударения с конечного долгого слога, < *nožū) Karn. 61; loc. na snōp 30; loc. w qōtal 80.

Таким образом, для всех диалектов, из которых имеются релевантные данные об ударении loc. sg., характерно долготное окончание в этой форме (по-видимому, не только из *u, но и из *ē). При этом (по крайней мере, в части словенских диалектов) возникает новый циркумфлекс, что может быть объяснено только тем, что в период его образования loc. sg. имел накоренное ударение,

т.е. перед долготным окончанием loc. sg. у *o- и *u- основ ударение не сдвигалось с кратких слогов направо. Эта черта характеризовала, по-видимому, только основы с *e- и *o- в корне. Ср. колебания или отсутствие нового циркумфлекса у многосложных основ с редуцированным в корне (*cotlō, *ovbsō) и *u- основ (*ogū).

3.1.6. Во множественном числе у кратких основ алп. b наряду с акц. кривой П_{крп} и окситонированным акц. типом или его следами, ср. каринт. Sveče pl. bobā, gen. pl. bobōw 57; долоньск. ŠRup. pl. kuāl kulū / kuālu, loc. pl. na kulīex / kuālx, instr. pl. s kulmī / kuālam; гореньск. Prim. pl. kōl, gen. pl. kōlow, loc. pl. na kōlah, instr. pl. s kōlam; — наблюдается и акц. кривая П_{крпа}, которая в слп. литер. отмечена только у основы *konjn, а в Valj — и у основы *volō. В диалектах отдельные формы этой акц. кривой (в основном от основ *konjn, *volō) чаще других отмечается форма instr. pl., которая может иметь как восходящую, так и нисходящую интонацию: гореньск. SVB instr. pl. s kōn'ā LSN 20; долоньск. ŠRup. pl. kuāj, gen. pl. kōj, loc. pl. par kōjex, instr. pl. s kuājam; рож. ČV** pl. gen. kōājn, loc. kōājnx, instr. pl. s kōājnx (sic!); loc. pl. par uālx, instr. pl. s uālx (sic!); ŠI** instr. pl. kōnm / kōnm; приморск. Razd.** instr. pl. s kuōjnami / kōni / kōni; z ūli / vuōvami; каринт. Žvabek instr. pl. z uōli ZdT 36; Šmarjeta pl. uōli, instr. pl. s ... uōli 35; Rinkole pl. uōli 4, instr. pl. s ... uōli 7; Sp. Krčanje instr. pl. z uōl 54; Obir. uōw Karn. 30, gen. uōwa 277, pl. uōl 60, instr. pl. z uōl 317; Sajda instr. pl. z ... qōj 338; Sele dat. pl. uōlam 157, instr. pl. z uōl 151; Sveče gen. pl. qojōw / qujn 57; Ojstrica** instr. pl. s kōjuni, z uōlmi 403; реже от других основ: гореньск. SVB instr. pl. s kōlā LSN 23; каринт. Sele instr. pl. s čer TSVK. Основные масса основ алп. b таких форм не имеет и, вероятно, никогда их не имела.

3.1.7. "Нетривиальное" отражение алп. ō отмечено у незначительного числа кратких основ этой алп. Ряд имен (*duora и некоторые основы, оканчивающиеся на сочетание согласных (праславянское или возникшее после падения редуцированных) — *obra, *ocstō, *odra и др.) относится к акц. типу П в результате продления корневого гласного: слп. литер. ōbar ōbra; ōcat ōcta (/ ōcat ōcta); ōdar ōdra; гореньск. Prim. ōdar ōdra, pl. ōdra; долоньск. ŠRup. uōdar uōdra, pl.

uòdri; повт. Šl.** *ûder ûdra*, pl. *ûdri*; ČV** *ûadur ûadru*; приморск. Razd.** *uâdôr uâdra*, pl. *uâdri*; каринт. Rinkole *ôys ôysa* ZdT 4 (/ *ôys / ôys* 1); Sele loc. *na dbôri Karn. 15*, Kot. loc. *na dâbôri A8*.

3.1.8. Акц. тип И встречается у краткостных основ ан. *b* редко, ср. слн. литер. (*dvôr dvôra*) / *dvôr dvôra*; (*grôzd grôzda*) / *grôzd grôzda*; гореньск. Prim. *grôjzd grôjzda*, pl. *grôjzdi*.

3.2. ан. с

3.2.1. Краткостные основы ан. *с* в словенских диалектах имеют, как правило, подвижный акц. тип, сохраняющий в той или иной мере следы подвижности также при присоединении проклитик-продлогов (ср. слн. литер. *rôd rodû / rôda, do rôda*; каринт. Obir. *bôx bôha*, gen. пример. *ud bôha Karn. 124*; Šajda *bûx 353*, gen. *bôha 361*, gen. пример. *ud bûha 337*).

3.2.2. Другой очевидной тенденцией на всей словенской территории является иммобилизации ударения на корне, особенно в ед.ч.: гореньск. Prim. *tôj tôja*; долоньск. ŠRup. *gût gûda; lôj lôje*; приморск. Razd.** *mîat mîada; sùk sùka*, pl. *sukôvi*; Крас** *sùk sùka 17*; штир. Rog.** *mêt mêtdu*; Mest.** *mêt mêda*; чкм. Belt.** *gôud gôuda; rôud rôuda* 'rodnost' — наиболее опущенная в говорах, утративших тоническое ударение; хотя существуют и основы повсеместно относящиеся к акц. типу И \sim IVC_{норавн}: слн. литер. *dôm dôta*, pl. *domôvi*; гореньск. Prim. *dôm dôta*, pl. *domôvi*; долоньск. ŠRup. *dôm dôta*, pl. *domôvi*.

3.2.3. В словенском литературном языке основы подвижного акц. типа имеют акц. кривые IVC_а (IF_а) и IVC_с (IF) \sim IVC_{норавн} / IVC. В диалектах у ряда основ также наблюдается акц. кривая IVC_а: слн. литер. *gnôj gnojâ* VGT 197, SSKJ, loc. *na gnôju 177*, SSKJ. / *gnôju* SSKJ; гореньск. Prim. *gnôj gnojâ*, loc. *na gnôj*; SVB loc. *u gnôja* LSN 17; долоньск. ŠRup. *gnôj gnojâ / gnôje*, loc. *na gnâj / na gnôji*; повт. Šl.** *gnôj gnojâ*, loc. *gnôju / gnôje*; повт. ČV** *gnôj gnôje*, loc. *na gnôj*; приморск. Razd.** *gnôj gnôja*, loc. *u gnôji*; штир. Rog.** *gnôj gnojâ (/ gnôja)*, loc. *gnôji*; слн. литер. *gôd godû* VGT 197, loc. *do gôdu 177*; слн. литер. *lêd ledû / lêda*, loc. *na lêdu*; долоньск. ŠRup. *lîet lîdû / lîda*, loc. *na lîet*; слн. литер.

слн. литер. *lôj lôju / lojâ*, loc. *lôju / lôju*; приморск. Razd.** *tûj tujâ*, loc. *u tûji*; долоньск. ŠRup. *mîet mîdû / mîda*, loc. *u mîdi / u mîet*; слн. литер. *rôd rodû / rôda*, gen. пример. *do rôda*, loc. *v rôdu / v rôdu*, pl. *rodôvi*; гореньск. Prim. *rôd rodû*, loc. *u rôd*, pl. *rodôvi*; приморск. Razd.** *rût rudâ*, loc. *u rûdi*; слн. литер. (Valj) *sôk sokâ*, loc. *v soku*, pl. *sokôvi*; гореньск. Prim. *sôk soku / sokâ*, loc. *u sôk*, pl. *sokôvi*; слн. литер. (Valj) *hôd hodâ*, loc. *pri hôdu*.

У других — акц. кривая IVC_с (IF_с): слн. литер. *bôg bogâ*, dat. *bogû*, loc. *bôgu*, pl. *bogôvi*; гореньск. Prim. *bôx bogâ*, loc. *pâr bôga*, pl. *boğvi*; долоньск. ŠRup. *bûx bugâ*, loc. *pâr bûgi*, pl. *bugôvi*; повт. Šl.** *bûx bujâ*, loc. *bûju*, pl. *bujôvi*; приморск. Razd.** *bûx bujâ*, loc. *pâr bûji*, pl. *bujôvi*; Sveče *bûx bohâ*, loc. *bûha 63*; штир. Rog.** *bôuk bogâ*, loc. *bôugi*; Mest.** *bûk bugâ*, loc. *bûgi*, pl. *bugôvi*; гореньск. Prim. *gôd godû*, loc. *na gôda*, pl. *godôvi*, du. *gôda / godâ*; долоньск. ŠRup. *gût gûda*, loc. *ab gûdi*, pl. *gudôvi*; повт. Šl.** *gûd gûdu*, loc. *gûdu*; приморск. Razd.** *gût gûda / gûda*, loc. *ab gûdi*, pl. *gudôvi*; гореньск. Prim. *lêd ledû*, loc. *na lêd(a)*; долоньск. ŠRup. *lôj lôje*, loc. *u lôju*; повт. Šl.** *lûj lujâ*, loc. *lûju*; гореньск. Prim. *mêt mêtdu*, loc. *u mêt(a)*; каринт. Sveče *mêt me dá / me dú*, loc. *mêda 65*; штир. Rog.** *mêt mêda*, loc. *mêdi*; Mest.** *mêt mêda*, loc. *mêdi*; долоньск. ŠRup. *rût radû / rôda*; loc. *u rûdi*, pl. *radôvi*; повт. Šl.** *sûk sukâ / sùka*, loc. *sûku*, pl. *sûki*; приморск. Razd.** *sùk sùka*, loc. *sûki*; pl. *sukôvi*.

3.3.4. "Петрициальная" рефлексия наблюдается в виде:

1) окситонированного акц. типа, что характерно прежде всего для отглагольных основ: слн. литер. *lôv lôva*, loc. *na lôvu*; приморск. Razd.** *tôj tujâ*, loc. *na tûvi*; чкм. Belt.** *rôd rôda* 'sorodstvo' (ср. *rôud rôuda* 'rodnost'); слн. литер. (SSKJ) *hđd hódâ*; штир. Rog.** *gnôj (gnôjâ) / gnôja*, loc. *gnôji*; Mest.** *gnôj gnôja*, loc. *gnôji*; и некоторые другие: слн. литер. (SSKJ) *rôk rôka*; штир. Rog.** *lôj lujâ*, loc. *lûji*; Mest.** *lûj luja*, loc. *lûji*; слн. литер. *gôst gôsta*, pl. *gôstje / gôsti*; приморск. Razd.** *gûst gûsta*, loc. *gûsti*, pl. *gûstje*; каринт. Plajberk gen. *hosâ ŠR 35*;

2) акц. типа IF_с (см. 3.4.5.): штир. Rog.** *gôst gôsta*, loc. *gôsti*, pl. *gôsti / gôstje*; штир. Mest.** *gôt gôda*, loc. *gôdi*; *lôv lôva*, loc. *lô-*

vi; rōk rōka, loc. rōki, pl. rōki; sōk sōka, loc. sōki, pl. sōki; ср. также слн. литер. (SSK.J) hōd hōda; ронт. ČV** xūst xūsta; гореньск. Prim. gōst gōsta, loc. p̄ar gōsta, pl. gōstje. К особому акц. типу относятся основы, вычленившиеся из префиксальных производных: слн. литер. (SSK.J) hōd hōda (- hōda); Повт. lōv lōva, loc. ob lōvu.

3.4. а.п. d

3.4.1. Краткостные основы а.п. d в словенском делятся на две большие группы. Первая, в которую входят в основном отглагольные основы, относится к акц. типу П_{крп} (или его предшественнику — окситонированному акц. типу): слн. литер. bōj bōja; bōk bōka (/bōk bōka / bōk bōka); bōr bōra; gōn gōna; grōb grōba pl. grōbvi / grōbi; (SSK.J) grōm grōma; gōzd gōzda; krōj krōja; krōv krōva; lōm lōma, rōj rōja; rōv rōva; skōk skōka; slōj slōja; (SSK.J) znōj znōja; zōr zōra; гореньск. Prim. bōr bōra, pl. bōra; grōb grōba, pl. grōbvi; krōj krōja, pl. krōja; rōj rōja, pl. rōja; доленск. ŠRup. grāp grāba, pl. grāp / grābvi; rāj rāja, pl. rāj; ронт. Šl.** yrāp yrōba, pl. yrōbi; rāj rōja, pl. rōji; ČV** yrōp yrōp; yōst yōzda; gen. lōm̄as rōj̄; rōje; Норт. Jul. yūzda l' O 84; приморск. Razd.** b̄yōr b̄yōra, pl. b̄yōri; yrōp yrōba, pl. yrōbvi; rōj̄ rōja, pl. rōji; Крвн.** zōr zōra 18; каринт. Obir. rōj rōja Karn. 275; штир. Rog.** b̄yōr b̄yōra, pl. b̄yōri; b̄yōt b̄yōda, grōp grōba, pl. grōbi; rōj rōja, Мест.** b̄yōr b̄yōra, pl. b̄yōri; grōp grōba, pl. grōbvi / (grōbi, gen. grōbvi); rōj, pl. rōji; rōf rōva, pl. rōvi; slōj slōja, slōk slōga, pl. slōgi; znōj znōja, пкм. Belt.** bōj bōja.

Для этих имен характерны те же особенности, что и для краткостных основ а.п. b. В вост.-доленьском у них представлена акц. кривая П_{крпс}: loc. na grōp, u rōj; в словенском литературном языке, гореньском и ронтарских диалектах — как акц. кр. П_{крпс}, так и П_{крпн}: слн. литер. (Valj) v bōju (/ v bōju (?) VGT 168); grōbu / grōba, gōzda; lōmu / lōma = lōmu; гореньск. Prim. na grōb, u rōj / u rōja ~ na bōra, v drōb; u kroj; ронт. ČV** u yūzda ~ Šl.** yrōbu, rōju; в потрнском и штирийских говорах представлена только акц. кривая П_{крпа}: приморск. Razd.** b̄yōri, yrōbi, rōji; штир. Rog.** b̄yōri, b̄yōd grōbi, rōji; Мест.** b̄yōri, grōbi, rōji, rōvi, slōji, slōgi, znōji.

3.4.2. Вторая, не менее многочисленная группа, относится к акц. типу IVC, совпадая таким образом с краткостными основами а.п. c: слн. литер. (Valj) brōd brōda, (Valj) drōb drōba, nōs nosā / nosū / nōsu, pl. nosōvi; rōt rotū / rōta; rōg rogā / rōga, pl. rogōvi / rōgi; (Valj) tvōr tvōra, pl. tvōrvi; (Valj) vōsk vōska; vōz vozā, pl. vozōvi / vozji; (Valj) znōj znōja; гореньск. Prim. nōs nōsa / nosū, pl. nosōvi; rōx rogā, pl. rogōvi; vōz vozā, pl. vozōvi, gen. pl. vōz; zvōn zvōna, pl. zvōnvi; доленск. ŠRup. nōs nōsa, pl. nosōvi / nōsi; rōk ragā / rōga, pl. rōkōvi; ūs uzā, pl. uzōvi (*voz); ронт. Šl.** drōb drōba; nūs nusū, pl. nusōvi; pūt putū; rūy ruja, pl. ruyi / ruyvi; ūz uzā, pl. uzōvi (*voz); zūn zunā, pl. zunōvi (*zvōn); ČV** nūs nūsa; p̄tūt p̄tūda; p̄tūt p̄tūta; p̄tūt p̄tūta; rūax rjya; ūs ūza, pl. ūzi; приморск. Razd.** rōx rōja, pl. rōjvi / rōji; ūs uzā, pl. uzōvi; zjūn zjūna, pl. zjūnvi (*zvōn); Крвн.** pūt pūta 17 / poty 19; rūh rōja 18 / rōja, pl. rōjōve 19; wūs wōza 18 / wozā, pl. wozōve 19; zjūn zjōna 18, pl. zjūnōve 19; каринт. Rinkole stūx ZdT 5, gen. ut stōga 10; zjūn 15, du. zjūna, pl. zjōni 16; Obir. wōz Karn. 34, du. wōza 190; zvōn 29, gen. ud zvōna 233, pl. zvōn 31; Plajberk drōb 77, gen. drōba 80; tūr 118, pl. turī 57; ūs 110, gen. vozā 71, pl. vozī 70; Sveče brōd brōda, pl. brōda 63; nūs nosā, pl. nosī 63; pūt pūta 62; rūx rōja 62, pl. rui / rui 115; штир. Воєна** brōd brōda 12; Rog.** drōp drōba, zvōn zvōna / zvōna, pl. zvōni / zvōnvi; пкм. Belt.** vōz vozā; zvōn zvōna.

С частичной иммобилизацией ударения — акц. тип П_с ~ IVC: слн. литер. (SSK.J) brōd brōda, pl. brōdvi / brōdi; доленск. ŠRup. zjūn zjūna, pl. zjūnvi; приморск. Razd.** p̄tūt p̄tūda, pl. p̄tūvi; p̄tūt p̄tūta, pl. p̄tūvi; каринт. Obir. rōx rōha Karn. 229, pl. rōj, acc. rōje 55; штир. Мест.** vōz vōza, pl. vōzi / vōzvi.

3.4.3. С полной иммобилизацией ударения — акц. тип П_с: слн. литер. (SSK.J) bōk bōka; (SSK.J) drōb drōba, (Valj) grōm grōma, (SSK.J) gōzd gōzda, pl. gōzdvi / gōzdi; kōs kōsa; mōz mōza; (SSK.J) skōk skōka; slōg slōga; (SSK.J) tūr tūra; vōsk vōska; (SSK.J) znōj znōja; zōr zōra; гореньск. Prim. kōs kōsa, pl. kōsa; tūr tūra, pl. tūra (*tvōr); доленск. ŠRup. kūs kōsa, pl. kōsi; mōz mōska; tūr tūra, pl. tūri; Bab'ol** pl. gūzda; ронт. ČV** yrōm; kūs; mūz mūza; tūr tūra; ūsk ūska; zūr zūra; zjūn zjūna; приморск. Razd.** drōp drōba; yrōm yrōma; kūs kōsa, pl. kōsi; mūs mūska; skūk skūka;

tür tūra, pl. tūri; Kras** nūs nūsa 17; каринт. Obir, dròb dròba Karn. 141; qòs qòsa 170; nòs nòsa 196, pl. nòs 61; Sele bûar TSVK; Plajberk *mûzòq ŠR 58; штир. Bočna** pòt pòta 12; Rog.** kòus kòusa, pl. kòusi; nòus nòusa; plòut plòuta; ròuk ròuga; ròuf ròuva, pl. ròuvi; tvûr tvûra, pl. tvûri; vòus vòuza, pl. vòuzi; Mest.** kâus kâusa, pl. kâusi; nâus nâusa, pl. nâusi; plâut plâuta, pl. plâuti; râuk râuga, pl. râugi; tvâur tvâura, pl. tvâuri; Šmarje/Jelš.** vâusk l'O 160; пкм. Belt.** bròud bròuda; nòus nòusa; plòut plòuta; vòusk vòuska; Nedelica** plòut plòuta I SN 83.

3.4.4. В loc. яг. в слн. литер. представлены, как правило, конечноударные формы, однако существуют и формы с долгим нисходящим ударением, которое может быть рефлексом старых энклипоменов, но может быть и результатом выравнивания интонации и качества гласного в парадигме (см. 2.2.3; 2.3.3.); ро nòsu/ro nòsu, rògu/rògu, na vòzu/na vòzu, bròdu/bròdu; na bròdu; dròbu/dròbu; na dròbu; (Valj) gròtu. Такова же ситуация в центральнословенских и нотрапском диалекте: гороньск. Prim. u nòs; na vòz, но u ròx, na zvòna, kòsa, na tûr; долоньск. ŠRup. na yás, но na nòsi, na rògi, na zgòni, kòsi, mòski, u tûri; карнт. ŠI.** nòs / nòsu/ nòsu, (v)òz/ùzu, но dròbu, rùtu, rûyu, zùnu; ČV** na nòs, na pòt, na uòs; приморек. Razd.** na rùyi, na yòzi, но na zùni, plùdi, plùti, drùbi, yùmi, kùsi, mùski, u skùki, tûri. В каринтийских подъюнском и обирском диалектах, по-видимому, представлены рефлексы старых энклипоменов: Rinkole na yòzà ZdT 5; Obir. na wòz Karn. 39; pòr pòt 211 (*plou); а в рожанском — конечное ударение: Plajberk na brodà ŠR 29; na vozà 36, Sveče brodà 63. В ц-штирийском диалекте, где вообще сильна тенденция к выравниванию ударения и качества гласных в парадигме, представлен рефлекс нисходящей интонации: Rog.** dròubi, zvòni, kòusi, nòusi, plòuti, ròugi, ròuvi; Mest.** kâusi, nâusi, plâuti, râugi, tvâuri.

3.4.5. Все это могло бы свидетельствовать о совпадении а.п. d с а.п. с, о чем свидетельствуют и долготные основы а.п. d. Однако следует обратить внимание на то, что существует по меньшей мере несколько говоров, в которых представлены системы не с двумя, как в совр. слн. литер. языке (р и о), а с тремя (р, р̄ и о в записи Пет.) рефлексами *o. Как показывают материалы из этих го-

воров, именно у краткостных основ а.п. d наблюдается особый рефлекс *v: слн. литер. VGT bòr borà, pl. boròvi 197; (Pet.) plòd -ù / plòda; plòt VGT 191, gen. plotù, pl. plotòvi / plòti 197; zvòn 191, gen. zvòna, pl. zvònòvi 197; vòsak vòska 201; штир. Rog.** mòisk mòizga, loc. mòizgi; plòt plòda, loc. plòdi, pl. plòdòvi; stòk stòga, loc. stògi; vòsek vòscka (р = р̄; ср. р̄ = òu, ср. bòuk; о = о̄, ср. snòp); Mest.** bòk bòka, loc. bòki, pl. bòki; gròm gròma; mòzck mòzga, loc. mòzgi; skòk skòka, loc. skòki, pl. skòki; vòsek vòska; zvòn zvòna, pl. zvònòvi / zvòni; ср. также (gròp gròba, pl. grubòvi) / gròbi, gen. gròbou (р = р̄(u), ср. р̄ = òu, ср. bòuk; о = о̄, ср. snòp). Возможно, некоторые следы этого особого рефлекса *o наблюдаются и в других словенских диалектах: пкм. Belt. gròn gròma (ср. bòb, bòug); приморек. Razd. nòus nòusa, pl. nòusi / nusòvi (ср. bòp, bòx).

3.4.6. К "нетривиальным" рефлексам следует отнести акц. тип П_{кр}: слн. литер. ròv ròva; долоньск. ŠRup. ràu ròva, loc. u ròvi, pl. ròvi; каринт. Plajberk stòh stòha ŠR 116. Ср. также особые акц. кривые в каринт.: Sele ròb Karn. 50, gen. ròba 359, loc. w ròb (*grobi) 310; Plajberk sqùq, acc. pl. na ... sqòdè ŠR 108 (*skakò).

Литература и сокращения

АССН — Картотека Акцентологического словаря славянских языков, хранится в Институте славяноведения и балканистики РАН.

Доклад IX — Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 31–66.

Дыбо СЛ — Дыбо В.А. Славянские акцентологии. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

ОСЛ — Дыбо В.А., Замыatina Г.Н., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Ben. — Benedik F. Fonološki opis govora vasi Bukov Vrh // Zbornik razprav iz slovenskega jezikoslovja. Tinetu Logurju ob sedemdesetletnici. Ljubljana, 1989. S. 31–44.

Breznik 1934 – *Breznik A.* Slovenska slovnica za srednje šole. Celje, 1934.

FO – Fonološki opisi slovenskih govorov // Fonološki opisi srpskohrvatskih / hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. ANU(B)il. Posebno izdanje. Knj. 55. Sarajevo, 1981. S. 27–218.

Fein. – *Feinig T.* Govor vasi Sveče v Rožu s težiščem na morfološki. Klagenfurt, 1985 (дипломна работа, рукопись).

Post. – *Postnik M.* Slovensko-ruski slovar. Gorica, 1901.

Karn. – *Karničar L.* Der Obir-Dialekt in Kärnten. Die Mundart von Ebriach/Obirsko im Vergleich mit den Nachbarmundarten von Zell/Sele und Trögern/Kortc. Wien, 1990.

IDS12 – *Logar T.* Dialektološke študije. XII. Govor kraja Kostanje nad Vrbskim jezerom // SR. 1967. № 1–2. S. 1–19.

LJ – Lexikalische Inventarisierung der slowenischen Volkssprache in Kärnten (Grundsätzliches und Allgemeines). Hrsg. v. S. Hafner und E. Prunč. Graz, 1980.

LSN – *Logar T.* Slovenska narečja. Besedila. Ljubljana, 1975.

New. – *Newcklowsky G.* Die slowenische Mundart von Ludmannsdorf (Bilčovs) in Kärnten // Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft. 6. Klagenfurt, 1980. S. 103–113.

Plet. – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. I–II. Ljubljana, 1894–1895.

Ramovš 1950 – *Ramovš F.* Relativna kronologija slovenskih akcentskih pojavov // SR 1950, s. 16–23.

Rigler 1963 – *Rigler J.* Južnotranjski govori. Akcent in glasoslovje govorov med Snežnikom in Slavnikom. SAZU. Dela. 13. Ljubljana, 1963.

Rigler 1968 – *Rigler J.* Problematika naglaševanja v slovenskem knjižnem jeziku // Jezik in slovstvo. Let. 13. 1968. S. 192–199.

Rigler AV II – *Rigler J.* Akcentske variante. II // SR. Let. 19. 1971. № 1. S. 1–12.

Rigler 1977 – *Rigler J.* K problematiki daljšanja starega akuta // SR. Let. 25. 1977. Kongresna številka. S. 83–99.

SAZU – Slovenska akademija znanosti in umetnosti.

SBG. – *Novak F.* Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota, 1985.

SR – Slavistična revija. Ljubljana.

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1971–1991.

Šajn. – *Scheinigg J.* Obruz rožanskega razrečju na Koroskem // Kres. 1–2. 1881–1882.

SR – *Šusel J., Ramovš F.* Narodno blago iz Roža // Arhiv za zgodovino in narodopisje. 2. Maribor, 1936–1937.

Str. – *Strekelj K.* Morphologie des Görzer Mittelkarstidialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse. Wien, 1887.

TNB – *Tominec J.* Narečje v Bočni in njegi sklanjatev // Jahresbericht des k. k. Kaiser Franz Joseph Staatgymn. in Krainburg. 1903. S. 3–27.

Tom. – *Tominec I.* Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. SAZU. Dela. 20. Ljubljana, 1964.

TSS – *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Pregledana in razširjena izdaja. Maribor, 1984.

TSVK – Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten. Hrsg. v. S. Hafner und E. Prunč. Bd. 1–2. Wien, 1982–1987.

Valj – *Valjavec M.* Prinos k naglasu u (novo)slovenskom jeziku // Rad JAZU. Knj. 45–48. Zagreb, 1878–1879.

VGT – *Valjavec M.* Glavne točke književne slovenštine // Rad JAZU. Knj. 132. Zagreb, 1897. S. 116–213.

ZdT – *Zdovc P.* Die Mundart des südöstlichen Jauntales in Kärnten. Lautlehre und Akzent der Mundart der "Poljunci". Texte. Wien, 1969 (дисс., рукопись).

Zorko – *Zorko Z.* Vzhodnokoroški govori v Dravski dolini, na severnem Pohorju in v Dravskem obmejnem hribovju // Zbornik razprav iz slovenskega jezikoslovja. Tinetu Logarja ob sedemdesetletnici. Ljubljana, 1989. S. 395–495.

Материалы цитируются в системе обозначений, принятой в ОСА, Plet. и SSKJ. Графика частично упрощена по техническим причинам. Знак " , " под гласным обозначает его образование при более низком подъеме ("открытый гласный"). Словари цитируются без указания страниц.

Summary

The article contains material on stress in masculine nouns in standard Slovene and Slovene dialects. The main accent types and their correlation with the reconstruction of the Proto-Slavonic accent system are observed. Special attention is paid to the neo-circumflex in accent paradigms (AP) a and b, presence of the type with the invariable following intonation on the root not only in the standard Slovene, but also in the dialects and to some tracks of the "Illich-Svi-tych's archaism" (AP d) in short stems.

Д. Петрович (Нови Сад)

О НЕКОТОРЫХ КАРПАТО-БАЛКАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕЛИКТАХ В СЕРБСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Имеющиеся ныне результаты работы над Общекарпатским диалектологическим атласом (=ОКДА)¹ выявили множество драгоценных сведений о лексико-семантических соотношениях в пространстве карпато-балканского этно-языкового комплекса. Выяснилось при этом, что многие лексические единицы равномерно распределены по всему обследованному ареалу² (ср., например, карты I/12 +pOd 16, I/25 +kOиEe 35, I/29 +kolBa 47, I/31 +struGa 50, I/54 +kOж 83, I/57 +vatra 87, I, 58 +vatr- 88, 89, II/25 +papuč- 157, II/27 +xiZm- 159 и под.), другие известны лишь в некоторых зонах. Волико число таких лексем, которые встречаются на территории сербского и хорватского (также македонского) языков, а также в отдельных частях Закарпатья или в непосредственной близости от него (например: II/11 +x[o]IOsn[i] 127, II/18 +GEdan 147, I/60 [čad, čaž] и под., II/13 [hačnyk, dulačik] ~ učkur, данные вопросов 365 +čitav-, 382 +talozj- и др.); распространение некоторых из них связывает южнославянский ареал с румынским (ср.: II/24 ora:nci 154, I/50 +Cerga 78, материалы ответов на в. 335 +buZa, 351 +be-žika), а иногда – славянский Юг с крайним Западом и крайним Востоком карпатского пояса (ср.: I/4 +bOrdej, I/21 +GrAZd[iz]- 30, I/62 +gizd- 93, II/4 +Xa[1]Epa 111, II/40 +sa[1]an 199).

С другой стороны, уже опубликованные (и подготовленные к печати) материалы показывают, что многих лексем, встречающихся в Карпатах, вообще нет в южнославянских языках, обследованных в Атласе, или же они зафиксированы спорадически. Далее мы постараемся проанализировать некоторые из подобных единиц.

1. +palan()K- (I/39). – На востоке сербской территории эта основа подтверждена лишь в нескольких пунктах, и то как топоним. В RJA' однако отмечены формы palanga, palanka, palaňak в значениях: 1 'motka, ozib, vag', 2 'paľus, oppidum', 2.1 'ograda od prošća, od kolaca oko čega, na pr. oko varoši, oko sela', 2.2 'varošica ogradena prošćem ili koljem, Mittelding zwischen Dorf und Stadt', 3 'palanka, pandurnica ili stražara'; от лат. palanga (phalanga) < греч. φαλαγγίς, с.-хорв. и poluga (<*pologyn). На юго-западе основное значение 1, в р-не Цетинье – 'zasovnica, zasun' (= 'poduže drvo kojijem se vrata zatvoraju'), согласно нашим записям – pal'a:nga 'velika gvozđena poluga za pomeranje kamenih blokova, čuskija'; в тех же областях зафиксировано и значение 3. Значение 2.2 выступает как топоним практически на обширной территории: кроме Сербии, топоним известен "в Боснии, близ Тузлы", "в Хорватии в жупании Лика-Крбав", "в жупании Загреб", о том, что данная основа была известна там как апеллатив, свидетельствуют словари Микали и Белостенца.

2. +FrOMBija (I/44). – Это слово отмечено на сербохорватской территории в двух пунктах (196, 199) с неясным значением. В РСАНУ отмечено: vrengija (frenigija) 'uče, konopac', vrengije 'konopci kudeljini' (= "svaki je kotur...uvezan sa više puta obmotanom vrenigijom"). Согласно примерам из указанного словаря, это слово обычно на востоке; подтверждают это и две наших фиксации: одна из Азании (р-н Смедеревской Паланки) – vre:n'gija, вторая из буневачских говоров (сев.-зап. Бачка): vřéngija, с тем же значением – 'debeo konopac, dug do 10 m., kojim se vezuje "voz" (slama, snopovi pšenice, kukuruzovine) na seoskim kolima, rajvan, jedek'. Как строительный термин слово встречается в сочетании na vrengiju 'sprijati grede pravceci zaseke u njima' ("na vrengiju se zaseče i jedna i druga greda u vidu trapeza, kome je šira strana okrenuta u polje"); т.е. "столярный технический термин для соединения углов". Благодаря этому значению становится яснее и иное, зафиксированное в п. 196: 'opraviti kotao umetanjem i ukivanjem bakarne pločice na mestu oštećenja'; слово, по данным М. Пижурицы, известно и в говоре Ровца: "Natalá: -rio je tò: na nekáke vřéngije 'složiti nešto bez reda i ovlaš uvezati, pri- vremeo pričvrstiti'; в восточносербских говорах обычно и sukati vřéngije 'rado i mnogo lagati'. Дериваты vřéngijas(t, -sta, -sto) в п. 199 'что-то тонкое, хрупкое – о человеке' можно связать с лат.

frango, -ege 'ломать, разбивать, раздроблять; лишать сил, обессиливать; пасть духом, (рас)строгать и под.' (Дворецкий; Divković). Семантически близко и слово *pranda* (мн. *prande*) 'rojte, rese, potkite' (р-н Винковца — RJA), которое П. Скок сопоставляет с фр. *frange*, ит. *frangia*, ср. нем. *Franse* < лат. *fimbria*. Этот путь появления слова кажется сложным, и его можно допускать хотя бы для некоторых областей на Балканах, где фиксируется влияние народной латыни. На это указывает и семантика *pranda* (обл. Космет), *prange*, *pränge* (1 'okovi oko vrata' 2 'klade u koje se među noge kušnjnika', 3 'priješnica, rampa'), о которых П. Скок говорит как о "балканском слове немецкого происхождения", ср. болгарскую параллель *prāngu*, *prāngi* < турецкого славизма *pranka* 'okovi'. Интересно также предположение П. Скока, что "в Воеводине это немецкое слово вошло через венг. *pelengér* < *Franzer* (ср. *pellengér* 'позорный столб' — *Надговиев-Галди*)³. География основы *fr()* *mb-*: *fr()* *ng* дает основания допускать возможность существования двух источников соответствующих форм в карпато-балканском пространстве: *fr()* *ng-* < *frango*, -ege закрепилось в восточных частях сербохорватской территории, в юго-восточной части Румынии (в Молдове), тогда как *fr()* *mb-* < *fimbria* отмечается в двух небольших ареалах — Закарпатье и соседняя восточнословацкая область, с одной стороны, и северо-запад Словакии, с редкими фиксациями на пограничье с Польшей и Моравией, — с другой (ср. и некоторые подтверждения на территории Румынии). Такое распределение вариантов может быть следом очень древних отношений, при этом в качестве основания мотивации во втором случае могло служить значение 'rese, rojte → 'копорас, kajtan', а в первом 'kolac, stub' → 'stub srama, koporas kojim se kažnjenik vezuje za stub srama' ~ 'okovi (kažnjenički)'. Доказательство, возможно, содержится и в венг. *pellengér*, где, вероятно, можно видеть основу для лексико-семантической дифференциации *prəu*: *nk*, *prəu*: *nk* 'забор' || *pellengér* 'позорный столб'.

3. ¹*kušma* (I/67). — Слово отмечено как будто лишь в северо-западных областях, с двумя основными значениями: 1 'krznena kapa, šubara', 2 'odrič, kabanica' (ср. в RJA *kušma* и 'štaka, štulu' — запись с о. Крк). По Скоку, слово известно в хорватских кайкавских источниках с XV—XVI вв. в значении 'vrsta šubare', а "судя по окончанию

-ma, могло бы рассматриваться как северо-турецкое, соотносящееся с *kušma*". С той же основой и *kušlja* 'dlaka', *kušljav* 'neočesljan, šupav, razbarušen; kudrav, kuštrav, kovrčav; obrastao maljama, maljav', *kušljak* 'vrsta gunja sa kapuljačom', также *kukma* с рядом дериватов (*kukmar[k]ja*, *kukma[s]t*, *kukmača*, *kukmašica* и др.) со значениями: 1 'pramen, šuperak perja koji strči na ptičjoj glavi, čuba', 1.1 'kokoš sa čubom na glavi, čubasta kokoš', 2 'zadignuti pramen, šuperak kose', 3 'vrsta marame koju nose udete žene, obavijena na naročit način oko glave', 4 'kapuljača, kukuljača', 5 'kresta' (РСАНУ).

4. ¹*GuCl* (I/7). — В карпато-балканском пространстве лексемы с данной основой имеют интересное распределение: изредка фиксируются на юго-западе Македонии, на юго-востоке Сербии, на юго-востоке Румынии (и в Молдове), в относительно компактной зоне в соседнем поясе Закарпатья, а кроме того в Моравии и в соседних словацких говорах. В РСАНУ *gugla* отмечено в значении 'kapuljača (obično od sukna)', также — дериваты *guglica* (dem.) 'kuglica, loptica', 'igla za pletenje sa kuglicom na vrhu', *gugolj* 'čubasti gnjurac (zool.)', *gugulja* 'čaura svilene hube', *gugliti* *ve* (metafor.) 'pogorsavati se (o vremenu)'. Что касается происхождения, то следует отметить отсутствие единого мнения этимологов. Так, О.П. Трубачев (ЭССЯ) считает лат. *cucullus*, *cuculla* 'капюшон' не вполне надежным источником (ср.: [?]). В. Михайлович, основываясь на этимологическом словаре Эрну-Мейе, считавших слово элементом народной латыни (из илирийского), полагает, что в указанной этимологии нельзя сомневаться (Mihajlović). Известно, с той же основой, с тем же (или близким) значением и *kukulj* (1 'kapuljača', 2 "'ona guka što žene nose na vrh glave ispod marame"', 3 'roščić na zmijskoj glavi', 4 'čuba, kukma', 5 'čubasta ževa Galerida cristata'), *kukulja* (= *kukulj* 1,5), *kukuljava*, *kukuljavica* (= *kukulj* 5), далее *kukuljajka*, *kukuljar*, *kukuljast*, *kukuljač*, *kukuljača*, *kukuljačica*, *kukuljevica* и др. (РСАНУ), ср. и *Gugalj* (ZFLMS), *Kuklja* "vis na granici među Srbijom (u okrugu pirot-skome) i Bugarskom" (RJA), *kukla* 'golo, kamenito brdo ili brdašće, s jedne strane strmo, a s druge blago nagnuto, čuka' (РСАНУ, ср. и певное *glama* — "čukaste osamljene vrhove, sa eskarpanama na jednoj i blagim stranama na drugoj strani, zovu u knjaževačkoj okolini *glamama*, a u Visoku... *kuklama*"). В сербохорватских письменных источниках *kukulja* впервые отмечена в XIV в. (Мажуранич). По мно-

нию О.Н. Трубачева, *gugla, kukla, kukma* (куќма) рассматриваются как самостоятельные единицы, однако, на наш взгляд, их фонетическая (и морфологическая) близость и несомненное сходство семантических спектров могли бы служить основой для установления их эвентуально единого происхождения.

5. ¹xiž- (I/1). — На территории сербского языка основа отмечена лишь в одном пункте на границе с болгарской языковой территорией. Известно, что данная лексема не бытует в среднесербской (и хорватской) зонах, но широко распространена на Западе "в северночаканских говорах, прежде всего в Истрии" и "на Кварнерских о-вах", также в Далмации (Zajecva), в хорватских кайкавских говорах, но и словенском (RJA; Bezla). С другой стороны, в юговосточной части Сербии (h) iža встречается в Топлицо, широко распространено как будто в области Ниш, в тимочсколужницком поясе (и далее — переходит на болгарскую территорию) со значениями: 1 'kuća', 1.1 'porodica, obitelj', 1.2 'kuhinja', 1.3 'soba', 2 'božićni hleb' и др., а также ср. (h) ižina 1 'omanja, sporedna zgrada u dvorištu seoske kuće, namenjena mladencima ili za držanje spreme, voća i dr., vajat, ostava', 2 'podzemna prostorija za ostavu, podrum' (косовско-метохийская зона, Копаоник, Ловач, Темнич, Ресава — Елезовић; РСА-IV). По-видимому, Косово и Метохия представляют крайний юго-западный конец указанного ареала и неясно, можно ли его продолжить и далее к юго-западу, в обл. Нипере, где отмечаем ¹ižai iža 'mała viromasčka kuća, vtracina'; (в этом говоре ž часто появляется вм. ž), однако неизвестно, не представлен ли в данном слове результат когнитивации iža и (h) ižera (с тур. hığre 'soba'), ср. и udžer(i)ca 'bedna, viromasčka kućica.'

6. postol, (II/24 — 'кожаные лапти *chaussons*'). — В сербском и хорватском — postō, -ōla || -ola m., postola, postula f. 'cipela, crevlja' с большим числом производных (postoić, postoićina, postolar, -arija, -arski, -arnica, -ariti, -arstvo, -arština, -ica, -ić, -ina и др.). Известно лишь на Западе: в окрестностях Дубровника, в чаканских говорах (Jurčić), также в кайкавских говорах (также — в словенском), спорадически фиксируется и в Боснии; включено в наиболее важные старые словари (Вранчић, Микаля, Бела, Стулич, Ямбрешич, Вольтиджи — RJA). Этимология неясна. П. Скок считает: "Турки усвоили на Балканском п-ве postal, также болг. postál, алб. postalë, греч. ποσταλί", М. Фасмер, напротив, в слове видит заимствование

тур. postal 'туфля', соответственно, тур., крым.-тат. post из п-перс. pōst 'шкура'. Последнее объяснение оставляет несколько непроясненных вопросов; для с.-хорв. форм: "остается необъясненным окончание -ol", что склоняет к мысли "о заимствовании из южнотурецкого (османского), против чего говорит лингвистическая география. В слов. и хорв.-кайк. нет старых турцизмов южного происхождения" (RJA). Что эта основа не турецкого происхождения свидетельствуют два факта: в письменных источниках она отмечена в XV в., когда на востоке известны были лишь следы турецких лексических влияний, а на западе они отсутствовали. Кроме того, лексема известна в Боснии спорадически (см. выше), и не найдено никаких подтверждений ее присутствия "в Сербии и в Славонии, т.е. в областях, язык которых (в наше время) полон турецкими словами" (RJA).

ОКДА, как свидетельствуют его первые результаты, во многом откроет перспективы комплексных исследований в области межъязыковых отношений в карпато-балканском пространстве, а изучение нескольких лексем показывает возможности одного из аспектов Атласа — в отношении слов со статусом "родкие слова", включенные в ОКДА, и прежде всего — их географии и глубины их семантической дифференциации. Разумеется, из приведенных фактов не могут быть сделаны далеко идущие выводы о путях распространения слов в указанном ареале; окончательные суждения об этом возможны по мере изучения большего числа данных, когда исследователи будут располагать репрезентативными пучками изолексов. Именно тогда с большей уверенностью можно будет говорить о древних источниках их внешних конфигураций. Так обстоит дело, например, с проблемой выяснения того, почему основа xiž- "распределена" лишь на крайнем западе сербохорватской языковой территории (включая и словенский пояс), с одной стороны, и на крайнем юго-востоке, — с другой; неясно, почему на западе сербохорватской территории (опять же вместе со словенским) отмечается ареал основы postol-, параллель которой находим лишь в Закарпатье; то же относится к изолексам, по которым славянский юг связывается с западом и востоком карпатской зоны. Окончательных ответов на эти вопросы ныне дать нельзя; их можно ждать лишь после завершения обработки всех материалов ОКДА и после специальных исследований в рамках отдельных языков карпато-балканского ареала, прежде всего лингвогеографических и этимологических.

Примечания

¹ Ср.: Общкарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1987; Общкарпатский диалектологический атлас. Вып. I. Кишинев, 1989; вып. II. М., 1988; Вып. III. Warszawa, 1991. Остальные тома находятся в печати или готовятся к ней: IV — на Украине (Львов), V — в СР (Братислава), VI — в Венгрии, VII — в Югославии (Белград).

² По различным причинам в этом большом международном проекте не приняли участия ученые из Греции, Албании, Румынии, а БАН вышла из него в 1982 г. Отсутствие материалов из румынских диалектов компенсируется в известной мере рекартографированием данных румынских атласов, но это лишь частично восполняет большой пробел, ликвидацией которого в центре обследованного пространства остается задачей на будущее и для других исследователей.

³ Неясно, относится ли сюда и широко распространенное слово *pranġija* 'vrsta topu', которое "связано с *frangija*, также *frandija* (Космет) 'mazgala, ruškarnica, uzak prozor, prozor na kuli' — из тур. *frangi, frengi < Frankia (XV в.)*" (Skok). По сообщению М. Пижурницы, в обл. Ронци известны выражения *biju: pranġije, biju: pranġije:ši* 'veliko nevreme, važan vetar praćen jakom kišom' однако трудно сказать, можно ли видеть в этом признаки семантической деривации между основами, о которых говорится.

Сокращения

Дворцкий — Дворцкий Н.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976;
Елєзовић — Елєзовић Г. Речник косовско-метохишког дијалеката. I—II. Београд, 1932, 1935; РСАНУ — Речник српско-хрватског књижевног и народног језика. Београд. I—XIV; Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I—IV. М.; ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. I—16. М.; Bezlaĵ — Bezlaĵ F. Etimološki slovar slovenskega jezika. I—II. Ljubljana; Divković — Divković M. Latinsko-hrvatski rječnik. Zagreb, 1900 (репринт — 1990); Jurišić — Jurišić D. Rječnik govora o. Vrgade uspoređen s nekim čakavskim i zapadnoštokavskim govorima. Zagreb, 1973; Hadrovics-Gáldi Hadrovics L., Gáldi L. Magyar-ország szótár. Budapest, 1964; Mažuranić — Mažuranić V. Prinosi za hrvatski pravno-povijesni rječnik. I—II. Zagreb, 1975; Mihajlović — Mihajlović V. Iz toponomastike Srbije (Кречевац, Гагаиј) // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад.

XVII/9, 1974; RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I—XXIII. Zagreb; Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I—IV. Zagreb; Zajceva — Zajceva S. Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad, 3, 1967.

Перевод Г.И. Клепиковой

Summary

On base of dialectal lexemes from the Carpathian dialectological Atlas the author draws parallels between some Serbian and North Slavic (= Transcarpathian) dialects.

Г. П. Клепикова

ЛЕКСИКА РОДОПСКИХ ГОВОРОВ И ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЮЖНОСЛАВЯНСКО- СЕВЕРНОСЛАВЯНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Выдающийся болгарский ученый проф. Б. Цонев в своей работе "Към подробната характеристика на източнобългарски говори: фонетика, морфология, речник (поправки и допълнения към Милетичевата книга "Das Ostbulgarische")" (опубликована в т. III "История на български език". С., 1937), дал поразительно глубокое для современного ему этапа развития науки описание родопских говоров, в том числе детальный очерк их лексики и семантики. В данном случае важно подчеркнуть, что в центре внимания проф. Б. Цонева были и специфические черты родопских диалектов, поэтому, вероятно, не будет преувеличением сказать, что данный труд заложил основы изучения в сопоставительном плане родопской лексики (и семантики) в пределах собственно болгарской диалектной зоны и — шире — в масштабах всей Славии. Однако потребовались десятилетия напряженных усилий многих исследователей по лексикологическому и лингвогеографическому обследованию диалектной лексики всех славянских языков, чтобы возникли объективные условия для перехода от в известной степени случайных констатаций лексико-семантических сходжений между различными (микро) зонами славянского языкового мира к опытам систематического изучения и каталогизирования явлений лексико-семантического параллелизма и к постановке задачи их типологического рассмотрения.

Представляется, что построение типологии лексико-семантических корреспондентий в рамках всей современной Славии, и в том числе, как в нашем случае, специально ориентированных на определенную микрозону (= родопскую), должно учитывать, по крайней мере, следующие принципы.

1. Сугубо синхронный уровень рассмотрения и описания изоглоссы (изоглосса, изоглоссы) и ареалов, репрезентирующих соответствующую параллели, что предполагает (а) использование прежде всего диалектных материалов, зафиксированных во временном интервале, который охватывает межвоенный и послевоенный периоды (т.е. примерно 40–50 лет) и (б) извлечение историко-этимологических экскурсов лишь с целью идентификации совокупности подлежащих изучению лексем.

2. Изучение отдельных микрозон прежде всего на диалектном уровне, что является наиболее эффективным в плане выявления и "глобальных", общеславянских сходжений, и отдельных изоглоссы (= "микроизоглоссы"); данные современных литературных языков принадлежат принципиально иному уровню и могут привлекаться как дополняющий диалектную картину материал.

3. Последовательность расширения пространства сопоставления диалектных фактов:

- исходным является описание изучаемого явления в родопской микрозоне (= центрально-родопские, средно-родопские говоры / смолянский диалект/) и в непосредственно примыкающих к ним говорах;
- "изоглоссирование" в пределах соответствующей языковой группы (= южнославянской);
- "изоглоссирование" в масштабах всей Славии.

Разумеется, одновременно с установлением (и описанием) в общеславянском контексте отдельных типов корреспонденций исследователь-археолог может предложить соображения о времени и причинах возникновения тех или иных параллелей. Однако они представляют собой не более чем предварительные, "рабочие" гипотезы (ср., напр. идею В.М. Иллич-Свитыча о "каспской миграции славян", идею о соотношении центрального и латерального "поясов" В. Британича-П.И. Толстого и др.). Эти гипотезы позволяют суммировать на отдельных этапах частные результаты исследований и помогают выработать программы дальнейшей работы. В пользу того, чтобы не форсировать на вышней стадии изученности славянского диалектного ландшафта формулирование общей теории, призванной интерпретировать имеющийся корпус изоглоссы, а, напротив, увеличить прежде всего их надежность и число (может быть, до нескольких сотен и даже тысяч), говорит весьма показательное различие в оценке уже изученных изоглоссы и перспектив работы в этом направ-

лении. Так, П.И. Голстой убежден, что "... при уволнении материала, числа изоглоссы, — взаимоотношения отдельных поясов и соответствующих зон будут, надо полагать, проявляться и упорядочиваться" ("Ареальные исследования в языкознании и этнографии". М., 1977, с. 54). С другой стороны, О.П. Трубаков, имея в виду ту же проблему "изоглоссирования" славянской языковой территории, отмечал: "...знаком первоначальной этнолингвистической нестроты... славянской миграции к Западу, Югу и Северо-Востоку является построение лексических изоглоссы, невероятно мозаичных и затрудняющих восстановление древней диалектной картины... Чем дальше идет работа над ЮСЯ, тем более стойким делается впечатление мозаичности внутриславянских изоглоссы... Концепции, вроде карпато-полесского пояса диалектных изоглоссы, увлекают воображение своей стройностью, но они... просто тонут в той праславянской сложности, которую дают сплошные ряды древних соответствий славянской лексики" (ВЯ, 1974, № 6, с. 64—66).

Нашей задачей является, исходя из сформулированных выше принципов, рассмотрение роли и места специфических элементов родополесского словаря в формировании различных типов сепаратных южнославянского-севернославянских лексико-семантических параллелей.

I. Изоглоссы, охватывающие небольшие территории на юге Славии и широко — севернославянскую территорию.

Репрезентанты слов. *žrdь (обычно рассматривается как связанное чередованием со слав. *gordь — Фасмер; БЕП; *gordь/*gordь/*gordь = <и.-с. *ghordho = [ghordho =] — ЮСЯ; ср.: Толков. Русск., 162; Machek 593: "подробности не ясны"; и др.; иначе, как германизм — Преобр. 228 и т.д.). — Родоп. *жордт*, *жорда*, *жорди*, *жорди* 'вьрлина, прут' (Цонев, 237, 294), *ж'орда* 'дыга, тынка гряда' (Смол., Ард., Асен., Пловд.), *жерда*, *ж'рда* 'то же' (Асен., Пловд.) (БД II, 160, 159), *ж'рда* 'то же' (Смол. — ИИБЕ IV, 74), *ж'орди* (РН IV, 157), также *жерда*, *жерди* 'основна пръчка, вьрху която се оплита кош' (Хаск. — ИИБЕ IV, 222); далое лексема известна только шумонскому говору: *жерт* 'вьрлина' (Цонев 237; *ж'рт* — СБАН XI, 13), *жерт* 'прът, с който се прикропя отгоре снопето в колата' (СБАН XXXIV, 333); ср.и: Горов, РСБКЕ и др. Далее см. в словарях: с.-хорв. *жрд*, *жрдина* 'палка, жордь (для сена на возе)' (обл. Морача, Хорватия, Истрия — РСА; RJA, sv. 96, с. 44), *žrda* 'то же' (о. Крк — RJA, словен. *žrd*, *žrdica* 'палка, жордь, насест' (Plet.) и т.д.

Таким образом, распространение слов с данным корнем на юге Славии незначительно (здесь же упомянем и рум. *joardă* 'тонкая длинная палка, жордь' — из славянского: DI.R; DI.RLC). Напротив, они широко (и с различными значениями) представлены в севернославянских диалектах. Ср., например, в карпатской зоне: польск. *żerż*, *żertka*, *zyrtka* и др. 'жердь в доме, для одежды', 'жердь в заборе' (Подкарпатье — ОК/А), также см.: *Karłowicz. SGI; SJI*), чеш. диал. (морав.) *žertka* 'жердь в доме' (ОК/А; ср.: ISJC), слов. диал. *žr*: *tka*, *žrtka*, *žrt* и др., 'то же' и 'жердь' (Средн. Словакия — ОК/А Ripka 156; ср. в словарях: *žrd*, *žrd'ka* 'жердь, шест' — Isaženko; SSJ). Карпатоукр. *žertka*, *žyrtka* 'жердь в заборе' (почти повсеместно), 'жердь в доме, для одежды' (Прикарпатье) (ОК/А; АГВ № 268), *ж'ртка*, *ж'ертка*, *жерд* 'часть колодезного журавля (Бойк; р-н Бжезув, ПП — Караб 63); лексемы хорошо отражены в полесской зоне: *ж'ертка*, *ж'ердка* 'верхняя поперечная планка в ткацком станке' (Жит., Черн., Киев., Ров.), *жердина* 'бревню для поворачивания ветряка' (Жит., Вол., Гом., Ров., Киев.) (Пикончук 247, 246, 302); ср. и в словарях: Гринч., СУМ. Так же — в Белорусском Полесье и в иных говорах Белоруссии: *жердзіна* 'тонкая длинная палка' (Гур., 2, 75), *жердзь*, *жорць*, *ж'ртка* и др. 'то же' (сев.-зап. ВССП — Сл., 2, 173), *жорць*, *ж'рди* 'жердь (в заборе)', 'толстая жердь на возе с соном' (Мог. — Янк., 23), 'то же' и 'жердь в избе, для одежды' — Бяльк., 171; ср. и: *жардзё*, *жардзённх* 'густой, тонкий, молодой лос' (Илкия 66; ВРС; ср.: Пособич). Богатый материал о семантике и географии слов с корнем *žrd- на остальной восточнославянской территории — см. в словарях. Помимо достаточно обычных значений ('шест', 'палка', 'жердь' и др.), *жердь*, *ж'ердка* и под. известны также в значениях: 'жердь в крестьянской избе, вешалка' (арх.), 'ловушка на рябчиков' (арх., перм., волог.), 'жердь для скрепления воза сена' (калин.), 'палка-шест для хранения продуктов' (краснояр.) и др. (СРНГ; ср. и: Даль) и т.д.

II. Изоглоссы, показывающие распространение лексико-семантических единиц прежде всего в южнославянской зоне.

а. Репрезентанты слав. *kьbьbь (< др.-н.-нем. *kubil* — Bern.; Фасмер; Machek; Bezla; последнее — из лат. **cupellum* 'чаша' или лат. **cupellus*, **cupellum* 'бочка' — Sławski; ср. ворсию о контаминации лат. **cupellus* и гр. *κουβα* [у Пезихия] < семит. *qubbāh* —

Skok и др.)*. О *каблица*, специфическом элементе родопской лексики, см.: Цонев, 294; *каблица* 'ведрица' (Смол., Мад., Ксант., Дев., Момчилгр.) и *кабрица* 'малко плоско качо за носоро на гръб' (Ассон.) (БД II 177, 178, 197), *каблица* 'ведро, дървен съд за вода' (Смол. — Кабисанов. ИИФЕ IV, 75), *къблица* 'ведро' (Дедоаг. — ТрСВ VI М, 139; БД V, 23; Ромюрдж. — БД VI, 48), *каблица* (Дев. — СБНУ XXXIX, 3, 19; Кен. — ТрСВ VII, 8), *кабличка* 'деревянное ведро для воды' (Ивайл. — СЛЛ 147), *каблица* 'ведро за мляко, сирене' (Ксант. — РИ II, 12) и фрикийское *каблица* 'дървени съдове, що се употребяват на мандрито... било за доене овцете, било за посено вода' (Малг. — РИ II, 58); распространено и общее значение, ср. и *каблица* 'ведро' (Тополовгр. — БД²); в западных областях Болгарии однокоронные отмечаются с иными значениями: *каблѣ* 'госен, вкаран в буката дървен отвор, през който водата хлуе върху воденичното колело' (Пирд. — БД IV, 108), *кабел* 'това, което стопанът взима от бачията... за известен срок срещу своите овце' (Дук. — СпБАН XXXIV, 283), также: *къбъл* 'ведро' (БТРМ), ср. *кабел* 'то же' (там же, Герев и др.). На территории Югославии, по нашим данным (ZfSl XXI, 840), отмечается два компактных ареала: восточный — *кабел*, *каблица* 'деревянный сосуд (для молока и др.)' (р-н Добыр, в соседних районах — М J II, 65; Reiter 52), *кабал* 'сосуд для сыра' (обл. Куча), *кабо* 'деревянный сосуд для молока' (обл. Герцеговина), ср. и *кабал* 'мера зерна' (Косово), также — *каблина* 'отверстие, через которое вода идет на мельницу' (обл. Гружа); другой ареал — юго-западный: *кабул* 'деревянный сосуд (для молока, воды)' (Пригорье, Карловац), *кабли* 'то же' (Кастан), *каблица* за *кабор* (Истор-планина), *кабло*, *кабо*, *кабов* 'колодезное ведро' (Осиок) и под., также *кабел* 'сосуд', *каблица*, *каблица* 'подойник', *кабел* 'мера', *каблице* 'сосуд, подойник' и др. (Pret. Bezlič), ср. и термин пастушества в кальнийской зоне: *каблица*, *кеблица* 'сосуд для молока' (Viehwirtschaft).

*Пользуюсь случаем, чтобы ответить на замечания П. Даскшовой (см.: ВФ № 6, 1977, с. 498 и сл.), повторенные составителями ВФ (вып. XXI—XXIV), по поводу моей статьи в ZfSl (№ 6, 1976). Повидимому, эти замечания основаны на недоразумении: в моей статье речь шла лишь об отсутствии фиксации и репрезентантов слав. *къвьль в значении 'мера' в современных болгарских диалектах, а не в болгарском языке в целом (как на современном этапе его развития, так и в памятниках письменности).

В соворнославянской зоне надежные лексико-семантически параллели приведенным выше фактам обнаруживаются только в карпатском ареале, при этом в карпатоукраинских говорах *кабел*, *каблик* зафиксированы со значением 'мера сыпучих тел (реже — жидкости)', 'мера земли' (только в обл. Вачка *кабел* — 'деревянное ведро'); известно употребление *каблина* в особом значении 'годовая плата священнику'. В польско-моравско-словацкой зоне репрезентанты *къвьль имеют более разнообразную семантику: польск. *gbelik* 'металлическое ведро' (Силезия), *gbeł* 'колодезное ведро' (р-н Рацибуж) (Zargbn; MAGI, SJI² и др.), ср. лян. *gbeł* 'сосуд для воды', 'сруб колодца', *gbeł* 'то же' (Опана), морш. *gbeł* 'деревянный сосуд — мера сыпучих тел' (Вартож), также *belec* 'сруб колодца', *belik* 'маслобойка' (горнобланицкий говор), 'то же' — *hbel*, *hbelik*, *bel*, *belik* (юго-западные чешские диалекты), ср. в словарях: *kbeł* 'деревянный сосуд для воды, ведро' (PSJČ); далее — чан. слов. *gbelik* 'маслобойка', н.-слщ. *gbei* 'мера (зерна, муки) (р-н Бардейон), *kabel* (*gbel*) 'мера' (Czambel), также — 'мера земли' (Štolc 400), см. и словарь: SSJ; Káča и др. Сюда же — венг. *kőbél* 'сосуд, мера объема, 125 л', *kőbélő* 'мера земли' (MNyTFSz); рум. *câbel* 'мера зерна' и др. также арум. *câbelu* 'деревянный сосуд, чаш'. За пределами карпатского ареала в качестве лексической параллели к продолжениям слав. *къвьль, возможно, следует рассматривать диалектные оронимы: повз. *кабел* 'яма, овраг', *кабляк* 'глубокое место в водоомере' (просл.) (СРНП).

Б. Репрезентанты слав. *къльть, которое, по ЗСЗН, происходит к *къльть < *grud-mo- : *grudnicъ / *grudnykъ / *grudnъ, родств. с *gruda [*grqč-, *grud-], что позволяет рассматривать вместо растительные и ландшафтные термины (см. ниже); о связи *къль- / *къль- с *къльте — см. у: Берн., 388; сходно, но с обоснованным возможностью обозначения дуба и "мирового дерева" по принципу гром-дерево, как гром-камень и под. — Гоноров. Прус., 308—309; илчо — как контаминация *къльть и *къльте — ВЕЛ². — Подоп. *горм'нисък дъбово храст* (Ксант.), *гъръм'дъб* (Дев.), *гъръм'то же* (Мад., Момчилгр.), *гъръмък'дъбони* и други храсти, листата на които през зима рядко опахват' (Смол.), *гъръмовък'дъбона гора* (Мад.) (БД II, 146—149), *го'грам*, *гъръвъм'дъб*; ср. топонимы *Г'ърми*, *Г'ърмат*, *Г'ърмосе* и др. (Ксант. — СЛЛ, 138), *гърам* 'дуб' (с. Тихомир, Крумовгр. — СЛЛ; там

же и: *ѣрм* — Кабасанов, 99), *ѣрѣм* дѣб с много здраво дѣрво и остри дребни листа (там же — БД II, 149), *ѣбрам* дуб (с. Девисилово, Ивайловгр. — СЛД), *ѣбрѣм* вид дѣб (Мад. — Христов 174), *ѣбрам* то же (Асен., Ксант. — Младенов. ЕЛ, № 4, 1986, с. 85), *ѣрѣм* дребни шишки храсти в гората (Асен. — СпЗАН LXV, 51), *ѣрѣм*, *ѣрѣмчи* дѣб (Гюмюрдж. — СБНУ I, 205, 210), сюда же — фракийское *ѣрѣм* драка, бодлива шубрачка (грн., глос.) (Итрос — ТрСб VI М, 124), *ѣрѣмцѣлѣк* местность, поросшая кустарником (Бург. — Григориян, 61); как будто единичное в северо-восточной части Болгарии: *ѣрѣм* трѣл (Совл.—Ковачев, 14). К западу от родонской микрозоны: *ѣрѣм* нисѣк храст (и 'растение, поникло на гъето' — Соф.— БД II, 74; ср. *ѣрѣм* 'сплоще растения или цветы, които могат да се носят под мищница...' — БД I, 296), *ѣрѣм* шубрак (Грн. — ИССФ VII, 44), *ѣрѣм* сто дѣрво кичесто, *ѣрѣм* нака (храстилака) (там же, 109), *ѣрѣм* 'храст, образуван от израстъци на буков или дѣбов дънер', 'храстовидно растение — трѣц, лоза' (и топонимы *ѣрѣмак* — Кюст.: Умл., 219; ср. *ѣрѣм* овен 'с голямо рунѣ'), также *ѣрѣм* ст кичест, гъет (р-н Врозник — СБНУ XLIX, 775), *ѣрѣм* нисѣк храст (и топонимы *ѣрѣмовесте*, *ѣрѣмак* — Лом. Дуриданов, 191), 'храсталак' (Пирот. — СБНУ XIV, 115); ср. редкую семантику в *ѣрѣмѣл* 'скала, утес' (Самоков — Григориян, 61). В словарях отражаются значения ' (нисѣк) храст', 'шубрак' (УГМ; РСБЖЕ; РБЕ и др.), но и 'дѣрво, шумка' (Перов; там же — *ѣрѣмотрѣше* раст. *Opuntia*). Упомянем и македонские записи: диал. *ѣорѣм* (Воден), *ѣорѣм* (Кукуш) в значении 'дуб' (СБНУ XVIII 453) и поные — из р-на Тиквеша: *ѣрѣмотар* колючое растение (МЈ I, 190). Только говорам в пределах Сербии известно *ѣрѣм* 'дуб' (Караџић; там же — *ѣрѣмак*, *ѣрѣмѣ ак* 'дубовый лес'); возможно, та же семантика протостациона и на крайнем западе южнославянской территории, ср.: *od velega drva...guste grm, grm, hrast...* (Кастав — ЗбНЗО XXXIX, 300, 297), в обл. Черногория — *ѣрѣмѣн* 'куст' (Караџић, ср. и в обл. Црмница — ДЗб IX, 396), 'то же' — для *ѣрѣм* отмечено в Далмации (Караџић), также — *grm* (Полица — ЗбНЗО VIII, 2, 280), *grmѣnje*, *grmje* (о. Муртера — Ж XVI, 161), *grmje* (о. Паг — ЗбНЗО XXXI, 54), *germ* (о. Крк — ЗбНЗО XXXII, 29), *grm* (о. Вргада — Juršić, 64), *germ*, *germilica* 'мелкий кустарник' (бединский говор — ИДЗб I, 326, 300), *grm* 'куст' (делничский говор — Rad JAZU 153, 144; р-н Карловац — Rad JAZU

124, 124; Самобор — ЗбНЗО XVI, 42; Тробарево — ЗбНЗО VI, 192). Дополнительные сведения о семантике и географии слов с данным корнем есть в словарях (РСА, RJA); ср. и *grm* 'кустик' — у хорватских переселенцев в Словакии (Váňů 148). В диалектах Релии: *уrgm*, *уrgm* 'ореховое дерево, куст' (И.И. Толстой — картотека речныхских говоров), *grm* 'куст'; то же и производные — Пет.

В севернославянской зоне могут быть указаны несколько случаев лексического параллелизма (при наличии значительных семантических расхождений), ср. псков. *ѣрѣм*, *ѣрѣмѣ* 'кочки, поросшие мхом' (в ЭСЯ пример дан в форме *ѣром*, *ѣромѣ*) и арх. *ѣрѣм* 'остров хорошего строевого леса среди смешанного леса, чаще на возвышенном месте; возвышенное место в лесу' (ЭСЯ), в СРН: *ѣрѣм* 'груда, куча земли, холмик' (Пск., Петерб.), 'пологая отмель в реке' (Пск.).

Вслед за ЭСЯ, упомянем морав. *grmѣк* 'обрубок, пенек' (Malina 29), сюда же, вероятно, и морав. *ogmetel* 'сухая ветка дерева' (Bartoš, Dial. mor. II, 354); упомянем и некоторые ботанические названия: морав. *hřmčeni* 'anthemis arv.' (Bartoš 108), *hřmčičice* 'chrysanthemum leuc.' (Karłowicz, SGP 73), польск. диал. *grzmot*, *grzmotek*, *grzmotnik* (Karłowicz, SGP), укр. *ѣрѣм* 'Herniaria glabra' (Гринч.). Что касается точной семантической параллели, то она может быть указана только в лексико древнерусских памятников: *ѣромѣ*, *ѣрѣмѣ* и под. — Срезневский.

в. Важон и учет (с некоторыми дополнениями) описанной в свое время П.И. Толстым (КДО) семантической изоглоссы — слав. *znój* 'пот' (< слав. *znōti и др. < *znāti — Мачек 587 ["Но до конца ясно"]; Берн., 287; Фасмер и под.), объединяющей ряд областей Южной Славии (включая родонскую микрозону) и некоторые севернославянские микрозоны. Лексема *znój* есть в составленном В.Цоневым списке лексических особенностей родонских говоров (Цонев 296); дальнейшие разыскания позволили уточнить географию лексем в указанном значении. — Родоп. *znój* 'пот' (Смол., Ард., Асен.), *znōbѣм са* 'поты со' (Смол., Ард., Мад., Дев., Асен.) (БД II, 169), по БДА, пазвншо отмечено к востоку от Родоп (долина р. Марица, р-н Свиленграда, обл. Странджа — I, № 251; БД I 88; ИИЗЕ IV, 225), также — к западу от ное (Потрич — Яно Сандански — Г. Долчев — Асеновград — III, № 278); *znój* 'то же' (Г. Долч. — Мирчон 124;

МГр VIII 2, 121), в Воломорской Фракии: *шой, зшомж, шойчок* (Примовски. Камил., 128, 201; Чомурдж. — ВД VI, 32; Драм. — СБНУ VIII, 3, 250), *шой* 'то жо' (Сол. — Маг. II, 10), также в р-не Видин: *шой* 'то жо' (Млад., 229); явление отмечается и к западу от указанного р-на — в штоканских говорах и, вероятно, на востоке словенской зоны (при практическом отсутствии в чакавских говорах) (К/О, 248, и сл.). На северославянской территории соответственно **шой* 'пот' известно в диалектах Польского Подкарпатья (р-н Краков), в р-не Ченстоховы, Тарнобжега (МАСР VIII, № 399; ср.: Karłowicz. SGP, SJP и др.), Слвц. *шой* 'пот, испарина' (паряду с 'жара'), см. в: SSJ; Іващенко и др.; чеш. *шой* (устар.) 'то жо' (PSJČ).

г. Дериват с *-*шник* (< **шхо*) (Фасмер; Machek и др.), — Родоп. *шник* 'обица' (Смол.), *шники* [мп.] (Смол., Мад., Ард., Момчилгр., Крумовгр., Ксант., Асен.), *шници* 'то жо' (Смол.), также *шник* 'серебряно украшению, което в миналото женито си носели пред уши-то' (Асен., Г. Делча.), *шники* 'приспособления, в които стоят окрипчито в домашния стап' (Мад., Ард., Смол., Дов., Момчилгр.) *шници* 'израстия на шията на някой кози и овцо' (Смол.) (ВД II, 289), *шник* 'обица' (Смол.) (ИИВ IV, 85; с. Тихомир — Кабасанов, 102). Проф. В. Цонев считал лексому специфически родопской (Цонев, 297), однако позднейшие исследования показали значительно более широкое ее распространение — южнофракийский, юговосточный ареалы (ГрСБ VI М., 107; дшные ВДА I № 249, III № 281), она фиксируется от г. Потрич, далее — Г. Делча — Родопы — Първомай — Тополоград — Свилонград и обл. Странджа, также говоры переселенцев из обл. Сорос — Драма (Иванов. ВДА № 194); ср. *шник* 'то жо' (Горев), см. также *шники* 'вид болест' (БЕР). Далее на запад от указанного района: мак. *шнике* 'то жо' (Готова — МJ III, 240; ср.: МГр III, I, 106; РМJ), *шнике* 'сереги' (Косово — ОК/А), *шники* (Срем, Поморавье — Карашић 795; подробнее: ГрСБ VI, М, 108). Словен. *шники* означает лишь 'попечина', а *шнике* — 'болезнь (ушных желез)' (Plet.).

В северославянской зоне обнаруживается лексико-семантическая параллель (реже словообразовательная) к южнославянским фактам. Ср. польск., дшл. *шники*, *шники* 'сереги' (Подкарпатие — ОК/А; ср. и: Karłowicz. SGP, SJP), слвц. *шники* (чаще — Зап. Словакия), *шники*, *шники* (Вост. Словакия) — ОК/А; р-н Трочини — Пирка 189), в словенцах *шники*, *шники* 'то жо' (SSJ;

Іващенко). Карпатоукр. *шники* 'сереги' — в Зап. Закарпатье, на Бойконщине (при том, что на Гуцульщине, в Вост. Закарпатье, на Буковине — 'болезнь свинка', также единичное 'жабры', 'попечина' и др. — К/А № 22; ср.: ЛАЗI № 163, при этом в р-не Виноградно отмечена форма м.р. *шники*; ср. и: АСВ № 153). В полесской зоне, *шники*, *шники* 'сереги' (Лис. СП, 76). Замечательно точная параллель отмечается в говорах Русского Севера: *шники* 'сереги' (Каргополь — Куликовский 126); в СРНП: *шники* 'то жо' (пово-сиб.), но и — *шники*, *шники*, *шники* и др. 'болезнь (свинка, золотуха)', *шники* 'ушной визиток', *шники* 'ондуха' и др.

д. Пример сепаратной семантической изоглоссы демонстрируют ропрозонтанты слав. **-куд* 'метеорологический термин' (осадки в виде снега, иноя, дождя) — **кудь*, **кудя* < **кудати* (этимологию последного см. в этимологических словарях: Фасмер; ЭСЯ; БЕР II, 180, 355, 392; и др.). — Родоп. *кит* 'сняг по дърветата' (Смол., Мад., Ард., Момчилгр., Велингр.), *кит* 'скреж' (с. Тихомир, Крумовгр.), *кит* 'покрива се със сняг или скреж гората' (Мад., Момчилгр.), *кит* 'ва са' 'то жо' (Смол., Мад., Ард., Момчилгр. — ВД II, 186, 187, 225), но и: *кит* 'тънка снежна покривка при ясно време', *кит* 'бса' 'покрива със скреж или сняг' (Велингр. — ВД V, 173), *кит* 'сняг по дърветата зиме' (Разлог — СБНУ XI. VIII, 464; Банско — ВД I), 'обилон сняг по клоните на дърветата' (Странджа — ВД I, 97). По данным ВДА: *кит* 'иной' (Бола, — Русс-Силистра, р-н Варна, долина р. Камчия — II, № 278), *кит*, *кити*, *кити* 'то жо' (единично — р-н Берковица, Рраца, Ботевград — IV, № 374), *кит*, *кит*, *кити* и др. (Ард., Асен., Дов., Г. Делча., Велингр., Разлог, единично — зап. Перник — III, № 298), ср. и: 'гората е покрита с *кит*' (Соф. — СБНУ XXX, 83), в словарях: *кит* (обл.) 'сняг по клоните на дърветата' (БТН; РД; РСБК и др.), явление отмечается и западнее: мак. *кит*, *кит* 'иной, снег на дървяха' (Добыр, Поречье, Кичево — МJ I, 241, II, 54, VIII, 85; РМJ). Для южнославянской зоны также важно отметить наличие соответствующих лексом (как славянские заимствования) в говорах на территории Румынии: *сиди* 'туман, оседающий на яблони зимой' (Олтения — АО XXII, 270), 'густой туман' (обл. Вълча — АО IX, 59), 'дождь со снегом' (Банат — Состин II, 63), *сиди* 'замерзший снег на

ветвях деревьев (обл. Сомеш — Рагса 16), также *chidie* 'туман' (Pamf. Agr. 59).

В северославянской зоне укажем несколько мирокзон, где фиксируется сходная с "южнославянской" семантика. Это прежде всего карпатская: карпатоукр. *оки́т*, *обки́т* и др. 'снег, лед на ветвях, иней' (Закарпатье, юг Бойковщины, Буковины, Гуцульщина — КДА № 4), *окид* 'снег на деревьях' (Бойк. — Онышневич), *обкис'ц* 'иней' (р-н Перемышль — Караб 79), *окидь* 'легкий весонний снег' (Гринч.); далее — словц. диал. *okit* 'свожонападавший толстым слоем снег на ветвях' (Гренчин — Ripka 46), *okud* 'то же' (Люпча — Sl. Pohľ. XXII, 486), Зап.-словц. *okid*, *okit* (Нитра — Ондрус. СС, 88), морав. *okud* 'снег на деревьях' (Bartoš 260; Svěrák 127; о моравско-словацкой изоглоссе см.: Machek 251), польск. диал. (Подкарпатье) *okiśc* 'снег на хвойных деревьях' (Matfakowski 10; SprKJ 4, 337), *śnieg kido* 'падает' (Lud II, 232), *kidaś* 'то же', *kidaska* 'мотель' (Краков — Kusca 39); *skidaś* 'то же' (RFW X, 221), *vykidaś* 'то же' (Ramułt. Gw. ślcm. 90), по и: *dyś kida* (р-н Краков — Rozpr. AU II, 281). В Полесье: *окид*, *окид* и др. 'иней' (небольшой провал — Жит., Ров., Гом.), 'то же' и *окид'т* 'легкий снег, который оседает на деревьях в тихую погоду' (широко — Жит., также — Ров., Гом., Брест.) (Никончук 120, 121, 123), тр. в Белорусском Полесье — *окидзь* 'мокрый снег' (Гур. 3, 251), в других говорах — *окиць* 'дождь со снегом' (сев.-зап. — Сл. 3, 259), *обкидзь* 'густой снег' (Минск-Молодечно — Жыдовіч 19). Далее в восточнославянской зоне укажем костром. *окид* 'изморозь, иней' (Даль) и значительную группу лексем иного словообразовательного типа: *кидь* 'свежевыпавший глубокий снег' и под. (Перм., Нижегород.), 'снег с дождем' (Волог.), 'шапки снега на ветвях' (Волог., Урал., Нижегород., Сиб.), *кидь* 'то же' (Свердл., Сиб.), 'снег, падающий крупными хлопьями'; 'снег с дождем' (Волог., Перм., Урал., Сиб.), 'изморозь, иней' (Перм., Сиб.), 'снежная погода, метель' и др. (Перм., Сиб., Алт.), сюда же — *кида* 'мокрый снег' (Волог.), *кидча*, *кича* 'свожовыпавший глубокий снег'; 'изморозь' (Волог., Перм., Сиб.), *кича* 'сильный мороз, когда..ложится густой иней' (арх.), *кижа* 'снег, выпавший в большом количестве за один раз' (Волог., Сев. Двин.), 'снег, который быстро тает' (Арх., Волог.), 'крупные хлопья, метель' (Гамб.), но и 'дождливая погода' (Сев. Двин.), ср.: *кидаты* 'начинить (о дожде)' и под. (СРНГ 13, 200, 202, 240 и сл.).

III. Изоглоссы, описывающие распространение группы однокоренных лексем (при значительном семантическом и словообразовательном варьировании) на достаточно большой территории обеих частей Славии.

Репрезентанты слов. **kolca* (< альп.-роман. продолжений лат. *calcea* 'обувь', ср. фриул. *caltse*, ретором. *choitcha* и др., с указанием на относительно раннее время заимствования — ЮСЯ; ср.: *Bezlej*; так же — Фасмер II, 297; иначе, из слов. **xyl-/*xol-* [польск. *cholewa* и др.] — Sławski I, 74; о возможности сближения разнокоренных слов — Skok I, 678; как раннее заимствование из ит. *calzas* лат. *calcea* — БЕР и т.д.). В Родопах представлен относительно поздний дериват *клашник* (стб. *клашки* — у: ЭГРМ 1029; ср.: БЕР II, 426); см.: *клашник* 'кьса вълнена женска дреха отворена отпред, обшита с гайтан и бродирана със сърма' (Смол., Ард.), 'кьса мъжка вълнена, отворена отпред дреха, обшита с гайтани' (Смол., Мад.), 'кьса женска горна дреха, вълнено палто за жени' (Асен.) (Б/Д II, 187; ИИБЕ IV, 76; к востоку — *кляшник*, *кльшник* и под. 'ямурлук' (рупские говоры — Б/А I, № 246), 'дълга горна дреха без ръкави, за предпазване от дъжд' (Хасково- ИИБЕ IV, 228), *кляшеник* 'дебела женска горна дреха' (Драм. — БЕР), *кляшник* 'горна дреха без ръкави от груб вълнен плат' (Първомай — Младенов); к западу от Родоп: *кляшник* 'дълга мъжка абяна дреха без ръкави' (Г./Долч. — МПР X, 1-2, 161), *кляшник* 'то же' (Велингр.), *кльшник* 'горна дреха вътре прешита с памук' (Г./Долч.) (Младенов), *кляшник* 'дълга женска дреха от дебела бяла аба' (Разглог — СБНУ XLVIII, 464), 'женска стара дреха... с шарен гайтан', 'дълга мъжка дреха' (Пирински край, 308, 636), *кляшник* 'вълнена горна дреха с къси ръкави, ямурлук' (Соф. — Б/Д II, 85) и *кляшник* 'дълга горна мъжка дреха с ръкави' (Соф. — Б/Д I, 251); ср. и в: Б/А (IV, № 349) и иных источниках — *кляшник* 'дълга горна дреха от шаяк с ръкави до лактите' (Врач. — Б/Д IX, 266), 'врхна вълнена дреха... с къси рхкави' (Никопол), 'врхна дреха с 3/4 ръкави от бял вълнен плат' (Плев.), 'дебело наметало от груб вълнен плат' (Ямбол.) (Младенов); далее на запад аналогичный дериват — в Македонию: Добыр — *кляшеник* 'длинная одежда' (МПР II, 104) и Кичово — 'часть женской одежды' (МЈ IX, 34), 'вид верхней одежды' (МЈ X, 87). Иное значение — 'шяк' — см.: *кляшник* (Кюстенд. — БЕР); Юмюрдж. — Б/Д VI, 143). Этот дериват выглядит изолированным как на

остальном Юге, так и на Севере Славии. Однако далее изоглоссу, указывающую на существование южнославяно-севернославянского параллелизма, образуют иные дериваты (от того же корня): *кльши* 'е домашно изработен вълнен плат' (р-н Видин — Млад., 237); Болоградчик — Младенов, *кльшица* (тотев. — БЕР), также *кльше* 'грубое сукно' (р-н Ниш, Косово, Рашка), 'сукно' (Гостивар, Охрид), 'сукно, сотканное в две нити' (р-н Витола), 'толкая ткашь для нижней юбки, штанов' (р-н Титовград) (ОК/А). Другой круг значений — обозначение видов обуви, ср. *кльши* (устар.) 'плат във форма на чорап без пета и се закопчава с телени копчота' (Костур — ВД VIII, 253), *кльше* 'грубые шерстяные чулки' (р-н Доспотовац — ОК/А), *кльши* 'белые чулки' (р-н Котар), *кльши* 'чулки' (Сопь) (Карачић), *кльше* 'женские, мужские чулки' (р-н Задар — ОК/А), словен. *kljše* 'чулки' (Plet.); дериват зафиксирован и в значении 'штаны, брюки' (из сукна) — *кльше* (р-н Копин, Куррес), *кльшене* (р-н Враше) (ОК/А), в Славонии: *кльше*, *кльше* (Карачић); ср.: словен. *kljše* 'штанина', *kljše* 'штаны' и под. (Plet.), но и: *klješnik*, *klješjak* 'пояс в штанах' и др., (там же), *klješca* 'вид женских штанов' (Bezaj).

На Севере Славии отмечаются лишь соответствия ю.-слав. *кльш* и; они зафиксированы прежде всего в карпатской и полесской микрозонах; ср. карпатоукр. *кльши*, *кльши* 'мужские (или женские) штаны из (домотканной) шерсти, сукна' (К/А № 109; ОК/А; Лиз. № 187; Карац 386; ср. и: Гринч. II, 273, IV, 409; СУМ), лишь в гуцульских говорах отмечено: 'вид чулок; гетры' (К/А, ОК/А); польск. диал. *хольше*, *хольше* 'брюки, штаны из сукна' (ОК/А; Karłowicz. SG1), слов. диал. *кльше*, *хольше*, *хольше* и т.д. 'то же' (ОК/А; Szambel; Ногак; также — Buffa; Káral и др.), вонг. *hagisya*, *hagosya*, *hēlisya* 'чулок, узкие штаны из белой материи', 'обмотки' и под. (MNYTESz; Kniezwa) определяются исследователями как заимствования из украинского (ЭССЯ). В Полесье, с одной стороны, известны однокоренные лексемы в значении тормянов одежды — *кльши*; *кльши* 'штанина', *кльши* 'гетры' (Гур. I, 209), *кльши* 'манжот' (Шата глава 70), *кльши* 'то же' (Жит.—Лис.СНП, 101), ср. в р-не Могилева: *кльши*, *кльши* 'штанина' (Вяльк., 219); с другой, — представлены такие значения, как 'часть ткацкого станка (нитяные петли) — *кльши* (а), *хольши* (а), *хольши*, *кльши* и др. (Никончук, 258;

Лис.СНП; Шаталова). Ареально-семантическая характеристика остальной части Восточной Славии (прежде всего в пределах РСФСР) дается по СНП, однако изоглоссообразующими являются иные дериваты: *кльши*, *кльши* 'штаны' (Брян.), *кльшица* 'штанина' (Смол.), *кльши* 'штанины, штаны' (Смол., Курск., Дон., Сиб.), также *кльши* 'штанина' (Курск.), *кльши* и др. 'женские чулки из холста' (твер.), 'черные шерстяные опучи' (пелг.), *кльши* и 'женская обувь из сукна' (Карел., Костром., Свердл.), 'кожаные сапоги на меховой (суконной) подкладке' (Вят.) и под. (СНП 12, 363–365).

Представляется, что продемонстрированный выше метод — когда исходным при установлении корпуса соответствий является словарный материал одной, достаточно хорошо сохранившей свою специфику микрозоны, — позволяет изучать южнославяно-севернославянские корреспонденции более детально и целенаправленно. Очевидно, что таким же образом можно изучать соответствующие сходения на материале таких микрозон, как стражданская, хорватодалматинская, розьянская и под.

Рассмотренные выше примеры показывают, что собственно лингвогеографические критерии — конфигурации изоглоссы и величина ареалов — могут быть взяты в качестве некоторых общих принципов построения типологии сопаратных южнославяно-севернославянских лексико-семантических параллелей. Так, тип I описывает позначительное (= в отдельных микрозонах) распространение явления "х" — (лексемы, семемы, деривата) на Юге: обширный его ареал на Севере (х : Х, ср. *хль, хль); тип II соответствует широкому распространению определенного явления на Юге: локальному ареалу (ареалам) на Севере (Х : х, ср. *кль, хль, *кль, хль и др.). Тип III соответствует значительному, но не общославянскому, распространению явления в обеих частях Славии (Х : Х, ср. *хль). При этом подходе к изучению типологии, вероятно, важно учитывать — в определенной степени — также изоглоссы принципиально иного характера, а именно — описывающие положение, когда изучаемая лексема не впадает на Севере или на Юге (х : х или х : х). Пример такой изоглоссы — существование архизма, обычно возводимого к слав. *hlnita, в настоящее время исключительно в южнославянской зоне: родоп. *лн[и]та* 'щека' (БЕР), хорн. *lñnita*, словен. *lñnita* (Gentor. Razprave

S AZU. 1950, с. 70, 77; AfSHh XXX, 185; Bezlaj; Pleteršnik), ср.др.-чеш. *laniva* (Machek), русск. *ланита* — только: Даль, отсутствует в СРНП, ССРЛЯ.

Таким образом, число типов южнославянско-севернославянских соответствий определяется, по существу, числом упомянутых выше ареалогических ситуаций; правда, оно может быть увеличено за счет привлечения данных о наличии/отсутствии фактов славянских заимствований в неславянских диалектных зонах карпато-балканского региона. Иное дело — количество подтипов. Оно может быть достаточно большим, но в принципе исчислимым, поскольку зависит от масштабов варьирования самих сопоставляемых единиц — фонетический, морфологический, словообразовательный, семантический уровни. Так, тип Па (*къвьль) представляет прежде всего ареал однокоренных лексем, вместе с тем может быть актуализирована его семантическая дифференцированность; тип Пб (*дгъмь) указывает на сходную ситуацию, однако при небольшой семантической филиации — в рамках одной томатыческой группы; типы Пв и Пг — чисто семантические, хотя последний соответствует более сложному положению — из-за наличия словообразовательных различий лексемы, которые и образуют ареал соответствий (ср.: *-uǫnik-* : *za-uǫnik/-* : *na-uǫnic-*) и под.

Наконец, важным, но не рассматриваемым выше аспектом является изучение южнославянско-севернославянских параллелей на материале лексем, зафиксированных в Родопах и представляющих относительно поздние заимствования в южнославянском (=балкано-славянском) мире и распространенных также в диалектах карпатской зоны (иногда — несколько шире). В качестве примеров такого рода параллелизма, по данным, например, ОКДА, можно привести соответствия: родоп. *блшита* (ср.ю.-слав. *blǫstina*) и др. ~ карпатослав. *halina*, в.-роман. *halin*, *хайн*, родоп. *калцѹми* (также в других микрозонах Южной Славии) ~ карпатослав. *kalcun-* и др., в.-роман. *caï-lun*, *калцун*, родоп. *копеле* ~ карпатослав. *kopVI-*, в.-роман. *copil*, *копил*, родоп. *урда* ~ карпатослав. *urda*, в.-роман. *urdū*, *урдэ* и т.д. Следует сказать, что такого рода параллели между родопскими говорами и некоторыми другими славянскими зонами в большом количестве упоминаются проф. В.Цоневым как существенные для разно-сторонней характеристики специфической родопской лексики (Цонев).

Сокращения

БДА — — Български диалектен атлас. I—IV. С., 1964—1978; ВДП — карт. Болгарского диалектного словаря (София); Борп. — *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974; ВРС — Белорусско-русский словарь. М., 1962; ВГРМ — *Младенов Т.Р.*; Вльк. — *Валькевич I.* Крайни слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970; Тришч. — *Тришченко*; ДЗБ — Диалектологички зборник. Београд; Дуриданов — *Дуриданов Н.* Местните називания от Ломско С., 1952; ЕЛ — Язык и литература. С.; Жыдович — Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Мінск. I — 1982 —; ИССФ — Известия на семинара по славянски филология. С.; Кабасанов — *Кабасанов С.* Един старинен български говор. С., 1963; КДО — Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972; Ковачев — *Ковачев П.* Местните названия в Софийско. С., 1961; Лиз. — *Лизанец П.П.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпаття. Будапешт 1976; Лис. СШ — *Лисенко*; Мирчев — *Мирчев К.* Новороченский говор. С., 1936; Млад. — *Младенов М.* Говорът на Н. Село, Видинско. С., 1969; Младенов — арх. М. Младенова; МПР — Македонски преглед. С.; ОКДА — карт. Общекарпатского диалектологического атласа (М.); Преобр. — *Преображенский*; Примовски. Камил. — *Примовски А.* Камиларството в Беломорската Тракия. С., 1958; РБЭ — Речник на българския език. С., I — , 1977; РСВКЕ — РБЭ; СБВАН — Сб. на Българската академия на науките. С.; Сл. — Слоун. паун. — заход. Беларусь; СЛЛ — Славянски лексикография и лексикология. М., 1966; Сречн. — *Срезневский*; СРНП — Филан; СУМ — Словник української мови. Київ, I—II, 1970—1980; Толстой — в кн.: СЛЛ; ТРСБ — Тракийски сборник. С.; Тур(ов). — Турлуски слоўнік. Мінск, I — , 1982 — —; Умл. — *Умленски П.* Кюстендилският говор. С., 1965; Христов — *Христов Г.* Местните имена в Маданско. С., 1964; Янк. — *Янкоўскі Ф.* Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мінск, 1960; AGB — *Atlas gwar bojkowskich.* Warszawa, I — 1980 —; АО — *Arhivele Olteniei.* Bucuresti; Борп. — *Berneker, Szamberl — Szamberl S.* Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turč. Sv. Martin, 1906; ПДЗб — *Hrvatski dijalektološki zbornik.* Zagreb; Horák — *Horák G.* Nárčie Pohorelej. Bratislava, 1955; Jurišić — *Jurišić B.* Rječnik govora o. Vrgade. Zagreb, 1979; Karuš — *Karuš M.*

Studia nad dialektologią polską i ukraińską. Kraków, 1975; Kott. Druhy-Kott F. Příspěvky k česko-německému slovníku. II. Praha, 1904; MAGP— Maly atlas gwur polskich. I-XIII. Warszawa, 1959-1970; Mał. — *Małeckii M.* Dwie gwary macedońskie. II. Kraków, 1936; MNyTFSz — A Magyar nyelv történeti etimológiai szótára. I-III. Budapest, 1967-1976; Pamf. agr. *Pamfile P.* Agricultură la Români. Bucureşti, 1915; Plet. = Pletersnik; Reiter — *Reiter N.* Der Dialekt von Titovo-veles. Berlin, 1961; Ripka — *Ripka I.* Večný slovník dolnotrečianskych nářečí. Bratislava, 1981; Rozpr. AU — Rozprawy AU. Kraków; SJP₁ — Варшавский словарь; Stoleč — *Stoleč J.* Nárečia troch slovenských ostrovov v M.R. Bratislava, 1949; Vážný — *Vážný V.* Čukavské nářečí v Slovenském Podunají. Bratislava, 1927; Viehwirtschaft — Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1968; Zargba — *Zargba A.* Atlas językowy Śląska. Kraków, 1-3, 1969- ; ZbNŽO — Zb.za život i običaje južnih Slavena. Zagreb.

Остальные сокращения см. в издании: Этимология (М., изд. Ин-та русского языка АН СССР).

Summary

The article deals with dialectal Lexics from some South Slavic zones and their North Slavic dialectal correspondences. It gives possibilities for establishing different Types of Isoglosses.

Болджиев Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. София, 1991. 274 с.

На наш взгляд, есть серьезные основания рассматривать книгу Т. Болджиева как принципиально важное явление в болгарской диалектологии, свидетельствующее о начале нового (и добавим — перспективного) этапа в развитии данной лингвистической дисциплины. Сущность этого этапа кратко можно сформулировать как, во-первых, попытку синтезировать некоторые итоги интенсивных диалектологических исследований, проводившихся на протяжении почти полувека, когда была создан национальный лингвистический атлас¹ и была продолжена работа по собиранию коллекции монографических описаний отдельных говоров (геср. диалектных зон), диалектных словарей и под., репрезентирующих народную речь различных областей страны². Во-вторых, настоящий труд представляет собой реальное движение в направлении смены ключевых понятий научной парадигмы в рамках болгарской диалектологии, которое началось еще в 60-е гг., в последний период деятельности выдающегося болгарского лингвиста проф. Ст. Стойкова, далее было искусственно приостановлено на десятилетие и возобновилось лишь с середины 80-х гг., благодаря усилиям учеников и младших коллег проф. Стойкова, в том числе самого Т. Болджиева, М. Младенова и др., а ныне — учеников последних.

Рецензируемая работа дает возможность оценить значение (и результаты) новых подходов к исследованию болгарских говоров на примере анализа ее автором такого непростого лингвистического объекта, каким являются так наз. "фракийские" говоры. При этом существенная трудность состоит в том, что современные исследователи вынуждены опираться, с одной стороны, на несовершенные диалектные записи, сделанные еще в конце XIX в. — начале XX в. (Ст. Шинков, П. Орешков и под.), а также на во многом фрагментар-

ные сведения, содержащиеся в трудах Ст. Младенова³ и Хр. Кодонид⁴, описывающих важнейшие черты языка переселенцев из области Южная Фракия и из Малой Азии.

Как известно, трагические для Болгарии последствия Балканской (Межсоюзнической) войны 1913 г. и Первой мировой войны обернулись для славянского (=болгарского) населения Южной Фракии неисчислимыми бедствиями и жертвами, в том числе насильственным изгнанием сотен тысяч чел. из мест их обитания (от Босфора до Эдирне и от Дидимотихона—Суфлиона до р. Места). Большая часть беженцев обосновалась в Юго-Восточной Болгарии⁵.

Язык беженцев и их потомков функционирует на протяжении длительного времени, взаимодействуя с местными ("рупскими", "загорскими") говорами, близкими по типу к южнофракийским, но все-таки в той или иной степени и отличными от них. В 70—80 гг. переселенческие говоры стали предметом специального внимания (ср. работы Т. Бояджиова, Р. Денчева, М. Китановой, П. Павловой и др.). По-видимому, в дальнейшем может быть создан Атлас фракийских говоров, — логичный известному лингвогеографическому труду Й. Иванова⁶.

Таким образом, с другой стороны, исследования фракийских говоров вынуждены опираться на данные, которые могут отражать (в силу указанных экстралингвистических причин) как резкие нарушения "естественной" (в условиях метрополии) эволюции переселенческих говоров, так и различные интерференционные воздействия окружающих их говоров (и "исконных" здесь, и иных колониальных). Учет этого фактора важен при изучении любых переселенческих говоров, даже если они расположены компактно в местах своего нового бытования.

Далее мы попытаемся рассмотреть новаторские аспекты монографии Т. Бояджиова.

Она открывается кратким "Введением", определяющим место фракийских говоров в обширной диалектной зоне распространения так наз. "рунских" говоров, которая вычленилась в восточноболгарском наречии (наряду с мизийской и балканской зонами). В главе "Границы, характерные особенности и деление рунских говоров" находим историю становления и современное содержание понятия «рунские говоры», представляющего одну из важнейших единиц классификации болгарского диалектного континуума. Указанным терми-

ном обозначаются южноболгарские говоры к востоку от изофонны, разделяющей основные рефлексы др.-болг. *ѣ* и к югу от области Стара планина. Термин связан и с некоторыми известными ныне наименованиями населения, говорящего на этих говорах (ср. *рунцы*, *рунчани* и др.) и восходит, как полагают, к византийскому географическому названию региона — *Μερόπι*. Подробно рассматривается и членение рунской диалектной зоны — на восточную, центральную (=родопскую) и западную группы говоров; она базируется не только на лингвистических, но и на иных критериях (историко-культурных, экономических и под.). Вместе с тем на современном этапе развития науки наиболее четкие критерии, выявляющие границы указанной диалектной зоны, — языковые. Они основываются на обширных диалектных данных, содержащихся в БДА (прежде всего, 1-й и 3-й тт.). На севере граница рунской диалектной зоны предстает в виде сложного комплекса изоглоссы, имеющего общее направление с востока на запад и с севера на юг; наиболее репрезентативными являются изофонны, отражающие произношение продолжений др.-болг. *ѣ* в зависимости от места ударения и качества последующего слога (подробно "базовый" пучок изолиний см. на карте 1). Однако материалы БДА позволяют учесть еще около 50 явлений разных языковых уровней, изоглоссы которых близки по конфигурации к *ѣ*-изоглоссе, — особенно в восточной и средней ее частях (в западной отмечаются значительные отклонения — как на севере, в направлении Софии, так и на западе, в направлении Я. Сандански-Петрич и на юго-западе, в направлении от Разлога к Гоце Делчев) (см. карту 2). Наконец, в небольшой главе "Восточнорунские говоры" детализируется область распространения одной из перечисленных групп в рамках "рунской" диалектной зоны.

Центральными в исследовании являются две следующие главы, посвященные детальному описанию конкретных языковых явлений восточнорунских говоров, функционирующих в тех районах историко-географической области Фракия, которые расположены к югу от болгаро-греческой и болгаро-турецкой границы, т.е. в Западной (=Эгейской [=Баломорской]) Фракии и в Восточной (Адрианоупольской [=Одринской]) Фракии. Однако при анализе собственно южнофракийского диалектного материала автор широко использует и факты говоров Северной Фракии (р-н Первомай-Хасково-Харманли-Свиленград — севернее р. Арда) и говоров, примыкающих к южнофракий-

ским на востоке (обл. Страцджа, Факии-Грудово) и на западе (родопские и западнорупские говоры).

Первая из этих глав ("Фракийские говоры в общем развитии болгарского языка") содержит суммарную характеристику, учитывающую как общие для всех (или большинства) южнофракийских говоров черты, так и локальные варианты, свидетельствующие о значительной дифференциации исследуемого фрагмента болгарского диалектного континуума. Следует иметь в виду, что объем диалектного материала (- набор явлений), служащего базой рецептируемого труда, во-первых, в основном "задан" программой В/Д/А (расширение и детализация его наблюдается за счет привлечения дополнительных сведений из специальных монографических описаний отдельных говоров или групп) и что, во-вторых, вне рассмотрения, к большому сожалению, осталась сфера лексики и семантики (это, кстати, никак не объясняется).

В качестве одного из существенных принципов описания фонетики автор принимает меру удаленности диалектных явлений от древнеболгарского состояния. Так, для фракийских говоров направление развития древнеболгарского вокализма сводится к следующей схеме: $\text{Ъ} = \text{Ю}$, $\text{А} = \text{Ъ}$, $\text{Ъ} = \text{Ъ}$, ср. иные возможности в центрально-родопских - $\text{Ъ} = \text{А} = \text{Ъ} = \text{Ъ}$, $\text{Ъ} = \text{Ю}$, в северо-восточных - $\text{А} = \text{Ъ}$, $\text{Ъ} = \text{Ъ} = \text{Ъ}$, $\text{Ъ} = \text{Ю}$, в северо-западных - $\text{А} = \text{Ъ} = \text{Ъ}$, $\text{Ъ} = \text{Ъ} = \text{Ъ}$ и под. По мнению автора, использование числа и вида существующих репрезентантов "дает возможность оценить генетическое сходство между диалектами, степень родственности и процессы унификации"; эти результаты эволюции "указывают на близость в развитии или на дивергенцию, когда число различий преобладает над числом совпадений, разграничивают общие инновации от частных" (с. 39).

Глава в целом отличается тщательным описанием синхронного состояния отдельных звеньев системы, реализующейся в совокупности южнофракийских говоров, и стремлением дать широкую интерпретацию ряду сложных процессов, сопровождавших историческое развитие системы, унаследованной от древнеболгарского. В качестве удачных, по нашему мнению, примеров воплощения указанного подхода к диалектному материалу упомянем отражение в книге проблем рефлексии др.-болг. Ъ (с. 39-42), типов количественной и качественной редукции безударных (с. 46-48), явлений в сфере консонантизма (корреляция твердых ~мягких, судьба x в разных пози-

циях, изменения групп согласных). В морфологии особенно информативны параграфы, рассматривающие способы образования мн.ч. сущ. м.р. и ж.р. (в том числе - специфику акцентга), варьирование в говорах членных форм сущ. м.р. (с. 68-69), дифференциацию диалектной зоны в отношении местоименных форм (с. 73-84) и форм глагола (с. 85-95).

В другой главе ("Описание говоров в соответствии с их территориальной группировкой") материал южнофракийских говоров анализируется в ином плане, а именно: дается краткий перечень наиболее характерных черт различных групп говоров, которые располагались в той или иной части области (в р-не Одрина, в окрестностях Стамбула, на европейском берегу Босфора, в Малой Азии и др.) и которые представляли определенные "типы" и "подтипы" - как единицы диалектного членения южнофракийского диалектного массива.

Следует отметить, что первичность и изученность говоров Южной Фракии и различная хронология диалектных записей (о чем говорилось выше) дает себя знать в этой главе в большей степени. Так, например, из 15 сел с болгарским населением, существовавших некогда в р-не Комотины (Пломорджина) был подчеркнут детальному описанию говор лишь одного села - Сачацли (переселенцы в настоящее время живут около г. Ивайловград)⁷; поэтому, по-видимому, автор вынужден давать общую характеристику данной группы говоров, ориентироваться на указанное описание. Между тем существование вариантов внутри группы несомненно, ср., например, прощупание др.-болг. Ъ в конце слова: *ѣмѣ*, *ѣрѣѣ* и под. (Сачацли), по *ѣтрѣѣ*, *сѣтѣѣ* (Исыюг), при этом поясна ситуация в остальных пунктах (с. 110). В параграфе, посвященном буд. вр., (с. 117) перечислены частицы, с помощью которых образуется форма (што, шь, ше, шь, съ) и пункты, где они зафиксированы, но для ип. Доницлор и Софулар подобные сведения отсутствуют. В группе сел р-на Одрин никак не комментируется география вариантов краткой формы местоимения 3 л. мн.ч. - *ѣми/ѣм*, форм 1 л. мн.ч. глаголов наст. вр.: *-м*, *-мс*; лишь для части пунктов даны сведения о том, какие частицы буд. вр. употребляются (с. 146) и др.

К несомненным достоинствам монографии Т. Вояджиева надо отнести то, что разноплановая характеристика языковых явлений изученных говоров дополняется комплектом лингвистических карт

(выше 60). Они — прежде всего — позволяют наглядно представить географическое распространение тех или иных признаков и в известной степени подтвердить впечатление о мозаичности ареалов, описывающих географию некоторых существенных фонетических, грамматических и синтаксических фактов (ср. рефлексы др.-болг. Ъ под ударением перед мягким слогом — *Ѣ ѡли ~ бѣли ~ бѣли* /№ 4/, качество *ц*: *ц'аѡ ~ цаѡ* /№ 7*/ , рефлекс др.-болг. Ъ в *дѡнѡк ~ дѡнок* /№ 10/, местоимения 1 л. ед.ч. им. пад. — *ѡа, ѡс, аз, ѡазе* /№ 43/, мест.ж.р. выпад. — *нѡйѡ, нѡчи, нѡли* /№ 45/ и т.д.). Вместе с тем со всей определенностью можно констатировать, что южнофракийский лингвистический (= диалектный) ландшафт не является хаотичным. Знакомство даже с небольшим числом карт, помещенных в книге, позволяет говорить о существовании нескольких типов характерных изоглосс, т.е. об известной упорядоченности данного диалектного пространства. Сопоставление направления изоглосс (и их пучков) с ареальными сведениями, содержащимися в 1-м и 3-м тт. БДА и в Атласе И.Иванова, обнаруживает органическую связь изоглосс в масштабах всей рупской диалектной зоны, что позволяет сделать заключение о достаточной архаичности изоглосс, пересекающих область Южной Фракии.

В свою очередь лингвогеографическая интерпретация значительного числа языковых признаков, содержащаяся в книге, служит объективным основанием для детальной классификации южнофракийских говоров (очевидно, что чисто территориальная группировка отдельных идиомов [= частных диалектных систем] вокруг тех или иных нас. п., городов [Одриц, Узун-Кюпрю, Дедеагач] и под.) не совпадает с собственно лингвистической и явно недостаточна. Хотя этот аспект автором здесь специально не затрагивается⁸, мы считаем важным остановиться на нем.

Главным коррелирующим моментом, вытекающим из сопоставления большого числа изолиний, является экспликация того факта, что территория Южной Фракии расщепляется несколькими типами пучков изоглосс и что, в конечном счете, классификационными единицами оказываются именно эти типы, которые реализуются в

*Кстати, на этой карте и карте № 8 обнаруживаются несовпадения знаков на самой карте и легенде.

виде "основной" изоглоссы и ориентированной на нее "зоны вибрации". На основе опубликованных карт можно указать несколько специфических типов (и подтипов).

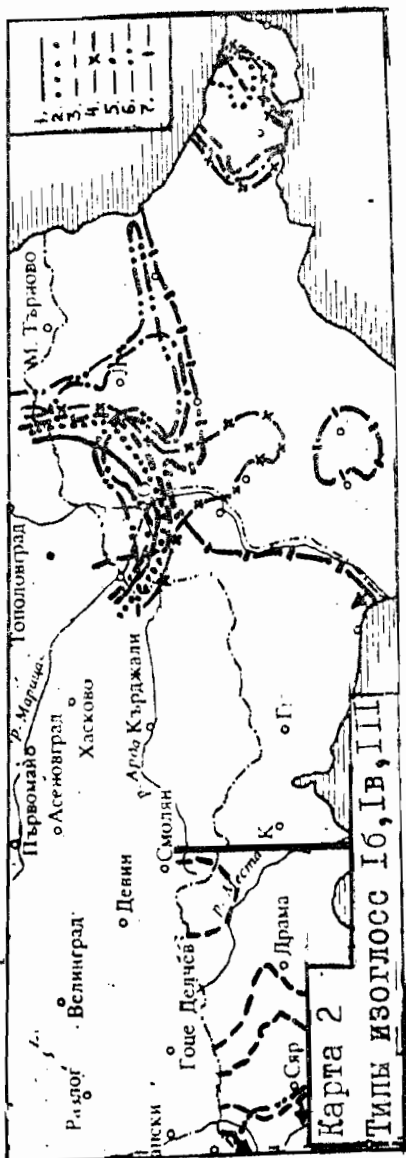
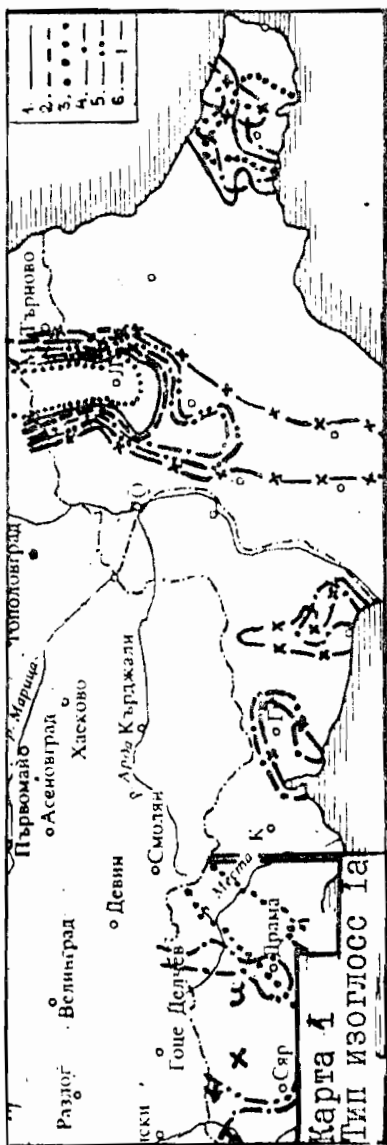
I. Наиболее частотным является тип, представляющий меридиональное членение области на 3 части, при этом латеральные зоны противопоставляет "центру" (= "клин"). По характеру этот тип конфигурации обнаруживает связь с типом, репрезентирующим в Юго-Восточной Болгарии противопоставление "загорского" клина массиву "рупских" говоров⁹, и реализуется несколькими вариациями. При характеристике типов (и подтипов) изоглосс, которые нам удалось выявить из комплекта карт (№№ 3--64), приложенных к монографии, учитываются их продолжения в западнорупской зоне (по: *Иванов И.* Указ. соч.).

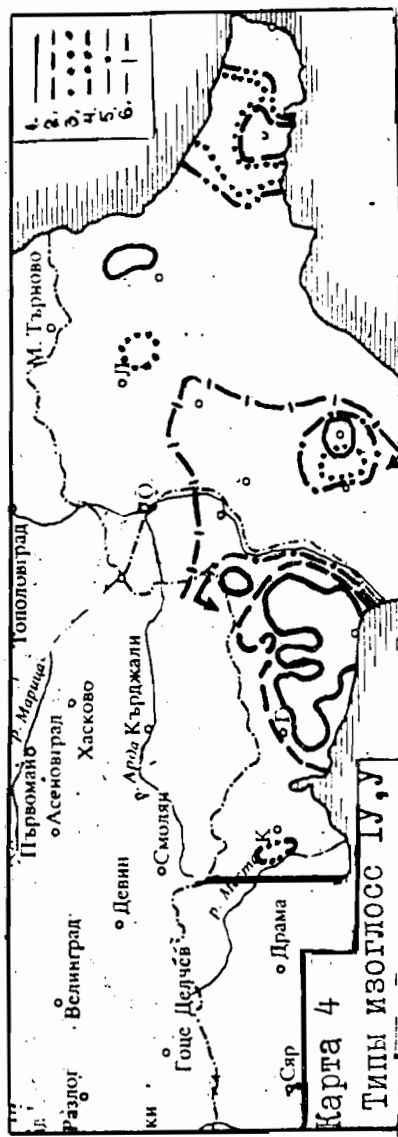
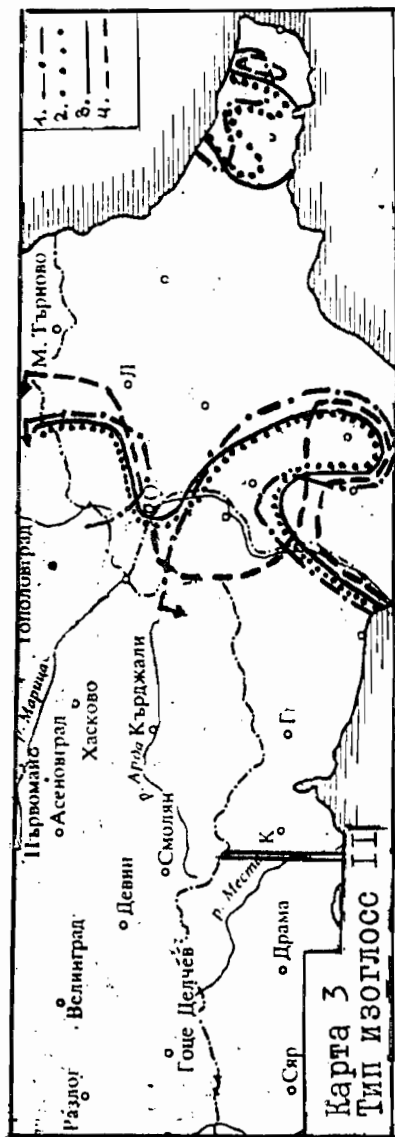
Ia: "клин" базируется на говорах р-на Лезонград (=Л.) и Баба-Эски (=Б.), а также, как правило, на говорах р-на Чадалджи (=Ч.) и Малой Азии (МА) — № 8 (*жѡва ~ жѡва*), № 14 (*жѡф ~ жѡф*), №№ 15--18 (конечная твердость/мягкость согласных *л, н, т, р*), № 20 (*Х > ф*: *граф ~ граф*), № 32 (*ходѡх ~ хбѡх*), № 49 (*нѡсе, нѡли ~ нас*), № 52 (*дарувам ~ даровам*), № 53 (*испичам ~ испичам*), № 54 (*одѡбѡт ~ одѡбѡт*), № 56 (*дѡбѡт ~ дѡбѡх*), № 61 (*облѡчени ~ облѡкѡн*), № 63 (*нѡсто ден ~ тѡйѡ ден*); в предѡло "клин" распространяется до Кошана (=К.): № 47 (местоимение *и ~ ли*).

Iб: "клин" базируется на говорах р-на Одриц (=О.) (далее — Ч., МА): № 12 (*тѡнко ~ тѡнко*), № 35 (окончание м.р. мн.ч. *и ~ е*), № 39 (мн.ч. м.р. членные формы — [*и*] *те* ~ [*е*] *те*); также № 13 (редукция бозударного *е > 'ѡ*).

Iв: "клин" опирается на полосу говоров р-на О., Л. (до Б.), но имеет и продолжение до Нины: № 42 (отсутствию падежных остатков), № 46 (местоимение ж.р. выпад. *ѡѡ*).

II: противопоставление микрозон «запад» ~ «восток», при том, что на одних картах этот тип манифестируется разграничением изоглосс, идущих восточнее О. и далее — восточнее Узун-Кюпрю (=УК), также — на юго-востоке: № 5 (*нѡйѡнѡ ~ нѡйѡнѡ*), № 6 (*жѡби ~ жѡби*), № 11 (*рѡкѡла ~ рѡкла*), № 19 (*т', д' ~ т', д' > к', г'*) № 25 (*стр > ср ~ стр*), № 28 (*изѡуѡй ~ изѡуѡй*); на других — ограничением западной зоны (исключение микрозоны в р-не Дидимотихона и Суфлиона): № 62 (*ас ме нѡѡма [зап.] ~ мене ме нѡѡма [вост.]*), № 7 (*цаѡ [зап.] ~*

ц'ал [вост.]); на третьих — зафиксировано расширение зоны «восток» (№№ 22, 23 — *з ~ s*).

III.: противопоставление «север, запад» ~ «юго-восток»: № 40 (*войнички ~ войнишки*).

IV.: зона «юг, крайний юго-запад» и/или «юго-восток»: № 55 (*ходитне ~ ходишме*), № 57 (*реклала, дошлала ~ рекла, дошла*), № 58 (*дошле ~ дошли*), № 60 (*извит ~ извиен*), № 64 (*аз ги не знам ~ аз не ги знам*).

V.: «запад» (также иногда говоры р-на УК, К, Ь): № 51 (наличие местоимений *сбъ, сба, сва, сба*).

Легенды к карте 1—4.

Карта 1. 1 — твердость конечных *л, н, р, т*; 2 — *жъта, жатва*; 3 — *жиб*; 4 — *граб* («*грах*»); 5 — *назе, нази*; 6 — местоимение ж.р. и.

Карта 2. 1 — *жъико*; 2 — *гердани*; 3 — *герданите*; 4 — редукция *е > 'а*; 5 — отсутствие падежных остатков; 6 — местоимение ж.р. *гъ*; 7 — *войнички*.

Карта 3. 1 — *пийени* («*пийани*»), *жеби* («*жаби*»); 2 — *рекъла*; 4 — *мене ме н'ама*.

Карта 4. 1 — *ходишме*; 2 — *реклала*; 3 — *душле*; 4 — *извит*; 5 — *аз ги не знам*; 6 — местоимения *соз, соа* и под.

Несомненно, классификация типов изоглосс будет пополняться (и детализироваться), по мере публикации результатов картографирования и других языковых явлений (в рамках Атласа фракийских говоров). Сейчас важным представляется следующее: наличие пучков, изоглосс, и, следовательно, ареалов, подтверждает мысль о том, что описанная дифференциация (южно)фракийских говоров — следствие закономерной тенденции в рамках естественного развития этой диалектной группы, — тенденции, которая действовала на протяжении веков параллельно с тенденцией к унификации говоров, входящих в состав данного наречия. (с. 19).

Привлекает и другое суждение автора, в сущности, тесно связанное с приведенным выше, — о том, что в случае с (южно)фракийскими говорами мы имеем дело с фрагментом унаследованной от прошлого общностью южноболгарских говоров. Т. Бояджиев специально подчеркивает необходимость видеть генетическую преемственность фракийских и некоторых иных говоров "в процессе консолидации старых родственных диалектов"; по его мнению, "большая часть общих черт должна интерпретировать как остатки прежней общ-

ности всех (разр. наша — *Г.К.*) южноболгарских говоров, разрушенной впоследствии инновациями" (с. 35). Эта идея противопоставлена построениям прежних исследователей, отдававших предпочтение при описании картины современного диалектного ландшафта результатам взаимодействия, взаимовлияния местных говоров Фракии и говоров переселенцев (из Северной и Западной Болгарии и под.), следствием чего, между прочим, стало признание С. Младеновым невозможности собственно лингвистической классификации фракийских говоров и предложение внешней, "географической" классификации¹⁰. Т. Бояджиев, указывая на важность такого фактора, как взаимодействие говоров и их смешение, говорит о наличии "единой основы и происхождения этих говоров", что они представляют собой "единое диалектное целое" (с. 33).

С рассмотренным выше новым мотивом в болгарских диалектологических работах связана и известная новаторская идея, сформулированная впервые С. Стойковым (1963 г.) об основном диалектном членении болгарского языка на центральную и периферийную зоны, граница между которыми имеет меридионально-широтную ориентацию и базируется на целом пучке изоглосс (прежде всего отражающих произношение др.-болг. *ѣ*)¹¹. К сожалению, в дальнейшем эта идея фактически была предана забвению и лишь в 80-е гг. вновь привлекла внимание ученых (упомяном прежде всего С.В. Бернштейна¹²; заметим, что Т. Бояджиев как будто прошел мимо его статьи).

В рецензируемой монографии идея С. Стойкова с успехом используется при анализе рупских говоров, подтверждением чего служит отсылка к большому числу устойчивых пучков изоглосс (свыше 50) (с. 14 и сл., карты 1, 2).

Важно напомнить, что все эти годы идея С. Стойкова активно разрабатывалась М. Младеновым применительно к болгарской диалектной лексике (некоторые из его трудов упомянуты в разделе "Библиография", помещенном в рецензируемой книге).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть принципиальную важность появления труда Т. Бояджиева как открывающего некоторые новые перспективы развития болгарских диалектологических исследований. Жаль, что, по-видимому, книга довольно долго находилась на стадии публикации; может быть, поэтому многие инте-

ресные работы по фракийским (и шире — рупским) говорам, увидевшие свет в последние 5–8 лет не учтены автором (ср., в частности, статьи из сборника "Втори международен конгрес по българистика. 5. Диялектология и ономастика" 1988). Есть все основания надеяться, что вслед за публикацией данной работы последуют и другие. Так, большой интерес представили бы разыскания в области южноболгарской, в том числе фракийской, лексикологии, а также лингвистической географии. Они позволили бы завершить фундаментальное исследование фракийской диалектной группы, успешно начатое монографией Т. Бояджиева.

Г. П. Клепикова.

Примечания

- 1 Български диалектен атлас. I–IV. София, 1964–1978 (=БДА).
- 2 Ср., например, серию "Българска диалектология. Проучвания и материали" (I —, София, 1962 —), "Трудове по българска диалектология" (I —. София, 1971 —) и др.
- 3 Младенов С. Принос към изучаване на българските говори в Източна и Западна Тракия // Тракийски сборник. VI. София, 1935.
- 4 Кодов Х. Езикът на тракийските българи — там же.
- 5 Холцолчев Х. Българските говори от Беломорска Тракия и Мала Азия // Съпоставително езикознание, № 3–5. София, 1981; ср. также: БДА I, с. 19 и сл.
- 6 Ср. такой труд, как: Иванов Й. БДА. Български говори от Егейска Македония. Т. I. Драмско, Сирско, Валовишко и Зияховско. София, 1972 (далее: Иванов); также: Иванов Й. Български преселнически говори // Трудове по българска диалектология, т. 9. София, 1977.
- 7 Бояджиев Т. Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско // Българска диалектология. Проучвания и материали... София, 1972.
- 8 Эта проблема в общем виде (без специального обращения к конкретным изоглоссам) рассматривается и в статье: Бояджиев Т. Класификация на тракийските говори // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. 5. Диалектология и ономастика. София, 1988, с. 112 и сл.

⁹ Подробнее: Бернштейн С.Б., Чешко Е.В. Классификация юго-восточных говоров Болгарии // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. XXII, вып. 4, 1963.

¹⁰ Младенов С. Указ. соч., с. 7, 12.

¹¹ Стойков С. Основното диалектно деление на българския език // Славянска филология. Т. 3. София, 1963, с. 313; *Он же*. Българска диалектология. София, 1968, с. 52–54, также карты 1–5.

¹² Бернштейн С.Б. К вопросу о членении болгарских диалектов // Вопросы языкознания, № 3. 1989, с. 13 и сл.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Калынь Л.Э., Попова Т.В. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в разной языковой ситуации	5
Замятина Г.И. Материалы к акцентологической классификации словенских диалектов (непроизводные имена м.р.)	192
Петрович Д. О некоторых карпато-балканских лексических реликтах в сербских диалектах	232
Клепикова Г.П. Лексика родопских говоров и проблемы типологии южнославянского-севернославянских параллелей	240
Бояджиев Т. Български говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. София, 1991 (Клепикова Г.П.)	257

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

2. Южнославянские диалекты

Сборник статей

Оригинал-макет сборника набран
в Редакционно-издательской группе ИСЗ РАН

Подписано в печать 22.08.93. Формат 60x90 1/16

Усл.печ.л. 14,8. Тираж 300 экз. Заказ № 24

Цена договорная

Отпечатано на ротационте НИВИСтатинформ.